This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

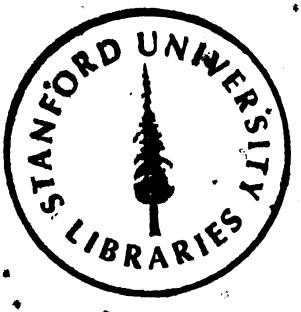
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Ахшарумова, Н. Д.

МУДРЕНОЕ ДѢЛО.

ОЧЕРКЪ

изъ лѣтописей русской словесности.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ I.

Н. Д. Ахшарумова.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ
„СѢВЕРЪ“
за ФЕВРАЛЬ
1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. К. Ремезовой.
1895.

PG3451
A45M8

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 января 1895 г.

2 [illegible] 92

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая улица, № 18.

МУДРЕНОЕ ДѢЛО.

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть 1.

ОТСТАЛОЙ.

I.

1-го сентября 1860 года.

Вотъ я и опять въ Петербургѣ!.. Номеръ такой же грязный и прислуга такая же скверная (съ этой стороны прогрессъ совсѣмъ незамѣтенъ)... то же, что и послѣдній разъ, что пріѣзжалъ сюда изъ Засядкина, только дороже.

Совсѣмъ отвыкъ отъ этого шума. Вчера до двухъ часовъ ночи уснуть не могъ. Карета гремитъ на улицѣ, а тебѣ чудится, что она тебѣ черезъ голову переѣхала, все въ комнатѣ такъ и трясется вкругомъ!.. Отчего это? Грунтъ что ли зыбкій?.. Или архитектура въ упадкѣ?.. Или ужъ это я такъ отвыкъ отъ шуму, что самый ничтожный толчокъ меня раздражаетъ?.. Послѣднее вѣроятнѣе. Да, я порядкомъ-таки поизбаловался въ десять лѣтъ, середи этой засасывающей, убаюкивающей, изнѣженной жизни, которая какъ перина обхватывала меня своею лѣнивой волной!.. Правда, въ послѣднее время волна эта стала покачивать не такъ плавно; да какъ стала покачивать, такъ я и удралъ сюда... А удралъ я, правду сказать, тотчасъ послѣ того, какъ мой собственный лакей Федька мнѣ нагрубилъ. Конечно, не потому, чтобы я не могъ сладить съ Федькой!— нѣтъ, слава Богу, до этого еще не дошло, но меня испугало тяжелое впечатлѣніе, которое на меня произвелъ

этотъ случай. Меня, въ спорахъ съ братомъ и съ нашими деревенскими старожилами ,стоявшаго безусловно за пользу реформы, меня такъ возмутилъ этотъ вздоръ, какъ будто со мною случилось что-то неслыханное и непредвидѣнное, что выходило изъ всякихъ разсчетовъ и вѣроятностей. А между тѣмъ, ни чуть не бывало; и братъ, и я, и всѣ мы знали, что это такъ будетъ. Но брата это нисколько не переконфузило. Первый разъ, что онъ услыхалъ грубость, онъ только поморщился и погрозивъ отослать къ становому, продолжалъ обходиться съ людьми какъ ни въ чемъ не бывало. А меня это совершенно разстроило. Я покраснѣлъ до ушей и чуть не прибилъ бѣднаго Федьку, что было бы очень несправедливо, потому что, если подумать спокойно, въ чемъ онъ виноватъ?.. Бѣдняжка обрадовался близкой своей свободѣ, что дѣлаетъ честь его сердцу; значитъ, въ немъ есть благородныя чувства. Но радуясь, онъ усомнился, видя, что все кругомъ не мѣняется такъ проворно, какъ онъ ожидалъ, и что онъ продолжаетъ чистить мои сапоги попрежнему, ну, какъ бы тамъ ни было, вдался въ скептицизмъ, что доказываетъ смѣлость мысли... Въ скептическомъ настроеніи ему и пришло въ голову удостовѣриться собственнымъ опытомъ: не совершилось ли въ его отношеніяхъ къ барину какой нибудь перемѣны, и въ этомъ онъ былъ тоже правъ. Онъ поступилъ на такомъ же разумномъ основаніи,- на какомъ дѣльный химикъ или физіологъ, узнавъ изъ отчета о новомъ великомъ открытіи, спѣшитъ убѣдиться въ его дѣйствительности. А что онъ не умѣлъ это сдѣлать иначе, какъ нагрубивъ барину, то въ этомъ также несправедливо его обвинять, какъ и въ томъ, что онъ не умѣетъ говорить по-французски или сморкаться въ платокъ... Все это я теперь хорошо понимаю, но въ ту пору я былъ такъ сконфуженъ, что прятался отъ дворовыхъ людей. Всѣ они знали о томъ что случилось, и мнѣ ужъ казалось, что они потеряли ко мнѣ уваженіе и сами готовы на то же. Я знаю, что это слабость, изнѣженность; но отъ этого недостатка мнѣ гораздо труднѣе избавиться, чѣмъ Федькѣ отъ грубости. Отъ его дикаго состоянія къ цивилизаціи прямой путь, по которому естественное теченіе вещей облегчаетъ прогрессъ; но человѣку, однажды изнѣженному цивилизаціею, вернуться къ здоровымъ нервамъ Федьки и къ тому первобытному, мужественному презрѣнію мелкихъ условій барскаго вкуса

и чопорнаго приличія, которое онъ сохранилъ во всей полнотѣ, это, я вамъ скажу, задача весьма не легкая! Покрайней мѣрѣ въ Засядкинѣ я не имѣлъ никакой возможности ее разрѣшить. Я вовсе не приготовленъ къ той новой жизни, которая тамъ начинается, да, по правдѣ сказать, и не чувствую къ ней особеннаго расположенія. Въ этомъ, конечно, я самъ виноватъ. Какъ помѣщикъ, живущій въ деревнѣ безъ постороннихъ обязанностей на плечахъ, я бы долженъ былъ знать хозяйство и самъ управлять имѣніемъ, а какъ человѣкъ образованный, я могъ бы стоять въ главѣ той маленькой кучки людей, которая въ нашемъ уѣздѣ слыветъ подъ названіемъ либеральной партіи. На меня всѣ надѣялись, и я выбранъ былъ членомъ уѣзднаго комитета и одно время думалъ, что буду играть непослѣднюю роль; но вышло иначе. Покуда роль шла о филантропіи, да о правахъ человѣка, я былъ впереди, говорилъ громко, смѣло, и меня слушали очень внимательно. Но только что мы спустились съ этихъ высотъ и начали разсуждать о подробностяхъ: объ усадьбахъ, оброкѣ, издѣльной повинности, о выкупѣ и другихъ подобныхъ вещахъ, я вдругъ почувствовалъ себя какъ въ лѣсу. Я не только что самъ не въ состояніи былъ сказать ничего положительнаго, но часто даже не могъ и понять хорошо, о чемъ другіе толкуютъ. Каналья Лохацкій, этотъ старый сутяжникъ, который до тѣхъ поръ молчалъ, пожимая плечами, выступилъ вдругъ на первый планъ и заткнулъ меня совершенно за поясъ. Братъ говорилъ, говорили другіе, а я принужденъ былъ молчать... я сталъ человѣкъ совершенно лишній... Въ Засядкинѣ я тоже лишній. Вотъ ужъ шесть лѣтъ, какъ братъ управляетъ имѣніемъ, и все это время я жилъ тамъ, какъ гость:—купался, ходилъ на охоту и удилъ лѣтомъ, а зимой читалъ читалъ книги и ѣздилъ верхомъ. При старомъ порядкѣ, такой образъ жизни имѣлъ свою прелесть, прелесть уединенія и той тишины, невозмутимой, неприкосновенной, которую мы называемъ теперь застоемъ, что справедливо отчасти, потому что простой народъ и большая часть помѣщиковъ жили, дѣйствительно, въ полномъ застоѣ; но для человѣка съ развитою мыслію, какимъ я уѣхалъ отсюда лѣтъ десять тому назадъ, застоя въ собственномъ смыслѣ быть не могло. Дѣла практическаго, работы прямой, положительной, я, разумѣется, не имѣлъ; но мысль не стояла. Она слѣдила безъ устали за ходомъ вещей

и понятій въ столицахъ, въ Европѣ, и было что-то успокоительно-тихое, чистое, мирное въ ея созерцательной дѣятельности. Было высокое наслажденіе изъ своего, недоступнаго ни для какихъ заботъ и тревогъ уголка смотрѣть, какъ съ балкона, на рынокъ, гдѣ люди толкутся, торгуютъ и спорятъ, мирятся и ссорятся,— смотрѣть съ теплымъ участіемъ, съ живымъ любопытствомъ, но судить обо всемъ съ высоты своего положенія, не одуряя себя толкотней, не раздражаясь враждой и не запутываясь въ случайныхъ подробностяхъ. Къ несчастію, этого рода созерцательное наслажденіе, какъ я на себѣ испыталъ, не совсѣмъ здорово. Въ немъ кроются зерна какой-то болѣзни, какой-то невидимый ядъ, который дѣйствуетъ медленно, непримѣтно до тѣхъ поръ, покуда толчокъ извнѣ не пробудитъ васъ отъ мечтательной дремоты и не заставитъ лично принять участіе въ дѣлѣ какой нибудь насущной нужды или пользы. Тогда только видишь, что ты ослабъ, опустился, сталъ раздражителенъ, какъ нервная женщина, робокъ и прихотливъ, какъ больное дитя.

. . . . . .

Послѣ того непріятнаго случая, о которомъ я говорилъ, я началъ догадываться, что дѣло не ладно, что я испорченъ и что нужно какъ можно скорѣй изъ затишья на свѣжій воздухъ... Не то, чтобы воздухъ здѣсь былъ очень свѣжъ. Еще за версту отъ города, по московской желѣзной дорогѣ, навстрѣчу пахнуло такою гнилью, что я тяжело вздохнулъ, вспомнивъ душистыя рощи Засядкина... но я говорю въ переносномъ смыслѣ. Подъ свѣжимъ воздухомъ я разумѣю нравственную атмосферу столицы: просторъ и свободу ея пестрой дѣятельности. Я пріѣхалъ искать себѣ дѣла, стереть съ себя ржавчину старой лѣни. Хочу выбрать что-нибудь,... какую-нибудь спеціальность... что именно — покуда еще не рѣшилъ, но что-нибудь современное, положительное... На службу не хочется. Въ тридцать два года, послѣ десятилѣтней отставки, начинать опять съ маленькихъ мѣстъ, вести настольный реэстръ, алфавитъ, описи, подносить какому нибудь мальчишкѣ работу свою на просмотръ, дежурить.. Фу! Что за крайность? Изъ чего я себя запрягу въ это писарское ярмо? Я не нищій какой нибудь! Я въ жалованьи не нуждаюсь!.. У меня въ Сольской губерніи 3,000 десятинъ земли собственной, чистой, за надѣломъ всѣхъ 300 душъ, безъ которыхъ я обойдусь отлично!.. Впрочемъ, съ чего я такъ горя-

чусь? Никто не толкаетъ въ шею. Торопиться мнѣ некуда. Поживу тутъ, осмотрюсь, выберу толкомъ, и тогда ужъ примусь, да не такъ, какъ бывало, а настойчиво, добросовѣстно, не стану себя жалѣть, не побрезгаю никакою мелочью. Въ хозяйствѣ я оборвался именно оттого, что не хотѣлъ входить въ мелочи. Безъ этого не узнаешь дѣла насквозь и всегда будешь зависѣть отъ посторонних людей. Не будь этой зависимости, я бы могъ еще вытерпѣть и остаться въ Засядкинѣ. Но учиться теперь, когда нужно знать, да и знать, когда старый порядокъ рушится, перевертываясь вверхъ-дномъ... накладно!.. Наука можетъ не въ мѣру дорого обойтись!.. Кстати, вотъ еще одна изъ причинъ, почему мнѣ нельзя было оставаться въ Засядкинѣ, и я очень радъ, что она пришла въ голову. Станутъ спрашивать: зачѣмъ бросилъ деревню въ такое время? Неловко же отвѣчать: что дворовые люди грубятъ!.. У насъ, дома, это еще поймутъ, но здѣсь, гдѣ печатаютъ всѣ эти насмѣшки и обличительныя статейки, гдѣ все до конца ногтей пропитано квинтъ-эссенціею либеральнаго духа, это можетъ васъ уронить невозвратно. Всякій студентъ, гимназистъ, всякая дѣвочка, учащаяся азбукѣ въ воскресныхъ школахъ, отвернутся отъ васъ съ презрѣніемъ или срѣжутъ на первомъ словѣ. Я ихъ ужъ видѣлъ немножко, этихъ теперешнихъ передовыхъ... У! у! какой прыткій народъ!..

II.

5-го сентября.

Чортъ знаетъ, что это значитъ? Никакъ въ тактъ не могу попасть съ здѣшнимъ обществомъ. Пробовалъ съ разныхъ концовъ, и туда, и сюда,—все неладно;—а въ чемъ фальшь и что именно нужно, никоимъ путемъ добиться нельзя! Въ старые годы, бывало, на чистоту;—согласенъ, такъ прямо и скажетъ *да*, а нѣтъ, такъ завяжетъ споръ и выскажетъ тебѣ сразу все, то есть всѣ свои убѣжденія. А теперь нѣтъ. Теперешніе стали спесивы. Ляпнетъ тебѣ какую нибудь формулу да чуть только замѣтитъ, что ты несогласенъ, или не понялъ,—баста!—больше ни слова отъ него не добьешься путнаго: все какіе-то шуточки, да насмѣшки, или просто надуется, да молчитъ. Чортъ знаетъ, какъ неловко! Не знаешь, какъ себя и держать...

Присталъ я вчера къ Касимову, Дмитрію Петровичу... Мы съ нимъ товарищи по гимназіи и всегда были очень дружны, а потому я разсказалъ ему запросто все, что меня смущало, и просилъ объяснить, въ чемъ тутъ штука.

— Какая штука? отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.—Никакой штуки нѣтъ.

— Такъ отчего жъ тутъ нынче у васъ не договариваютъ?

— Хе! хе! братъ, не договариваютъ!.. Экой ты намъ комплиментъ отпустилъ! Скажи: скорѣй переговариваютъ... Ты не слыхалъ еще; погоди, неслушаешься; угостятъ такъ, что и не попросишь больше. Ты тутъ давно не живалъ, такъ тебѣ дико; не знаешь, куда приткнуться. А вотъ ужо поосмотришься, завербуютъ въ какой нибудь кружокъ...

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Не бойся, это не тайныя общества. У насъ, братъ, теперь тайна не въ модѣ,—все гласно;—а кружкомъ называется кучка людей, коротко знакомыхъ и одинаково понимающихъ или непонимающихъ дѣло, что, разумѣется, не мѣшаетъ имъ спорить до обморока и даже ругаться подъ-часъ; но у всѣхъ у нихъ есть свой катехизисъ маленькихъ, обязательныхъ догматовъ, мимо которыхъ на человѣка смотрятъ, какъ на отсталаго, считаютъ его мерзавцемъ или дуракомъ и не хотятъ съ нимъ имѣть никакого дѣла.

— Да какъ же такъ? Какъ же? воскликнулъ я, не рѣшаясь повѣрить его послѣднимъ словамъ;—да вѣдь это ужасная нетерпимость.

— Ну да, разумѣется, отвѣчалъ равнодушно Касимовъ,—только ужаснаго я тутъ не вижу. Скажи спасибо, если тебя не жгутъ за твой образъ мыслей, а терпятъ или не терпятъ, это еще небольшая бѣда. Велика важность, что кто-нибудь выругаетъ осломъ за глаза! Можешь и самъ то же сдѣлать.

— Спасибо.

Я былъ огорченъ. Такъ вотъ нашъ хваленый прогрессъ! думалъ я про себя. А я-то, съ своей деревенской простотой, воображалъ тутъ найти свободу мысли!.. Минутъ пять спустя, я спросилъ у Касимова: бываетъ ли онъ въ кружкахъ, о которыхъ онъ говорилъ, и какую играетъ тамъ роль? Онъ отвѣчалъ, что бываетъ вездѣ, потому что имѣетъ много знакомыхъ, и роли хотя не играетъ,

но что его вездѣ терпятъ, потому что онъ никогда не споритъ, а начисто соглашается со всѣмъ, что ему говорятъ.

Я опять удивился; но онъ мнѣ объяснилъ, что у него на рукахъ пропасть дѣла и нѣтъ ни охоты, ни времени тратиться на подобный вздоръ. Дѣйствительно, онъ директоръ компаніи *обработки желѣзной руды* и членъ ревизіонной комиссіи въ какой-то другой; кромѣ того, имѣетъ бумагопрядильную фабрику въ окрестностяхъ Петербурга и вмѣстѣ съ однимъ извѣстнымъ барономъ держитъ откупъ въ сосѣдней губерніи. Признаюсь, это послѣднее открытіе мнѣ весьма непріятно. Произвело ли бы оно на меня какое нибудь особенное впечатлѣніе, еслибъ я сдѣлалъ его лѣтъ шесть или восемь тому назадъ, не знаю; весьма вѣроятно, что нѣтъ, потому что въ ту пору многія вещи представлялись намъ совершенно иначе, а о другихъ мы и не думали; но теперь все, что писали у насъ въ послѣднее время объ откупѣ, пришло мнѣ на умъ, и я былъ шокированъ до того, что не могъ скрыть смущенія.

Касимовъ взглянулъ на меня насмѣшливо. „Что ты такъ жмешься?“ спросилъ онъ. „Точно какъ будто бы тебѣ холодно. Что, тебя откупъ смущаетъ?“.

Я отвѣчалъ нерѣшительно: —*да.*

— Нахлебался журнальныхъ статеекъ! продолжалъ онъ спокойно... Что жъ, ты, я думаю, смотришь теперь на меня, какъ на мерзавца, грабителя?.. Да полно вертѣться-то, говори прямо.

Я отвѣчалъ запинаясь, что не беру на себя и не желаю судить такъ рѣзко; но что я раздѣляю отчасти взглядъ современнаго поколѣнія на этотъ предметъ.

Касимовъ пожалъ плечами. „Больно ужъ прытки вы съ вашею современностію“, продолжалъ онъ презрительно. „Ухватились, какъ дѣти за первое, что въ глаза бросается, да и орете: разбой! А что бы вамъ посмотрѣть сперва хорошенько вокругъ: чище ли многое остальное-то, что у насъ дѣлается? Да вотъ, хоть у васъ, напримѣръ, въ Засядкинѣ; что вы тамъ дѣлали съ братомъ все это время? а?“

— Такъ вѣдь это-жъ теперь и уничтожается... Мы отказались...

Касимовъ расхохотался.

— Поди ты съ нимъ, говори! сказалъ онъ, махнувъ головой въ мою сторону и оскаливъ свои блестящіе, бѣлые зубы. „Они

отказались! Хорошъ гусь!.. Да кто отказался-то? Вы что-ли, съ Николаемъ Григорьичемъ, дѣло это вдвоемъ смастерили; или всѣ ваши плантаторы, гуртомъ, вдругъ догадались, что они давятъ своихъ мужиковъ? Вы бы, небось, не оставили дѣла попрежнему, еслибъ вамъ и позволили? Нѣтъ! Совѣсть, вотъ видишь, заговорила!.. Ахъ вы, святые безсеребренники!..

Я не зналъ, что сказать. Онъ ставилъ откупъ въ параллель съ крѣпостнымъ владѣніемъ. „Но“, я замѣтилъ ему, „вѣдь это еще не оправдываетъ откупа“.

— А кто его проситъ оправдывать. Я и самъ знаю, что онъ некрасивъ; да ты мнѣ укажи, что у насъ чище-то? Гдѣ эта чистота незапятнанная, передъ которой я долженъ оправдываться? Ужъ не эти ли господа, что на все смотрятъ сверху? Эти досужіе геніи, что кричатъ во все горло о положительности и реализмѣ, а сами и пальцемъ ни до чего не дотронулись? Нѣтъ, вотъ пускай они сперва дѣло подѣлаютъ, такъ тогда мы на нихъ посмотримъ, чисты ли у нихъ будутъ руки, а-то хвастать-то всякій умѣетъ! Мы вотъ, изволишь ли видѣть, бѣлоручки, такими родились, намъ все это грязно кажется!.. А по моему лучше служить цѣловальникомъ въ кабакѣ или собакъ бить на улицѣ, чѣмъ стоять въ сторонѣ отъ всего, да фыркать на все.

Покуда онъ говорилъ, я смотрѣлъ на него и дивился. Тотъ ли это Касимовъ, котораго я знавалъ лѣтъ десять тому назадъ и который въ ту пору казался такимъ беззаботнымъ, веселымъ повѣсой, шатался безъ дѣла по Невскому, по ресторанамъ, театрамъ, танцклассамъ и никогда ни о чемъ не говорилъ серьезно? Куда дѣвались эти круглыя, мягкія очертанія губъ и щекъ, звонкій хохотъ и ласковый взглядъ! Откуда этотъ сухой, угловатый покрой лица, эта злая улыбка и жесткія брови и эта крутая, суровая рѣчь?.. Я не могъ спорить. Я былъ гораздо слабѣе его и пріznался ему откровенно, что я отсталъ.

— Да, братъ, позаплеснѣлъ маленько, произнесъ Дмитрій Петровичъ, оскаливъ зубы. „Не мѣшаетъ тебѣ провѣтриться“.

Я отвѣчалъ, что самъ это чувствую, что за этимъ я и пріѣхалъ сюда. „Я-бы хотѣлъ познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ передовыхъ людей нашего общества и попасть въ ихъ кругъ“, прибавилъ я въ заключеніе.

— А я бы тебѣ совѣтовалъ оставить передовыхъ въ покоѣ и сойтись съ дѣловыми людьми, сказалъ Касимовъ.—У тебя деньги есть?

— Малость... какихъ нибудь тысячи полторы на расходы.

— А Засядкино не заложено?

— Нѣтъ.

— Ну, значитъ, деньги можно всегда достать. Если захочешь пуститься въ какія нибудь затѣи, скажи только мнѣ; я тебѣ укажу дорогу.

Я обѣщалъ. Послѣ этого мы съ нимъ говорили еще съ полчаса объ акціонерныхъ компаніяхъ. Дмитрій Петровичъ знаетъ всю подноготную и разсказалъ мнѣ такія подробности, что я пришелъ въ ужасъ... Боже мой! Что это у насъ дѣлается! Какая безпечность и неспособность съ одной стороны и какое отъявленное, безсовѣстное кональство съ другой! Тысячи семействъ разорены впрахъ! Я спросилъ Касимова: много ли онъ потерялъ? Но онъ отвѣчалъ неясно. Онъ имѣлъ пропасть акцій, но, какъ кажется, успѣлъ во-время сбыть большую часть и служитъ теперь директоромъ только изъ чести. Непріятностей бездна: такъ что, выходитъ, наше помѣщичье дѣло еще изъ самыхъ спокойныхъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, не рискуешь ни все потерять, ни быть ошельмованнымъ передъ всѣми, что, если вѣрить Касимову, можетъ случиться у нихъ совершенно невинно со всякимъ, играющимъ какую нибудь дѣятельную роль... Странно! Не понимаю я хорошенько всѣхъ этихъ вещей.

III

10-го сентября.

Ухъ! какъ меня отдѣлали!.. Я обѣдалъ вчера у Касимова, но онъ скоро послѣ обѣда уѣхалъ куда-то по дѣлу, а меня поручилъ своимъ. Онъ женатъ на моей двоюродной сестрѣ Ниночкѣ, которую я оставилъ румяной толстушкой въ институтскомъ передникѣ. Ей было тогда лѣтъ шестнадцать; она страшно краснѣла за каждымъ словомъ и страшно любила медовые пряники. Теперь это худая, нервная женщина, съ блѣднымъ лицомъ и какимъ-то усталымъ взоромъ. Совсѣмъ другого рода особа—сестра Касимова. Марья Петровна, дѣвушка лѣтъ двадцати-пяти, быстроглазая, бойкая,

похожа слегка на брата, особенно когда брови нахмуритъ. Она-то меня и отдѣлала. Попался, что называется, какъ куръ во щи, совершенно нечаянно, самымъ невиннѣйшимъ образомъ. Въ разговорѣ объ ихъ воскресныхъ школахъ, чортъ меня дернулъ слегка подшутить надъ петербургскими барынями. Сдѣлалъ это безъ умысла, такъ, что называется, сдуру сболтнулъ. „Вотъ, говорю, нашли себѣ дамы забаву совсѣмъ новенькую“. Да какъ сказалъ, сейчасъ и замѣтилъ, что дѣло неладно. Обѣ, и Марья Петровна и Нина Павловна посмотрѣли на меня такими глазами, какъ будто я съ неба свалился

— Забаву!? сказала Марья Петровна.

— Забаву!? повторила кузина Ниночка.

Я хотѣлъ извиниться, но мнѣ не дали ротъ открыть.

— А позвольте спросить, Василій Григорьичъ, что по вашему мнѣнію должно быть серьезнымъ занятіемъ женщины? бойко спросила Марья Петровна, и не дождавшись отвѣта, пустилась во весь карьеръ.—Что, вы хотите, чтобъ мы чулки для васъ штопали, да за вашей кострюлькой на кухнѣ смотрѣли? Вы требуете, чтобы женщина ограничила свою дѣятельность чисто домашнимъ кругомъ?

— Помилуйте! я ничего не требую, началъ я; но меня перебили на третьемъ словѣ.

— Вы держитесь мнѣнія Прудона о женщинахъ?..

— Ну да, Прудона, подтвердила рѣшительно Ниночка.

— Помилуйте, я первый разъ слышу, чтобы Прудонъ... но въ эту минуту обѣ заговорили разомъ, не слушая никакихъ возраженій.

— Вы считаете женщину существомъ низшей породы...

— Вы полагаете, что мы неспособны стоять съ вами рядомъ...

— Неспособны къ искусству, къ наукѣ, къ гражданской дѣятельности...

— Что вы сильнѣе насъ и потому имѣете право повелѣвать...

. Mesdames! ради Бога! Съ чего вы взяли?..

— О! Это видно сейчасъ!

— Сейчасъ видно!..

— Вы смѣетесь надъ современнымъ стремленіемъ женщинъ къ самостоятельности, продолжала скороговоркой Марья Петровна;—и считаете неболѣе, какъ забавой, попытки ихъ быть полезными членами общества, усвоить себѣ серьезный трудъ... Вы боитесь, что

женщина, выйдя изъ вашей опеки, перестанетъ смотрѣть на вещи въ ваши очки и будетъ имѣть свой взглядъ на жизнь и что тогда вамъ не такъ легко будетъ скрыть передъ ней ваши слабости, вашу лѣнь, малодушіе, ваши смѣшныя и грязныя стороны!..

— Марья Петровна, вы ошибаетесь...

— Можетъ быть, перебила она;—но въ такомъ случаѣ, вы, конечно, считаете наши школы дѣломъ пустымъ, безполезнымъ, просто забавою праздныхъ людей...

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ, отвѣчалъ я.—Могу васъ увѣрить, mesdames, что вы меня вовсе не понимаете. Я уважаю ваши школы не менѣе васъ. Я считаю, что это одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій нашего времени, залогъ нашего будущаго сближенія съ народомъ...

— Можетъ быть, перебила она опять;—но вы полагаете, что это не наша роль, что мы не должны мѣшаться въ такую серьезную вещь, какъ народное воспитаніе?.. Что мы слишкомъ глупы, не сумѣемъ понять всей важности этого дѣла, а обратимъ его въ шутку, въ забаву, въ petit-jeu?.. Если такъ, то зачѣмъ же вы, господа, не берете его вполнѣ на себя? Зачѣмъ вы оставили намъ честь и трудъ играть первую роль въ предпріятіяхъ этого рода?..

— О! Marie! станутъ они учить азбукѣ ребятишекъ! У нихъ на рукахъ столько важныхъ занятій! съ коварной усмѣшкой замѣтила Ниночка.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. и обѣ онѣ обернулись ко мнѣ съ насмѣшливо-вопросительнымъ взглядомъ. Я былъ сконфуженъ.

— Какія же это заботы? спросила Марья Петровна, какъ будтобы у невѣстки.

— Да мало ли? Я не знаю, что именно у него на умѣ. Пусть онъ самъ скажетъ.

Злодѣйка какъ будто угадывала, въ какое ужасное затрудненіе поставитъ меня этотъ вопросъ.

— А, впрочемъ, мнѣ кажется тутъ и спрашивать нечего, продолжала Марья Петровна.—Какъ помѣщикъ, Василій Григорьичъ конечно, занятъ теперь устройствомъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ на новыхъ началахъ, не правда-ли?

Мнѣ было совѣстно прямо солгать. Запинаясь, я произнесъ нѣсколько темныхъ, безсвязныхъ намековъ насчетъ исключительно

труднаго положенія, въ которомъ находятся помѣщики южныхъ уѣздовъ нашей губерніи. Я льстилъ себя слабой надеждой, что, дескать, бабы... не разберутъ... „А потому“, заключилъ я, „вы согласитесь, mesdames, что я не шутя имѣю причины быть озабоченнымъ“.

— Вы отъ этого и уѣхали изъ Засядкина? спросила Марья Петровна.

Я такъ и осѣлъ. „Нѣтъ“, отвѣчалъ я съ рѣшимостью отчаянія. „Я вамъ скажу правду. Я уѣхалъ, чтобы не мѣшать брату. Мнѣ, собственно, нечего было дѣлать въ деревнѣ, потому что я никогда не занимался хозяйствомъ серьезно и плохо знаю его“.

— Чѣмъ же вы были заняты?

Я отвѣчалъ, что въ послѣднее время былъ членомъ уѣздной комисіи по устройству быта крестьянъ.

— Да какъ же васъ выбрали въ члены, когда вы хозяйства не знаете?

Меня бросило въ потъ; я не зналъ, что сказать...

Онѣ усмѣхнулись. «Ну, а до этого времени?“ спросила Марья Петровна.

Я молчалъ. Что мнѣ было имъ отвѣчать? Неужели же признаться, что до сихъ поръ, кромѣ книгъ, я не былъ занятъ ничѣмъ серьезно.

Дамы переглянулись съ торжествующею усмѣшкой.

— Василій Григорьичъ, позвольте вамъ сдѣлать еще одинъ, послѣдній вопросъ, сказала Марья Петровна, облокотясь на столъ и смотря на меня очень пристально.—Не сочтите нескромнымъ мое любопытство... Который вамъ годъ?

— Тридцать два, кажется, отвѣчала Ниночка.

— Тридцать два, подтвердилъ я, краснѣя.

— Знаете, еслибъ со времени вашего пріѣзда сюда, вы насъ не пріучили смотрѣть на васъ, какъ на родственника и друга, я бы можетъ быть не рѣшилась сказать вамъ то, что теперь скажу. Василій Григорьичъ! Мнѣ васъ, ей-Богу, жалко! Въ ваши лѣта, съ вашимъ образованіемъ, средствами, какое выработали вы себѣ положеніе въ жизни? Какую роль вы играете?.. Помѣщикъ, убѣжавшій изъ своего имѣнія въ такую пору, когда другіе туда съѣзжаются, когда тамъ дорогъ всякій, искренно преданный дѣлу прогреса, всякій грамотный, образованный человѣкъ!.. Вы говорите,

что вы не знаете хозяйства? Правда ли это? Можно ли жить десять лѣтъ на мѣстѣ и не знать, что вокругъ васъ дѣлается? Скажите лучше, что вы не хотѣли знать никакихъ заботъ и трудовъ, что вамъ непріятна была эта начинающаяся тревога, которая васъ затрогивала, что вы искали покоя. Но если такъ, то зачѣмъ было ѣхать сюда? Не лучше ли было отправиться въ Крымъ, или въ чужіе края, въ Швейцарію, въ Ниццу, гдѣ васъ никто не сталъ бы допрашивать, чѣмъ вы заняты? А здѣсь, у насъ въ Петербургѣ, что вы тутъ будете дѣлать? Ходить по театрамъ, да Невскій проспектъ утаптывать? Стыдитесь! Здѣсь теперь всѣ или заняты дѣломъ по-горло, или стремятся, рвутся къ нему изо всѣхъ силъ. Вы видите, даже мы, женщины, нашли себѣ дѣятельность!..

— Гмъ! произнесъ кто-то басомъ въ дверяхъ... Мы оглянулись: это былъ Дмитрій Петровичъ.

— Что, братъ? сказалъ онъ, садясь. — Я вижу, тебѣ тутъ лекціи читаютъ? Прошу не прогнѣваться; оно хоть и скучновато, но это у насъ теперь въ модѣ, и тебѣ не мѣшаетъ привыкать исподволь, чтобы какъ-нибудь не осрамиться... Пожалуй, заснешь еще гдѣ нибудь въ большомъ обществѣ...

Я сталъ его увѣрять, что мнѣ вовсе не было скучно, но Дмитрій Петровичъ зѣвнулъ, не обращая вниманія на отвѣтъ.

Я ушелъ къ себѣ страшно взволнованный. Самолюбіе мое сильно страдало. Меня уличили, высмѣяли, мнѣ выставили на глаза всю пошлость моей прошедшей жизни, всю гнусность моего настоящаго положенія! Я думалъ, что здѣсь это будетъ не такъ замѣтно, но теперь вижу, что меня здѣсь ожидаетъ. На меня пальцемъ будутъ указывать, мнѣ не дадутъ проходу, вздохнуть не дадутъ съ этимъ проклятымъ вопросомъ: чѣмъ заняты? Что вы дѣлаете?.. И они правы. Что я, въ самомъ дѣлѣ, дѣлаю? Куда гожусь? Какая польза кому изъ того, что я живу на свѣтѣ?.. О! есть минуты, когда отсутствіе всякой ноши у насъ на плечахъ становится самымъ невыносимымъ бременемъ!.. Какъ я ужасно отсталъ и какъ всѣ здѣсь ушли впередъ, всѣ, даже барыни!.. Какая у всѣхъ увѣренность въ образѣ мыслей, въ словахъ!.. А я то, я то сижу да слушаю, какъ дуракъ! Слова сказать не придумаешь, никакъ не потрафишь впопадъ. Все какъ то вяло выходитъ, старо, облиняло, не кстати, и книжкою пахнетъ ужъ слишкомъ замѣтно,

Спасибо, еще перебиваютъ на каждомъ шагу, а что еслибъ оставили говорить? Хорошо бы я себя показалъ!.. Боже мой! Боже мой! Какъ я отсталъ!

IV.

16 Сентября.

Былъ на публичныхъ лекціяхъ и въ двухъ или трехъ кружкахъ. Начинаю осматриваться и привыкать понемногу... Чего-то уже, чего я не наслушался въ эти послѣдніе дни! И какъ все это мило, свѣжо, умно, увлекательно!.. Одно только жаль, никакъ не могу связать у себя въ головѣ то, что я слышу съ разныхъ сторонъ. Столько всякаго рода новыхъ идей и высшихъ воззрѣній, что въ головѣ идетъ кругомъ. А какъ станешь соображать, да приводить къ одному знаменателю, такъ тебѣ дико, странно станетъ, точно ты въ лѣсъ забрелъ, или въ городъ какой незнакомый, въ которомъ кривыя улицы выбѣгаютъ чортъ знаетъ откуда и уводятъ тебя неизвѣстно куда, а кругомъ люди толкутся, собаки лаютъ, лошади ржутъ, вывѣски разныя лѣзутъ въ глаза, разносчики орутъ тебѣ подъ ухо во все горло!..

Надо, однакоже, попытаться дать себѣ нѣкоторый отчетъ, если не въ сущности слышаннаго, которая, къ сожалѣнію, для меня недоступна покуда, то по крайней мѣрѣ въ моихъ впечатлѣніяхъ. Вѣдь я же понялъ что нибудь наконецъ, хоть мнѣ иногда и кажется, что я рѣшительно ничего не могу понять; не все же прошло, какъ вѣтеръ, мимо, что нибудь да осѣло въ мозгу... Попробуемъ, и начнемъ съ того, что прежде всего чувствительно въ этомъ жерлѣ кипучей дѣятельности, въ этомъ фокусѣ, центрѣ водоворота; я разумѣю съ *движенія*. Все это вертится, стремится, летитъ и плыветъ или карабкается и ползетъ куда то. Куда именно и есть ли какой нибудь одинъ общій пунктъ, гдѣ нибудь впереди, на который все направляется, этого я не успѣлъ примѣтить; но *движеніе* очень чувствительно, такъ чувствительно, что впечатлѣніе, которое оно производитъ, часто бываетъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ, взятыхъ вмѣстѣ, до того, что всѣ остальныя какъ будто теряются въ немъ, въ родѣ того, напримѣръ, когда скачешь во весь опоръ или вертишься кругомъ. Конечно, это, можетъ быть, только такъ кажется мнѣ съ непривычки, какъ кажется человѣку,

у котораго голова кружится, что все кругомъ ходитъ или вертится, или зыблется вмѣстѣ съ какой то невидимою волною. Но есть нѣсколько обстоятельствъ, заставляющихъ меня склоняться скорѣе къ тому убѣжденію, что это нетолько кажется, но и дѣйствительно такъ. Во-первыхъ, развитіе мысли здѣсь очень ушло впередъ съ тѣхъ поръ, какъ я помню; значитъ, *было* движеніе несомнѣнное, а что впередъ ушло, такъ въ этомъ легко убѣдиться: стоитъ только заговорить съ кѣмъ нибудь о томъ времени; всякій пожметъ плечами и отзовется такимъ полуснисходительнымъ, полупрезрительнымъ тономъ, какимъ взрослый и опытный человѣкъ отзывается о мечтахъ своей юности. Ясно, что онъ далеко ушелъ отъ того, чѣмъ былъ нѣкогда. Я не далеко ушелъ, конечно; я, какъ сегодня, помню, что здѣсь происходило лѣтъ десять тому назадъ. Въ ту пору, конечно, тоже было движеніе, но столь медленное, что его было трудно замѣтить. Оно не выскакивало такъ явно наружу, люди какъ будто сами едва сознавали его въ себѣ, хвастали твердыми убѣжденіями, непоколебимыми принципами, о которыхъ теперь и помину нѣтъ, надъ которыми теперь ясно смѣются. Въ старые годы, люди дѣлились по убѣжденіямъ на положительныя, ясно очерченныя категоріи, которыя невозможно было смѣшать, потому что приверженцы ихъ стояли на своемъ твердо и рады были итти на ножи за честь своего знамени или за имя своего полководца. Кто былъ сенъ-симонистъ, или фурьеристъ, или гегелистъ, тотъ такъ себя и называлъ фурьеристомъ или гегелистомъ. А теперь нѣтъ; никто не сидитъ у себя на порогѣ и не отстаиваетъ домашнихъ боговъ; всякій предпочитаетъ итти набѣгомъ въ чужія земли, уступая другимъ безъ боя свои, и отъ этого разрушеніе страшное. А что касается до тѣхъ строгихъ разграниченій, до тѣхъ катехизисовъ, на которые намекалъ Касимовъ, то можетъ быть они и есть, но я ихъ не видалъ. Если и есть, то должно быть ихъ прячутъ отъ непосвященныхъ. Говорятъ, въ литературномъ кругу есть партіи?.. Къ несчастью, я съ литераторами, по крайней мѣрѣ съ отъявленными, до сихъ поръ не сталкивался и потому не могу судить; но въ обществѣ, въ обыкновенныхъ кружкахъ, все это скользко и гибко до крайности. Неразберешь, кто что думаетъ и кому что нужно... Вотъ напримѣръ, разговоръ, который я слышалъ недавно и записалъ въ тотъ же день... Въ кругу молодыхъ людей

говорили о новой реформѣ въ Австріи и кто то обрадовался довольно громко, что вотъ, молъ, и тамъ, наконецъ, дѣла идутъ къ лучшему.

— Что вы называете лучшимъ? возразили ему другіе.— Неужели конституцію? Да вѣдь это самая вялая, самая неповоротливая изо всѣхъ формъ политическаго устройства.

— Къ тому же, не болѣе, какъ форма, замѣтилъ кто то.

Тотъ, къ кому обращались эти слова, сейчасъ отступился. Онъ вовсе не думалъ сказать, чтобы собственно конституція составляла какое нибудь завидное пріобрѣтеніе. Онъ радуется только тому, что дѣло мѣняется, движется, и что, стало быть, есть развитіе, которое можетъ современемъ привести къ чему нибудь лучшему.

— Да къ чему же это? спросилъ его кто-то.— Если къ республикѣ, то вѣдь это опять не болѣе какъ форма, въ которую можно отлить все, что вздумается, — и въ примѣръ привелъ негритянскіе штаты Америки.

Тотъ опять согласился, что это правда, но просилъ позволенія спросить въ свою очередь, въ чемъ же сущность? Неужели въ тѣхъ утопіяхъ,которыя провалились на первой попыткѣ къ осуществленію въ 1848 году?

Возражавшіе въ свою очередь отступились и отвѣчали, что нѣтъ, что это, конечно, дичь, какъ доказалъ очень ясно Прудонъ и другіе.

— Но Прудонъ самъ напуталъ не менѣе вздору, продолжалъ первый.—Какой положительный выводъ вы можете сдѣлать изъ всѣхъ безконечныхъ его бутадъ и противорѣчій?

Упомянувшіе о Прудонѣ, тотчасъ же отреклись отъ него, увѣряя, что вовсе не раздѣляютъ его убѣжденій. За этимъ онъ повторилъ свой вопросъ: „Въ чемъ же сущность?“ прибавивъ, что онъ не знаетъ, въ чемъ она можетъ явить себя осязательнымъ образомъ, если мы будемъ отбрасывать постоянно всякое опредѣленное выраженіе ея, какъ пустую форму. Ему возразили, что разсужденіе это пахнетъ Гегелемъ, который давно опровергнутъ. Онъ тотчасъ отрекся отъ Гегеля. Съ Гегеля разговоръ повернулъ въ другую сторону. Начали спорить о философіи, отступаясь по очереди отъ всѣхъ ея историческихъ представителей... Что меня поразило особенно въ этомъ спорѣ, это какая то особенная подвижность и неустойчивость въ собственномъ взглядѣ на вещи, проглядывающая

со всѣхъ сторонъ. Всякій какъ будто боялся, чтобъ его не поймали стоящимъ на чемъ нибудь слишкомъ твердо. Если кто и настаивалъ на своемъ, то дѣлалъ это слегка, и такъ равнодушно, какъ будто хотѣлъ отстранить отъ себя подозрѣніе, что онъ придаетъ какую нибудь особенную важность своимъ словамъ; какъ будто хотѣлъ дать почувствовать, что ему это все равно, что это совсѣмъ не главный его аргументъ и что съ какой нибудь высшей точки зрѣнія онъ, пожалуй, и самъ готовъ наплевать на все это...

Да простятъ меня эти люди, если я ихъ худо понялъ и потому оболгалъ. Я пишу только то, что мнѣ кажется, и самъ знаю, что долженъ противорѣчить себѣ на каждомъ шагу, да что дѣлать то?.. Въ двѣ недѣли нельзя обнять всю эту обширную массу умственной дѣятельности и дать себѣ ясный отчетъ во всемъ. То, что я видѣлъ до сихъ поръ, были одни урывки, между которыми я напрасно стараюсь пополнить пробѣлы и отыскать связь. Отъ этого всякій разъ, что занавѣсь для меня поднимается, мнѣ кажется, что я начинаю сызнова свои наблюденія и что передо мной происходитъ не продолженіе того, что я видѣлъ вчера, а что-то совсѣмъ иное, новое. Какъ связать, напримѣръ, два такихъ явленія, какъ Дмитрій Петровичъ и Марья Петровна; а между тѣмъ, это члены одного и того же семейства, и я вижу ихъ часто, почти каждый день... Они никогда не спорятъ другъ съ другомъ, и завести между ними серьезный разговоръ, въ которомъ бы оба принимали участіе, мнѣ до сихъ поръ не удавалось...

Недавно спросилъ я Касимова, что онъ думаетъ объ эмансипаціи женщинъ? Онъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо и пожалъ плечами. „Что? прожужжали уши?“ сказалъ онъ. „Погоди; еще не то будетъ... Это еще цвѣточки, а ягодки еще впереди“.

Я повторилъ свой вопросъ.

— Ничего не думаю, отвѣчалъ Касимовъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ-таки, попросту ничего... Зачѣмъ я буду думать о томъ, чего нѣтъ?

Я замѣтилъ ему, что объ этомъ теперь многіе думаютъ и говорятъ безпрестанно и даже пишутъ.

— Мало ли о чемъ пишутъ, отвѣчалъ онъ.—Писали и о крылатыхъ людяхъ, а ихъ все-таки нѣтъ; стало быть нечего о нихъ и думать.

— Но, говорятъ, здѣсь уже завелись женщины, которыя чешутся по-мужски и носятъ фуражки и ходятъ на лекціи, и съ мужчинами обращаются совершенно свободно?

— А! Вотъ что тебя соблазняетъ? Что жъ, попроси Машу или жену; онѣ тебя познакомятъ... Только я тебя, братецъ, предупреждаю; ты не думай, чтобы эта была какая нибудь другая порода. Все тѣ же бабы и все это бабье: что у другихъ, все и у нихъ есть, только съ особою придурью...

Странный человѣкъ этотъ Дмитрій Петровичъ!.. Уменъ, какъ чортъ; но добиться, чтобы онъ высказалъ свои мысли серьезно о нѣкоторыхъ вещахъ, весьма мудрено... А между тѣмъ, мнѣ бы нуженъ былъ человѣкъ, который бы мнѣ указалъ дорогу въ этомъ лѣсу... Я часто брожу совершенно ощупью, какъ слѣпой... Ничего самъ не видишь, да и спросить не у кого. А спросишь, того и гляди попадешь на такого, что хуже собьетъ... Вотъ бы съ какимъ нибудь литераторомъ познакомиться, да втереться въ ихъ кругъ! Вотъ гдѣ, я думаю, сущность-то! Вотъ чистый источникъ мудрости и настоящая фабрика мысли! Отъ нихъ можно имѣть товаръ изъ первыхъ рукъ, въ самомъ свѣжемъ, неискаженномъ видѣ. Вѣдь они, говорятъ, даютъ у насъ тонъ всему и вертятъ общимъ мнѣніемъ куда вздумается...

V.

17-го сентября.

Подмѣтилъ еще одну любопытную вещь. Въ старые годы, бывало, нашъ братъ, либералъ, жмется да лавируетъ, чтобы высказать свою мысль помягче, такъ чтобъ неслишкомъ шокировать общее мнѣніе; а теперь совершенно навыворотъ. Какой нибудь сѣдой господинъ, тузъ, въ кругу молодежи вертится какъ на иголкахъ, въ постоянной тревогѣ, чтобъ его не отдѣлали, и ужъ какъ подмасливаетъ! Какъ подмасливаетъ! Мякоть такую стелетъ, медомъ такимъ разсыропливаетъ, все старается угодить, боится, чтобъ какъ нибудь противъ шерсти кому не пришлось... А тутъ ему юноша, мальчикъ какой нибудь безбородый, отрѣжетъ на чистоту; — на вотъ, модъ, тебѣ, съѣшь-ка это. Смотришь, нашъ важный баринъ и хвостъ поджалъ; — самъ начинаетъ оправдываться, доказываетъ, что онъ не такъ понималъ или его не такъ поняли; что, въ извѣстномъ смыслѣ и до

нѣкоторой степени, онъ самъ такъ думаетъ, но что если смотрѣть съ другой точки и принять во вниманіе то, да то... или, что молодымъ людямъ свойственно увлеченіе, что ему это нравится, что онъ любитъ искренность, благородную прямоту, и проч., а самъ такимъ подлецомъ отвиливаетъ!.. Вотъ времячко пришло! Свѣтъ навыворотъ!.. Говорятъ, нынче городовые руку прикладываютъ къ каскѣ, если у нихъ спросить на улицѣ что нибудь, и не то что военному, а просто, нашему брату, партикулярному, съ которымъ, бывало, никто изъ этихъ господъ и слова сказать не удостоитъ.. Этого я не видалъ, но видѣлъ вчера, какъ двое городовыхъ на Невскомъ уговаривали какого-то пьянаго, чтобъ онъ отправился домой. Не только что въ шею никто не задалъ, дурнымъ даже словомъ ни разу не выбранили; я просто до слезъ былъ тронутъ!.. Славно я право сдѣлалъ, что пріѣхалъ сюда!.. Весело тутъ теперь жить!.. Во всемъ такое приволье, просторъ!.. Бриться не нужно; фрака до сихъ поръ не заказывалъ, а сшилъ себѣ пестрый пиджакъ, да и хожу въ немъ съ утра до вечера...

Вотъ оно что значитъ свобода-то!..

Отличная вещь!..

VI.

19-го сентября.

Былъ въ оперѣ; только что началась... Публики много, театръ почти совершенно полонъ, и въ парадизѣ попрежнему густо и ревутъ также отчаянно, а между тѣмъ какъ-то все ужъ не то. Сейчасъ слышится, что чего-то нѣтъ. Нѣтъ этого юношескаго очарованія, этого полнаго, нераздѣльнаго увлеченія, которое прежде тутъ царствовало. На душѣ лежитъ что-то другое... Кстати, объ оперѣ; горячіе споры о первенствѣ теноровъ и превосходствѣ пѣвицъ совсѣмъ замолкли. За стѣнами Большого театра теперь не услышишь почти ни слова объ этомъ предметѣ.. Слухи и новости, сплетни изъ оффиціальнаго круга, политическія извѣстія и толки о предстоящихъ реформахъ составляютъ обыкновенное содержаніе разговоровъ, и все это пропитано духомъ какой-то желчной, почти полемической критики, обо всемъ говорятъ съ ѣдкой ироніей; саркастическая усмѣшка почти не сходитъ съ лица, а между тѣмъ споры рѣдки. Всѣ какъ будто бы согласились между собой насчетъ общей точки зрѣнія и

масштаба оцѣнки. Всякій спѣшитъ сдѣлать выводъ и произнести приговоръ. Между этими приговорами если и встрѣтишь порой разсужденіе, то всегда почти въ догматическомъ тонѣ, съ увѣренностью профессора, говорящаго о безспорныхъ началахъ науки... Но, какъ я уже замѣчалъ, увѣренность эта жидка. Стоитъ кому-нибудь смѣло сказать, что онъ смотритъ на дѣло совсѣмъ не такъ, говорящій сейчасъ струхнетъ и попятится, особенно если онъ неувѣренъ, что большинство на его сторонѣ. Страхъ разойтись съ общимъ мнѣніемъ оченъ замѣтенъ во всѣхъ. Да оно и понятно. Общее мнѣніе нынче не церемонится съ диссидентами; оно ихъ бичуетъ безъ милости и клеймитъ всякаго рода позорными клеймами. При такихъ обстоятельствахъ, надо, дѣйствительно, много смѣлости, чтобы высказать свое мнѣніе прямо, зная заранѣе, что всѣ или большая часть изъ присутствующихъ мысленно предадутъ васъ анаѳемѣ... Много чего еще я подмѣтилъ, но все это плохо вяжется у меня въ головѣ и нерѣдко противорѣчитъ одно другому. Хотѣлось бы все разобрать и повѣрить, прежде чѣмъ случай поставитъ въ какое нибудь положеніе, гдѣ я долженъ буду самъ высказаться или рѣшиться на что нибудь...

VII.

23-го сентября.

Сегодня наконецъ видѣлъ двухъ литераторовъ; и не то чтобъ какихъ нибудь дилетантовъ, случайно дѣлающихъ набѣги въ область словесности, а настоящихъ, присяжныхъ членовъ сословія... Одинъ... Но я разскажу все, какъ было, по очереди... Мы сидѣли съ Касимовымъ въ Александринскомъ театрѣ и смотрѣли *Грозу*. Въ антрактѣ онъ наклонился ко мнѣ и, кивнувъ на какого-то господина въ сосѣднемъ углу, шепнулъ: — „На, вонъ тебѣ литераторъ; тебѣ такъ хотѣлось увидѣть это двуногое... вонъ онъ стоитъ, полюбуйся“. Я оглянулся; шагахъ въ пяти отъ меня, возлѣ самаго бенуара, стоялъ блѣдный, худой господинъ, невысокаго роста, въ очкахъ, съ длинной шеей и съ жидкими, плоскими, бѣлокурыми волосами, небрежно зачесанными назадъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ 30, но онъ могъ быть гораздо моложе или гораздо старѣе; и то и другое казалось равно вѣроятно при-

взглядѣ на это лицо, въ которомъ юношеская неопредѣленность контура встрѣчалась съ признаками болѣзненной зрѣлости и истомы. Одѣтъ онъ былъ очень небрежно. Небольшая, козлиная бородка имѣла какой-то тощій, неурожайный видъ. Несмотря на всѣ эти невыгодныя для перваго впечатлѣнія черты, я былъ проникнутъ до глубины души уваженіемъ, доходящимъ почти до робости, и вмѣстѣ съ самымъ живымъ любопытствомъ.

— „Кто такой?“ спросилъ я въ полголоса.

— „Святухинъ.“

Имя было мнѣ неизвѣстно, но что я могъ знать у себя въ Засядкинѣ?.. Въ послѣднее время столько блестящихъ талантовъ пробилось на свѣтъ и каждый день появляются новые... Я поглядѣлъ вопросительно на Касимова.

— „Редакторъ критическаго отдѣла и бѣлетристики въ *Литературной Выставкѣ*,“ шепнулъ онъ мнѣ на ухо.

Я всталъ, чтобы лучше видѣть и смотрѣлъ пристально. Мнѣ хотѣлось найти въ этомъ лицѣ какой нибудь признакъ той внутренней силы, которую долженъ носить въ себѣ воинъ мысли, представитель движенія и прогресса, хотѣлось подмѣтить какой нибудь отблескъ того ореола, въ лучахъ котораго явился для нашего поколѣнія идеалъ литератора... Съ перваго взгляда, скажу откровенно, я не нашелъ ничего... но по мѣрѣ того какъ я всматривался, меня поразило какое-то особенное выраженіе тонкой ироніи, которое появлялось порой на сжатыхъ губахъ этого господина и, что замѣчательно, на однѣхъ губахъ; глаза не участвовали въ немъ нисколько; слегка прищуренные, они смотрѣли какъ будто въ даль и взоръ ихъ имѣлъ въ себѣ что-то усталое, безпредметно задумчивое... Покуда я наблюдалъ, къ нему подошелъ другой господинъ, немного повыше ростомъ, съ лицомъ, дико обросшимъ густыми, темными волосами, и съ несовсѣмъ чистымъ воротничкомъ, опрокинутымъ à l'enfant на старый, голубой галстухъ. Перешепнувшись, они стали оглядываться, какъ будто высматривая кого нибудь, о комъ только было говорено. При этомъ кто-то изъ двухъ замѣтилъ Дмитрія Петровича и оба раскланялись съ нимъ по пріятельски. По окончаніи пьесы мы встрѣтили ихъ въ буфетѣ.

— Хочешь, я познакомлю? спросилъ Касимовъ.

— Сдѣлай милость, отвѣчалъ я въ пріятномъ волненіи.

Желаніе мое тотчасъ было исполнено. Я ужъ догадывался отчасти, что другой господинъ долженъ быть тоже писатель, но какъ передать мое впечатлѣніе, когда мнѣ назвали его по имени.

— Федоръ Даниловичъ Квашневъ...

Меня бросило въ жаръ... Да, это былъ онъ, преемникъ Лермонтова и Пушкина, нашъ извѣстный поэтъ, имя котораго я такъ часто встрѣчалъ на страницахъ большихъ журналовъ подъ звучными, гладкими ямбами, полными вздоховъ и слезъ, лунныхъ ночей, соловьевъ и другихъ тому подобныхъ изящныхъ вещей!.. Я пожалъ его руку съ глубокимъ чувствомъ, которое очень понятно, если сообразить, что я первый разъ въ жизни стоялъ лицомъ къ лицу съ настоящимъ живымъ литераторомъ, да вдобавокъ еще съ поэтомъ. Что бы я далъ въ эту минуту, чтобы имѣть возможность чѣмъ нибудь заслужить вниманіе этихъ людей, чтобы сказать имъ что нибудь умное, мѣткое, хорошо обдуманное, или, по крайней мѣрѣ, хоть острое! Къ сожалѣнію, ничего въ голову не приходило.

Очень кстати было бы, напримѣръ, заговорить о драмѣ, которую мы смотрѣли, но какъ могъ я надѣяться высказать о такомъ знаменитомъ произведеніи что нибудь, что имѣло бы хоть малѣйшую вѣроятность непоказаться избитою фразою или дерзкою выходкой людямъ, передъ которыми, относительно вкуса, я чувствовалъ себя совершеннымъ невѣжею.

— Считаю за счастье... столько разъ восхищался... вашими... пробормоталъ я безсвязно, краснѣя, какъ ракъ. Поэтъ улыбнулся съ обворожительной скромностью и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— А? Что? Каково? спросилъ Касимова другой литераторъ.

— Г-мъ, ничего... промычалъ тотъ, зѣвая...

Эй, мальчикъ! Подай коньяку... Что жъ вы ко мнѣ не заглянете, почтеннѣйшій Родіонъ Михайловичъ? Марья Петровна съ женой васъ ждутъ — не дождутся.

— Некогда, батюшка, отвѣчалъ Святухинъ. Извините меня, пожалуйста, передъ вашими. Вы знаете наше дѣло, каторжное: сентябрская книжка вотъ тутъ сидитъ, — онъ указалъ рукою на горло.

— А что, скоро выпустите?

— Да въ понедѣльникъ, я думаю.

— Что нашъ отвѣтъ?

— Печатается.

Вотъ слово въ слово все, что сказано было съ обѣихъ сторонъ. Признаюсь, я былъ сильно обманутъ въ своемъ ожиданіи. Я надѣялся, что они скажутъ что нибудь особенное, что нибудь вродѣ тѣхъ безподобныхъ вещей, которыя попадаются часто въ журналахъ и только впослѣдствіи сообразилъ, что нельзя же въ буфетѣ при всѣхъ начать ораторствовать, такъ себѣ, ни съ того, ни съ сего. Это однако меня не утѣшило. Мое любопытство осталось неудовлетвореннымъ, Когда же, думалъ я, удастся мнѣ настоящимъ образомъ побесѣдовать съ этими истинными наставниками и воспитателями нашего поколѣнія? У меня накопилось столько вопросовъ, которыя могутъ рѣшить только они одни...

Дорогою изъ театра, я высказалъ свое сожалѣніе Дмитрію Петровичу.

— Жаль, что ты раньше мнѣ не сказалъ, отвѣчалъ тотъ:— можно было бы ихъ затащить къ Дюссо или къ Клею... Послѣ двухъ, трехъ бутылокъ, они бы тебя распотѣшили...

— — Какъ! развѣ они... того... любятъ по этой части?...

Дмитрій Петровичъ расхохотался.

— Ха! ха! ха! А ты какъ думалъ? Не любятъ, что ли? Ну, это развѣ у васъ, въ Зѣвскомъ уѣздѣ гдѣ нибудь; а здѣсь всѣ истинно-даровитые литераторы любятъ. Если хочешь ихъ видѣть въ полномъ эфектѣ, то надо ихъ подпоить; а иначе ты отъ нихъ ничего не добьешься.

— Отчего ты такъ думаешь?

— Да оттого, что я знаю немножко ихъ жизнь... Все это народъ замученный, желчный... Кого обругали или статью похерили, а у кого деньги вышли, сидитъ безъ гроша, занимаетъ по мелочи у знакомыхъ; заваленъ работой по горло, озлобленъ, усталъ... Ну, за стаканомъ вина, все это съ плечъ долой.

— Полно, Дмитрій Петровичъ, перебилъ я съ досадой. Зачѣмъ ты на нихъ клевещешь?

— Клевещу? Я?.. Да что-жъ я такого дурного о нихъ сказалъ? Что они любятъ выпить? Эка бѣда! Да я и самъ люблю.

— Но ты не бываешь пьянъ.

— Я и про нихъ не сказалъ, чтобъ они были пьяницы, свиньи какія нибудь. Такіе же люди, какъ и другіе, ни хуже, ни

лучше. Только у насъ ихъ ужъ больно избаловали, оттого они такъ и подняли носъ... требуютъ привиллегій! Имъ, вотъ изволишь ли видѣть, дай право ругать кого вздумается, — это у нихъ называется гласность; — а ихъ брата не тронь, — это, значитъ, ты надъ святыней глумишься, все просвѣщеніе въ ихъ лицѣ оскорбляешь. А я бы желалъ знать, что эти буквоѣды имѣютъ общаго съ просвѣщеніемъ, кромѣ того, что они имъ торгуютъ? Чѣмъ они лучше насъ?

— Однакоже, возразилъ я, согласись, что они поумнѣе насъ.

Касимовъ насмѣшливо засвисталъ.

— Ну, это, братъ, дѣло темное, бабушка надвое говоритъ. Во всякомъ случаѣ, они отъ насъ не далеко ушли. Ни мы, ни они пороху до сихъ поръ не выдумали; а то, что они за умъ выдаютъ, просто товаръ, такой же товаръ какъ вотъ шляпа или сапоги и продается въ такихъ же лавкахъ, и стоитъ не больно дорого. Вся разница въ томъ, что они его продаютъ, а мы покупаемъ, при чемъ разумѣется, по русскому обычаю, насъ обмѣриваютъ и сбываютъ намъ всякую гниль.

Я отвѣчалъ, что это несправедливо. Что если и допустить нѣкоторое сходство литературы съ промышленностью, то все же первая требуетъ отъ тѣхъ, кто занимается ею спеціально, высшей степени умственнаго развитія и особыхъ познаній и болѣе яснаго пониманія, чѣмъ это встрѣчается обыкновенно.

— Согласенъ, отвѣчалъ онъ; — да только вѣдь это можно сказать о всякомъ спеціальномъ промыслѣ. Всякое ремесло требуетъ высшей степени умственнаго развитія по своей части и особыхъ познаній и болѣе яснаго пониманія дѣла. Поди-ка, попробуй поговорить съ сапожникомъ объ устройствѣ твоихъ сапоговъ. Онъ тебѣ въ пять минутъ докажетъ, что ты совершенный невѣжа по этой части.

Мой товарищъ говорилъ совершенно спокойно, но меня начинало бѣсить его намѣренное стараніе унизить литературу.

— Все это придирки! возразилъ я горячо. Можно ли ставить рядомъ литературу съ простымъ ремесломъ?

— Отчего жъ нѣтъ?

— Помилуй! Да объ этомъ и говорить странно! Неужели ты не видишь разницы между Пушкинымъ, напримѣръ, и сапожникомъ, между Бѣлинскимъ и какой нибудь бородой съ толкучаго?

— Василій Григорьичъ! мой другъ, ты страшно отсталъ! отвѣчалъ онъ, смѣясь.

— Да, я отсталъ, я самъ это знаю; но ты, Дмитрій Петровичъ, ты сдѣлалъ во сто разъ хуже. Ты назадъ повернулъ! ты ретроградъ! Ты сталъ консерваторъ! реакціонеръ! обскурантъ какой-то!

— Касимовъ расхохотался.— Василій Григорьичъ! повторилъ онъ: ты совершенно заплеснѣлъ!.. Чтобъ толковать о прогрессѣ, надо знать, къ какимъ результатамъ онъ нынче привелъ; а ты, какъ я вижу, рѣшительно ничего не знаешь.

— Къ какимъ результатамъ? спросилъ я запальчиво. Ну, ну, говори къ какимъ?

— Да что я тебѣ буду говорить? Ты мнѣ опять не повѣришь. А ты поди лучше пораспроси кого нибудь изъ твоихъ боговъ, литераторовъ, да не какую нибудь птицу пѣвчую, вродѣ Квашнева, а человѣка дѣйствительно просвѣщеннаго. Такъ онъ тебѣ скажетъ кой что насчетъ того, напримѣръ, можно ли ставить рядомъ поэта съ сапожникомъ.

— Что-жъ онъ мнѣ скажетъ?

— Да скажетъ, что нынче у насъ смотрятъ на вещи съ прямой, положительной точки зрѣнія и цѣнятъ въ нихъ только одну осязательную ихъ пользу, а всю эту идеальную мишуру лупятъ долой безъ жалости... Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, сапожникъ хуже твоего Пушкина? Сапоги нужны, безъ сапоговъ нельзя выйти на улицу, а безъ *Евгенія Онѣгина* можно легко обойтись. Весь этотъ хламъ только напрасно въ ногахъ валяется.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, сомнѣваясь немножко, не шутитъ ли онъ; но на улицѣ было темно и я не могъ видѣть выраженія на его на лицѣ.

— А прогрессъ? спросилъ я. А польза отъ обличенія, гласности.

— Тьфу ты! Что это за человѣкъ! сказалъ Дмитрій Петровичъ, сплюнувъ на сторону.—Вляпался въ глупыя, литературныя фразы и не хочешь изъ-за нихъ видѣть, въ чемъ дѣло! Кого обличать? Передъ кѣмъ? Когда всѣ наповалъ мошенничаютъ и всѣ-это знаютъ кругомъ.

— Дмитрій Петровичъ! Опомнись! Что это ты говоришь? Кто упрекалъ когда нибудь нашу литературу?...

— Да, ваша литература небось одна неподкупна? Какъ бы не такъ! Знаю я этихъ господъ! Дай-ка мнѣ тысячъ двадцать: да я тебѣ завтра куплю любого изъ нихъ, куплю цѣликомъ, какъ есть, съ руками и съ головой, со всѣми его убѣжденіями и правилами; куплю и заставлю писать, что мнѣ вздумается.

— Ну, отвѣчалъ я!—вижу ясно, что ты на нихъ золъ за что нибудь.

Касимовъ не отвѣчалъ.

Спустя минутъ пять, я спросилъ: давно ли онъ знастъ Святухина?

— Годъ два, три.

— Ты съ нимъ имѣешь дѣла какія нибудь?

— Имѣю. Онъ у меня беретъ деньги, взаймы и не платитъ.

— А ты?

— А я, отвѣчалъ онъ неохотно: печатаю въ ихъ журналѣ изрѣдка... такъ... кое-какія бездѣлки.

Я въ свою очередь расхохотался.

— Какія же это бездѣлки? Ужъ не стихи ли?

— Фуй! нѣтъ! за кого ты меня принимаешь?

— Г-мъ; такъ ты стало-быть тоже принадлежишь къ сословію литераторовъ?

— Эхъ, нѣтъ, братецъ! отвѣчалъ онъ сердито... Дѣло совсѣмъ не въ томъ...

Но въ чемъ,—этого я не успѣлъ добиться отъ него никоимъ образомъ.

VIII.

25-го сентября.

Дѣло вотъ въ чемъ; я узналъ это мимоходомъ отъ Марьи Петровны. Касимовъ вынужденъ иногда отвѣчать, или вѣрнѣе сказать—огрызаться на разнаго рода обидныя выходки и нападки, появляющіяся въ печати то лично противъ него, то противъ тѣхъ обществъ и предпріятій, въ которыхъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе... Насколько онъ правъ въ этой войнѣ, я не могу судить, но признаться по совѣсти, меня иногда смущаютъ гадкія подозрѣнія... Я гоню ихъ старательно прочь; мнѣ не хочется думать объ этомъ вопросѣ; но онъ иногда забирается такъ безотвязно въ

голову, что становится и больно и страшно!.. Какъ знать? Въ старые годы я поручился бы головой, что Касимовъ не сдѣлаетъ шагу въ сторону отъ строжайшихъ законовъ чести. Къ сожалѣнію, люди съ годами мѣняются, и я не видалъ его такъ давно... а этотъ проклятый откупъ, это странное озлобленіе противъ гласности, противъ литературы,—что все это значитъ?.. Жаль, если когда нибудь подозрѣнія мои оправдаются!.. Разорвать старую дружбу съ товарищемъ, разойтись съ его милымъ семействомъ!.. съ Ниночкой! съ Марьей Петровной!.. Эти женщины въ послѣднее время стали для меня дороги, необходимы!.. Марья Петровна распекаетъ меня иногда какъ школьника, но я не сержусь, потому что она это дѣлаетъ явно отъ добраго сердца и съ желаніемъ мнѣ добра... Если ужъ нужно имѣть наставника и руководителя въ этомъ лѣсу всякаго рода модныхъ воззрѣній и тонкостей мнѣ неизвѣстныхъ, то я предпочитаю чтобъ онъ былъ женщина и такая женщина, какъ она. Въ женщинѣ нѣтъ этой сухости, этой эгоистической жесткости, которая, вмѣсто того чтобъ вамъ облегчить трудный шагъ, любуется вашими затрудненіями и смѣется надъ вашими промахами...

Въ послѣднее время, мы часто съ ней разсуждали о нашей литературѣ. Она знаетъ всѣ новости, всѣ закулисныя тайны журнальнаго міра и сообщаетъ мнѣ часто прелюбопытныя свѣдѣнія. Нужно ли говорить, что она совершенно другого мнѣнія о литераторахъ, чѣмъ ея братъ. Я, между прочимъ, имѣю маленькое подозрѣніе, что она... того... сама пишетъ... можетъ быть, даже печатаетъ; но все это держится въ такой строгой тайнѣ, что я не рѣшаюсь и намекнуть ей объ этомъ предметѣ, тѣмъ менѣе прямо спросить... Она коротко знакома съ Святухинымъ и очень высокаго мнѣнія о его литературныхъ способностяхъ. Она говоритъ, что имя его до сихъ поръ еще мало извѣстно, потому что его статьи, какъ исходящія отъ редакціи, печатаются, обыкновенно, безъ подписи, но что современемъ онъ будетъ имѣть большую извѣстность, можетъ быть, займетъ мѣсто Бѣлинскаго... Она мнѣ прочла двѣ или три его критическія статьи. Оказалось, что одну изъ нихъ я читалъ еще прошлаго года въ Засядкинѣ. Все это, надо правду сказать, написано весьма бойко и, насколько могу судить, справедливо. Марья Петровна жалуется, что издатели притѣсняютъ его въ денежномъ отношеніи, что онъ заваленъ множест-

вомъ черной работы, что ему не даютъ высказаться такъ, какъ бы онъ хотѣлъ, опасаясь, что это испортитъ хорошія отношенія редакціи съ разными болѣе или менѣе вліятельными лицами въ литературѣ и въ высшемъ служебномъ кругу, и что все это давитъ его талантъ, раздражаетъ его до того, что онъ часто бываетъ боленъ отъ огорченія.

Я спросилъ, отчего бы ему не затѣять собственнаго изданія, прибавивъ, что нынче предпріятія этого рода легко устраиваются. Марья Петровна посмотрѣла на меня какъ-то странно, точно какъ будто бы ее удивила съ моей стороны эта мысль.

— Объ этомъ мы съ вами когда нибудь послѣ поговоримъ,— отвѣчала она задумчиво... Родіонъ Михайловичъ бываетъ у насъ довольно часто. Современемъ, когда вы съ нимъ покороче сойдетесь, онъ вамъ разскажетъ самъ свои планы.

IX.

28-го сентября.

У Касимовыхъ часто бываютъ гости. Они дѣлятся на два разряда, весьма отличные другъ отъ друга во всѣхъ отношеніяхъ. Одни (я говорю разумѣется о мужской компаніи) идутъ прямо въ гостиную къ Ниночкѣ и Марьѣ Петровнѣ и сидятъ съ ними все время. Это все болѣе молодые люди: студенты, учителя, педагоги и мелкіе литераторы,—знакомство по занятіямъ въ школѣ. Сойдутся, ораторствуютъ, кричатъ и жгутъ папиросы нещадно, пользуясь тѣмъ, что обѣ хозяйки курятъ. Другіе торчатъ почти исключительно въ кабинетѣ у Дмитрія Петровича. Это народъ совсѣмъ другого покроя: богатые акціонеры, золотопромышленники, откупщики, маклера, аферисты и спекуляторы разнаго рода. Касимовъ знакомитъ меня со всѣми, но мы какъ-то не сходимся. Въ этихъ людяхъ есть что-то отталкивающее, какая-то сухость внутренняго содержанія, иногда выступающая наружу открыто и грубо, а иногда худо-спрятанная подъ маскою добродушной шутливости, подъ гладкою, скользкою, гибкою внѣшностью. Иной держитъ себя по-русски, ласково и любезно до гадости, а иной смотритъ сухо и чванно, какъ иностранный купецъ, но отъ всѣхъ одинаково вѣетъ холодомъ и у всѣхъ слышна та же противная,

карманная спесь... Дѣловой разговоръ этихъ господъ невыносимо скученъ. Не говоря ужъ о томъ, что я лично рѣдко имѣю возможность принять въ немъ какое нибудь участіе, потому что его содержаніе для меня совершенно дико,—но сколько разъ, по совѣту Касимова, стараясь прислушаться и понять, я съ самымъ твердымъ намѣреніемъ не могъ вынудить у себя вниманія на двѣ минуты сряду. Касимовъ увѣряетъ, будто бы оттого, что мой собственный интересъ не замѣшанъ въ дѣло; да только нѣтъ, это не то. Въ деревнѣ я точно также не могъ слѣдить за разговорами о подробностяхъ будущаго порядка, несмотря на то, что ужъ тутъ мои личныя выгоды неоспоримо были замѣшаны. Наоборотъ, меня очень интересуютъ литературные толки въ обществѣ Ниночки и Марьи Петровны, несмотря на то, что я не былъ и, разумѣется, никогда не буду самъ литераторомъ, и что, слѣдовательно, о какомъ нибудь эгоистическомъ интересѣ съ моей стороны тутъ и рѣчи не можетъ быть... Между прочимъ, мнѣ раза два уже предлагали серьезно принять участіе въ очень выгодныхъ предпріятіяхъ. Первый разъ это было, если не ошибаюсь, по устройству желѣзной дороги отъ уральскихъ заводовъ къ Волгѣ. Толстый заводчикъ Лукошкинъ божится, что дѣло дастъ самовѣрнѣйшихъ 50 на 100. Другой разъ рѣчь шла о съемѣ вырубленныхъ лѣсовъ для гонки смолы въ большомъ размѣрѣ. Оба раза я начисто отказался и, можетъ быть, глупо сдѣлалъ; но дѣло въ томъ, что я не нашелъ въ себѣ ни малѣйшей охоты пускаться въ этого рода затѣи. Страсть къ пріобрѣтенію у меня очень мало развита, а что касается до дѣятельности, то этотъ вопросъ тутъ совсѣмъ всторонѣ, потому что какую роль могъ бы я взять на себя тамъ, гдѣ я ни бельмеса не смыслю. Къ тому же личность этихъ антрепренеровъ не больно внушаетъ довѣріе. Люди чортъ знаетъ откуда и какими путями выползшіе на свѣтъ, люди съ деньгами, можетъ быть, и съ кредитомъ конечно; но какимъ образомъ они нажили деньги и на чемъ держится ихъ кредитъ?.. Кто это знаетъ?.. Дмитрій Петровичъ? Но если онъ ихъ знаетъ, то я не знаю. Къ тому же, что такое *знать человѣка?* Вотъ я, напримѣръ, знаю Касимова, а если бы кто нибудь спросилъ меня по совѣсти: могу ли я отвѣчать за него вполнѣ,—я бы вынужденъ былъ сказать: *нѣтъ*, что, впрочемъ, очень печально.

Надо, однако, подумать серьезно о томъ, что мнѣ дѣлать? Вотъ уже двѣ дороги, по которымъ навѣрно я не пойду: промышленность, служба. Путемъ исключенія извѣстныхъ можно дойти до опредѣленія неизвѣстнаго, но что, если въ результатѣ окажется ноль? что если я совсѣмъ никуда негоденъ?..

X.

30-го сентября.

Вчера я провелъ интересный вечеръ. Святухинъ сидѣлъ у Касимовыхъ. Кромѣ него было еще нѣсколько человѣкъ, — все болѣе молодежь изъ воскресныхъ школъ, но тѣ говорили мало, замѣтно робѣя передъ печатнымъ авторитетомъ и уступая слово ему. Благодаря этому обстоятельству, мнѣ удалось таки, наконецъ, послушать лицомъ къ лицу одного изъ этихъ господъ, съ которыми нашъ братъ читатель бесѣдуетъ, обыкновенно, незримымъ образомъ. Надо признаться, я былъ немного разочарованъ; чѣмъ именно — трудно сказать, но это было не то, чего я ожидалъ, хотя очень умно и весьма любопытно, но все въ томъ дисертаціонномъ тонѣ, въ какомъ они пишутъ свои статьи. Привычка играть, какъ говорятъ въ картахъ,—съ *болваномъ*, видна очень явственно. Вмѣсто того, чтобъ выслушивать возраженія дѣйствительныя и отвѣчать на вопросы прямо, ораторъ предпочиталъ бороться съ препятствіями вымышленными и подставленными искусственно подъ ударъ. Отъ этого мнѣ ни разу неудалось навести разговоръ на вопросы особенно для меня интересные. Ждешь долго, покуда онъ кончитъ расписывать съ разныхъ сторонъ свою мысль, и наконецъ, улучивъ минуту, спросишь что нибудь. Онъ выслушаетъ довольно внимательно, надо правду сказать, и въ отвѣтѣ слегка коснется указаннаго предмета, но не болѣе какъ, коснется, и тотчасъ же снова опять перейдетъ къ какой-то импровизаціи, въ которой мотивы, лично его занимающіе, берутъ тотчасъ верхъ надъ предложенной темой и увлекаютъ его въ совершенно-другую сторону. Надо, впрочемъ, отдать ему честь: умно говорилъ, мошенникъ. Все это слушали кругомъ самымъ почтительнымъ образомъ, не дерзая перебивать, но только что я скажу что нибудь, какъ тотчасъ всѣ съ разныхъ сторонъ накинутся, кто съ отвѣтомъ, кто съ возраженіемъ и не

дадутъ ничего объяснить путемъ, что тоже было весьма досадно. Если бъ мы были вдвоемъ, мнѣ можетъ быть и удалось бы свести дисертацію на простой разговоръ...

Онъ говорилъ о разныхъ вещахъ, но самое интересное — это были его сужденія о талантѣ и характерѣ нашихъ извѣстнѣйшихъ беллетристовъ. Онъ взвѣшивалъ ихъ поочереди и сравнивалъ то другъ съ другомъ, то съ иностранными знаменитостями. Говорилъ также очень хорошо о высокомъ призваніи журналиста, о значеніи критики и о цѣли искусства, а подъ конецъ коснулся до направленій и очень мѣтко характеризовалъ въ этомъ смыслѣ два или три московскихъ журнала. Рѣчь его была пересыпана ссылками на статьи изъ журналовъ и множествомъ ѣдкихъ выходокъ противъ своихъ собратій по ремеслу. По временамъ, она принимала какой-то желчный тонъ, который былъ очень страненъ, особенно, если взять во вниманіе, что никто изъ его аудіенціи не обнаруживалъ ни малѣйшаго расположенія ему возражать. Онъ будто имѣлъ передъ собой какого-то невидимаго противника, котораго силился поразить. Я объясняю себѣ эту странность журнальной привычкой писать непремѣнно въ пику кому нибудь.

Подъ конецъ вечера, часу въ двѣнадцатомъ, вернулся домой Касимовъ. Его появленіе произвело на Святухина какое-то охлаждающее дѣйствіе. Онъ сталъ осторожнѣе въ своихъ утвержденіяхъ и началъ замѣтно взвѣшивать каждое слово. Я ожидалъ, что Касимовъ вмѣшается въ нашъ разговоръ съ своею обыкновенною рѣзкостью, но онъ сидѣлъ молча, изрѣдка только поддакивая съ холодною усмѣшкой, да бормоча себѣ подъ носъ какую нибудь циническую шутку. Разъ только онъ обратился съ вопросомъ къ Святухину:

— Ну, а что, книжку выпустили? спросилъ онъ.

— Выпустили, вчера; — надо признаться, нынѣшній мѣсяцъ мы опоздали сильно.

— Эка бѣда! продолжалъ Дмитрій Петровичъ: вы, господа, черезчуръ совѣстливы. На вашемъ мѣстѣ я бы не сталъ церемониться съ публикой. Не стоитъ она того.

— Однакоже! Она платитъ деньги сполна и взамѣнъ имѣетъ полное право требовать, чтобы мы исполняли свои обязательства акуратно.

— Пожалуй, да только она не требуетъ. Куда ей угнаться за вашими перьями и станками! Она лѣнива; она не читаетъ и сотой доли того, чѣмъ вы ее угощаете.

— Почему жъ вы такъ думаете?

— Могу васъ увѣрить... Попробуйте сдѣлать опытъ. Публикуйте, что вы вернете подписку вдвое тому, кто докажетъ, что онъ прочелъ всѣ ваши двѣнадцать книжекъ сполна, и посмотримъ много ли найдется охотниковъ.

— Вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу. Я сужу по себѣ. Я бы охотно заплатилъ вчетверо противъ того, что я вамъ плачу ежегодно за вашъ журналъ, лишь бы только меня не заставляли его читать.

— Ну, да вы это особая статья. Такихъ, какъ вы, литература имѣетъ немного враговъ.

— Я, врагъ? Помилуйте, я выписываю четыре большихъ журнала и три газеты на русскомъ языкѣ, не считая полдюжины иностранныхъ. Если бы всѣ были такіе враги, — вы бы давно стали Ротшильдами.

Послѣ ужина, за которымъ хозяйскій лафитъ истребленъ былъ въ большомъ количествѣ, мы возвращались вдвоемъ съ Святухинымъ. Онъ живетъ въ Колокольной и мнѣ это было по дорогѣ, отчасти. Мы шли съ нимъ пѣшкомъ по Невскому. Нечувствительнымъ образомъ у насъ снова зашелъ разговоръ о тѣхъ же предметахъ. Не знаю, почудилось ли это мнѣ, или было дѣйствительно такъ, но съ первыхъ же словъ я замѣтилъ, что мой собесѣдникъ сталъ откровеннѣе, что меня очень обрадовало, несмотря на то, что его откровенность, въ минуты особеннаго увлеченія, переходила почти въ фамильярность.

— Вотъ, поди, жди сочувствія отъ такихъ людей? говорилъ онъ какимъ-то особенно мрачнымъ, экзальтированнымъ тономъ голоса.

Я не вдругъ догадался о комъ идетъ рѣчь. Оказалось, что о Касимовѣ.

— Это камень, кремень человѣкъ! У него вотъ тутъ пусто! — продолжалъ Святухинъ, указывая на грудь. — Сердца нѣтъ, души нѣтъ!.. Ни дать ни взять какъ у нашего Вельзевула...

— У кого это?

— А у нашего генерала... хозяина... Клементія Федоровича...

— Вы говорите про вашего редактора? спросилъ я, догадываясь въ чемъ дѣло.

— Какой онъ редакторъ?.. Онъ откупщикъ, факторъ, — вотъ что. А кромѣ корректуры да факторства онъ у насъ ничего не дѣлаетъ.

— Какого факторства?

— А такъ... сводитъ редакцію съ разными лицами, въ которыхъ есть надобность, или которыя въ насъ нуждаются; — торгуется, платитъ и получаетъ... ведетъ бухгалтерію, усчитываетъ, насчитываетъ, обсчитываетъ...

— Можетъ ли это быть?

— Хо, хо! Можетъ ли быть!.. Вы не знаете... И онъ началъ описывать мнѣ въ яркихъ краскахъ съ неизъяснимымъ жаромъ и озлобленіемъ всѣ прижимки, которыя онъ и другіе терпятъ отъ главнаго ихъ редактора.

Я былъ пораженъ. Ничего подобнаго мнѣ и въ голову не могло придти...

— Боже мой! И вы это терпите?.. вырвалось у меня невольно.

— Что дѣлать? душа моя (извините пожалуйста)... Что дѣлать-то?.. Терпишь, потому, значитъ, фабрика, дѣло промышленное; нетерпѣливый сюда и не суйся.

— Положимъ, что и промышленное, отвѣчалъ я, — да вѣдь товаръ-то у васъ въ рукахъ?

— Вотъ то-то что не у насъ, душечка.

— Какъ не у васъ? Вся мысленная сила на вашей сторонѣ. Вы сами сейчасъ сказали, что онъ кромѣ корректуры почти ничего не дѣлаетъ.

— А деньги?.. Деньги-то вѣдь у него въ рукахъ... у Вельзевула.

— Но вѣдь если вамъ деньги нужны, то ему нужна ваша работа. Что же онъ сталъ бы дѣлать одинъ, безъ сотрудниковъ?

— Эхъ душечка, — это вопросъ, въ политической экономіи ужъ давно рѣшоный. Сотрудникъ — тотъ же работникъ; а работникъ и рабъ — это почти все равно. Дѣло въ томъ, что работа не есть товаръ. Товаръ нашей фабрики это печатная бумага, а чтобъ печатную бумагу произвести и сбыть съ рукъ, нужны машины, рынокъ нуженъ; — а рынокъ и машины въ рукахъ моно-

поліи, — а монополія это Клементій Федорычъ, — онъ же и Вельзевулъ... Вотъ тебѣ и все дѣло въ пяти словахъ. Какъ видите, не очень красиво.

— Какъ? возразилъ я въ сильнѣйшемъ негодованіи. Да неужли эта гнусность въ литературѣ имѣетъ какой нибудь смыслъ? Неужли же и тотъ, кто мысль вырабатываетъ, кто двигаетъ впередъ цѣлое поколѣніе, долженъ стоять на ряду съ какимъ нибудь пролетаріемъ, выдѣлывающимъ булавочныя головки на фабрикѣ?

— Ужъ видно, что долженъ, сказалъ Святухинъ дрожащимъ отъ озлобленія голосомъ.

— Да, душечка, продолжалъ онъ; дѣло-то наше не очень красиво... Я про себя говорю, — про нашего брата, труженика... Ведемъ мы впередъ поколѣніе, гмъ... мысль вырабатываемъ... куды, какъ подумаешь, важно звучитъ!.. а поди-ка поближе взгляни, что это наше за положеніе?.. Заваленъ работой по горло; — оно бы еще ничего, — да работа-то какова? Это не то что поденщикъ, носильщикъ какой нибудь тамъ или каменотесъ, который одну свою грубую силу тратитъ... Нѣтъ, тутъ не то у тебя берутъ... Тутъ всю душу подай!.. „Онъ ударилъ себя рукою въ грудь“...—Выжми весь лучшій сокъ изъ себя, до послѣдней капли и сдѣлай это на срокъ, и смотри, чтобы каждый мѣсяцъ было у тебя готово листовъ до пяти мельчайшей печати, и чтобы все это было свѣжо, бодро, живо; чтобъ тутъ и намеки на все современное были, и полемика, и политика, и рецензіи на такія книги, которыя прочитать, въ которыя заглянуть другой разъ физически не успѣешь!.. Съ одними ругайся, грызись какъ притравленный песъ, а другимъ льсти; передъ всякой минутной прихотью, передъ всякой дурацкой модой гни, какъ холопъ, свою спину!.. Работай безъ отдыха и все-таки знай, что дѣла по совѣсти сдѣлать ты не успѣешь, а что долженъ его свахлять какъ нибудь на живую нитку... Знай, что данъ тебѣ отъ природы талантъ и что могъ бы ты съ нимъ доработаться до чего нибудь путнаго, еслибъ была у тебя возможность опомниться да заняться, не торопясь, и знай, что все это должно сгибнуть, потому что тебя, какъ почтовую лошадь, загонятъ, загонятъ да и спасиба не скажутъ, потому не за что, потому что ты воду толчешь, что отъ всѣхъ твоихъ тяжкихъ трудовъ строки не останется, которую кто нибудь послѣ припомнилъ бы съ удовольствіемъ!..

Послѣднія слова сказаны были горькимъ, сдержаннымъ тономъ, но вслѣдъ затѣмъ онъ опять поднялъ голосъ и началъ ругаться.

— Проституція! кричалъ онъ, размахивая руками. Проституція мысли и сердца, всего, что есть драгоцѣннѣйшаго у бѣдняка!.. Ни одна публичная женщина въ мірѣ не дѣлаетъ такой мерзости, какую мы дѣлаемъ!.. Она не несетъ сердечныхъ восторговъ на рынокъ, не рядитъ мыслей своихъ въ дурацкій колпакъ и не выходитъ съ ними на площадь — тѣшить народъ!.. А мы выходимъ!.. Мы, какъ наемный паяцъ, ломаемся передъ публикой и выманиваемъ у нея гроши, на которые содержатель ѣздитъ въ каретѣ и пьетъ дорогой лафитъ, а намъ швыряетъ объѣдки, голыя кости!.. На, дескать, братецъ, лизни, вѣдь надо же и тебѣ быть сытымъ... Анафема!..

Онъ началъ опять ругаться во всеуслышаніе. Прохожіе останавливались и дворники, просыпаясь, смотрѣли на насъ съ удивленіемъ.

Проводивъ его до Владимірской, я простился.

— А!.. Жаль... Когда же мы съ вами?.. Заходите, пожалуйста, запросто, когда вздумаете... попріятельски, запросто...

Я изъявилъ опасеніе, что помѣшаю его занятіямъ.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Я вѣдь пишу по ночамъ... Вы думаете теперь приду да и лягу? Какъ бы не такъ! Часовъ до пяти еще просижу... Дѣла пропасть.

— Какъ! Да когда же вы спите?

— Сплю утромъ часовъ до десяти и послѣ обѣда часокъ.

— А съ утра до обѣда?

— Съ утра до обѣда у насъ развалъ. Кто придетъ, кто уйдетъ; человѣкъ десять всегда сидятъ въ комнатѣ и душатъ крученыя крѣпкія .. Заходите пожалуйста... попріятельски, безъ церемоніи, — мы люди простые...

Я обѣщалъ, и на этомъ мы съ нимъ разстались. Мнѣ стало жаль этого человѣка при мысли, что онъ просидитъ всю ночь. Дорого же вы платите, господа, за честь быть пророками у себя на родинѣ!.. видно, оно дѣйствительно не легко, думалъ я, ложась спать.

XI.

2-го октября.

Былъ опять разговоръ о Святухинѣ съ Марьей Петровной... о его положеніи въ журналѣ, о томъ, какъ онъ самъ смотритъ на это положеніе. Я передалъ ей недавнюю его исповѣдь. Оказалось, что ей это все извѣстно: да и не это одно, а много чего еще. Между прочимъ, она сообщила мнѣ подъ строжайшимъ секретомъ, что очень значительное число лучшихъ сотрудниковъ *Выставки* давно ужъ имѣютъ планъ отдѣлиться и завести свой журналъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло пойдетъ отлично. Тургеневъ, Островскій, Писемскій и Гончаровъ дали слово печатать у нихъ свои вещи. Кромѣ того, они имѣютъ самыя положительныя обѣщанія отъ нашихъ извѣстнѣйшихъ публицистовъ. Все это затѣвается на самую широкую ногу и на совершенно новыхъ началахъ. За толщиной нумеровъ уже больше не будутъ гоняться, а примутъ за образецъ англійскій *магазинъ* и будутъ печатать однѣ только первостатейныя вещи. Отдѣлъ политики будетъ совсѣмъ преобразованъ и корреспонденція будетъ играть въ немъ главную роль. Въ важнѣйшихъ мѣстахъ Европы будутъ корреспонденты, да кромѣ того, особенно въ Нью-Йоркѣ, Александріи и Пекинѣ. Сверхъ того, имѣютъ въ виду разсылать подписчикамъ телеграфическія депеши въ видѣ особаго, ежедневнаго прибавленія; при этомъ будутъ печатать вексельный курсъ и цѣны акцій, почтовый, морскій, биржевый, библіографическій, метеорологическій и театральный бюллетени; словомъ, всю сущность ежедневной газеты въ сжатомъ видѣ, на небольшой четвертушкѣ бумаги, которую всякій можетъ легко спрятать въ бумажникъ или карманъ.

Я замѣтилъ, что это великолѣпный планъ. „Ну, а какъ съ направленіемъ?—спросилъ я.

— Направленіе, отвѣчала она скороговоркой,—будетъ имѣть девизомъ движеніе въ формѣ прогресса ускоренной постепенности, незадающееся никакими узкими рубриками, а клонящееся къ самостоятельному развитію всѣхъ основныхъ элементовъ жизни народа, взятаго внѣ его племенныхъ, сословныхъ и половыхъ различій.

Я просилъ, чтобъ она мнѣ растолковала эту мудреную формулу. Она отвѣчала, что это нисколько немудрено, что стоитъ только понять. Я указалъ на два мѣста, которыя показались мнѣ нѣсколько

темны. „Что это значитъ“, спросилъ я, *„прогрессъ ускоренной постепенности?“*

— Это значитъ, отвѣчала она, что мы въ самомъ прогрессѣ находимъ необходимымъ прогрессъ. Мы не хотимъ, чтобы движеніе наше впередъ было простою, рутинною тенденціею къ разрѣшенію избитыхъ задачъ, въ старомъ, избитомъ смыслѣ, а чтобы оно всегда содержало въ себѣ живую возможность быть постепенно ускореннымъ относительно быстроты и усовершенствованнымъ относительно цѣли.

Я замѣтилъ, что такимъ образомъ оно достаточно ясно и что это совершенно новый взглядъ; но просилъ мнѣ еще объяснить, что это значитъ: *жизнь народа, взятаго внѣ его половыхъ и другихъ различій?*

— Это значитъ эмансипація вообще и эмансипація женщинъ въ особенности.

— Когда же все это пойдетъ въ ходъ? спросилъ я съ большимъ любопытствомъ.

На оживленномъ лицѣ Марьи Петровны промелькнулъ легкій оттѣнокъ заботы и грусти.

— Не знаю, отвѣчала она; до сихъ поръ столько препятствій.

— Какіе же?

— Да какъ вамъ сказать?.. Съ одной стороны оно пустяки, конечно, но съ другой дѣло довольно серьезное... У *насъ* денегъ нѣтъ..

Въ разговорѣ она уже нѣсколько разъ употребила первое лицо рѣчи вмѣсто третьяго, но сначала я на это не обратилъ большого вниманія.

— У *васъ*?—повторилъ я нѣсколько удивленный. Она покраснѣла... При этомъ опять догадка, что она сама пишетъ, а можетъ быть, и печатаетъ, зашевелилась у меня въ головѣ.

— Признаюсь вамъ, отвѣчала она, я принимаю такое живое участіе въ этомъ дѣлѣ, что невольно привыкла смотрѣть на него, какъ на свое собственное... Но мы говорили о деньгахъ. Святухинъ и нѣсколько человѣкъ его друзей, готовыхъ съ нимъ вмѣстѣ начать это дѣло, люди безъ всякихъ средствъ,—живутъ трудовою копѣйкою...

— Но деньги будутъ, если подписка пойдетъ успѣшно?

— О! Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. А все-таки, чтобъ начать, надо имѣть на первое время въ рукахъ надежный запасъ, потому что нельзя ожидать подписки въ большомъ числѣ прежде выпуска первой книжки, можетъ быть, первыхъ двухъ-трехъ... Надо имѣть возможность выдержать, покуда вниманіе публики будетъ пробуждено изъ обыкновенной своей апатіи и въ общемъ мнѣніи успѣетъ сформироваться оцѣнка... Подумайте, сколько разныхъ издержекъ потребуется въ самый короткій срокъ. Вы знаете, во что цѣнятся нынче производства первоклассныхъ талантовъ. Предположите, что ихъ будетъ напечатано въ первыхъ книжкахъ два или три, — вотъ ужъ вамъ 10,000 руб. изъ кармана. А другія статьи? А жалованье постояннымъ сотрудникамъ, бумага, наборъ, объявленіе... тысячи разныхъ случайныхъ, мелкихъ издержекъ?..

— Сколько же, вы полагаете, нужно имѣть въ рукахъ, чтобъ начать?—спросилъ я, напрасно пытаясь сообразить, что все это можетъ стоить.

— Да, говорятъ, тысячъ двадцать пять, по меньшей мѣрѣ; а не мѣшаетъ и больше.

— Чтожъ?.. Можно занять...

— У кого? Кто повѣритъ людямъ безъ громкаго имени, безъ собственныхъ средствъ, безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія?

Я задумался... Предложеніе, нѣсколько разъ повторенное Касимовымъ, пришло мнѣ на умъ;—я назвалъ его.

— У брата!?— отвѣчала она съ недовѣрчивою усмѣшкой.— Гмъ! Вы думаете, что онъ дастъ?

— Почему-жъ нѣтъ? Онъ вѣдь и такъ давалъ въ долгъ Святухину.

— Быть не можетъ... Кто это вамъ сказалъ?..

— Онъ самъ.

— Странно... Я этого не знала... Нина мнѣ ни полслова объ этомъ... Вѣрно какія нибудь мелочи — рублей сто, двѣсти?..

— Можетъ быть. Но мнѣ Дмитрій Петровичъ не разъ предлагалъ достать деньги въ гораздо большемъ размѣрѣ, если я захочу начать что нибудь.

— А? Гмъ! Вотъ какъ... Марья Петровна открыла большіе глаза и, посмотрѣвъ на меня съ любопытствомъ, задумалась.

— Знаете что? продолжала она минуту спустя; — вы мнѣ дали идею... Надо поговорить съ Родіономъ Михайловичемъ...

XII.

4-го октября.

Презабавная эта Ниночка! Иной разъ едва удерживаешься отъ смѣха, глядя, какія штуки она выдѣлываетъ... До сихъ поръ осталась ребенкомъ, несмотря на то, что сама имѣетъ дѣтей... По характеру, это сущая курица; воды, что называется, не замутитъ и при мужѣ пикнуть не смѣетъ, — а туда же за Марьей Петровной и за другими тянется, хочетъ играть роль прогрессистки, эманципированной!.. Завела у себя фуражку съ синимъ околышкомъ, да не смѣетъ надѣть... Жжетъ папироски, не рѣшаясь вдохнуть въ себя дымъ... Опрокинется на диванъ, поджавъ колѣна, или сядетъ на столъ и болтаетъ ногами, какъ школьникъ; а подъ часъ раскуражится, начнетъ говорить о какомъ нибудь скользкомъ предметѣ такъ храбро, развязно, какъ будто ей все нипочемъ, да вдругъ, невзначай наткнется на какое нибудь словцо, которое ей покажется слишкомъ крѣпко, или почудится, что кто нибудь, слушая, усмѣхнулся двусмысленно, или просто замѣтитъ, что ее оставляютъ говорить одну... перепутается бѣдняжка, сконфузится, раскраснѣется вся, какъ макъ, такъ даже жалко станетъ, несмотря на то, что тебя разбираетъ смѣхъ... А засмѣешься, — обидится... Вчера Марья Петровна надъ ней пошутила. Стала при мнѣ говорить о какомъ то Владимірѣ Ивановичѣ, инженерѣ, съ которымъ онѣ встрѣчаются гдѣ то въ воскресной школѣ или на лекціяхъ,— увѣряя, что будто бы онъ влюбленъ въ Нину и что, зная ея просвященныя убѣжденія, онъ конечно не станетъ скрывать своихъ чувствъ, а когда нибудь скоро откроется и будетъ искать взаимности. Та сперва хохотала краснѣя; но Марья Петровна на этомъ не кончила.

— И ты въ него влюбишься тоже, Нина, я это предчувствую,—продолжала она.—Я знаю что онъ тебѣ очень нравится.

— Фи! Что за вздоръ! отвѣчала та, ужъ немного надувшись, но все еще усмѣхаясь.

— Отчего вздоръ? Мало ли что можетъ случиться?.. Чувство не связано сводомъ гражданскихъ законовъ... Да и какая бѣда!..

Вѣдь мы съ тобой выше этихъ пустыхъ предразсудковъ, — а Дмитрій тоже не мальчикъ. Онъ человѣкъ умный, владѣетъ собой и первый пылъ страсти у васъ прошелъ... Онъ не захочетъ у тебя отнять счастье. Онъ, можетъ быть, немножко посердится на васъ обоихъ сначала, но потомъ образумится и поступитъ какъ человѣкъ современный... Дастъ тебѣ паспортъ и деньги, и отпуститъ тебя съ Владиміромъ Ивановичемъ за границу; а дѣти останутся у меня на рукахъ...

Ниночка слушала нѣсколько времени, вся раскраснѣвшись, съ большими, встревоженными глазами, да вдругъ какъ расплачется... „Ни за что! Ни за что! Ты меня не любишь, Маша! Ты хочешь отъ меня отвязаться! Я вамъ надоѣла обоимъ! Вы хотите отнять у меня дѣтей! Хотите сдѣлать меня несчастною на всю жизнь“!..

Мы насилу ее успокоили, увѣряя, что все это шутки. Но минутъ черезъ пять, когда она вышла изъ комнаты, я съ большимъ удивленіемъ обратился къ Марьѣ Петровнѣ.

— Что это значитъ?—спросилъ я.

— Такъ, ничего... отвѣчала она усмѣхаясь.—Я люблю ее подразнить иногда;—она такой милый ребенокъ!

— Да отчегожъ она такъ, того... такъ горячо это принимаетъ?

— О! Да развѣ вы не замѣтили, что она влюблена безъ памяти въ мужа!

Я хотѣлъ спросить: а онъ какъ? Любитъ ли онъ ее также? Но въ эту минуту вошелъ какой то студентъ съ извѣстіемъ, что лекція Костомарова назначена вмѣсто субботы во вторникъ.

XIII.

9-го октября.

Былъ у Святухина. Онъ познакомилъ меня съ своею женой... Добрая женщина и собой недурна, только держитъ себя не совсѣмъ опрятно. Подъ ногтями каемки и рукава грязные... Манерой напоминаетъ русскихъ актрисъ... Въ комнатѣ тоже неслишкомъ чисто. Въ передней ведро съ помоями и пеленки. Въ гостиной, по самой серединѣ, валяется дѣтская кукла, съ дикорастопыренными руками и съ разбитымъ черепомъ. Въ кабинетѣ хаосъ... Книги и рукописи грудой лежатъ на стульяхъ, а на столѣ платье. Въ пепельницѣ

лоскутья изорванной бумаги, а пепелъ просыпанъ мимо. На подоконникѣ горка золы, выбитой второпяхъ изъ трубки, окурки сигаръ, изорванная обертка какой то книги, на которой разбросаны папиросы, очевидно домашней фабрики, судя по коробкѣ съ пустыми гильзами и съ рукояткой стального пера для набивки... На стѣнѣ маска Бѣлинскаго, вся закопченая дымомъ и покрытая пылью. Кругомъ полки съ книгами; подъ полками съ полдюжины фотографическихъ карточекъ, прибитыхъ гвоздями; окна безъ сторы; въ углу за плевательницей мокрые чайные листья въ смѣси съ разнымъ соромъ, —неоспоримый признакъ, что комната не метена...

Святухинъ въ жилетѣ, безъ сюртука и безъ галстуха, самъ отворилъ мнѣ двери, извиняясь, не помню въ чемъ, и тотчасъ же отобралъ у меня мой зонтикъ и шляпу, съ такимъ настойчивымъ видомъ, какъ будто бы эти вещи въ моихъ рукахъ грозили какою нибудь немедленною катастрофой. Изъ гостиной выглянуло любопытное женское личико: это была сама хозяйка. Святухинъ тутъ же представилъ меня и мы сказали другъ другу нѣсколько словъ, послѣ чего онъ увелъ меня въ кабинетъ, гдѣ сидѣли ужъ два господина литературной наружности. Говорили объ итальянскихъ дѣлахъ, потомъ о Людовикѣ Наполеонѣ, потомъ о какомъ-то процессѣ, который одинъ изъ русскихъ выигралъ въ Лондонѣ. Потомъ пришло нѣсколько человѣкъ студентовъ съ молодымъ человѣкомъ, который принесъ зачитанный въ лоскутки номеръ Колокола и прочелъ намъ забавный разсказъ о какомъ-то скандалѣ... Я провелъ очень пріятно часа полтора, но собственно литературнаго разговора почти не слыхалъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ о ссорѣ редакціи съ какою-то писательницею за передѣлку ея статьи.

XIV

11-го октября.

Сегодня, совсѣмъ неожиданно, пришлось быть свидѣтелемъ весьма любопытной сцены. Часу во второмъ зашелъ къ Святухину, какой-то юноша, гимназистъ, отворилъ мнѣ двери и, не дожидаясь вопроса, объявилъ очень рѣшительно, что Родіона Михайловича дома нѣтъ. Это мнѣ показалось сомнительно, потому что передняя вся уставлена была калошами, шляпами, зонтиками и завалена верх-

нимъ платьемъ; къ тому же, въ ней крѣпко пахло табачнымъ дымомъ и за дверьми, въ кабинетѣ, слышны были громкіе голоса.

— Занятъ съ кѣмъ нибудь, думалъ я и повернулся чтобы уйти, но не успѣлъ сдѣлать шагу, какъ сама Анна Дмитріевна догнала меня на порогѣ.

— Василій Григорьевичъ! Извините!.. Войдите пожалуйста... Мужъ дома. Онъ не велѣлъ принимать постороннихъ, потому что у насъ тутъ сегодня сходка. Но до васъ это не касается... Извините, пожалуйста! Братъ Петя еще не знаетъ васъ... Да войдите-же!..

— Но... я, можетъ быть, помѣшаю? отвѣчалъ я, не рѣшаясь принять приглашеніе,

— О! нѣтъ! Родіонъ Михайловичъ не дѣлаетъ изъ этого никакого секрета. Онъ только боялся, чтобъ слишкомъ много народу не набралось. Вы знаете,—наша молодежь... всякій самъ говоритъ лѣзетъ, а тутъ и безъ нихъ столковаться трудно... Но вы, — это другое дѣло... вы вѣдь будете просто зрителемъ... Родіонъ Михайловичъ разсердится, если узнаетъ, что васъ не впустили... Онъ васъ полюбилъ... Онъ очень радъ будетъ... Да постойте, вотъ я его самого сейчасъ позову...

Она убѣжала и, минуту спустя, вернулась съ мужемъ. Тотъ наскоро повторилъ извиненія и чуть не насильно втащилъ меня въ кабинетъ, шепнувъ мимоходомъ... „*горячее дѣло*!..“

Дѣло, дѣйствительно, имѣло весьма горячій видъ. Небольшой кабинетъ былъ полонъ народа. Въ немъ собралось человѣкъ двадцать, большею частію молодыхъ людей, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ, студентовъ и какой-то красивый мужчина въ театрально ямщицкомъ нарядѣ... Густое облако дыма, шумъ, говоръ, шутки и громкіе возгласы... На меня не обратили никакого вниманія. Я присѣлъ въ уголкѣ, возлѣ хозяина, горя нетерпѣніемъ поскорѣе узнать въ чемъ дѣло, но долго не могъ рѣшительно ничего разобрать.

Минутъ пять я осматривался и прислушивался самымъ внимательнымъ образомъ, пока наконецъ, въ этомъ хаосѣ лицъ, криковъ и голосовъ, безпрестанно перебивавшихъ другъ друга, я успѣлъ отыскать нѣчто похожее на фокусъ, въ которомъ все это сосредоточивалось. Этотъ фокусъ сидѣлъ очень важно въ креслахъ, прямо противъ меня. Это былъ нѣкто Свѣчинъ, военный, плотный, при-

земистый, неуклюжій мужчина лѣтъ за тридцать, съ начинающейся лысиной въ коротко обстриженныхъ волосахъ и съ густой бородой, въ самомъ центрѣ которой подбрита была небольшая уступка службѣ, величиною въ пятакъ, вслѣдствіе чего два хвоста бурой шерсти, разрозненные этой просѣкой, висѣли у него на груди... Онъ, какъ я послѣ узналъ, былъ авторъ какой-то педагогической статейки, появившейся очень недавно въ журналѣ *Вожакъ*, статейки, которую обругали въ *Выставкѣ*, послѣ чего сраженіе перешло на нейтральную территорію одной ежедневной газеты, отводившей въ столбцахъ небольшую арену для этого рода потѣхъ. Тамъ драка дошла до послѣднихъ предѣловъ ожесточенія и кончилась тѣмъ, что нѣсколько лицъ съ обѣихъ сторонъ, принимавшихъ въ ней дѣятельное участіе, потребовали другъ друга на очную ставку для словеснаго разъясненія двухъ или трехъ вопросовъ, до того жесткихъ, что печатная рѣчь напрасно ломала надъ ними зубы. Начала этого *разъясненія*, я къ сожалѣнію, не засталъ и статей, изъ которыхъ оно возникло, не читывалъ, а потому, разумѣется, былъ, какъ въ лѣсу. Большую часть изъ того что было говорено совсѣмъ не понялъ, а остальное не могъ связать. Помню только, что партія Свѣчина настаивала на объясненіи какихъ-то двусмысленныхъ выраженій, напечатанныхъ будто бы съ цѣлію распространить клевету, но какъ ни старались съ обѣихъ сторонъ, а дѣло (въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ) не становилось яснѣе ни на волосъ. Много мѣшали, конечно, рѣзкія выходки опонентовъ, имѣвшія иногда чисто личный и весьма оскорбительный смыслъ. На нихъ отвѣчали съ такою же рѣзкостью: голоса возвышались, лица краснѣли и мирное объясненіе нѣсколько разъ грозило окончиться страшною ссорою... Но буря стихала всякій разъ, что на сцену являлись вопросы другого рода, болѣе общіе и широкіе, и тогда содержаніе спора становилось яснѣе. Одинъ весьма интересный пассажъ въ этомъ родѣ я успѣлъ хорошо запомнить, можетъ быть оттого, что онъ былъ послѣдній.

— Надо же это выяснить, наконецъ, говорилъ господинъ въ очкахъ съ маленькимъ, круглымъ лицомъ, съ котораго не сходила насмѣшливая улыбка. Это былъ нѣкто Розановъ, какъ я послѣ узналъ, учитель словесности въ какой-то гимназіи—господинъ, въ спорѣ игравшій весьма замѣтную роль... „Надо же это выяснить...

Что, намъ нужна наука или вы ее окончательно считаете роскошью?

— Нужна та наука, которая нужна, пыхтя отвѣчалъ Свѣчинъ,— „а которая не нужна, та роскошь“.

— Тавтологія! закричалъ кто-то.

— Такъ можно сто лѣтъ говорить, продолжалъ Розановъ:—и всетаки не договориться ни до чего положительнаго... Вы смѣшиваете науку съ выучкой,—отъ этого и выходитъ нелѣпость..

— Нисколько! Вздоръ!.. Разумѣется! закричали съ разныхъ сторонъ.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Розановъ, съ усиліемъ напрягая голосъ:—что выучка можетъ имѣть прямою задачей умѣнье жить и добывать себѣ нужное въ жизни, а наука не можетъ.

— Да на кой же чортъ намъ ее, если она не можетъ, презрительно перебилъ Свѣчинъ.

— Никакая наука, продолжалъ тотъ, не останавливаясь: — никакая наука не обязывается васъ выучить тому, что вамъ слѣдуетъ дѣлать для достиженія вашихъ цѣлей въ жизни. Наукѣ собственно дѣла нѣтъ до вашей насущной нужды. Ея цѣль знаніе, ея дѣло выяснить вамъ характеръ явленій васъ окружающихъ и отыскать ихъ законъ; а выработать изъ этихъ законовъ правила для насущнаго обихода это ужъ дѣло практической ловкости и здраваго смысла.

— Вы отдѣляете науку отъ здраваго смысла, замѣтилъ кто-то.

— Нисколько;—но я отдѣляю ее отъ искусства, которому можно, пожалуй, тоже учиться, какъ учатся ѣздить верхомъ.., или плавать... танцовать, рисовать...

— Воровать, прибавилъ Свѣчинъ. Громкій хохотъ привѣтствовалъ эту шутку.

— Пожалуй и воровать, продолжалъ не смущаясь ораторъ:— но это не есть наука.

— Какъ не наука? Напротивъ, наука, да еще и весьма почтенная.

— Позвольте, не перебивайте. Изъ всего сказаннаго я вывожу, господа, вопросъ такого рода: должны ли мы, педагоги, поставить себѣ задачею развитіе мысли и знанія въ нашемъ народѣ, какъ главный залогъ его будущей самостоятельности, или смотрѣть на такое развитіе, какъ на роскошь, для него безполезную, и забо-

титься только о томъ, чтобы дать ему рядъ практическихъ наставленій, какъ онъ долженъ вести себя въ жизни и что долженъ дѣлать въ такихъ или другихъ обстоятельствахъ?

— Все это философія! возразилъ Свѣчинъ.—Куда намъ, дуракамъ, до такой премудрости? Мы смотримъ на вещи спроста, и если видимъ, что въ школахъ у насъ учатъ вздору, то прямо и говоримъ, что, молъ, это вздоръ.

— Такъ-съ возразилъ Розановъ:—только вы потрудитесь намъ обстоятельно указать, что именно вы считаете вздоромъ? — А то вы тутъ съ нами скромничаете; а тамъ, въ вашихъ статьяхъ, лупите безъ разбора по всей системѣ преподаванія.

Свѣчинъ улыбнулся съ лукавымъ самодовольствомъ.

— Надо бить далѣе цѣли, чтобъ попасть въ цѣль, отвѣчалъ онъ значительно.—Наше дѣло ломать, не теряя времени, что подъ руку попадетъ. Намъ некогда разбирать что сгнило и что еще держится. Что имѣетъ довольно силы, чтобъ выжить, то выживетъ, а не выживетъ, такъ туда и дорога; для чего нибудь новаго опростаетъ мѣсто.

На это Розановъ возразилъ, что въ жизни порожнихъ мѣстъ не бываетъ, что въ ней разрушеніе стараго тождественно съ образованіемъ новаго и что стало быть, разрушая съ одной стороны, надо знать, что возводишь съ другой; а то можетъ, пожалуй, случиться, что новое окажется хуже стараго.

— Нутка, посмотримъ, что ты на это скажешь? думалъ я про себя. Но Свѣчинъ не смутился. Онъ отвѣчалъ, что можетъ случиться и такъ,—что ему до этого дѣла нѣтъ; что онъ представитель движенія и не знаетъ, куда оно приведетъ, но требуетъ перемѣны только на томъ основаніи, что настоящее скверно и что, во всякомъ случаѣ, его не стоитъ жалѣть.

Нѣсколько человѣкъ съ его стороны громко выразили свое одобреніе, но большинство было противъ и завязался горячій споръ Всѣхъ подробностей я не припомню, но помню, что въ самомъ горячемъ мѣстѣ Розановъ выругалъ Свѣчина и его партизановъ *идеалистами*, что сильно ихъ озадачило, а съ другой стороны возбудило всеобщій смѣхъ, вслѣдъ за которымъ нѣкоторые потребовали объясненіе.

— Да чѣмъ же прикажете считать, спросилъ Розановъ, — людей, которые не цѣнятъ дѣйствительности ни въ грошъ и отрицаютъ ее наповалъ во имя какой-то Аркадіи, которая имъ мерещится въ будущемъ.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ пять или шесть человѣкъ заговорили опять въ перебивку, кто противъ, кто за, и все это съ такимъ жаромъ, что не было никакой возможности разобрать путемъ Одно только ясно высказывалось: это сильное раздраженіе съ обѣихъ сторонъ. Снова возвысились голоса, снова посыпались личности и рѣзкія обвиненія въ разнаго рода *нелитературныхъ* грѣхахъ. Всѣ встали и перемѣшались. Шиканье, свистъ, аплодисменты слышны были съ разныхъ сторонъ. Свѣчинъ, до сихъ поръ говорившій довольно спокойно, вышелъ совсѣмъ изъ себя и стуча объ полъ саблею кричалъ во всю глотку. Святухинъ нѣсколько разъ безуспѣшно старавшійся возстановить порядокъ, не выдержалъ до конца роли посредника и поругался съ однимъ изъ своихъ гостей. Я самъ, человѣкъ весьма смирный и попавшій на диспутъ случайно и все еще понимавшій неясно, въ чемъ собственно спорный пунктъ, я самъ начиналъ въ себѣ чувствовать какія-то безотчетно воинственныя побужденія. Помню, что нѣсколько разъ я начиналъ говорить очень громко и горячо какой-то вздоръ, на который, по счастью, никто изъ присутствующихъ не обратилъ никакого вниманія. Предчувствуя инстинктивно, что ссора можетъ дойти до положительной схватки и кончиться въ рукопашную, я съ какимъ-то ребяческимъ озлобленіемъ готовъ былъ стать грудью за сторону Розанова и Святухина; я мысленно уже выбралъ себѣ противникомъ самого Свѣчина, но дѣло до этого не дошло. Среди всеобщаго гвалта какой то юмористическій господинъ ловко вскочилъ на стулъ и произнесъ краткій спичъ... „Господа!“ закричалъ онъ во всеуслышаніе — „я нахожу, что дѣло разъяснено чрезвычайно ясно, какъ яснѣе не можетъ быть, а потому предлагаю рѣшить, что объясненіе кончено!“

— Кончено! Кончено! закричали со всѣхъ сторонъ. Въ ту же минуту большая половина собранія схватилась за шляпы и толпой повалила вонъ.

— Милости просимъ, — жена зоветъ закусить, сказалъ Святухинъ, отворивъ дверь въ гостиную.

Мы высыпали на свѣжій воздухъ словно изъ бани: кто отдувался, кто потъ утиралъ:—лица у нѣкоторыхъ были какъ пареныя, а другія еще сохраняли невольно какой-то задорный, взъерошенный видъ. Пятнадцатилѣтній мальчикъ, братъ Анны Дмитріевны, гимназистъ Петя, присутствовавшій все время на диспутѣ, можетъ быть съ тайной надеждою отличиться, вслучаѣ еслибы дѣло дошло до драки, былъ такъ взволнованъ, что сначала рѣшительно отказался отъ завтрака и уже послѣ сталъ ѣсть.

— Ну что, чѣмъ кончилось? спросила хозяйка.

— Ушли, не простившись, отвѣчалъ кто-то.

— Свиньи! мрачно замѣтилъ Святухинъ.

— Ну, а вопросъ о преподаваніи?

— Они отвергаютъ рѣшительно гуманизмъ, отвѣчалъ съ озабоченнымъ видомъ Петя.

XV.

15-го октября.

Вчера у меня обѣдали Святухинъ и Розановъ. Что это за простые, милые люди! Другіе на мѣстѣ ихъ навѣрно стали бы чваниться своимъ высшимъ развитіемъ и смотрѣли бы свысока на такого темнаго человѣка, какъ я:—а они и виду не подали, чтобъ имъ было со мною скучно. Пили шампанское и курили сигары, не заставляя себя упрашивать, говорили открыто, весело, не чинясь и не важничая, отвѣчали на всѣ вопросы охотно и въ короткое время надѣлили меня такимъ щедрымъ запасомъ свѣдѣній, разсказали такую пропасть серьезныхъ и въ высшей степени интересныхъ вещей, что еслибы я захотѣлъ изложить это все цѣликомъ на бумагѣ, мнѣ бы пришлось сидѣть за работой дней пять. Но подвигъ такого размѣра мнѣ не по силамъ; а потому постараюсь здѣсь высказать только то, что поразило меня особенно.

Я ихъ просилъ объяснить мнѣ истинный смыслъ бывшаго диспута и узналъ объ этомъ предметѣ слѣдующее:

Судя по ихъ словамъ, въ нашей литературѣ есть школа какихъ то фанатиковъ. Святухинъ ихъ называетъ *абреками*, а Розановъ *желтяками*. Эти абреки воюютъ противъ всего осѣдлаго, прочно установившагося въ области историческаго развитія мысли. Они дѣйствуютъ въ разсыпную. Одни разбиваютъ право и политическую

экономію, другіе топчутъ всю философію въ грязь, третьи осмѣиваютъ искусство, четвертые возстаютъ противъ обычаевъ и преданій, завѣщанныхъ стариной,—противъ всего родового, народнаго, привязывающаго человѣка къ почвѣ и заставляющаго любить свои племенныя особенности. Безъ связи и общаго плана, но съ изумительной дерзостью совершаютъ они набѣги на эти отдѣльные пункты, нападаютъ врасплохъ, производятъ тревогу, погромъ, и послѣ короткой схватки, уходятъ, довольные мелкимъ успѣхомъ. На серьезный, открытый споръ ихъ не выманишь и послѣдняго слова отъ нихъ никоимъ путемъ не добьешься, потому что у нихъ нѣтъ никакихъ основныхъ убѣжденій, на которыхъ они могли бы остановиться и упереться твердо. На всѣ твои аргументы они отвѣчаютъ насмѣшкой:—это, молъ, вовсе неважно, дѣло совсѣмъ не въ томъ, и съ этимъ сальцемъ они отъ тебя въ замочную скважину улизнутъ, проведутъ тебя черезъ всѣ теоріи и все это будетъ неважно, все дѣло не въ томъ. Это у нихъ такая система, потому что, какъ Розановъ объяснилъ, они не хотятъ ничѣмъ себя связывать. То есть, значитъ, какъ только ты высказался о чемъ нибудь утвердительно, такъ ты и связанъ, и за эту привязку можно тебѣ, какъ дважды два, доказать, что вотъ, молъ, изъ этого то-то и то-то слѣдуетъ, стало-быть, что ты теперь говоришь, все это вздоръ, и ты, мой почтеннѣйшій, противорѣчишь себѣ. Вотъ этакимъ-то образомъ они у на диспутѣ отваливали. Какъ только замѣтятъ, что имъ приходится плохо и что серьезнаго спора не выдержать, такъ тотчасъ и всторону, собьютъ все дѣло на личности, станутъ ругаться, затѣютъ шумъ, путаницу, содомъ, напустятъ тебѣ такого дыму въ глаза, что поневолѣ отстанешь.

Далѣе я узналъ, что на диспутѣ были только одни второстепенные представители этой школы, а что ихъ доки, профессора, какъ увѣряетъ Святухинъ, ни за что въ мірѣ, ни на какой диспутъ не выйдутъ и ни съ кѣмъ объясняться словесно не станутъ, потому что боятся свое достоинство уронить... Это меня удивило. „Какъ?“ спросилъ я; „а Свѣчинъ?“

— Свѣчинъ? отвѣчалъ мнѣ съ усмѣшкою Розановъ;—гмъ; знаете, что такое Свѣчинъ? Это пѣтухъ, котораго положили на полъ и очертили носъ мѣломъ;—простякъ, добрый малый съ курирою порціей мозга. Онъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ дурману, которымъ

его опаиваютъ, и готовъ на стѣну лѣзть, если пріятели скажутъ ему, что это прогрессъ... Это одинъ изъ тѣхъ, которые не могутъ ничего понять ясно, а лупятъ безъ толку и безъ разбору по всему, что имъ подъ руку попадетъ, и по всѣмъ, кто съ ними хоть на волосъ несогласенъ. Онъ теперь сунулся въ педагогію, въ которой смыслитъ, съ позволенія сказать, какъ свинья въ апельсинахъ...

Далѣе, они назвали мнѣ еще нѣсколько человѣкъ, игравшихъ замѣтную роль на диспутѣ, и отозвались о нихъ тоже не очень лестно.

Послѣ того Святухинъ сталъ говорить весьма горячо о вредѣ, который это наѣздничество причиняетъ литературѣ, отбивая отъ дѣла молодыхъ людей съ талантомъ и пріучая ихъ относиться презрительно къ искусству, наукѣ и жизни.

— Все это мѣтитъ теперь въ пророки, прибавилъ онъ,— въ геніи; и не сдѣлавъ рѣшительно ничего, даже не зная путемъ ничего, считаетъ себя превыше всего, всѣмъ брезгаетъ, все ругаетъ!..

Много чего еще они говорили объ этомъ; всего не припомню... Я былъ огорченъ и встревоженъ до крайности. Я до сихъ поръ, признаюсь, даже и не подозрѣвалъ, чтобъ дѣло было до такой степени скверно...

— Боже мой! воскликнулъ я, всплеснувъ руками. Да что-жъ это будетъ, наконецъ! Да неужли жъ у насъ нѣтъ людей, способныхъ выступить на открытый бой противъ всѣхъ этихъ вандаловъ, и стереть ихъ съ лица земли?.. Къ этому времени, я успѣлъ выпить стакана четыре, и потому говорилъ немножко высокимъ слогомъ. Гости мои, отчасти по той же причинѣ, а отчасти встрѣчая такое сочувствіе въ своемъ слушателѣ, стали еще сообщительнѣе. Слово за словомъ, они мнѣ признались, что они затѣваютъ новый журналъ съ цѣлью отстаивать всѣми силами науку, искусство и жизнь противъ тѣхъ варваровъ, о которыхъ мы только-что говорили.

Это извѣстіе привело меня въ неизъяснимый азартъ, въ какое то дико-воинственное одушевленіе, въ родѣ того, которое я испыталъ на диспутѣ. Я не вытерпѣлъ и проболтался имъ тутъ-же, что я уже слышалъ о ихъ намѣреніи отъ... одного, хорошаго человѣка... пріятеля; но что меня удивляетъ одно. Въ программѣ,

которую сообщилъ мнѣ пріятель, не сказано, помнится, ничего объ этой особой цѣли. Тамъ упомянуто только въ общихъ словахъ о прогресѣ, эманципаціи, о развитіи всѣхъ элементовъ народной жизни въ ихъ полномъ объемѣ, что все безъ сомнѣнія превосходно, но мнѣ гораздо болѣе нравится эта особая цѣль. Въ ней больше энергіи, она осязательнѣе, опредѣленнѣе,..

— Все это правда, отвѣчалъ Розановъ: – но согласитесь, что начиная войну, неполитично публиковать заранѣе планы военныхъ дѣйствій. Насъ могутъ разбить прежде, чѣмъ мы успѣемъ собраться съ силами. Знамя, конечно, нужно; но мы успѣемъ еще двадцать разъ его развернуть. Вѣдь у насъ до сихъ поръ, по пословицѣ, еще и конь не валялся.

— Я приталъ къ нимъ съ распросами: когда они думаютъ начать дѣло? Но получилъ опять тотъ же отвѣтъ, что у нихъ еще денегъ нѣтъ.

— Деньги будутъ! произнесъ я рѣшительно и выпилъ залпомъ стаканъ за успѣхъ ихъ предпріятія...

Что было дальше, я худо помню. Чуть ли я имъ не выболталъ нашего разговора съ Марьей Петровной, потому что мы, помнится, говорили что-то о ней и о деньгахъ, и оба они сначала казались немного удивлены, но потомъ наступили минуты шумной, неудержимой радости. Гости сами потребовали еще вина. Откупорили опять бутылку шампанскаго... послѣднюю... Мы обнимались и пили нѣсколько разъ за новый журналъ...

Какъ и когда они отъ меня ушли?.. кто съ меня снялъ сапоги и сюртукъ и какимъ образомъ я очутился одинъ, у себя въ кабинетѣ, въ постелѣ—не помню. Помню только, что я проспалъ до глубокой ночи, потомъ всталъ, раздѣлся и снова легъ.

XVI

18-го октября.

— Чортъ знаетъ, какъ этотъ народъ глупъ! говорилъ Дмитрій Петровичъ, прохаживаясь по комнатѣ... Бралъ у меня разъ пять, то по пятидесяти, то по сту и до сихъ поръ ничего не отдалъ; а теперь прилѣзъ опять съ просьбою... Дай ему въ долгъ, какъ бы ты думалъ? Хе, хе! Бездѣлицу,—всего 25,000!. Что вы, я

говорю,—домъ что-ли купить собираетесь? А онъ мнѣ пошолъ разсказывать басню про какой-то журналъ, который они затѣваютъ... Дѣло, молъ, самое вѣрное и у насъ все готово; — а? слышишь-ли?.. все готово, одного только—денегъ нѣтъ. Да мы, дескать, въ этомъ на васъ надѣемся... А? какъ тебѣ это нравится?

— Что жъ ты ему отвѣчалъ? спросилъ я Дмитрія Петровича.

— А вотъ что... Знаете, говорю, если вамъ все равно, такъ вы лучше займите у Кокорева или у Штиглица... у нихъ денегъ больше... Г-нъ, говоритъ, вы шутите Дмитрій Петровичъ?.. Нисколько, хи, хи!.. Что тутъ за шутки?.. Двадцать пять тысячъ дѣло не шуточное... Я вамъ совѣтую то-же, что я и другому бы посовѣтовалъ. Вы знаете, деньги лицепріятія не терпятъ. Что мнѣ за дѣло, кому я даю взаймы и на что, лишь бы я зналъ, что ссуда вернется;.. и могу васъ увѣрить, что Кокоревъ, Штиглицъ, всякій капиталистъ смотрятъ на это дѣло такъ же... Никто изъ нихъ не откажется дать взаймы, на проценты конечно, и подъ вѣрное обезпеченіе. Г-нъ... да какое же, говоритъ, я имъ могу предложить обезпеченіе? Не знаю, я говорю,—вы мнѣ объ обезпеченіи ничего не говорили. Да помилуйте, говоритъ;—вы меня знаете и можете быть увѣрены, что во всякомъ случаѣ, я поставлю себѣ священной обязанностью... Позвольте, я говорю;—все это лишнее. Я ни мало не сомнѣваюсь, что вы намѣрены уплатить то, что вы занимаете, да дѣло тутъ не въ намѣреніи, а въ способности его выполнить. Да помилуйте, говоритъ, неужто вы думаете, что мы пустимся, очертя голову, въ какія нибудь несбыточныя затѣи?

— Позвольте, хе, хе! Я объ этомъ не думаю ничего да и думать не буду... Къ чему?.. Это ваше дѣло; до меня оно не касается. Мнѣ все равно, на что вы хотите употребить деньги. Хоть бы вы на нихъ Калифорнію покупали, а все-таки не могу дать взаймы иначе, чѣмъ это обыкновенно дѣлается... А дѣлается оно, хе, хе! очень просто. Тотъ, кто беретъ взаймы, обезпечиваетъ уплату своею собственностью, или, за неимѣніемъ оной, ручательствомъ кого нибудь другого, имѣющаго... Поморщился мой пріятель,—понялъ... ха, ха, ха!.. ушелъ отъ меня; поджавши хвостъ... Жаль, что тебя тутъ не было! Ты бы полюбовался...

Этотъ разсказъ и насмѣшки надъ бѣднымъ Святухинымъ и маленькій, злобный хохотъ, которымъ все это было пересыпано,

произвели на меня непріятное впечатлѣніе... Отъ нихъ вѣяло такой безнощадной сухостью!

— Послушай, Дмитрій Петровичъ,—сказалъ я ему, когда онъ кончилъ:—развѣ большой журналъ въ пять-шесть тысячъ подписчиковъ нельзя считать собственностью?

— Журналъ? г-мъ,—отвѣчалъ онъ подумавъ.—Почему жъ нѣтъ,—можно пожалуй;—да только какой журналъ? Никакого журнала вѣдь нѣтъ. Все это пуфъ... однѣ надежды, вдобавокъ несбыточныя, потому что едва-ли они найдутъ такого осла, который рѣшится дать деньги на этотъ вздоръ.

— Нисколько не вздоръ, отвѣчалъ я.—Въ наше время чувствуется потребность именно въ такомъ органѣ слова, какой они имѣютъ въ виду. Онъ говорилъ тебѣ о цѣли изданія?

— Нѣтъ; да и хорошо сдѣлалъ, потому что меня это вовсе не интересуетъ... Пустое фразерство, подъ которымъ у всѣхъ цѣль одна: отбить у другихъ подписчиковъ. Все это лавочники, все это тащитъ тебя за рукавъ, клятвенно увѣряя, что у сосѣда товаръ гнилой, а у нихъ однихъ—лучшій сортъ.

— Дмитрій Петровичъ! Ты ошибаешься. Можетъ быть, есть и такіе, какъ ты говоришь, но эти на нихъ непохожи. У этихъ цѣль истинно-благородная. Они хотятъ защищать науку, искусство...

— Отъ кого это? спросилъ онъ насмѣшливо.

— Какъ? отвѣчалъ я.—Развѣ тебѣ неизвѣстно, что у насъ появилась школа людей, которые все это отрицаютъ?

— Такъ что-жъ за бѣда? Ну и пусть отрицаютъ. Стоитъ ли наша паршивая наука и что тамъ еще,—искусство что ли—чтобъ ихъ защищать?.. Я знаю немножко этихъ людей, противъ которыхъ они собираются воевать. Это единственные изо всего ихъ стада, которые пишутъ что-то похожее на дѣло. Сквозь всѣ ихъ нелѣпости и фразерство, у нихъ пробивается иногда свѣжая струйка здраваго смысла, которая обѣщаетъ нѣчто.

— Не свѣжая струйка, а гниль! возразилъ я съ досадой. Зерно разложенія, грозящее все заразить. Знаешь ли ты, что они ни на чемъ не останавливаются, отвергаютъ всѣ нравственные принципы?..

— Послушай, Василій Григорьичъ, перебилъ онъ смѣясь:—вѣдь это все фразы. Вѣдь, если по правдѣ сказать, кто жъ у насъ

нынче вѣритъ въ нравственные принципы? А то, что ты на нихъ взводишь, будто они ни на чемъ не останавливаются,—такъ это не правда. То-то и горе, что останавливаются. Проклятая филантропія портитъ дѣло. Лѣзутъ изъ кожи, чтобъ быть благодѣтелями рода человѣческаго, который о нихъ и не думаетъ. Не будь этой дури, они бы давно пришли куда слѣдуетъ.

— То есть куда жъ это?

— Да туда, куда всякій, не совершенно помѣшанный человѣкъ долженъ придти съ лѣтами и опытомъ. Къ тому, чтобы не соваться въ чужія дѣла, а дѣлать свое. Изъ за какого чорта я буду разыгрывать роль провидѣнія и думать объ общей пользѣ? Что тамъ за общая польза? Гдѣ она? Живетъ ли на свѣтѣ хоть одинъ умный человѣкъ, который бы вѣрилъ серьезно въ эту нелѣпую басню? Общая польза такой же мифъ, какъ и всѣ остальные. Все, что дѣлается во имя ея, всегда достается въ руки какому нибудь смышленому шулеру, который одинъ и пользуется, а сотни и тысячи простяковъ остаются съ носомъ.

— Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы шулерство было честно,— отвѣчалъ я.

— Гмъ, *честно... нечестно* .. разныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ. Все честно спереди и безчестно сзади... Вотъ хоть бы ты, напримѣръ, ужъ, конечно, честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, самъ, ничего не дѣлая, проѣдаешь въ годъ выручку сотни дѣлающихъ, и это считается *честно*; а голодный мазурикъ вытащитъ у тебя изъ кармана платокъ — это *безчестно*... Старый отецъ, взяточникъ, любившій тебя безъ памяти, наживетъ для тебя состояніе, — это *безчестно*, а ты его промотаешь — *честно*... Пора бы намъ наконецъ понять, что отъ всѣхъ этихъ пошлыхъ разграниченій дѣло ни на волосъ не измѣнится, а мы не хотимъ понять... Щегольнуть-то пожалуй и мы не прочь. Въ добрый часъ, скрѣпивъ сердце, скажемъ, что *честность* не больше, какъ дѣло вкуса, а попробуй-ка придержать насъ на этомъ, спроси: — что-жъ, молъ, вы такъ нападаете на лавочниковъ и тому подобныхъ? да мы глаза выцарапаемъ!.. Вотъ и поди, и толкуй съ литераторами! Я тебѣ не совѣтую съ этимъ народомъ связываться. Они тебя съ толку собьютъ.

Но то, что онъ самъ говорилъ, сбивало меня гораздо хуже съ толку. Чувствуя, что у меня въ головѣ колесомъ ходитъ, я выбѣжалъ изъ его кабинета, не отвѣчая ни слова, и въ гостиной столкнулся съ Марьей Петровной.

— Ради самого Бога! обратился я къ ней. — Скажите мнѣ откровенно, что вы думаете объ общей пользѣ и есть ли на свѣтѣ честность, или все это чушь... ерунда?

— Что съ вами? Что вы? спросила она, отступая съ встревоженнымъ взоромъ, безмолвно договорившимъ: да что ты, ужъ не съ ума ли сошелъ?

— Марья Петровна! Я знаю, что я лѣнтяй, дармоѣдъ, что я никому на свѣтѣ пользы не приношу... все это правда, но, ради Бога, скажите: неужели вы за это считаете меня подлецомъ?

— Василій Григорьевичъ! Богъ съ вами! Что вы? Съ чего вы взяли?

— Нѣтъ! Не считаете, продолжалъ я.— Дайте же мнѣ руку; скажите, что не считаете?

— Разумѣется, нѣтъ, отвѣчала она, протягивая мнѣ обѣ руки.

Я крѣпко пожалъ ихъ.

— И вы не считаете честность вздоромъ? продолжалъ я:—не раздѣляете мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что быть подлецомъ или честнымъ, въ сущности все равно; что общая польза мифъ, что одни дураки объ ней думаютъ, а умные люди пользуются ихъ глупостью и заботятся только о собственной выгодѣ?

— Разумѣется, нѣтъ, повторила она.

— О, еслибъ вы знали, какъ утѣшительно ваше *нѣтъ*! Я не одинъ, покрайней мѣрѣ... а я уже думалъ, что я такъ отсталъ отъ всѣхъ, что никого и понять не могу... Но... скажите, однако... меня безпокоитъ мысль .. это новая мысль... съ той стороны, покрайней мѣрѣ, съ которой сегодня явилась, она ни разу еще не приходила мнѣ въ голову.

— Какая мысль?

— Да то, что я, ничего не дѣлающій лѣнтяй, трачу въ годъ выручку сотни тружениковъ.

— Что-жъ? Это дурно, конечно... но кто это вамъ сказалъ?

— Вашъ братъ.

— Какъ? Дмитрій?

— Да, онъ. Онъ, впрочемъ, не говорилъ положительно, что это безчестно... Онъ думаетъ, что, въ сущности, нѣтъ ничего ни честнаго, ни безчестнаго, что это пустыя различія, происходящія совершенно случайно оттого, съ какой точки смотришь на вещь.

— Ну, братъ не судья въ этого рода вещахъ.

— А *вы*, Марья Петровна, скажите мнѣ откровенно, какъ другу, что *вы* думаете?

— О честности?

— Нѣтъ; обо мнѣ.

— Да я думаю, не слѣдуетъ осуждать очень строго отдѣльнаго человѣка за ложное положеніе, въ которое онъ поставленъ общимъ порядкомъ вещей, тѣмъ болѣе человѣка съ такимъ благороднымъ сердцемъ какъ вы, который способенъ понять, что онъ шелъ по ложной дорогѣ, и понявъ, выбрать себѣ другой путь.

— Но какой же? Гдѣ онъ? Укажите мнѣ, ради Бога!.. Я ужъ давно ищу выхода и до сихъ поръ, еще не нашолъ ничего!.. Легко сказать: дѣйствуйте! Да какъ это выполнить?.. Что дѣлать? Марья Петровна, что дѣлать?

— Что дѣлать? повторила она задумавшись, — и вдругъ какое то выраженіе, въ родѣ проблеска удовольствія при счастливой находкѣ, освѣтило ея лицо.

— Нѣтъ нужды ходить далеко, чтобъ найти себѣ дѣло, — отвѣчала она. Стоитъ только внимательно осмотрѣться, и всякій найдетъ у себя подъ рукой, совершенно близко, тысячи случаевъ быть полезнымъ. Но мы закрываемъ глаза на то что у насъ подъ рукой. Мы смотримъ куда то вдаль, а того что отъ насъ такъ близко, не видимъ.

— Что вы хотите сказать? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Я хочу васъ спросить: осматривались ли вы когда нибудь съ этою цѣлью?

— Осматривался.

— И ничего не нашли?

— Нѣтъ.

— Ну, а теперь, сегодня, въ эту минуту? Я опять посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ и покачалъ отрицательно головой. Маленькій жестъ нетерпѣнія вырвался у нея невольно.

— Вы были сейчасъ у брата?

— Былъ.

— Онъ вамъ ничего не говорилъ, кромѣ своихъ цинизмовъ?

— Онъ?.. говорилъ... Ахъ да; я и забылъ вамъ сказать; — Святухинъ просилъ у него взаймы на то предпріятіе, помните, что вы говорили?

— Я знаю; и братъ отказалъ?

— Да; онъ отказалъ;—то есть не прямо сказалъ, что не дастъ, но онъ требуетъ поручительство или залога, что равняется положительному отказу.

— Почему жъ вы такъ думаете? Развѣ Святухинъ не можетъ найти себѣ поручителя?

— Да кого же? На словахъ у насъ много горячихъ сподвижниковъ общей пользы, а какъ только дойдетъ до дѣла, всѣ прочь.

— Вы ошибаетесь, Василій Григорьевичъ, отвѣчала она, усмѣхаясь... Я вѣрю; мало того, я твердо убѣждена, я знаю, что у насъ есть люди другого рода, люди, которые тяготятся своимъ бездѣйствіемъ, которые, получивъ много отъ общества, горятъ нетерпѣніемъ сдѣлать что нибудь для него и съ своей стороны... Не правда ли?

Она взяла меня за руки и пристально посмотрѣла въ глаза. Я покраснѣлъ до ушей и съ минуту не зналъ, что сказать. Мнѣ стало досадно и стыдно;—стыдно, что я позволилъ себя поймать, какъ школьника, что меня подвели осторожно, съ завязанными глазами къ тому, до чего я, какъ взрослый человѣкъ, долженъ былъ самъ дойти. Съ другой стороны, мысль сдѣлаться поручителемъ Святухина была такъ нова и такъ неожиданна, что я не могъ съ разу измѣрить ея объемъ... Въ этомъ дѣлѣ, конечно, былъ рискъ. Дмитрій Петровичъ не даромъ же говорилъ, что едва ли они найдутъ такого осла и проч. Но всего непріятнѣе былъ недостатокъ простора, лишавшій меня возможности рѣшит ся обдуманно и свободно. Вопросъ былъ поставленъ такъ ловко, что самое искреннее согласіе съ моей стороны могло показаться вынужденнымъ — что было бы очень обидно. Но мое замѣшательство длилось не долго. Видя, какъ я сконфуженъ, она въ свою очередь покраснѣла, оставила мои руки и опустила глаза.

— Я не хочу отъ васъ вынужденнаго отвѣта, шепнула она отходя. ...то что было говорено... это все пустяки... я такъ... пошутила...

Но едва она меня выпустила изъ подъ шаха, какъ что-то горячей волной прихлынуло у меня къ сердцу и заглушило всѣ мелкія его колебанія.

— Постойте, сказалъ я, остановивъ ее за руку,—если вы и шутили, то я не шутилъ... Во всякомъ случаѣ, я васъ благодарю за намекъ... Будьте увѣрены, что онъ не пропалъ даромъ...

— Василій Григорьевичъ! Куда вы?.. Постойте! Объ этомъ надо еще поговорить...

Но я не слушалъ. Я кинулся въ кабинетъ къ Касимову.

— Дмитрій Петровичъ, если я поручусь за Святухина, ты дашь ему деньги?

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Что ты, съ ума сошелъ?

— Нѣтъ, не сошелъ... Ты мнѣ нѣсколько разъ предлагалъ взаймы подъ залогъ Засядкина. Если это были не шутки, сдержи свое обѣщаніе.

— Какъ такъ?.. Подожди братецъ; ты меня совсѣмъ съ толку сбилъ... Ничего не могу понять... объясни хорошенько... Что это значитъ? Съ какой стати? Что такое вы тамъ затѣваете и кто проситъ въ долгъ, ты или онъ?

— Проситъ Святухинъ, отвѣчалъ я: ты это самъ знаешь;— вѣдь ты же мнѣ и сказалъ... Ну, а такъ какъ ты несогласенъ дать ему денегъ безъ поручительства, то я предлагаю тебѣ свое.

— Съ какой стати? Что онъ тебѣ обѣщалъ платить что нибудь, или ты самъ думаешь быть издателемъ?

— Объ этомъ поговоримъ, отвѣчалъ я, не зная, что отвѣчать. Ты мнѣ скажи сперва, дашь ли ты?

— Да постой, братецъ!.. Что ты приталъ съ ножомъ къ горлу? Развѣ такъ дѣлаютъ дѣло?.. Ты мнѣ сперва растолкуй путемъ,..

— Да чего жъ тебѣ еще нужно? Вѣдь ты самъ сейчасъ говорилъ, что кредиту нѣтъ дѣла: кто собственно занимаетъ и на что хочетъ деньги употребить,—что тутъ требуется только обезпеченіе.

— И проценты, прибавилъ Касимовъ.

— Ну, разумѣется, и проценты. Чего жъ еще тебѣ болѣе?.. Я надѣюсь, что ты ничего не имѣешь противъ Засядкина?.. Имѣніе чистое, ни копѣйки долгу и стоитъ безъ малаго вчетверо.

— Да что же тебѣ за выгода?

— О выгодѣ послѣ поговоримъ. Ты сперва скажи, дашь ли?

— Дамъ, отвѣчалъ Касимовъ.

— Ну, вотъ, за это спасибо! Я схватилъ шляпу и, не слушая болѣе ничего, побѣжалъ къ Святухину. Его не было дома... Я написалъ на карточкѣ: *Дѣло ваше устроено: Дмитрій Петровичъ даетъ деньги... приходите ко мнѣ сегодня, я все объясню,*— и оставилъ у него на столѣ.

Выйдя на улицу, я вздохнулъ наконецъ свободно. Ну,—думалъ я,—дѣло сдѣлано!.. Глупо или умно — выгодно или накладно, а каяться не стану... Теперь, по крайней мѣрѣ, никто не скажетъ, что Бубновъ подлецъ... что онъ пользуется трудами другихъ людей, а самъ для нихъ пальцемъ не хочетъ пошевельнуть.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

МУДРЕНОЕ ДѢЛО.

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ЛѢТОПИССЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Часть II.

МЕЖДУ СЛОВОМЪ И ДѢЛОМЪ.

I.

19-го октября.

Отобѣдавъ у Клея въ самомъ отличномъ расположеніи духа, я воротился домой и легъ на диванъ... Лежа, раздумье меня взяло... Что я такое дѣлаю? Даю средство другимъ дѣлать дѣло — положимъ, очень полезное, да все-таки не мое. За другихъ поручусь, а самъ сяду на мель?.. Останусь попрежнему ни причемъ, съ той только разницей, что теперь ужъ и думать нечего о какомъ нибудь предпріятіи, въ которомъ нуженъ свой капиталъ. Такимъ образомъ, поле выбора опять сократится и на этотъ разъ очень значительно. Я началъ считать: хлѣбопашество мимо, промышленность мимо, служба мимо,—всякое занятіе, въ которомъ необходимъ капиталъ,—все это мимо... Чтожъ остается?... Часа два я ломалъ себѣ голову и никакъ не могъ отыскать: что остается?..

Рѣзкій звонокъ въ прихожей прервалъ мои размышленія. Я ожидалъ Святухина, но это былъ Дмитрій Петровичъ. Посѣщеніе его въ такой часъ удивило меня немножко. Невольно пришло на умъ: ужь не отдумалъ ли онъ дать деньги? И къ стыду своему, долженъ признаться, такая догадка нисколько меня не встревожила. Чтожъ? думалъ я,—съ своей стороны я радъ имъ помочь, но если онъ несогласенъ, то это ужъ не моя вина...

— Чтожъ ты - даешь? спросилъ я съ тайной надеждой, что онъ скажетъ *нѣтъ*. Но онъ отвѣчалъ: *даю* и такимъ твердымъ

голосомъ, что сомнѣваться въ его согласіи не было никакой причины.

— Даю, повторилъ онъ;—но съ условіемъ, чтобы ты выслушалъ меня внимательно.

— Говори, отвѣчалъ я, закуривая сигару.

— Ты видѣлъ Святухина?

— Нѣтъ; заходилъ, да его дома не было.

— Ну, это ладно; значитъ, сдѣлать дурачества, въ собственномъ смыслѣ, еще не успѣлъ. Хоть, впрочемъ, еслибъ и видѣлъ, такъ и то еще небольшая бѣда. Покуда деньги у насъ въ рукахъ, все ладно.

— Но я ему написалъ, что дѣло его устроено и что я ожидаю ею къ себѣ сегодня вечеромъ, то есть, значитъ—теперь.

— Ничего; не бѣда! отвѣчалъ онъ. „Эй! Павелъ!.. Если придетъ кто нибудь, скажи дома нѣтъ; просятъ завтра поутру. Просятъ, молъ, извиненія; получили какую-то записку и тотчасъ ушли“.

— Да какъ же, Дмитрій Петровичъ; нехорошо... Вѣдь я ему самъ назначилъ.

— Мало ли что назначилъ! Не съ голоду умираетъ! Подождетъ и до завтра... Ступай.

Павелъ ушелъ. Дмитрій Петровичъ заперъ дверь кабинета на ключъ и, сѣвъ у камина, началъ такимъ образомъ:

— Послушай, Василій Григорьичъ, — ты не сердись, если я тебѣ откровенно скажу, что ты дѣлаешь глупость... Постой!.. Не думай, что я пришелъ тебя отговаривать. Вовсе нѣтъ. Я самъ терпѣть не могу людей, у которыхъ семь пятницъ на недѣлѣ. Я хочу тебѣ только то сказать, что если ужъ дѣлать глупость, то благоразуміе требуетъ сдѣлать ее самымъ толковымъ образомъ, то есть такъ, чтобы извлечь изъ нея всевозможную пользу... А что пользы тебѣ ручаться за этихъ господъ? Они скажутъ тебѣ спасибо, да и раскланяются;—а ты будешь связанъ на нѣсколько лѣтъ, поставишь на карту свое родовое добро, и все ни за грошъ... При самой счастливой развязкѣ, ты только вернешь свое, а при неудачѣ можешь остаться въ большомъ накладѣ, потому что тебѣ прежде всѣхъ достанется отвѣчать. Ты знаешь порядокъ: кредиторъ взыскиваетъ съ поручителя, а поручитель, уже потомъ, съ

должника. Да хорошо еще если будетъ съ кого, а то вѣдь со Святухина и К° взятки гладки... Подумай, не глупо ли дать этимъ людямъ возможность посадить тебя на мель самымъ подлѣйшимъ образомъ, не обезпечивъ себѣ никакого контроля надъ ихъ предпріятіемъ?

Я вздохнулъ.—Чтожъ мнѣ дѣлать? спросилъ я печально.

— Какъ что? Да ничего нѣтъ легче, какъ повести это дѣло другимъ путемъ. Не говори имъ о поручительствѣ ни полслова. Имъ и въ голову не придетъ, что ты это имѣлъ въ виду. Скажи просто:—вотъ молъ, господа, я слышалъ, что вы собираетесь издавать журналъ, такъ не нужно ли вамъ издателя?

— Какъ такъ, издателя?

— Да также,—займи у меня деньги на свое имя и не отдавай ихъ никому въ руки, а веди дѣло самъ.

Я посмотрѣлъ на него во всѣ глаза...

— Какъ? Я?.. Я, Василій Бубновъ, буду журналъ издавать?.. Полно Дмитрій Петровичъ! Ты шутишь? Что за нелѣпый планъ?

— Чтожъ тутъ нелѣпаго?

— Помилуй! Да ты посмотри на меня; вѣдь это же я; вѣдь ты меня знаешь!.. Неужели ты мнѣ, не шутя, совѣтуешь взяться за дѣло, къ которому я рѣшительно неспособенъ?

— Конечно, нѣтъ. Да развѣ, чтобъ быть издателемъ, надо имѣть какія нибудь литературныя способности?

— Я полагаю.

— Э! Пустяки!.. Будешь имѣть редакторовъ; это ихъ дѣло. Можешь ихъ завести одного, двухъ, трехъ, сколько душѣ угодно. Они будутъ вести черновую работу по части литературной, а ты возьмешь на себя хозяйство и главный контроль...

— То есть, другими словами, заведу фабрику и навербую себѣ пролетаріевъ?.. Да еслибъ я и рѣшился на это, то Святухинъ не согласится.

— Ты думаешь?

— Совершенно увѣренъ.

— Эхъ, братъ, Василій Григорьичъ! Плохо же ты знаешь людей! Я тебѣ головой отвѣчаю, что согласится, да и какъ еще!.. съ радостью, съ руками, что называется оторветъ!.. Что тутъ кричать о пролетаріяхъ?.. Фразы все это! Вѣдь ты его не подень-

щикомъ нанимаешь. Можешь его обезпечить,—назначить ему хорошее жалованье; все это отъ тебя зависитъ. Я тебѣ только совѣтую деньги въ своихъ рукахъ держать и вести имъ хорошій счетъ. На это ты имѣешь полное право, потому что онѣ твои. Худо ли, хорошо ли пойдетъ,—всегда будешь имѣть возможность принять свои мѣры. Не состоится подписка,—можешь забастовать во-время; а получишь хорошій сборъ,—отложишь сперва изъ него потраченое, потомъ проценты на капиталъ, потомъ свою часть; а остальное уступишь имъ, и они же еще скажутъ тебѣ спасибо.

Я задумался... „Странно какъ-то“, сказалъ я.

— Г-мъ, *странно!*.. „Ужъ если на то пошло, такъ не странно, а просто глупо. Но глупости сходятъ съ рукъ иногда весьма счастливо; — это вопервыхъ; — а вовторыхъ, еще несравненно глупѣе подарить свои деньги такъ, просто, безъ всякой выгоды для себя.“

— Не подарить, а дать въ долгъ.

— Хорошо; ну, а если они не заплатятъ?

— Да отчего жъ имъ не заплатить?

— А журналъ?

— Журналъ можетъ легко непойти, а деньги будутъ издержаны.

— Но вѣдь тоже можетъ случиться, если я самъ буду издателемъ.

— Можетъ, конечно.

— Такъ не все ли равно?

— Ахъ братецъ! Да неужлижъ ты не понимаешь простого разсчета, что можно рискнуть убыткомъ, имѣя надежду на прибыль, а безъ этой надежды рисковать — глупо?

Я отвѣчалъ, что имѣю въ виду вовсе не собственную выгоду, а пользу литературы.

Онъ разсердился... „Тьфу ты!“ — сказалъ онъ, „вотъ поди, говори съ такими людьми!.. Я тутъ изъ кожи лѣзу, забочусь о его выгодѣ, а онъ мнѣ толкуетъ о пользѣ литературы!.. Да чортъ ли тебѣ отъ нея?.. Не все тебѣ равно кто изъ этихъ шутовъ и въ какого цвѣта оберткѣ, выйдетъ на площадь тѣшить народъ?.. Еще новый журналъ!.. Право, можно подумать, что мы помѣшались на журналистикѣ!.. Мало у насъ этой дряни валяется по столамъ!.. Мостовой не умѣемъ порядочной намостить, воды про-

вести, а лѣземъ туда же,—литературу намъ подавай. Очень нужна намъ литература, когда нашъ народъ не умѣетъ читать?..“

Я не зналъ, что сказать. „Если судить по числу“, отвѣчалъ я подумавъ, — „то, безъ сомнѣнія, у насъ много лишнихъ журналовъ; а, между, тѣмъ ни одинъ изъ нихъ, до сихъ поръ, не удовлетворяетъ вполнѣ современнымъ требованіямъ.“

— А, ты думаешь, вашъ такъ тотчасъ и удовлетворитъ?

Судя потому, что я слышалъ о планѣ изданія, думаю.

— Ну и думай себѣ, пожалуй. Я съ тобой спорить объ этомъ вздорѣ не стану. Дѣлай, какъ знаешь, да только дѣлай, не сиди, сложа руки; займись чѣмъ нибудь; а то вѣдь на тебя смотрѣть тошно, какъ ты по свѣту маешься... У всякаго есть что нибудь, что помогаетъ хоть время убить. Вонъ, твой братъ землю пашетъ; у меня фабрика; Святухинъ въ журналѣ работаетъ; сестра съ Ниной; ужъ на что бабы, и тѣ себѣ дѣло нашли, въ школахъ учатъ... а у тебя что?.. шишъ? Да такъ и останешься на всю жизнь съ нишомъ... Я радовался; думалъ, вотъ, наконецъ, ему дѣло нашелъ; оно хоть и глупое, да все дѣло, и если толково его повести, могло бы, пожалуй, недурно выйти... Чѣмъ чортъ не шутитъ?.. Могъ бы, пожалуй, нажиться, капиталистомъ стать... А впрочемъ,— прибавилъ онъ, — „ты скажи прямо; я вѣдь не знаю; можетъ быть, ты что другое имѣешь въ виду?“

— Ничего, отвѣчалъ я, повѣсивъ голову.

— Такъ не глупо ли же отказываться? Ты только сообрази: Чего тебѣ тутъ бояться? Вѣдь ты лично самъ ни къ чему не обязываешься. Попробуй, а тамъ увидишь. Не пойдетъ, такъ всегда успѣешь бросить, — то есть бросить занятіе, а право все-таки останется за тобой... Наконецъ, вѣдь тебѣ не подлость какую нибудь предлагаютъ; а это, что ты сочинилъ, что ты не имѣешь литературныхъ способностей,—это все вздоръ. Вѣдь тебѣ не стихи придется писать. Все, что требуется, это — вести акуратно счетъ своимъ собственнымъ деньгамъ. Кто противъ этого можетъ что нибудь сказать? Это естественное право всякаго человѣка и на это ненужно имѣть никакихъ способностей; это всякій сидѣлецъ въ гостиномъ дворѣ съумѣетъ; а кто не съумѣетъ, тотъ, по моему, дрянь, баба, колпакъ!.. добраго слова не стоитъ!

Мудрено было спорить противъ того, что онъ говорилъ. Тутъ была правда, и она совпадала какъ разъ съ моими собственными сомнѣніями.

— Послушай, Дмитрій Петровичъ, я отвѣчалъ. Я бы можетъ быть рѣшился на то, что ты говоришь; да ей Богу совѣстно!.. Ну, какъ я скажу объ этомъ Святухину? Онъ, пожалуй, подумаетъ, что я хочу воспользоваться ихъ бѣдностью, чтобъ загребать ихъ руками жаръ; что я разсчитываю пріобрѣсти ихъ трудами литературное имя, командовать ими, стѣснять ихъ... мало ли тамъ еще что.

— Ну, вотъ и вздоръ! Это можетъ подумать только тотъ, кто совсѣмъ не понимаетъ дѣла и, стало быть, ужъ никакъ не онъ. Онъ очень хорошо смекнетъ, что ты въ литературѣ ни бельмеса не смыслишь и что тебѣ придется учиться у него, спрашивать его совѣта во всемъ;—что, стало быть, не ты будешь имъ командовать, а онъ тобой.

— Можно ему такъ и сказать, замѣтилъ я.—Можно сдѣлать съ нимъ формальное условіе, что онъ будетъ распоряжаться всѣмъ.

— Это къ чему? Совсѣмъ лишнее... Напротивъ, ты выговори себѣ, какъ издатель, право контроля надъ всѣмъ, а тамъ ужъ само собой разумѣется, что кто болѣе смыслитъ, тотъ и будетъ имѣть рѣшительный голосъ во всемъ... кромѣ денежныхъ дѣлъ, конечно. Въ этомъ, всегда предполагается, что тотъ, кому деньги принадлежатъ, самъ лучше смыслитъ, какъ ихъ употребить.

— Право, совѣстно какъ-то.

— Эхъ, братецъ! возразилъ онъ съ досадой.—Брось ты эту совѣстливость; негодится она ни къ чорту! А на себя не надѣешься, такъ поручи мнѣ; я тебѣ все это въ пять минутъ порѣшу; — и повѣрь, онъ будетъ очень доволенъ;—не будетъ считать себя обиженнымъ ни въ чемъ... Вѣдь не такой же онъ пошлый дуракъ... Онъ посмотрѣлъ на часы... Да вотъ, кстати, чтобъ не далеко откладывать,—вели ка ты Павлу, чтобъ онъ впустилъ этого господина, если онъ не замѣшкаетъ.

— Хорошо, отвѣчалъ я, сильно обрадованный при мысли, что я буду избавленъ отъ щекотливаго объясненія, — и тотчасъ же отмѣнилъ приказъ.

— Сегодня же и покончимъ, — продолжалъ онъ.—Только ты не мѣшай пожалуйста, не говори лишняго; или лучше совсѣмъ ничего не говори, кромѣ того, что необходимо нужно.

— Хорошо, отвѣчалъ я.

Мы замолчали. Въ ожиданіи посѣтителя, прошло съ четверть часа. Касимовъ сидѣлъ у камина, посвистывая, а я ходилъ, въ сильномъ волненіи, взадъ и впередъ. Какъ это странно все вышло!— думалъ я про себя... Воображалъ ли я прежде, когда нибудь, что случай толкнетъ меня на такую дорогу?.. Не далѣе, какъ сегодня поутру, еслибы кто нибудь мнѣ предсказалъ, что я буду самъ издавать журналъ, я бы назвалъ его сумашедшимъ... А теперь... вотъ... Звонокъ!.. Въ передней послышался стукъ калошъ и нѣсколько голосовъ. Святухинъ пришелъ не одинъ; съ нимъ Розановъ...

Ухъ! Такъ даже духъ захватило и нервная дрожь пошла по рукамъ и ногамъ... Гости вошли веселые. Я боялся, что ихъ удивитъ присутствіе Дмитрія Петровича; но они, вѣроятно, его ожидали или успѣли скрыть свое удивленіе. Впрочемъ, Касимовъ не далъ имъ заикнуться и прямо, безъ всякихъ обиняковъ, приступилъ къ дѣлу.

— Вотъ, господа, началъ онъ усмѣхаясь:—дѣло ваше устраивается самымъ неожиданнымъ и, я надѣюсь, для всѣхъ насъ пріятнымъ образомъ. Вамъ ненужно ни у кого занимать. Я вамъ нашелъ товарища съ деньгами.—Гости переглянулись весело и посмотрѣли, смѣясь на меня.—Пожалуйста, только не сконфузьте. Мнѣ ужъ и такъ бѣда была съ нимъ тутъ, безъ васъ. Все совѣстится... Какъ я, говоритъ, предложу? Да они станутъ смѣяться, скажутъ, что я не въ свое дѣло вмѣшиваюсь... А! Какова скромность то?

— Дѣло литературы есть наше общее дѣло, замѣтилъ Святухинъ весело.—Никто изъ русскихъ не вправѣ считать его для себя чужимъ.

— Святая истина! подтвердилъ Касимовъ.—Вотъ видишь, Василій Григорьичъ, они тебѣ тоже говорятъ, что и я.

Я хотѣлъ сказать что то, но челюсти у меня стали точно какъ накрахмаленыя.

— Увѣрьте его, пожалуйста, господа, что вы не сочтете за оскорбленіе для вашей литературной опытности и, смѣю прибавить, извѣстности, принять къ себѣ въ соучастники новичка.

Журналисты опять посмотрѣли одинъ на другого, потомъ на меня, и опять засмѣялись.

— Милости просимъ, сказалъ Святухинъ.

— Наша артель не спѣсива, замѣтилъ Розановъ.

— Свѣжіе люди вездѣ нужны, прибавилъ Святухинъ.

Я поклонился. Они оба вскочили и крѣпко пожали мнѣ руку... Милости просимъ, Василій Григорьичъ, милости просимъ; душевно рады!—повторено было нѣсколько разъ.

— Прошу извиненія, господа, за моего друга. Вы видите, онъ такъ тронутъ вашей любезностью, что самъ не въ состояніи васъ благодарить. Уважьте дѣвственную стыдливость вашего будущаго издателя и позвольте мнѣ говорить за него.

— Сдѣлайте милость, намъ все равно, отвѣчали, смѣясь, литераторы.

— Хотя это дѣло такъ просто, что тутъ, собственно, говорить почти не о чемъ; но все-таки, дабы не существовало и тѣни сомнѣнія, что обѣ стороны вполнѣ понимаютъ другъ друга, я долгомъ считаю спросить васъ, господа, согласны ли вы избрать вотъ сего смертнаго, вашимъ издателемъ, съ обыкновенными обязанностями и правами званію этому усвоенными?

Святухинъ и Розановъ переглянулись на этотъ разъ очень серьезно.

— Не лучше ли сдѣлать изданіе общею собственностью; — сказалъ Розановъ.

— Какъ вамъ угодно, господа. Если вы желаете внести свою часть въ основной капиталъ предпріятія...

— Позвольте, перебилъ Розановъ.—Основной капиталъ предпріятія состоитъ не изъ однѣхъ денегъ: тутъ требуются трудъ, опытность, знаніе дѣла и нѣкоторая степень литературной извѣстности.

— Господа,—отвѣчалъ Касимовъ,—я вижу, вы не совсѣмъ поняли то, что я вамъ сказалъ. Мой другъ, Василій Григорьичъ, отнюдь не желаетъ присвоивать себѣ исключительно что нибудь, что можетъ быть предметомъ общей собственности. Такъ напримѣръ, ту часть изъ будущихъ вашихъ доходовъ, какая очистится за всѣми уплатами, онъ готовъ дѣлить...

— Поровну, договорилъ я. Дмитрій Петровичъ дернулъ меня подъ столомъ за фалду, давая знать, чтобъ я замолчалъ.

— Все что можно дѣлить, онъ готовъ дѣлить братски. Но есть вещи въ литературной собственности, которыя невозможно дѣлить. Такъ, напримѣръ, вы не можете ему уступить часть вашей

литературной извѣстности и вашего дарованія; вы можете только подѣлиться съ нимъ долею тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, какія связаны съ этого рода собственностью. Также точно и онъ не можетъ вамъ уступить капитала, который онъ жертвуетъ на расходы изданія и связаннаго съ нимъ права распоряжаться этими расходами. Другими словами, чистый доходъ онъ считаетъ возможнымъ дѣлить, но основной капиталъ, съ правомъ распоряжаться тою долею выручки, какая потребуется на покрытіе оборотной суммы, онъ считаетъ своею собственностью... Ясно ли я выразился?

Святухинъ почесалъ въ головѣ. Розановъ отвѣчалъ: „ясно".

— Считаю нелишнимъ прибавить, господа, что онъ смотритъ на эту программу не болѣе, какъ на голый скелетъ вашихъ редакторскихъ отношеній другъ къ другу, скелетъ, который, по необходимости, звучитъ очень сухо. Затѣмъ, само собой разумѣется, что онъ, какъ человѣкъ совершенно новый, неопытный и вдобавокъ глубоко васъ уважающій, а съ своей стороны я прибавлю, до крайности скромный, никогда не рѣшится дѣйствовать въ чемъ нибудь безъ вашихъ совѣтовъ, или наперекоръ вамъ. Онъ самъ знаетъ, до какой степени это было бы глупо и непрактично съ его стороны, а потому надѣется, что вы не будете толковать буквально текстъ вашего договора.

Покуда онъ объяснялся, мои гости смотрѣли пристально на меня, какъ будто стараясь прочесть у меня въ глазахъ заднюю мысль его предложеній... Сначала оба казались нѣсколько озадачены; но потомъ, мало по малу, и, особенно, когда, я сказалъ что готовъ дѣлить поровну чистый доходъ, лица ихъ прояснились и я замѣтилъ, какъ Розановъ, въ отвѣтъ на украдкой брошенный взглядъ, кивнулъ головой Святухину, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: *можно*... Все это, вѣроятно, неускользнуло отъ вниманія Дмитрія Петровича, потому что онъ бросилъ свой акціонерно-ораторскій тонъ и, тронувъ Святухина по плечу, разсмѣялся.

— Ну что-же, старый пріятель! сказалъ онъ,—долго ли мы тутъ будемъ договариваться, какъ какіе нибудь кулаки на ярмаркѣ?... По рукамъ, что-ли?

— По рукамъ! отвѣчали гости.

У меня какъ гора свалилась съ плечъ и языкъ развязался... „Господа, сказалъ я, вставая: „Вѣрьте слову честнаго человѣка!

Не выдамъ! Не покривлю! Въ успѣхѣ и неудачѣ, буду вамъ вѣрнымъ товарищемъ до конца!..“

Послѣдняя тѣнь сомнѣнія исчезла у нихъ на лицѣ. Согласіе было дано и высказано съ обѣихъ сторонъ самымъ искреннимъ образомъ. Они бросились меня обнимать. Дмитрій Петровичъ велѣлъ принести шампанскаго и мы выпили за успѣхъ предпріятія.

II.

21-го января.

Съ какими сіяющими лицами встрѣтили меня сегодня Ниночка съ Марьей Петровной! Какими поздравленіями осыпали. Я просто не зналъ куда дѣться. Право, мнѣ кажется, самъ Лермонтовъ или Пушкинъ, на моемъ мѣстѣ, не услыхали бы такихъ лестныхъ вещей!.. Изъ добраго малаго, но самаго обыкновеннаго человѣка, изъ *bon enfant*, какъ онѣ меня называли, я вдругъ сталъ какимъ-то властителемъ, чуть не героемъ. Онѣ ужъ успѣли узнать, на какихъ основаніяхъ я вступаю въ журналъ и это возвысило меня въ ихъ глазахъ тѣмъ болѣе, что, если не ошибаюсь, онѣ имѣютъ какіе-то виды на наше изданіе и въ этихъ видахъ желаютъ себѣ обезпечить вліяніе на редакцію. Въ чемъ собственно штука, не знаю, но я догадываюсь, что дѣло эмансипаціи играетъ тутъ важную роль. Меня исповѣдывали самымъ подробнѣйшимъ образомъ насчетъ моихъ убѣжденій по этой части и исповѣдь завершили торжественнымъ увѣщаніемъ.

— Это стыдъ, говорила Марья Петровна, съ пылающими щеками,—стыдъ нашей литературѣ, что лучшіе ея представители отдѣлываются отъ этого вопроса пошлыми шуточками! Что за лѣнь мысли? Что за страхъ стать на сторону меньшинства?.. Неужли они ждутъ, чтобы убѣжденіе было принято всѣми, прежде чѣмъ сами удостоятъ высказаться въ его пользу?.. Имъ незачѣмъ торопиться! Они, какъ мужчины, избавлены отъ тысячи мелкихъ придирокъ и отъ всей этой массы тупого противодѣйствія, которыя давятъ насъ, женщинъ... Они не хотятъ намъ помочь теперь, когда мы такъ нуждаемся въ помощи. Они хотятъ сперва посмотрѣть, какъ мы бьемся и падаемъ, чтобы позабавиться нашими неудачами, разсчитывая, что когда мы успѣемъ выбиться, тогда и они успѣютъ

отдать намъ честь... Не подло ли это?.. Что, еслибъ въ ту пору, когда они сами выбивались изъ старыхъ тисковъ, кто нибудь изъ ихъ старшихъ братьевъ сталъ бы надъ ними подшучивать, подставлять ногу на ихъ пути съ такимъ-же циническимъ равнодушіемъ, съ какимъ они дѣлаютъ это теперь съ нами, женщинами?.. Что бы они сказали?.. Они бы прокляли ихъ, какъ измѣнниковъ и предателей,—и были бы правы!.. Но мы, женщины, не хотимъ пользоваться этимъ печальнымъ правомъ, мы слишкомъ добры, чтобы проклинать... мы несемъ терпѣливо нашъ крестъ... и т. д.

— Помните барона Брамбеуса? спросила она между прочимъ. Помните какъ онъ тѣшился надъ молодымъ поколѣніемъ своего времени?.. Ну скажите, не похоже ли это на то, что у насъ теперь дѣлаютъ съ женщинами? Вы не такой человѣкъ, не правда-ли? Вы не захотите играть роль Брамбеуса въ отношеніи къ намъ. Обѣщайте же, дайте намъ слово, что вы рыцарски примете нашу сторону, что вы будете постоянно за насъ... и т. д.

— Читали ли вы статью *Стюарта Милля*?..

— Нѣтъ, не читалъ.

— А *Jenny d'Hericourt*?

— Тоже нѣтъ.

— И это вамъ не стыдно? А еще журналъ собираетесь издавать!.. Хорошъ издатель!.. Возьмите сейчасъ съ собой.

Онѣ напихали мнѣ книжекъ во всѣ карманы и заставили дать имъ клятву, что я это все прочту.

III.

25-го октября.

Хлопоты по составленію закладной и совѣщанія съ моими новыми товарищами насчетъ разныхъ мѣръ, какія должны быть приняты, чтобы пустить дѣло въ ходъ къ Новому году, — занимали меня, съ утра до вечера, всѣ эти дни. Написалъ къ брату о высылкѣ документовъ и старался ему объяснить подробно мои побудительныя причины; да не знаю, поймете ли. Сильно боюсь, чтобъ онъ не назвалъ меня сумашедшимъ и не сталъ отговаривать, потому что, конечно, смотря на мое предпріятіе изъ Серпиловки и Засядкина, оно должно показаться необыкновенно дико. Надо быть здѣсь,

въ центрѣ умственной дѣятельности, въ самомъ водоворотѣ идей, и войти въ мое положеніе, дабы понять, что все это далеко не такъ глупо, какъ кажется... Еслибы я одинъ такъ думалъ, то можно бы еще усомниться, потому что, конечно, самъ человѣкъ не судья своему воззрѣнію; но есть и другіе люди, которые меня знаютъ, быть можетъ, не хуже брата и которымъ мое участіе въ литературномъ изданіи вовсе не кажется такою отчаянною нелѣпостью... Да вотъ, хоть бы Дмитрій Петровичъ, напримѣръ, ужъ конечно не фантазеръ, не мечтатель какой нибудь, а напротивъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ положительный, къ тому же рѣшительный скептикъ во всемъ, что касается до литературы. Про него ужъ никто не скажетъ, что онъ увлекается нравственнымъ интересомъ дѣла, его идеальнымъ значеніемъ въ сферѣ общественной пользы и проч.;— вовсе нѣтъ; напротивъ, съ этой-то именно стороны, онъ и считаетъ его пустымъ; но это не важно, потому что онъ въ этомъ не много смыслитъ, а важно то, что такой человѣкъ считаетъ мое предпріятіе сбыточнымъ съ чисто-коммерческой стороны и думаетъ, что я очень легко могу получить отъ него большія выгоды. Такъ вотъ, стало быть, не совсѣмъ же я сумашедшій, если такіе тертые, осторожные и разсудительные люди стоятъ на моей сторонѣ. Надѣюсь, что этого рода доводы успокоятъ брата. Сегодня я былъ у Касимова и просилъ его написать отъ себя нѣсколько строкъ Николаю. Онъ немного поморщился, но обѣщалъ.

Между прочимъ, онъ далъ мнѣ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ касательно моего предпріятія. Онъ говоритъ, что смѣшно съ моей стороны ограничить себя однимъ чисто хозяйственнымъ отдѣломъ изданія, а во всемъ остальномъ положиться, зажмуря глаза, на товарищей... Что Святухинъ и Розановъ, конечно, способные люди, но что изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они понимали дѣло всегда и во всѣхъ отношеніяхъ лучше меня. Что они рутинеры и во многомъ отстали отъ вѣка... Что надъ ними нуженъ контроль, нужна въ помощь свѣжая голова; потому-де, что человѣкъ неизмученный долголѣтней работой видитъ иныя вещи яснѣе всякаго спеціалиста, у котораго мысль забита въ подробности, въ мелочи, и стѣснена исковыми предубѣжденіями своего кружка, закуплена интересами партіи, самолюбіемъ школы и проч...

— Съ чего тебѣ, свѣжему человѣку, говорилъ онъ, — неосмотрѣвшись и неузнавъ ничего путемъ, такъ, прямо, очертя голову записываться въ ихъ цехъ?.. Подожди хоть немного, — ошейникъ успѣешь всегда надѣть. Познакомься съ людьми другого покроя, другихъ убѣжденій и выслушай безпристрастно то, что они имѣютъ сказать въ свою пользу, прежде чѣмъ имъ объявишь войну...

Я отвѣчалъ, что я вовсе не прочь отъ знакомства съ людьми другихъ убѣжденій; что, напротивъ, для меня это было бы въ высшей степени интересно; да только откуда ихъ взять?

— Объ этомъ не безпокойся, произнесъ онъ. Была-бы охота, а людей я тебѣ отыщу.

Предложеніе это сначала меня обрадовало, но минуту спустя я задумался. Мнѣ пришла въ голову странная мысль...

— Ну, а какъ мы разойдемся во взглядахъ? сказалъ я.

— Съ кѣмъ это?

— Да съ ними, съ моими товарищами.

— Такъ чтожъ за бѣда?.. Потянешь, попробуешь, чья возьметъ.

— Нехорошо, Дмитрій Петровичъ; вмѣсто того, чтобъ имъ помогать, я стану дѣлать имъ затрудненія... непріятности.

— Эка важность!

— Да, важность, конечно, я отвѣчалъ, — потому что какая-же это будетъ редакція, если мы станемъ тянуть въ разныя стороны?

— Ну вотъ ужъ и въ разныя стороны! Ты не такъ понимаешь мои слова. Я говорю: небольшая бѣда если вы иногда и поспорите. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы дѣло у васъ пошло непремѣнно врозь. Врозь не пойдетъ, потому что у васъ будетъ свой мировой посредникъ, — денежный интересъ. Это братъ, я тебѣ скажу, такой миротворецъ, что лучше не сыщешь. Поэтому ты мнѣ и скажи спасибо, что я тебѣ выговорилъ такія условія. Покуда расходная касса въ твоихъ рукахъ, тебѣ нечего опасаться ссоры. Что бы ни вышло, у тебя вѣрное средство заставить ихъ уступить.

Это мнѣ не понравилось. — Нѣтъ, Дмитрій Петровичъ, я отвѣчалъ, — я никогда не рѣшусь сдѣлать изъ нашихъ условій орудіе къ угнетенію моихъ товарищей.

— Опять пустяки говоришь, возразилъ онъ.—Никто отъ тебя не требуетъ, чтобъ ты ихъ угнеталъ. Захочешь имъ уступить, уступишь; но важно то, что *они*, при этихъ условіяхъ, не имѣютъ возможности тебя осѣдлать, и за это ты мнѣ скажи спасибо. А что ты не рѣшишься ихъ притѣснять, такъ это я знаю и безъ тебя; да и они знаютъ. Ты думаешь, они приняли бы такъ охотно мои предложенія, еслибъ они въ тебѣ сомнѣвались хоть на волосъ?

IV.

31-го октября.

Вчера получилъ записку отъ Дмитрія Петровича. Проситъ придти; а зачѣмъ, это-молъ послѣ узнаешь. Пришелъ къ нему вечеромъ, въ 9 часовъ, и засталъ въ кабинетѣ какого-то незнакомаго господина, въ очкахъ, который разсказывалъ что-то, но, увидѣвъ меня, замолчалъ.

— Что такое? спросилъ я Касимова, отводя его въ сторону.

— Ничего, пустяки, послѣ скажу... Вотъ, прошу познакомиться: кандидатъ юридическаго факультета, Сергѣй Никаноровичъ Иверскій.

Я обернулся; передо мной стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ 27, одѣтый дурно, но гладко причесанный и старательно выбритый. Манера его была дика и застѣнчива, наружность не представляла ничего замѣчательнаго. Это была одна изъ тѣхъ полинялыхъ истертыхъ физіономій, какія здѣсь, въ Петербургѣ, встрѣчаешь на каждомъ шагу. Одно только обратило мое вниманіе: это контрастъ его темныхъ, кротко-задумчивыхъ глазъ съ грубо-разрѣзаннымъ, сухо-насмѣшливымъ ртомъ... Мы поклонились и пожали другъ другу руку.

— Ну что подѣлываешь? спросилъ Дмитрій Петровичъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ ударился къ журналистику, тебя совсѣмъ не видать.

Я отвѣчалъ, что сидѣлъ всю недѣлю за Шевыревымъ.

— За кѣмъ?

— За Шевыревымъ, повторилъ я немного сконфуженный.

Гость посмотрѣлъ на меня съ любопытствомъ и усмѣхнулся.

— Шевыревъ? продолжалъ Дмитрій Петровичъ. — О чемъ это?

— Это исторія русской словесности, отвѣчалъ я, вздохнувъ.

— Гмъ;— это значитъ, за книжку пріятеля засадили!.. Ну, чтожъ, какъ оно, того, скучновато, я-чай?

— Да не могу сказать, чтобъ особенно интересно, отвѣчалъ я, краснѣя.—Съ непривычки ко сну очень клонитъ.

Гость усмѣхнулся. — Гмъ, проворчалъ онъ, тутъ и съ привычкой немного возьмешь.

— Да на что тебѣ этотъ вздоръ? продолжалъ Касимовъ.

— Какъ на что? отвѣчалъ я. Надо же знать исторію того... дѣла... которое, гмъ... я замялся, не рѣшаясь назвать мое предпріятіе въ присутствіи посторонняго.

— А! понимаю... Я было и забылъ... Вотъ Сергѣй Никанорычъ, обратите вниманіе на этого человѣка, онъ можетъ вамъ пригодиться. Онъ теперь еще въ куколкѣ; но мѣсяца черезъ два изъ него вылупится преинтересное насѣкомое... издатель, сударь мой, настоящій издатель!.. съ новаго года будетъ журналъ издавать.

— А! — проворчалъ Иверскій и посмотрѣлъ на меня какъ-то искоса. Насмѣшливо-недовѣрчивая улыбка промелькнула у него на лицѣ. Я сконфузился.

— Что вы смѣетесь? Я не шучу. Онъ положительно затѣваетъ журналъ.

— Честь имѣю поздравить, отвѣчалъ сухо гость; но равнодушіе его было неискренно. По нѣсколькимъ косвеннымъ взглядамъ я могъ догадаться, что любопытство его затронуто.

— Насъ съ вами учить собирается, прибавилъ Касимовъ.

— Чему это? спросилъ гость.

— Да кто его знаетъ... Онъ не одинъ; у нихъ тамъ цѣлая рать въ сборѣ... Затѣваютъ какой-то походъ...

— Дмитрій Петровичъ! шепнулъ я, толкая его ногой.

— Науку, искусство и тамъ еще что-то защищать собираются, продолжалъ Касимовъ.

Гость посмотрѣлъ на меня, усмѣхаясь.

— Отъ кого это? спросилъ онъ.

— Не знаю. Говорятъ завелись какіе-то кроты, которые это подкапываютъ... Вы не слыхали?

— Слыхалъ-съ.

— Чтожъ, это правда?

— И! Нѣтъ-съ!.. Это такъ, — сказки такія дѣтямъ разсказываютъ... У страха глаза велики... Что тамъ подкапывать, когда у насъ нѣтъ ничего?

— Вы шутите? сказалъ я.

— Нѣтъ-съ, не шучу... Гдѣ вы у насъ науку нашли? У насъ есть университеты, есть кафедры, руководства, профессора; а науки нѣтъ-съ.

— Какъ же это? По вашему, мы всѣ стало-быть неучи.

— Да-съ, неучи.

— Однакоже, мы учились чему нибудь.

— Пустякамъ-съ.

Я попробовалъ-было спорить, но онъ скользилъ у меня изъ рукъ, какъ угорь, и сбивалъ меня совершенно съ толку своими загадочными, насмѣшливыми отвѣтами. Я началъ перебирать науки и какъ-то упомянулъ исторію... „Чтожъ, говорю, по вашему у насъ и исторіи нѣтъ?“

— Разумѣется, нѣтъ.

— Помилуйте! Да вѣдь у насъ цѣлыя библіотеки лѣтописей и классическихъ сочиненій по этой части.

— Шелуха-съ.

— Гдѣ же зерно!

— До зерна-то непродолбили еще-съ.

Я сталъ добиваться, что онъ считаетъ зерномъ? и услыхалъ странныя вещи... Онъ увѣряетъ, что въ сущности, дѣло вездѣ было очень просто, а что вся пестрота происходитъ отъ сплетней и сказокъ, которыми его затемняютъ. А затемняютъ затѣмъ, что оно некрасиво было. Умные люди морочили дураковъ разными фокусами, обсчитывали, выжимали изъ нихъ весь сокъ... Однимъ словомъ, все сплошь вертѣлось на плутовствѣ и на живодерствѣ.

Я былъ удивленъ... „Сколько я помню, замѣтилъ я, никто изъ извѣстныхъ исторіографовъ не смотрѣлъ на свою науку съ такой точки зрѣнія!“

— Невыгодно было-съ; отъ этого и не смотрѣли.

— Какъ такъ невыгодно? Что вы хотите этимъ сказать?

— Заинтересованы были-съ.

— Я васъ не понимаю, отвѣчалъ я. Какой-же другой интересъ, кромѣ истины, могутъ имѣть въ виду ученые?

Онъ поднялъ голову и смотрѣлъ на меня съ минуту, ни слова не говоря, съ лукавой усмѣшкой. Дмитрій Петровичъ посвистывалъ... Мнѣ стало неловко.

— Я въ ваши воззрѣнія непосвященъ, сказалъ я, краснѣя, — а потому прошу васъ: говорите немножко яснѣе.

— Извините-съ, отвѣчалъ Иверскій; я думалъ, что вы шутить изволите насчетъ этихъ господъ ученыхъ, потому что вѣдь вы же, конечно, не думаете, что они, съ ихъ семействами, могутъ жить въ рукописяхъ и одѣваться рукописями, и ѣсть рукописи, не выручая за нихъ ни копѣйки?

— О, безъ сомнѣнія... Но неужли вы думаете...

— Я думаю, что господамъ этимъ деньги нужны были также какъ и другимъ; а получать ихъ они могли только съ той стороны, которая была-бы въ накладѣ отъ голой истины и, стало быть, рада была платить, чтобъ ее пріодѣли.

— Вы, стало быть, ихъ считаете подлецами?

Онъ усмѣхнулся, весело потирая руки и изгибая спину какъ котъ передъ печкой.

— О, нѣтъ-съ! отвѣчалъ онъ. — Къ чему эти дурныя слова?.. Всякому свойственно любить деньгу и никому нѣтъ охоты сидѣть безъ хлѣба; а господа ученые, сверхъ того, любятъ еще и похвалу, — любятъ, чтобъ дѣло ихъ не казалось просто, чтобы его считали мудренымъ, чтобъ можно было его растянуть лѣтъ этакъ на двадцать, послѣ чего стать гофратами и получать пенсіонъ?.. Чтожъ тутъ удивительнаго, и за что тутъ ругать подлецомъ.

Я былъ совершенно сбитъ съ толку и, чувствуя, что ученый споръ мнѣ не по силамъ, свернулъ разговоръ на искусство; но оказалось, что онъ и тутъ совершенно иначе смотритъ на дѣло, чѣмъ я ожидалъ.

— На вкусъ правила нѣтъ, говорятъ, а по моему это вздоръ, если еще не хуже того.

Я опять началъ его допытывать и опять услыхалъ очень странныя вещи... Поэзію онъ называетъ просто дурманомъ и говоритъ, что ею опаиваютъ людей, которымъ жить очень хорошо... Все это было похоже на шутку и я ему это замѣтилъ... Онъ отвѣчалъ, что онъ вовсе не шутитъ.

— Да такъ-то легко говорить, продолжалъ я;—а я бы желалъ знать: что бы вы сказали, еслибы вы собирались журналъ издавать?“

— Сказалъ бы тоже-съ.

Да, съ глазу на глазъ, въ разговорѣ съ пріятелями... Но вы не рѣшились бы высказать такое мнѣніе передъ публикою, печатно?

— Почему-жъ нѣтъ?

— Да потому что въ такомъ случаѣ вамъ бы пришлось уничтожить беллетристическій отдѣлъ въ вашемъ журналѣ; а это могло бы у васъ отнять двѣ трети подписчиковъ.

— А начто его уничтожать?

— Да помилуйте! Развѣ же можно угощать нашихъ читателей тѣмъ, что вы сами считаете за ядъ?

Онъ усмѣхнулся. „Вы хотите сказать поэзіею?“ отвѣчалъ онъ. „Да на что вамъ поэзія?... Поэзію можно похерить и печатать такъ, просто, какой нибудь безобидный вздоръ, только съ виду похожій на беллетристику. Читатели, вотъ видите, глупы; — гдѣ имъ разобрать?.. Имъ, что ни подсунь, все прочтутъ; было бы только крѣпко посолено.

— Что это значитъ: *крѣпко посолено?* спросилъ я.

— А значитъ такъ, чтобъ въ носъ било; чтобы тамъ этакъ задѣли кого нибудь, или выругали, или скандальчикъ какой нибудь былъ разсказанъ такъ, чтобъ можно было узнать всѣхъ дѣйствующихъ лицъ... Читатели очень лакомы на такую приправу...

— Ну, это средство не совсѣмъ чистое, отвѣчалъ я.

— Что вамъ за дѣло до средства; вы смотрите на цѣль. А если будете этакъ на каждомъ шагу опасаться, чтобы руки не выпачкать, то ничего и не сдѣлаете.

— Да какая же это цѣль? спросилъ я,—и стоитъ ли она того, чтобъ изъ-за нея себѣ руки марать?

— Если не стоитъ, то незачѣмъ и журналъ издавать.

Мы говорили еще довольно долго, но во все остальное время мнѣ не удалось добиться отъ него ни слова путнаго.

— Что это за человѣкъ? спросилъ я Касимова, когда онъ ушолъ.

— Развѣ не видишь?.. Семинаристъ, отвѣчалъ тотъ, зѣвая.

— Но ты мнѣ рекомендовалъ его какъ юриста?

— Какой къ чорту юристъ!.. Такъ себѣ, вышелъ изъ юридическаго факультета, вотъ тебѣ и юристъ.

— Но онъ кажется хорошо знакомъ съ журнальной литературой? Что, онъ журналистъ? Сотрудникъ гдѣ нибудь? Пишетъ кто-нибудь?

— Да, пишетъ; мыкаетъ горе, слоняясь по разнымъ редакціямъ... Бѣднякъ; чистая голь! Но голова свѣжая... Я нарочно тебя позвалъ, чтобы съ нимъ познакомить.

— А! вотъ оно что! сказалъ я, догадываясь наконецъ въ чемъ дѣло.—Такъ это изъ тѣхъ, о которыхъ ты мнѣ говорилъ?

— Да, онъ изъ тѣхъ... Совѣтую тебѣ не упускать его изъ виду. Онъ можетъ тебѣ пригодиться; можетъ даже при случаѣ выручить, потому что, по правдѣ сказать, я на твоихъ пріятелей мало надѣюсь... Они педанты, неповоротливы; у нихъ нѣтъ этой смѣтки, чутья; они никогда не поймутъ, что надо сдѣлать, чтобы, какъ говорится, въ жилку попасть, уловить случай и тиснуть вовремя, именно то, что должно непремѣнно имѣть успѣхъ... Ну, а за этого молодца я тебѣ отвѣчаю. Онъ тебѣ выручитъ вдесятеро то, что ты на него истратишь и будетъ работать за мѣдныя деньги, потому,—бѣденъ... Живетъ гдѣ-то на Лиговкѣ, въ холодной канурѣ, на хлѣбахъ у какихъ-то купцовъ, у которыхъ учитъ дѣтей по французски... Такой человѣкъ для издателя кладъ!

— Дмитрій Петровичъ, я очень тебѣ благодаренъ за это знакомство, отвѣчалъ я;—только не знаю, право, у него такой взглядъ на вещи, что онъ едва-ли сойдется съ моими будущими редакторами.

— Э! Пустяки! Сойдутся! Ты только его не давай въ обиду; потому жаль; онъ смыслитъ дѣло гораздо лучше ихъ. А тамъ съ его взглядами нечего церемониться. Онъ тебѣ будетъ дѣлать за деньги что хочешь, хоть сапоги чистить; потому, нужда не свой братъ!

— Какимъ образомъ ты съ нимъ познакомился?

— Да одинъ изъ пріятелей, у котораго онъ служилъ въ столѣ, рекомендовалъ для сочиненія кое-какихъ бумагъ по нашимъ акціонернымъ дѣламъ и для хожденія по присутственнымъ мѣстамъ.

— Онъ, стало быть, былъ на службѣ?

— Да, былъ; въ С....ѣ.....выгнали за какой-то пасквиль... или за грубость... не помню хорошенько, за что. А можетъ статься, и

такъ, просто съ виду не показался; потому грязенъ, каналья! Я его знаю; онъ у меня въ прошломъ году тутъ жилъ.

— Ну, а потомъ?

— Да что-же потомъ? Извѣстно, какъ дѣло кончилъ, такъ и ступай себѣ съ Богомъ вонъ... Что я съ нимъ няньчиться стану!.. Да по правдѣ сказать, я и не люблю этого рода людей... Аскетъ какой-то! Женщинъ дичится, водки не пьетъ, смотритъ на все какъ-то искоса, ощетинившись... Ну, да тебѣ какое до этого дѣло? Я тебѣ повторяю: для издателя это находка!.. У него злость одна чего стоитъ!.. Напусти только на кого нибудь, такъ и въѣстся!..

Я обѣщалъ поговорить со Святухинымъ, чтобы пристроить какъ нибудь эту находку въ редакціи, и записалъ его адресъ.

V.

3-го ноября.

Дѣла наши двигаются... Вчера получилъ письмо отъ брата съ извѣстіемъ, что мои документы высланы будутъ сюда не позже какъ черезъ недѣлю. Все обошлось дешевле, чѣмъ я ожидалъ. Николай, правда ругается, называетъ меня сумашедшимъ и проч., но пишетъ, что не намѣренъ меня отговаривать, потому что я взрослый человѣкъ и знаю конечно самъ, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать. Въ концѣ прибавляетъ, что наши узнали какимъ-то образомъ о моихъ затѣяхъ (почтмейстеръ, подлецъ, должно быть полюбопытствовалъ), и что это произвело волненіе.

VI.

5-го ноября.

Былъ у Иверскаго... Чуть шеи себѣ не сломалъ, ощупывая дорогу въ сумеркахъ, по извилинамъ темной лѣстницѣ... Нашелъ, наконецъ, на самомъ верху, въ какомъ-то чуланѣ, изъ котораго двери выходятъ, безъ всякаго предисловія, на узкую деревянную лѣсенку безъ перилъ... Засталъ его на кровати, за хромоногимъ столомъ, на которомъ горѣла сальная свѣчка и валялось нѣсколько книгъ, большею частію русскихъ журналовъ. Кругомъ страшная голь и отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ удобствъ. Хозяинъ сидѣлъ

въ нагольномъ тулупѣ и въ теплой, бараньей шапкѣ, предосторожность нелишняя, потому что квадратное слуховое окно, съ разбитымъ стекломъ, выглядывало почти у самаго изголовья его постели, и въ комнатѣ, несмотря на желѣзную печь, было такъ адски холодно, что я просилъ позволенія снова надѣть только-что сброшенную шинель.

Онъ былъ удивленъ моимъ посѣщеніемъ и не вдругъ узналъ. Усѣвшись, я объяснилъ ему, что всегда глубоко уважалъ и заочно любилъ представителей нашей литературы, а теперь, собираясь, какъ это ему извѣстно, самъ издавать журналъ, цѣню особенно дорого знакомство людей съ такимъ самобытнымъ взглядомъ на вещи, какъ у него, и что хотя этотъ взглядъ невполнѣ согласенъ съ моимъ, но что это мнѣ не мѣшаетъ симпатизировать человѣку, смѣло и прямо его высказывающему.

Онъ слушалъ какъ-то застѣнчиво и пассивно, какъ человѣкъ, которому нечего отвѣчать. Когда я кончилъ, онъ усмѣхнулся холодно и сказалъ: „да-съ“.

Это меня озадачило. Подумавъ немного, я прибавилъ, что-молъ, надѣюсь вы мнѣ не откажете въ вашемъ содѣйствіи?

Лицо его оживилось... „Я... съ удовольствіемъ“, отвѣчалъ онъ.

— По какой части вы занимаетесь?

— Да по какой случится... Я беру на заказъ всякую работу, какую дадутъ, корректуру, переписку набѣло, переводы...

— Я не это имѣлъ въ виду,—отвѣчалъ я немного сконфуженный... Дмитрій Петровичъ говорилъ мнѣ такъ много о вашемъ талантѣ и знаніи, что я бы желалъ имѣть васъ сотрудникомъ въ чемъ нибудь выше простой, черновой работы.

Онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво и вздохнулъ.

— У васъ два редактора? спросилъ онъ.

— Да, Родіонъ Михайловичъ Святухинъ и Федоръ Семеновичъ Розановъ... Вы съ ними знакомы?

— Нѣтъ-съ.

— Но, можетъ быть, слышали?

— Слыхалъ-съ.

— Они ужъ давно занимаются журналистикой и оба имѣютъ извѣстность... Вы, можетъ статься, читали?..

— Читалъ-съ!

— Послушайте, продолжалъ я,—скажите мнѣ откровенно, что вы о нихъ думаете?

— Да что-жъ;—ничего-съ; такъ себѣ, люди, какъ люди.

— Нѣтъ, я хочу знать, что вы думаете о ихъ направленіи?

Онъ началъ жаться, сгибая спину и поднимая плеча; при этомъ искоса на меня поглядывая и съ ѣдкой усмѣшкою потирая руки, но не отвѣчая ни слова.

— Признайтесь, вы вѣрно имѣете о нихъ дурное мнѣніе?

— О! Нѣтъ-съ, помилуйте!.. За что мнѣ о нихъ имѣть дурное мнѣніе?.. Я, изволите видѣть, не имѣю о нихъ никакого мнѣнія. Богъ съ ними! Какое мнѣ дѣло до нихъ?.. Ну, а что касается до ихъ направленія, то я право не знаю, какое у нихъ направленіе. Никогда не слыхалъ чтобы было какое-нибудь...

— Ну, полноте! возразилъ я смѣясь;—знаете лучше меня.

— Ей-Богу, не знаю-съ.

— Да вѣдь вы-жъ говорите, что вы читали?.. Ну скажите по крайней мѣрѣ, который изъ нихъ вамъ болѣе по душѣ!

— У меня нѣтъ души-съ.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Онъ продолжалъ вертѣться и ежиться, косясь и съ усмѣшкой перебирая пальцы.

— Послушайте, продолжалъ я. Я очень хорошо догадываюсь, что вы съ ними несогласны кой въ чемъ; да развѣ можно найти въ цѣломъ мірѣ двухъ человѣкъ совершенно согласныхъ во всемъ; а между тѣмъ люди сходятся и понимаютъ другъ друга и трудятся вмѣстѣ, и безъ этого не могли бы жить... Самое наше дѣло, литературное дѣло, къ чему оно главнымъ образомъ клонится? Не къ тому-ли, чтобы согласить людей съ разными убѣжденіями, привести пестрое множество ихъ къ единству воззрѣнія и къ единству въ дѣйствіи... Терпимость надо имѣть, Сергѣй Никанорычъ!

При словѣ *терпимость*, онъ покачалъ головой и усмѣхнулся двусмысленно. Это опять меня озадачило. Я замѣтилъ, что для насъ литераторовъ терпимость важнѣе всего, потому что она есть первое условіе свободнаго развитія мысли.

Онъ отвѣчалъ что *нѣтъ*, что терпимости вовсе ненужно, потому что противорѣчіе развивается гораздо сильнѣе тамъ, гдѣ его не терпятъ.

Меня поразила смѣлость, съ какой это было высказано; но тѣмъ не менѣе, эта мысль показалась мнѣ парадоксомъ и едва ли

не самымъ крупнымъ изо всѣхъ, какіе я отъ него слыхалъ. Я просилъ его объяснить: что онъ хочетъ этимъ сказать?

— Да только то-съ, что терпимость ведетъ къ индиферентизму, а индиферентизмъ къ бездѣйствію и застою.

— Что за чортъ! подумалъ я. Выходитъ, какъ будто-бы онъ и правъ!.. Подумавъ, однако, я замѣтилъ ему, что послѣдствія нетерпимости еще хуже, потому что она ведетъ къ притѣсненію.

— Безъ притѣсненія ничего не подѣлаешь, отвѣчалъ онъ. Необходима узда; надо давить произволъ; иначе люди другъ другъ глаза выцарапаютъ, станутъ другъ друга ѣсть!

Это сбило меня совершенно съ толку.—Но какъ же? я возразилъ,—вы стало быть отвергаете свободу?

Онъ взглянулъ на меня какъ-то жолчно и сдѣлалъ маленькій жестъ нетерпѣнія.—Эхъ! нѣтъ! отвѣчалъ онъ. Вы меня не понимаете!.. Что такое значитъ свобода? Свобода, сама по себѣ, это дичь! Свободу нельзя допускать безусловно, потому что если мнѣ вздумается васъ зарѣзать и никто меня не удержитъ, такъ вѣдь и это будетъ свобода. Свобода должна быть ограничена. Необходима узда... Нельзя оставить всякаго дѣлать, что ему вздумается.

— Въ этомъ смыслѣ вы правы, конечно, отвѣчалъ я;—но можно позволить всякому думать по своему.

— Нельзя, отвѣчалъ онъ злобно. Всякая мысль, кромѣ выхолощенной, ведетъ непремѣнно къ дѣлу.

— Вы, стало-быть, оправдываете притѣсненіе мысли?

Онъ измѣнился въ лицѣ и съ минуту глядѣлъ на меня, не отвѣчая ни слова.

— Смотря потому какая мысль, отвѣчалъ онъ твердо.—Если она подла, то надо ее давить безъ жалости!

— Какъ? Всѣми средствами?

— Да... всѣми! отвѣчалъ онъ и взоръ его дико сверкнулъ; на лицѣ промелькнуло что-то неумолимое, фанатическое.

Я отодвинулся съ ужасомъ; онъ это замѣтилъ и тотчасъ перемѣнилъ тонъ. На губахъ появилась опять усмѣшка, голосъ опять сталъ ровенъ и тихъ.

— Дѣло, изволите видѣть, въ томъ-съ, продолжалъ онъ,—что мы съ вами смотримъ на мысль нѣсколько розно. Вы въ ней видите цѣль, а я средство.

— Можетъ быть, отвѣчалъ я;—да только я не могу понять, что вы называете *подлою мыслію?* Мнѣ кажется, въ мысли могутъ быть только два рода: истина и ошибка; но противъ истины вы, конечно, не станете воевать; а ошибку можно всегда исправить; стоитъ только ее разъяснить.

— Да-съ; это вамъ оттого такъ и кажется, что вы смотрите на мысль съ диллетантской точки зрѣнія. Вы хотите, чтобы она существовала сама для себя, независимо, какъ какое-то самоуслажденіе; а я думаю, что она должна служить дѣлу, и всегда служить дѣлу. Затѣмъ, какъ бы она ни была вѣрна и красива сама по себѣ, но если она служитъ подлому дѣлу, то надо ее давить.

Я готовъ уже былъ согласиться, какъ вдругъ припомнилъ мой разговоръ съ Касимовымъ въ тотъ достопамятный день, когда для меня рѣшилась участь моего настоящаго предпріятія, и какая-то темная догадка, что мой новый пріятель стоитъ на скользкомъ мѣстѣ своихъ воззрѣній, промелькнула у меня въ головѣ... „Не даромъ же ты озлился! думалъ я. Дайка я на тебѣ попробую логику Дмитрія Петровича...“ И я рѣшился ощупать моего новаго пріятеля, употребивъ для этого самымъ безсовѣстнымъ образомъ чужой инструментъ.

— Я все-таки не могу васъ понять, отвѣчалъ я. Вы говорите: *подлое дѣло, подлая мысль*, точно какъ будто бы это различіе заключало въ себѣ что-нибудь существенное. Мнѣ кажется этотъ взглядъ устарѣлъ немного... *Подлость и благородство*, вѣдь это не болѣе какъ два разныхъ воззрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ... Согласитесь, что дѣло само по себѣ не измѣнится отъ того, съ какой точки мы вздумаемъ на него смотрѣть.

— Гмъ; произнесъ Иверскій, открывая широко глаза и всматриваясь въ меня пристально... Онъ, очевидно, не ожидалъ отъ меня такой выходки...—Гмъ; оно правда, если хотите, да объ этомъ не стоитъ теперь говорить; это споръ о словахъ, философія!.. Оно хорошо иногда, на досугѣ, чтобы вытаскивать старые гвозди изъ молодой головы, или подставить этакъ подъ ножку какому нибудь ученому, но само по себѣ это вздоръ, пустословіе! Не стоитъ надъ этомъ времени тратить, потому что не все ли равно, какъ вы назовете вещь, лишь бы васъ поняли?

— Оно можетъ быть и все равно въ виду полной терпимости, отвѣчалъ я, но гдѣ хотятъ давить мысль, на томъ основаніи, что она подла, тамъ это становится очень серіозный вопросъ.

Онъ взбѣсился.

— Эхъ! Нѣтъ! Совсѣмъ не то! Вы не хотите понять! Зачѣмъ вы къ словамъ придираетесь? Ну, вмѣсто *подлой* назовите, пожалуй, *вредною*, назовите какъ вамъ угодно, лишь бы понятно было... Неужли вы не понимаете, что есть мысли и цѣлыя системы мыслей, сами по себѣ пожалуй и вѣрныя, да которыя поддерживаютъ мерзость, звѣрскій порядокъ вещей, и что такія мысли, такія системы надо давить?

Огонь и глубокую энергію, съ которыми это было сказано, я не могу описать. Они увлекли меня невольно, могущественно; закупили меня въ его пользу, несмотря на все отвращеніе къ его іезуитской логикѣ.

— Не могу сказать, чтобъ я васъ хорошо понималъ, Сергѣй Никанорычъ; но я вамъ сочувствую, отвѣчалъ я, протянувъ ему руку.

Лучъ торжества освѣтилъ на минуту его лицо, но не успѣлъ онъ пожать мою руку, какъ все потухло... Передо мной сидѣлъ снова блѣдный, замученный пролетарій журнальныхъ фабрикъ, готовый взять всякую работу, какую дадутъ и всякую цѣну, какую предложатъ; съ которымъ, какъ говорилъ Дмитрій Петровичъ, церемониться нечего, который будетъ дѣлать за деньги что хочешь, хоть сапоги чистить, потому что нужда не свой братъ...

Мы говорили еще минутъ пять и разстались друзьями. Онъ обѣщалъ меня навѣстить... На просьбу что нибудь приготовить для первой книжки, отвѣчалъ, что объ этомъ въ другой разъ поговоримъ; а покуда просилъ переводцевъ или другого чего въ этомъ родѣ, обѣщая, что сдѣлаетъ скоро, такъ скоро, какъ только потребуется.

VI.

7-го ноября.

Марья Петровна и Ниночка помнятъ Иверскаго. Онъ жилъ у нихъ въ домѣ мѣсяца три, и послѣ того ходилъ изрѣдка. На вопросъ: какъ онъ имъ нравится? — онѣ отвѣчали неясно, и мнѣ

показалось, какъ будто бы неохотно. Нина нахмурилась; Марья Петровна поморщилась... Я догадался, что на тонкія нервы женщины аскетическая фигура Иверскаго, его костюмъ и манеры должны были дѣйствовать непріятно.

— Онъ, кажется, человѣкъ умный, замѣтилъ я.

— Да, онъ уменъ, отвѣчала Марья Петровна; но мы имѣли довольно рѣдко случай пользоваться его умомъ... Онъ съ нами держалъ себя холодно и далеко.

— Онъ долженъ быть очень дикъ съ женщинами?

— Да... впрочемъ нѣтъ, не со всѣми... Съ Лидинькой, бывало, ходятъ по залѣ вдвоемъ или засядутъ куда нибудь въ уголъ и шепчутся цѣлый часъ.

— Кто это Лидинька?

— Одна бѣдная дѣвушка... Она жила у насъ тутъ, гувернанткой, въ прошломъ году.

Покуда мы говорили, Ниночка встала и подошла къ окну. Оглянувшись минуту спустя, я замѣтилъ, что она оперлась на раму рукою и прислонила лицо къ стеклу.

— Что съ вами, Нина? спросилъ я.

— Такъ; ничего... голова немного болитъ, отвѣчала она, не двигаясь.

— Иверскій человѣкъ съ большими способностями,—и у него очень оригинальный взглядъ на вещи, продолжалъ я. Мнѣ бы хотѣлось завербовать его въ нашъ журналъ, да не знаю, какъ онъ сойдется съ редакторами.

— Иверскій утопистъ, отвѣчала Марья Петровна... Родіонъ Михайловичъ не любитъ этихъ людей. Онъ говоритъ, что съ ними нѣтъ никакой возможности сговориться, потому что они фанатики.

— Надо однако попробовать, продолжалъ я, потому что не всѣ жъ утописты одинаково несговорчивы... Я надѣюсь на васъ, Марья Петровна; помогите мнѣ ихъ познакомить и постарайтесь устроить такъ, чтобъ они сошлись.

— Извините; — я сдѣлаю все что могу, но за успѣхъ не ручаюсь, —отвѣчала она.

VII.

9-го ноября.

Вчера, наконецъ, окрестили наше изданіе. Провозились за этимъ съ семи до двѣнадцати. Розановъ цѣлую рѣчь говорилъ въ доказательство, что *Заря*,—имя слишкомъ неопредѣленное и можетъ дать поводъ къ двусмысленностямъ; потому что есть двѣ Зари: утренняя и вечерняя, изъ которыхъ одна служитъ эмблемою возрожденія, а другая упадка, кончины, и что слѣдовательно, для ясности, нужно бы назвать не просто *Заря*, а *утренняя* или *вечерняя Заря*; но *Утренняя Заря* была уже издаваема Владиславлевымъ, *вечерняя*—неприлична журналу, который долженъ открыть новую эру въ нашей литературѣ... Потомъ предложили *Утро*; оказалось, что былъ уже сборникъ съ этимъ названіемъ; *Весна*,—тоже былъ сборникъ... *Телеграфъ* напоминаетъ старый журналъ Полеваго... *Вѣстникъ* похоже на *Русскій Вѣстникъ*;.. *Слово*—была газета, къ тому же сбиваетъ на *Русское Слово*... *Прогрессъ*,—имя не русское... Подъ конецъ оказалось, что все это штуки и что имя давно уже придумано; но они не хотѣли его сказать прежде, чѣмъ вся честная компанія наспорится до упаду, опасаясь, что иначе его забракуютъ и что это оставитъ потомъ непріятное впечатлѣніе въ нашемъ кругу... Къ ночи, когда мы всѣ выбились изъ силъ и собирались ужъ разойтись, они сдѣлали видъ, какъ будто имъ только что въ голову пришла счастливая мысль. „Отчего бы не окрестить журналъ просто *Дѣломъ*?.. Названіе ново, просто и прямо указываетъ на цѣль къ которой мы всѣ стремимся“ — объяснялъ Розановъ. Кто то открылъ было ротъ, чтобы сдѣлать какое то возраженіе, но его не хотѣли слушать. Человѣкъ пять зѣвали во всеуслышаніе, другіе были, повидимому, давно подготовлены, и, такимъ образомъ, предложеніе принято было безъ спора.

VIII.

12-го ноября.

Получилъ разрѣшеніе. Благодаря этому случаю, благонравіе мое и способности засвидѣтельствованы формальнымъ актомъ и подписаны двумя очень значительными лицами изъ числа старыхъ знакомыхъ и сослуживцевъ моего покойнаго отца. Оба они обошлись

съ мной чрезвычайно ласково, представили своему семейству и звали къ себѣ. По разнымъ любезностямъ, которыя были высказаны при этомъ случаѣ, я заключаю, что роль литератора поднялась и стоитъ теперь очень высоко въ общественномъ мнѣніи.

IX.

15-го ноября.

Сегодня разослано наконецъ объявленіе и открыта подписка... Сколько хлопотъ было съ этимъ объявленіемъ!.. Спорили, спорили, — вычеркивали, подчеркивали, добавляли, переправляли; я просто изъ силъ выбился! Часу во второмъ получилъ первые экземпляры изъ нашей конторы. Въ корректурѣ оно имѣло такой некрасивый видъ, что я приходилъ въ отчаяніе; но теперь, на большомъ листѣ бѣлой бумаги, съ параграфами на благородной дистанціи другъ отъ друга, все это смотритъ очень эффектно. Вверху, крупнымъ шрифтомъ, толщиною въ два пальца, напечатано:

ДѢЛО

Списокъ сотрудниковъ на самомъ замѣтномъ мѣстѣ и смотритъ весьма почтенно. Внизу:

Издатель-редакторъ: *В. Г. Бубновъ.*
Редакторы: *Р. М. Святухинъ.*
Ф. С. Розановъ.

Никогда еще въ жизни мнѣ не случалось смотрѣть на листъ печатной бумаги съ такимъ ощущеніемъ!.. Особенно это подпись! Весело, а, между тѣмъ, какъ то страшно! Иной разъ какъ взглянешь, такъ даже духъ занимаетъ! Точно ты вышелъ куда нибудь на подмостки, передъ несмѣтной толпой и собираешься рѣчь говорить, и всѣ на тебя глядятъ, шушукаютъ, пальцемъ указываютъ!..

X.

20 ноября.

Ну, теперь кончена тихая роль неизвѣстнаго, частнаго человѣка, — сталъ совершенно публичнымъ лицомъ!.. Въ партерѣ, шепчутъ твою фамилію и киваютъ на тебя головой. На улицѣ и

въ знакомомъ кругу, не знаешь, куда дѣваться отъ поздравленій!.. Всякій дивится, всякій допрашиваетъ: Что это? Правда ли? Вы ли? Какимъ образомъ? Съ кѣмъ? Давно ли мнѣ въ голову это пришло?.. Эти вопросы, на первыхъ порахъ, приводили меня въ ужасное замѣшательство; но теперь я успѣлъ затвердить наизусть нѣсколько гладкихъ, стереотипныхъ фразъ и самымъ нахальнымъ образомъ повторяю ихъ всякому встрѣчному... Начинаю терять совершенно стыдъ.

XI.

25 ноября.

Сегодня ходилъ справляться. У Кожанчикова ужъ пять человѣкъ подписалось; у Базунова—3, у Печаткина—2, у Исакова—3, у Вольфа—1... Покуда не много, конечно, но всѣ увѣряютъ, что въ первые десять дней нельзя было и того ожидать.

. . . . . .

Январская книжка печатается!.. Меня сильно смущаетъ, что я не успѣлъ познакомиться съ нею въ рукописи; но Святухинъ мнѣ обѣщалъ, что все, съ первой строки до послѣдней, будетъ у меня въ корректурѣ. Онъ говоритъ, что и самъ не всѣ рукописи просматриваетъ: физической возможности нѣтъ успѣть... Показывалъ мнѣ цѣлый шкафъ запасовъ. Я удивился... „Когда вы успѣли все это собрать?“ спросилъ я. Онъ отвѣчалъ, что съ весны еще началъ заготовлять, а теперь просто отбою нѣтъ,—такъ и лѣзутъ со всѣхъ сторонъ, На три книжки уже отобрано. Видѣлъ февральскую. Она лежитъ въ папкѣ особо. Любопытство меня разобрало. „Дайте ка мнѣ почитать“, говорю. Онъ засмѣялся. „Смотрите, опять дремать станете“...

— Ну, нѣтъ, отвѣчалъ я; это другое дѣло,—это вѣдь все равно, что свое. Къ тому же вонъ тутъ есть повѣсть... Это, знаете, въ высшей степени интересно!.. У меня вотъ теперь даже сердце бьется... Какъ привезу домой, такъ и засяду на цѣлыя сутки!

Нести не было никакой возможности: тяжело; — увезъ на извозчикѣ. Дома, только что сѣлъ за столъ, какъ въ передней звонокъ. Факторъ изъ типографіи принесъ черновое условіе. Толковали съ нимъ цѣлый часъ. Только что отпустилъ, какъ опять

звонокъ. Поставщикъ съ образцами бумаги. Я выбралъ два и отправилъ его съ запиской къ Святухину. Не успѣлъ онъ уйти, какъ еще звонокъ!.. Какой то военный, человѣкъ въ лѣтахъ, волоса съ просѣдью, въ рукахъ маленькій свертокъ почтовой бумаги, обвязанный голубою ленточкой. Въ сверткѣ — стихи... Я думалъ, что это его; но оказалось, что это его жена послала ко мнѣ и что она занимается этимъ съ дѣтства, и что тутъ риѳмы мѣстами недостаетъ, и что она желаетъ, чтобъ имя осталось въ секретѣ, потому что хоть нынче оно и въ модѣ, но, понимаете, — мать семейства... могутъ выйти какія нибудь сплетни...

— Вы имѣете еще что нибудь сообщить?.. Сдѣлайте одолженіе, не церемоньтесь.

— Я, гмъ... извините... жена желала бы знать, какое вознагражденіе?..

Это меня озадачило. Позвольте мнѣ объ этомъ поговорить, отвѣчалъ я.

— Она желала бы лично съ вами условиться, продолжалъ безотвязный штабсъ-капитанъ. Если позволите, я вамъ ее привезу.

— Да помилуйте, зачѣмъ же ей безпокоиться! Можно по городской почтѣ... Позвольте мнѣ записать адресъ.

Онъ сообщилъ мнѣ адресъ и, наконецъ, ушелъ.

— Ну! думалъ я, посмотрѣвъ на часы и отирая потъ съ лица,—если съ легкой руки такъ пойдетъ, то тутъ и строки не успѣешь прочесть!..

Послѣ обѣда, наконецъ, заперъ дверь, не велѣлъ никого пускать и развязалъ папку... Дюжины полторы рукописей, самаго разнообразнаго формата и писанныя различными почерками, — нѣкоторыя такъ грязно, что едва есть возможность ихъ разобрать,—охладили немного мой жаръ. Я выбралъ одну изъ нихъ... На оборотѣ написано было бойкимъ почеркомъ: *Гувернантка. Романъ М. П. Казариной* (окончаніе).

— Ну, это можно бы и почитать, думалъ я, если бы не вторая часть, потому четко написано. Странно, что мнѣ ни слова никто не сказалъ объ этомъ романѣ, а между тѣмъ начало должно быть въ январской книжкѣ... *Казариной*? Гмъ. Женщина! Псевдонимъ вѣрно!.. Кто бы это могъ быть?.. Не успѣлъ я задуматься надъ этимъ вопросомъ, какъ въ передней опять звонокъ. Слышу, Павелъ

толкуетъ съ кѣмъ то... Знакомый голосъ... Ба! да это Радіонъ Михайловичъ!.. Я выбѣжалъ и втащилъ его къ себѣ въ кабинетъ.

— Вотъ, кстати, скажите пожалуйста, что это у васъ за романъ?

— А что, читать собираетесь?

— Да я бы не прочь, только жаль, что начала нѣтъ.

— А вотъ, я вамъ и начало принесъ, отвѣчалъ онъ, кладя на столъ толстый свертокъ.

— Какъ вы любезны!.. скажите, чье это?

— Это... *Казариной*, отвѣчалъ онъ, немного замявшись и усмѣхаясь.

— Псевдонимъ?

— Да, псевдонимъ.

— Чей?

Онъ опять усмѣхнулся. Просили не говорить, отвѣчалъ онъ.

— Ну, полноте! Вѣдь я же не посторонній какой нибудь!.. Я, какъ редакторъ, имѣю право все знать. Кто нибудь изъ знакомыхъ вѣрно... изъ вашихъ?.. Ба!.. Анна Дмитріевна?

— О! Что вы? Богъ съ вами! Она ничего не пишетъ.

— Такъ кто же?.. Да, кстати, скажите: начало въ январской книжкѣ печатается?

— Да, въ первомъ номерѣ.

— Что же это у васъ, откуда?

— А это другой экземпляръ...

— Какъ? Вамъ развѣ въ двухъ экземплярахъ приносятъ рукописи?

Онъ покачалъ головою смѣясь.

— Послушайте, это штуки!.. Это кто нибудь изъ знакомыхъ... М. П... Ужъ не Марья Петровна ли?

— Ну, дѣлать нечего, надо сказать! Она и есть, только она взяла съ меня слово... Она вамъ и первую часть просила отдать... я сейчасъ отъ нея... Узнала, что вы февральскую книжку хотите читать. Боялась чтобъ вы не начали ея романа съ середины.

— Ахъ шельма! Постой же, вотъ я ей ужо задамъ за всѣ эти штуки?..

Святухинъ началъ упрашивать Христомъ-Богомъ, чтобъ я ни полъ слова... „Она“, говоритъ, „со свѣта меня сживетъ, если узнаетъ, что я вамъ открылъ... Она вамъ скажетъ... хочетъ сперва

узнать, какъ понравится. Такъ ужъ вы, батюшка, сдѣлайте божескую милость, не выдавайте меня!.. Сдѣлайте видъ, какъ будто рѣшительно ничего не знаете и не догадываетесь"...

— Ну, ну, хорошо... что видѣли вы бумагу?.. Мы начали говорить объ изданіи, потомъ о другихъ вещахъ.

Ахъ, да! спохватился онъ вдругъ,—я вамъ и забылъ сказать... Сегодня хозяинъ нашъ изъ Москвы вернулся.

— О!.. и вы видѣлись?

— Видѣлись.

— Ну что же? Что? Какъ! Говорите скорѣй!

— Да что!.. такъ, даже позеленѣлъ, какъ меня увидалъ... Руки не хотѣлъ протянуть!

— Такъ то вы! говоритъ; а у самого отъ злости губы трясутся... — Что? Продали? говоритъ. А я ему: да что-жъ молъ, Клементій Ѳедорычъ, вѣдь если по правдѣ сказать, такъ и продавать то нечего было...

— Какъ нечего? Вы были моимъ товарищемъ.

— Товарищемъ? Когда-жъ это было? Я что-то не помню. Вотъ десять лѣтъ, какъ я вамъ служу наемникомъ, и все это время я не былъ ни чѣмъ обезпеченъ. Въ вашей волѣ было прогнать меня, когда вздумается, и нанять другого.

— Помилуйте, говоритъ,—съ чего вы взяли? Да мнѣ это и въ голову не могло придти. Я былъ вами совершенно доволенъ, и никогда на васъ не смотрѣлъ какъ, на наемника.

— Да что-жъ изъ того, молъ, какъ вамъ было угодно смотрѣть на меня? Мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно... У меня, молъ, семейство есть, дѣти, жена; пора и о нихъ подумать.

— Такъ чтожъ, говоритъ, вы мнѣ прежде ничего не сказали, что вы недовольны; мы бы поговорили, подумали, какъ водится между пріятелями, а то развѣ такъ дѣлаютъ?.. Бога вы не боитесь, говоритъ. Хоть бы вы мнѣ сказали раньше!

— Раньше я самъ ничего не зналъ, Клементій Ѳедорычъ; все это на дняхъ устроилось.

— Такъ написали бы хоть въ Москву, говоритъ, я бы тамъ себѣ пріискалъ кого нибудь.

— Найдете и здѣсь, говорю. Сто рублевъ въ мѣсяцъ хоть и не великія деньги, а все же охотники сыщутся. Какой нибудь холостой человѣкъ,—студентъ.

— Что-жъ, говоритъ, я на этой цѣнѣ не настаиваю, можно будетъ и увеличить... въ случаѣ... если...

— Да, говорю, я бъ вамъ совѣтовалъ понадбавить.

Поморщился мой Клементій Ѳедорычъ,—не любитъ онъ этихъ надбавокъ.— Ну, а если, говоритъ, мы съ вами сойдемся...

— Нѣтъ ужъ, я говорю, меня увольте; потому, значитъ, себѣ дороже... Да и къ тому же, дѣло это ужъ кончено... мы объявленіе уже напечатали.

Такъ-то мы съ нимъ и разстались. Только выканючилъ на прощанье, чтобъ я ему декабрьскую книжку съ рукъ сбылъ..

XII.

26-го ноября.

Весь день просидѣлъ надъ *Гувернанткой* Марьи Петровны... Къ вечеру, даже въ глазахъ зарябило; зато дочиталъ до конца... Молодецъ баба! Поди съ ней!.. Взяла да и написала!.. Оно и просто кажется; а попробуй-ка, справься!.. Мнѣ вотъ хоть колъ на головѣ теши, не сочинилъ бы и двухъ страницъ!.. Все эти лица, интриги, характеры; откуда они ихъ берутъ?.. Крадутъ, я чай, мошенники другъ у друга?.. Гдѣ-жъ это все каждый разъ на ново сочинять?.. Но чтобы ловко украсть, и на это нуженъ талантъ... Я вотъ пробовалъ раза два, такъ у меня цѣликомъ выходитъ, то Гоголь, то кто нибудь другой изъ знакомыхъ, ни дать, ни взять! Такъ даже смѣшно! Просто, хоть считывай!.. У Марьи Петровны я этого не замѣтилъ. Ея *Гувернантка* довольно оригинальная вещь... Слогъ очень хорошъ!.. Сначала, надо признаться, оно скучновато идетъ, главъ этакъ семь, покуда сообразишь въ чемъ дѣло; да много и то мѣшаетъ, что знаешь кѣмъ пиано... Все какъ то Марья Петровна сама мерещится... никакъ не отдѣлаешься отъ мысли, что она это все выдумывала; но мало по малу, когда героиня, въ домѣ Панова, сближается съ жильцомъ, секретаремъ Александра Ѳедоровича, и тотъ начинаетъ ее опутывать, повѣсть становится интересна... Конецъ первой части и всю вторую я отмахалъ на курьерскихъ, какъ я, обыкновенно, читаю романы. Длинныя разсужденія, монологи и проч., все это по боку, и безпрестанно зачитываешь впередъ, чтобы узнать: что выйдетъ?..

Надя мнѣ очень нравиться; только она слишкомъ ужъ много говоритъ объ эмансипаціи. Это выходитъ вродѣ какой-то мономаніи. О чемъ не заговорятъ, что не случится, изо всего тотчасъ выходитъ, что женщина угнетена! Особенно для того, кто, какъ я, знаетъ автора коротко, ну такъ вотъ и кажется, что это сама Марья Петровна все говоритъ... Впрочемъ, оно нынче въ модѣ. Нынче требуютъ, чтобы идея горѣла на лбу, въ носъ била, а это искусство для искусства, это все дичь!.. Впрочемъ, если сообразить положеніе героини, то все выходитъ естественно... Она гувернантка; не живетъ для себя; у нея нѣтъ ни надеждъ, ни будущности. Ей ставятъ въ вину, если она полчаса въ день займется чѣмъ нибудь для себя или такъ, просто, подумаетъ о себѣ. Отъ нея требуютъ полнаго самозабвенія во имя какого то священнаго долга, за исполненіе котораго ей платятъ немного поболѣе горничной. Мать можетъ уѣхать изъ дома раза два въ день; сидѣть въ театрѣ или въ гостяхъ, дѣлать визиты, читать Дюма,—все это какъ слѣдуетъ. Со стороны гувернантки, все это считается вѣтренностью и непростительнымъ эгоизмомъ. Она должна состоять неотлучно при дѣтяхъ и думать только о нихъ, гулять только съ ними, вставать и ложиться съ ними!.. Это пролетаріатъ, и тѣмъ болѣе тяжкій, что онъ падаетъ на развитую женщину... Немудрено, что бѣдная Надя такъ увлекается идеей эмансипаціи... Эмансипація для нея не игрушка. Для нея это имѣетъ глубокій, соціальный смыслъ: это вопросъ о жизни и смерти, право на трудъ, на свободную дѣятельность; право воспользоваться своею молодостью, выходъ изъ нестерпимой зависимости—изъ кабалы!.. Первую мысль объ этомъ забросилъ ей въ голову секретарь Панова, молодой человѣкъ съ рѣдкимъ умомъ и высокимъ образованіемъ, но по своему положенію въ обществѣ такой же, какъ и она, пролетарій... Онъ очень неловокъ и некрасивъ, не имѣетъ возможности одѣваться прилично; на службѣ тѣсно и безъ него, тамъ не жалуютъ нищихъ; онъ вынужденъ заниматься частной работой и служитъ домашнимъ секретаремъ у Панова, человѣка весьма крутого и жесткаго, который хотя и цѣнитъ его способности, но не заплатитъ ему ни копѣйки лишней... Секретаря зовутъ *Суровскій*. Онъ человѣкъ очень желчный и въ обществѣ дикъ; съ женщинами держитъ себя особенно сухо; но это ему не мѣшаетъ сблизиться съ Надей, въ которой онъ видитъ

ровню, и которая инстинктивно угадываетъ въ немъ собрата. Суровскій злобно вооруженъ противъ общества, онъ ненавидитъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, и старается возбудить такую же ненависть въ Надѣ, но кроткое сердце Нади не расположено къ мизантропіи. Зловѣщія сѣмена, заброшенныя въ него Суровскимъ, мгновенно перерождаются въ этой великодушной почвѣ и изъ нихъ выростаетъ совсѣмъ не то, чего онъ ожидалъ. Вмѣсто презрѣнія къ личности человѣка и къ мнимой свободѣ его, въ ней рождается теплая вѣра въ природную способность его къ добру и къ личной иниціативѣ въ дѣлѣ развитія. Вмѣсто дикихъ стремленій задавить идеальную сторону жизни и ограничить прогрессъ грубой мѣркою матеріальныхъ потребностей, въ ней развивается пламенная любовь къ идеаламъ добра и правды, къ высокому благородству искусства и пр. Но не все, что нашептывалъ Суровскій переработалось въ сердцѣ ея такъ счастливо. Были вещи, съ которыми она не справилась, и которыя ѣдкой отравой проникли въ ея молодую душу. Идея семейства, говорилъ онъ ей,— съ дѣтства приковываетъ насъ всѣхъ къ понятію идеальной чистоты. Что толку для нищаго изъ того, что онъ связанъ закономъ съ одною женщиною и съ ея дѣтьми? Ни онъ, ни жена, ни дѣти не выигрываютъ отъ этого ни на волосъ. Работая врознь, они почти вовсе не видятъ другъ друга. Не имѣя ни гроша, кромѣ того, что съѣдается каждый день, они также мало имѣютъ возможности воспитать дѣтей или обезпечить ихъ будущность, какъ если-бы эти несчастные прижиты были внѣ брака... Для насъ съ вами, не существуетъ семейства, говоритъ онъ ей въ другой разъ... Мы паріи!.. воспитывая весь вѣкъ чужихъ дѣтей или служа ихъ отцу и матери, мы не имѣемъ права мечтать о собственномъ счастьѣ... Другіе имѣютъ права; для насъ существуютъ однѣ обязанности! Но вы знаете: юридически, договоръ признается дѣйствительнымъ только тогда, если выгоды его очевидны съ обѣихъ сторонъ. Изъ чего же мы съ вами позволимъ связать себя на всю жизнь такими условіями, которыя не позволяютъ намъ жить? За что вы, напримѣръ, осуждены на вѣчное одиночество?.. Чѣмъ вы хуже другихъ? Вы могли бы быть любящимъ, преданнымъ другомъ и отличною матерью, но все это для васъ недоступно, единственно отъ того, что вы не имѣете къ тому средствъ... Вы считаете дол-

гомъ мучиться въ гувернанткахъ всю жизнь... для чего? Для того, чтобъ Елена Михайловна могла ѣздить въ оперу или, лежа въ постелѣ до перваго часу утра, читать какихъ нибудь *мушкатеровъ*?.. Не жирно ли будетъ?..

У бѣдной Нади слезы навертывались при этихъ словахъ. Она думала, думала долго и напряженно, и плакала горько и часто молилась наединѣ; но ея молодая головка и чистое сердце не въ силахъ были бороться долго съ желѣзною логикой этого Мефистофеля... Мало по малу, и на зло всѣмъ усиліямъ дѣвушки, опасные парадоксы Суровскаго пустили корни въ ея душѣ. Искушеніе выросло, и въ одинъ злополученный день получило образъ... но то былъ не образъ Суровскаго. Онъ жестоко ошибся въ разсчетѣ. Влюбленный, на сколько способна была къ любви его мизантропическая природа, онъ думалъ расчистить дорогу себѣ, а, между тѣмъ, ею воспользовался другой человѣкъ... Въ воскресной школѣ, на которую Надя тратила единственное свободное утро въ недѣлѣ, она познакомилась съ артиллеристомъ Зарницкимъ, блестящимъ, ловкимъ и вѣтренымъ молодымъ человѣкомъ, который зналъ наизусть всю фразеологію моднаго направленія, но сердцемъ не преданъ былъ ни чему, кромѣ личной выгоды и грубаго наслажденія. Надя ему приглянулась; онъ началъ упорно ее преслѣдовать, и сколько можно догадываться, успѣлъ въ своей цѣли. Дѣло выходитъ какъ то неясно... Разсказъ обрывается на томъ мѣстѣ, когда она, повидимому, готова пасть и дальше объ этомъ не говорится. Въ семействѣ Пановыхъ, ея поведеніе стало давно предметомъ серьезныхъ основательныхъ подозрѣній. Всѣ догадываются, что она имѣетъ любовника, но не знаютъ кого. Подозрѣніе прежде всего упадаетъ на Суровскаго, но разныя справки, собранныя на этотъ счетъ, обнаруживаютъ, что это не онъ. Тогда Елена Михайловна начинаетъ ревновать мужа. Нѣсколько сценъ, очень тяжкихъ для Нади, принуждаютъ ее оставить домъ... Тутъ опять разсказъ обрывается. У автора не хватаетъ смѣлости дорисовать картину во всей ея полнотѣ; да оно и понятно, потому—все же дѣвушка! какъ то и незнакомо и совѣстно... Героиня является снова на сцену, уже полгода спустя, одна, всѣми брошенная и лишенная всякихъ средствъ. Другая погибла бы въ этой борьбѣ съ нуждой и презрѣніемъ свѣта; но тутъ она и является истинной героиней!.. Гордо поднявъ молодую

головку и смотря прямо въ лицо грозящей судьбѣ, она вступаетъ съ ней въ непреклонную, отчаянную борьбу. Эманасипація выходитъ на сцену и развертывается передъ зрителемъ во всей своей полнотѣ. Надя дѣлается писательницею... Много трудовъ предстоитъ ей на этомъ пути, но она не боится труда. Она цѣлыя ночи проводитъ съ перомъ въ рукахъ, и вотъ, наконецъ, темная ночь для нея проходитъ и наступаетъ разсвѣтъ. Ея повѣсть имѣетъ блестящій успѣхъ. Въ журналахъ о ней кричатъ! Редакторы ищутъ ея знакомства и другъ передъ другомъ спѣшатъ набавить цѣну. Повѣсть ея издается отдѣльнымъ изданіемъ. Скоро въ рукахъ у Нади оказывается небольшой капиталъ, на который она заводитъ школу. Черезъ годъ, эта школа полна. Въ числѣ учителей, къ ней поступаетъ Суровскій... Романъ кончается разговоромъ, въ которомъ они вспоминаютъ прошедшее: Суровскій повторяетъ опять свои старые парадоксы; но Надя ужъ не ребенокъ!.. Она сбиваетъ его на каждомъ шагу... „Вы насъ упрекаете“, говоритъ она между прочимъ, „въ идеализмѣ, въ праздной мечтательности. Положимъ, что вы отчасти и правы; да что же вы то дѣлаете, вы всѣ, положительные господа? Вѣдь надо же правду сказать, что и вы живете до сихъ поръ не на землѣ, а въ воздушныхъ замкахъ! Только они некрасивы, ваши воздушные замки; грязноваты немножко; похожи на стойло, на хлѣвъ! Сытый желудокъ—вашъ идеалъ, все остальное у васъ пустяки!.. Ну, подумайте только: ну стоило ли биться три тысячи лѣтъ, чтобъ въ результатѣ дойти до того, до чего вы дошли?“ Суровскій удивленъ, онъ не можетъ понять, въ чемъ тутъ штука и откуда взялся этотъ новый голосъ, эта сила непобѣдимая?.. Надя ему объясняетъ. „Вся штука въ томъ,“ говоритъ она, „что мужчина одинъ не въ силахъ рѣшить соціальный вопросъ. Жизнь доступна ему только съ одной стороны. Неимѣя въ рукахъ другой, онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу противорѣчія неразрѣшимыя, изъ которыхъ не видитъ другого выхода, кромѣ полнаго отрицанія. Но полное отрицаніе не даетъ ничего положительнаго. Оно вертится въ своей отвлеченности, какъ бѣлка въ своемъ колесѣ. Полное отрицаніе—это самый неистовый, злѣйшій идеализмъ! Чтобы придти къ положительному, надо понять и другую сторону жизни, а къ этому нѣтъ другого пути, какъ дать слово женщинѣ и выслушать то, что она имѣетъ сказать! . . . . Вы должны это сдѣлать! къ

этому дѣло давно идетъ и за этимъ оно остановилось! . . . Вы дадите намъ право голоса, и если не сдѣлаете этого по доброй волѣ, то мы вырвемъ его у васъ насильно! . . . И мы скажемъ когда нибудь наше слово; но это слово не будетъ призывомъ вражды, а словомъ любви и братскаго примиренія! . .

Вообще, я доволенъ этой вещицей. Надѣюсь, что она будетъ имѣтъ хорошій успѣхъ, потому что и свѣжо написано, и съ неподдѣльнымъ огнемъ.

XIII.

1-го декабря.

Всѣ эти дни, просто, отбою нѣтъ! . . Такъ и лѣзутъ, кто съ рукописями, кто съ предложеньями! . . . И что за рожи! . . . И всякій про цѣну спрашиваетъ, всякому срокъ назначь, когда приходить за отвѣтомъ! Ну, просто изъ рукъ вонъ! . . .

Сегодня двѣ дамы были съ большимъ гайдукомъ, лаксемъ въ военной ливрѣ; принесли цѣлый ворохъ тетрадей: переводы съ французскаго, изъ *Revue des deux mondes* и пр!.. Я съ дуру сказалъ имъ что то насчетъ Жоржъ-Зандъ, да послѣ и самъ былъ не радъ. Какъ начали полоскать! . . . . Думалъ, что тутъ до вечера просидятъ!

Отдѣлавшись наконецъ, поѣхалъ къ Святухину. Сдѣлайте божескую милость, говорю: возьмите вы на себя пріемы.

— А я, говоритъ, только что васъ объ этомъ хотѣлъ просить,—потому, занятъ весь день,—съ этой *Выставкой* до сихъ поръ еще не раздѣлался; — а тутъ звонъ такой идетъ цѣлое утро! . . . Дѣвка только и дѣлаетъ, что бѣгаетъ отворять: — сегодня даже убрать ничего не успѣла! . . Она вѣдь у насъ одна на всѣхъ пятерыхъ, — а вы вѣдь человѣкъ холостой, и у васъ лакей есть; . . . . . можете дни назначить.

Что будешь дѣлать? . . Взялъ на себя.

Въ контору ѣздилъ;.. назначилъ вторникъ и пятницу, отъ 11 и до 2-хъ, и билетъ на дверяхъ прибилъ, гдѣ все это выписалъ крупными буквами.

Вечеромъ былъ у Касимовыхъ и засталъ дамъ однѣхъ, чему мы съ обѣихъ сторонъ были рады... Не успѣлъ я войти, какъ въ передней ужъ отдано было шопотомъ приказаніе не принимать

никого... Зная, что имъ нужно, и видя, какъ имъ не терпится, я нарочно завелъ разговоръ о вещахъ, неимѣющихъ ни малѣйшей связи съ предметомъ ихъ нетерпѣнья; хотѣлъ посмотрѣть, какъ онѣ станутъ меня наводить. Но плутовки имѣли характеръ выдержать, не мигнувъ, цѣлыя десять минутъ скучнѣйшаго разговора объ оперѣ. Марья Петровна даже пересолила немножко. Съ какимъ то античнымъ самоотверженіемъ, она завела сама рѣчь о Тамберликѣ; но у Нины терпѣнія не хватило.

— Ну, чтожъ вашъ журналъ? перебила она, украдкой взглянувъ на Марью Петровну.

— Первую книжку печатаемъ, отвѣчалъ я равнодушно.

— Интересно бы знать ея содержаніе, продолжала она, и опять я замѣтилъ какіе то телеграфическіе сигналы глазами.

— Оно напечатано въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*.

— Какъ? Въ самомъ дѣлѣ? Когда?

— Сегодня!

— Не можетъ быть! — Обѣ плутовки сдѣлали мину, какъ будто еще не читали газеты; а между тѣмъ, я самъ видѣлъ ее развернутую и порядкомъ измятую, въ залѣ, на флигелѣ.

Нина выбѣжала и вернулась съ *Вѣдомостями*. Я имъ прочелъ оглавленіе вслухъ. У Марьи Петровны щеки горѣли и краска нѣсколько разъ обхватывала лицо... Мнѣ стало ихъ жаль. За что я ихъ мучу? подумалъ я и собирался ужъ самъ начать, какъ вдругъ Нина спросила, читалъ ли я *Гувернантку* Казариной?

— Читалъ, отвѣчалъ я. Это единственное, что я успѣлъ прочесть!

— Всю?

— Да, всю.

— Мы тоже ее читали.

— О! Въ самомъ дѣлѣ? Какимъ это образомъ?

— Родіонъ Михайловичъ давалъ намъ рукопись подъ секретомъ, зная, какъ мы интересуемся сочиненіями женщинъ, русскихъ въ особенности!

(Ахъ ты шельма, шельма! Вѣдь какъ лжетъ то! подумалъ я)...

— Ну чтожъ? какъ вамъ нравится? спросилъ я. — Неправда-ли, что мило?

— Усмѣшка неудержимой радости мелькнула на лицѣ у обѣихъ; онѣ начали дурно играть свою роль.

— Да такъ себѣ... не знаю какъ вамъ сказать, прошептала Марья Петровна, опустивъ на полъ глаза.

— Мы бы желали сперва узнать ваше мнѣніе, отвѣчала Нина.

— Гмъ; вотъ видите-ли,—мое мнѣніе, какъ редактора, можетъ вамъ показаться пристрастно!

— Э! Что за вздоръ! говорите!.. Да ну, говорите скорѣй!— И Нина съ ребяческимъ нетерпѣніемъ дергала меня за рукавъ.

— Да чтожъ вамъ сказать? Не знаю, какъ это покажется знатокамъ, я не могъ оторваться. Я просидѣлъ надъ этою повѣстью цѣлый день, напролетъ. Надѣюсь, что и другимъ она также понравится.

Онѣ дѣлали невѣроятныя усилія, чтобъ сохранить равнодушный видъ, но это имъ удавалось плохо. Одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которыми онѣ перекидывались, могъ бы открыть ихъ секретъ самому недогадливому.

— Интересно знать, чья это вещь? Я спрашивалъ у Святухина, да онъ мнѣ не хочетъ сказать. Говоритъ, слово далъ!

— И очень хорошо дѣлаетъ... На что вамъ? Что за мелкое любопытство?

— Любопытство съ моей стороны весьма понятно, отвѣчалъ я.— Во-первыхъ, я, какъ редакторъ, обязанъ знать имя каждаго изъ моихъ сотрудниковъ, а во-вторыхъ авторъ—женщина, какъ по всему видно, съ рѣдкимъ умомъ и глубокимъ знаніемъ сердца... Съ такою особою интересно бы было сблизиться и поговорить подробно объ ея произведеніи. Она могла бы мнѣ много чего объяснить изъ такихъ вещей, которыя для читателя иногда остаются загадкой!..

Говоря это, я посматривалъ то на ту, то на другую, и видѣлъ, что имъ до смерти хочется все открыть; но какая то смѣсь застѣнчивой нерѣшительности съ школьнымъ лукавствомъ не позволяла имъ говорить.

— Неужели надо быть авторомъ, чтобы умѣть объяснить, — замѣтила Нина, смѣясь. Скажите намъ,—мы попробуемъ!

— А вы знаете автора?

— Знаю!

— Нина! шепнула Марья Петровна, толкая ее ногой подъ столомъ.

— Я то знаю, продолжала плутовка смѣясь;—да вотъ Маша не позволяетъ мнѣ говорить:—все потихоньку толкаетъ!

— Я? Что за вздоръ? Мнѣ что за дѣло?

— Ну, а хочешь скажу?

Сигналы тревоги и бѣдствія быстро смѣнялись одинъ за другимъ на лицѣ Марьи Петровны, но имъ не было никакого отвѣта.

— Нина! Mais c'est vilain! Mais vous avez juré. Но Нина смѣялась, какъ школьникъ, и кивала мнѣ головой на нее... Въ эту минуту, мнѣ удалось поймать ея взглядъ... и все было сказано.— Съ обѣихъ сторонъ, комедія была сыграна до конца и она доставила имъ, очевидно, такое удовольствіе, что я не жалѣлъ потраченнаго труда...

Съ меня взяли клятву, что я не скажу никому въ мірѣ... никому! „Никому... Слышите ли?...“ А потомъ еще особо другую, что не скажу Дмитрію Петровичу. Послѣ чего, языкъ у насъ развязался, и мы говорили о *Гувернанткѣ* до полночи, — наговорились, что называется, всласть. Весь романъ перебранъ былъ по отдѣльнымъ моментамъ сюжета, потомъ по характерамъ, направленіямъ и идеямъ...

— Зачѣмъ вы не выдали Надю замужъ? спросилъ я;—это даетъ роману какой-то неоконченный видъ.

— Я это нарочно сдѣлала, отвѣчала она, чтобъ доказать, что мы можемъ безъ этого обойтись, точно такъ же, какъ вы обходитесь. Пора перестать смотрѣть на замужество, какъ на единственную карьеру для женщины. Это имѣетъ какой нибудь смыслъ только до тѣхъ поръ, покуда мы лишены всего остального, что можетъ наполнить жизнь. Да и при этихъ условіяхъ,—развѣ на дѣлѣ мы всѣ выходимъ?

— О! разумѣется нѣтъ; но я говорю о Надѣ. Скажите по совѣсти, неужели вы серьезно думаете, что она такъ и осталась довольна своимъ литературнымъ успѣхомъ и школою?

— Почему жъ нѣтъ?

— Да какъ вамъ сказать... оно не совсѣмъ вѣроятно. Въ такой молодой женщинѣ... естественная потребность...

— Подите вы съ вашей естественной потребностью! возразила она, сердясь.—Вы говорите объ этой потребности, точно она существуетъ сама по себѣ, безъ предмета. Я не могу допустить абстрактной потребности выйти замужъ. Надо любить кого нибудь очень

сильно, чтобы отсутствіе его мучило, чтобы желать съ нимъ такого союза.

— Конечно... Но развѣ Надѣ некого было любить?

— Да кого же?

— А Суровскаго?

— Суровскаго? повторили онѣ въ одинъ голосъ, — о! это невозможно!

— Да отчего же, mesdames? Изъ разсказа не видно, чтобы чувство его остыло, а если такъ, то почему же оно не могло тронуть Надю?

— О! Нѣтъ! Развѣ можно любить такого? О! вы не знаете... онъ такой... у!

Вы говорите о немъ, точно какъ будто вы знали его въ дѣйствительности?

— Онѣ какъ то странно переглянулись, и я замѣтилъ, что на этотъ разъ Нина толкнула Марью Петровну.—Нѣтъ, отвѣчала она, — но мы знали подобныхъ людей... Трудно сказать почему, съ перваго же взгляда, вы чувствуете, что ихъ невозможно любить.

XIV.

9-го декабря.

Подписка двинулась!.. Да какъ неожиданно быстро! На прошлой недѣлѣ еще не доходило до ста, а теперь ужъ за 300 перевалило и все это больше чѣмъ на двѣ трети, въ одномъ Петербургѣ. Изъ другихъ мѣстъ, кромѣ Москвы, до сихъ поръ не успѣли придти еще требованія. По поводу этихъ извѣстій, я былъ вчера въ самомъ отличномъ расположеніи духа... Хотѣлъ читать рукописи, да не было никакой возможности усидѣть,—такъ и подхватываетъ! точно, какъ будто бы газу какого въ тебя накачали... По улицѣ ходишь, земли подъ собой не слышишь!.. До двухъ часовъ ночи уснуть не могъ; все думалъ: какой блестящій успѣхъ ожидаетъ меня впереди!..

XV.

12-го декабря.

Иверскій былъ вчера... Я начинаю его понимать, и вижу теперь, что его убѣжденія далеко не такъ дики, какъ мнѣ показалось на первый взглядъ. Вся штука въ томъ, что онъ смотритъ

на вещи просто; а это не такъ легко, какъ многіе думаютъ. Намъ только кажется, что мы смотримъ своими глазами и судимъ своимъ умомъ; а въ сущности, между нами и предметомъ сужденія, обыкновенно, растетъ цѣлый лѣсъ готовыхъ рутинныхъ воззрѣній и выводовъ, затверженныхъ въ такіе года, когда мы были еще не въ силахъ сами о чемъ нибудь разсуждать. Иверскій называетъ это наслѣдственными иллюзіями мозга. И мы такъ освоились съ этими иллюзіями, что простой, незапутанный взглядъ насъ пугаетъ. Вотъ этого то и нѣтъ у Иверскаго. Необыкновенная смѣлость мысли помогла ему выпутаться изъ этихъ тенетъ. Онъ идетъ безо всякихъ обиняковъ, прямо къ дѣлу, которое, въ сущности, очень просто, а кажется намъ мудренымъ отъ того, что мы приплетаемъ къ нему множество разныхъ фантазій, которыми насъ дурачили съ молоду и которыми мы, въ свою очередь, дурачимъ другихъ. Все это онъ объяснилъ мнѣ вчера подробно, и съ этой точки, мы съ нимъ перебрали множество разныхъ системъ и тенденцій, существующихъ въ нашей литературѣ. Какъ чортъ въ сказкѣ Лесажа, онъ снималъ крыши со всѣхъ домовъ и обнаруживалъ ихъ семейныя тайны. Иногда оно выходило гадко, но чаще смѣшно до такой степени, что я хохоталъ во все горло... Пробовалъ записать, да какъ то не клеится; помню только, что онъ вездѣ докапывался до самыхъ простыхъ, грубыхъ и будничныхъ интересовъ жизни. Все это прикрыто снаружи пышными декораціями и громкими именами. Кричатъ напримѣръ: Свобода! Народность! Почва! Конституція! Автономія! и т. д. но этимъ не слѣдуетъ обольщаться. Слѣдуетъ подойти ближе и безъ церемоніи отодвинуть все это въ сторону. Тогда и увидишь, что за всѣмъ этимъ стыдливо прячется какой нибудь жирненькій, голенькій капитальчикъ, или рента, или вопросъ о рабочей платѣ, или просто слѣпой инстинктъ конкуренціи... По смѣлости и ничѣмъ не стѣсненной рѣзкости выраженья, все это похоже на то, что я иногда слыхалъ у Касимова; но у Касимова оно ужъ совсѣмъ выходитъ изъ мѣры... У Касимова нѣтъ ничего завѣтнаго,—онъ готовъ наплевать на все, кромѣ собственной личности; а у этого совершенно на выворотъ: этотъ готовъ себя оплевать ради общественной пользы и человѣческой справедливости. Онъ, правда, не упоминаетъ объ этомъ прямо и не любитъ, чтобы другіе ему намекали; но это слышится, чувствуется на каж-

домъ шагу... Къ тому же, у этого есть система, хоть онъ и клянется, что нѣтъ никакой... Мнѣ кажется, что я понялъ этого человѣка. Снаружи, онъ свиноватъ, конечно: грубъ, дерзокъ, грязенъ, не уважаетъ себя; но онъ служитъ великой идеѣ, и это его оправдываетъ... У него на лицѣ написано: я молъ не джентльменъ и на ваше на джентльменство плюю. Мнѣ все равно, что вы обо мнѣ думаете, потому что я самъ о себѣ не думаю ничего. Я готовъ закопаться по шею въ грязь, чтобы добиться до цѣли, а вы этого не сдѣлаете, потому что бережете себя. Я думаю о пользѣ рода человѣческаго, а вы думаете, какъ бы вамъ руки не замарать; такъ вотъ, оно и выходитъ, что я хотя и свинья, а все-таки выше васъ... Оно, если угодно, тоже своего рода спѣсь, да только совсѣмъ особенная...

Просилъ работы какой нибудь. Я хотѣлъ извиниться, что не успѣлъ еще съ моими редакторами поговорить, да смотрю: у него сапоги въ дырьяхъ... Что тутъ прикажешь дѣлать? Спросилъ, не хочетъ ли онъ записаться ко мнѣ постояннымъ сотрудникомъ, съ тѣмъ, что если случится какая работа, то дамъ ему знать, а платить буду помѣсячно, сколько самъ назначитъ. Онъ запросилъ бездѣлицу, которую я ему тутъ же и выдалъ впередъ, заставивъ его расписаться, ради приличія.

...Надо его свести поскорѣе съ редакторами, да только я сильно боюсь, чтобы они не поругались, потому что у тѣхъ совсѣмъ другой взглядъ. Дмитрій Петровичъ мнѣ правду о нихъ говорилъ: они точно отстали маленько. Иверскій говоритъ, что у нихъ все осталось по старому, какъ бывало еще въ тридцатыхъ годахъ. Все, молъ, филологическій диллетантизмъ, да беллетристическая реномистика на умѣ, а настоящаго дѣла нѣтъ... Спросите, говоритъ, чтобъ сказали вамъ ясно, чего хотятъ? и посмотрите, какую они вамъ дичь понесутъ... Жаль, если мнѣ не удастся втиснуть его въ редакцію!..

XVI.

16-го декабря.

Пятница... Посѣтители!.. Не успѣлъ чаю напиться, какъ въ передней звонокъ... Кто тамъ?.. Говорятъ, какой то Сомягинъ, литераторъ, молъ... Входитъ немытая, нечесаная фигура, съ заспан-

ными глазами и припухлымъ лицомъ, въ старомъ истертомъ пиджакѣ, на которомъ оборвана нижняя пуговица; въ рукахъ какой то суконный блинъ... Что вамъ угодно?..

— Такъ-съ; ничего особеннаго... шелъ мимо, зашелъ узнать, не нужно ли вамъ чего по полемической части?

Я отвѣчалъ, что благодаренъ за предложеніе; но что у насъ до полемики еще не дошло, потому:—первая книжка еще не выпущена.

— А скоро выпустите?—Съ этимъ вопросомъ онъ бросилъ свой блинъ на стулъ, сѣлъ на него и, взявъ у меня изъ коробки сигару, безъ церемоніи закурилъ.

Я смотрѣлъ въ сильномъ недоумѣніи. „Не знаю“, отвѣчалъ я.

— Долженъ васъ предувѣдомить, продолжалъ онъ.—Васъ собираются крѣпко ругать.

— За что-жъ это?

— Ну, да ужъ тамъ найдутъ, за что... Вы вѣдь славянофилъ?

— Это съ чего вы взяли?

— Да такъ говорятъ. Скажите:—вы коротко знакомы съ Аксаковымъ?

— Помилуйте,—я съ нимъ совсѣмъ не знакомъ.

— Да вѣдь вы изъ Москвы?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ и есть!.. Я говорилъ Скуфьеву, что все это враки... Знаете, я вамъ откровенно скажу: я очень радъ, что вы не изъ этой шайки, – я ихъ терпѣть не могу;—они пишутъ вздоръ... Если хотите, я, пожалуй, готовъ допустить, что Петръ напрасно переломалъ у насъ все на нѣмецкій ладъ;—но вы посудите сами, теперь возвращаться назадъ, къ Алексѣю Михайловичу, вѣдь это, ей Богу, поздно.

Онъ посмотрѣлъ на меня прищурясь, но видя, что я не спѣшу отвѣчать, продолжалъ;

— Я держусь того мнѣнія, что мы должны брать у Европы, что въ ней есть хорошаго, не дожидаясь, покуда оно у насъ разовьется само; потому что... если мы этакъ станемъ все ждать, да ждать... такъ оно,—этакъ, знаете... и дождешься шиша. Ну что изъ того, напримѣръ, что присяжные въ Англіи изобрѣтены? Вѣдь и желѣзныя дороги тоже въ Англіи изобрѣтены!.. Ну, такъ что жъ?

Вѣдь вы не рѣшитесь трястись на перекладной съ досады, что не вы выдумали чугунку, неправда ли?

— Конечно.

— Ну, вотъ и я также думаю... Согласитесь, что въ Англіи есть чему поучиться. У нихъ тамъ, говорятъ, мужики живутъ лучше нашихъ помѣщиковъ. Всякая шельма, работникъ какой нибудь на фабрикѣ, пролетарій,—бифштексъ жретъ, а безъ портеру и за столъ не сядетъ!.. Оно разумѣется, у нихъ портеръ немногимъ дороже нашего квасу, но вотъ это то и доказываетъ, какъ они далеко ушли... Скажите пожалуйста, вы англоманъ?

— Нѣтъ.

— Ну, я вамъ скажу откровенно, что и я тоже нѣтъ... Я нисколько не раздѣляю воззрѣній *Русскаго Вѣстника*. Я полагаю, что изъ русскаго мужика, какъ его не устраивай, фермера вы не сдѣлаете. Изъ этого еще не слѣдуетъ, разумѣется, чтобы его надо было пороть, или чтобъ грамотность была для него вредна; но я утверждаю, что прогрессъ можетъ имѣть какой нибудь смыслъ только тогда, если онъ твердо основанъ на почвѣ народности... Я объ этомъ писалъ уже раза два. Вы можетъ статься читали, въ *Русской Молвѣ* за прошлый годъ, въ іюльской книжкѣ, статья за подписью С**..?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Ну, это все равно. Дѣло, извольте видѣть, въ томъ, что всѣ ихъ замашки я знаю насквозь и всѣ эти тонкости насчетъ мировыхъ учрежденій, централизаціи, самоуправленія и проч.;— все это мнѣ извѣстно, какъ свои пять пальцевъ. Такъ что, если по поводу этихъ вещей, у васъ будутъ схватки съ кѣмъ нибудь, станутъ васъ тамъ задѣвать какъ нибудь, или просто выругаютъ,— вы только мнѣ скажите, я съ ними расправлюсь!.. Трепку такую задамъ, что любо—дорого... Я тѣмъ и извѣстность себѣ пріобрѣлъ, что у меня желчи пропасть...

— Позвольте, однако, перебилъ я,—я не совсѣмъ понимаю, противъ кого, собственно, вы собираетесь ратовать?

— Да противъ кого угодно, мнѣ все равно... Мнѣ до личности дѣла нѣтъ,—я стою за принципъ.

— Такъ-съ: но вы мнѣ до сихъ не сказали еще, какого рода этотъ принципъ?

— Гмъ... Это, вотъ, видите, съ какой точки зрѣнія смотришь... я не люблю узкихъ рубрикъ и, вообще, стою за терпимость. По моему, утверждай, что хочешь, но будь послѣдователенъ и не противорѣчь принципу. Ну, а если ты гдѣ нибудь проврался, такъ ужъ мое почтеніе: спуску не дамъ!.. Выведу все это и докажу какъ дважды два,—потому: у меня логика дьявольская!.. И ужъ прошу не прогнѣваться, выругаю! самымъ нещаднымъ образомъ выругаю! Впрочемъ, если вы спрашиваете насчетъ моихъ убѣжденій, то я вамъ скажу, что я вообще—*реалистъ*.

— *Матеріалистъ*, можетъ быть.

— Ну да, именно, матеріалистъ,—это все тоже... Я ни во что не вѣрю;—оно не стоитъ труда, знаете, потому—не все ли равно? Такъ, или этакъ, съ точки зрѣнія абсолютнаго, это все шушера! Я никакихъ твердыхъ убѣжденій не признаю. Я твердо убѣжденъ, что все это вздоръ. Все дѣло вкуса: одному нравится то, другому другое. Что-жъ изъ того? Важно одно существенное,—а существенное, это мы съ вами знаемъ что... Гмъ, понимаете?.. Онъ хлопнулъ себя по пустому карману.

— Да, я теперь понимаю.

— Вы, впрочемъ, не думайте, чтобъ я былъ человѣкъ безнравственный. Я только по принципу утверждаю, что нравственность вздоръ, а на дѣлѣ я гражданинъ и чертовски строгъ во всемъ, что касается до гражданской честности. У меня съ откупомъ постоянно война;—я ихъ до того довелъ, что мнѣ предлагали пятьсотъ рублей въ годъ, чтобы только оставилъ въ покоѣ, Разумѣется я не взялъ. Отвѣчалъ, что своихъ убѣжденій не продаю. На взяточниковъ, бывало, тоже ходилъ войной и казнилъ ихъ безжалостно;—но послѣ критики Павлова, этотъ родъ какъ то изъ моды вышелъ. Такъ мы теперь за другое взялись. Мы поняли, что не взяточничество одно виновато, а что у насъ все скверно;—да-съ, именно все! Вслѣдствіе этого, мы теперь держимъ себя отъ всего въ сторонѣ и все наповалъ отрицаемъ:—это самый теперь первѣйшій шикъ!

Я далъ ему кончить и, когда онъ замолчалъ, спросилъ еще разъ: что же ему угодно?

— Да такъ, ничего: – я ужъ давно собирался васъ навѣстить;.. желалъ познакомиться... пожалуйста, нѣтъ ли у васъ водки?

— Нѣтъ.

— А хересу?

— И хересу тоже нѣтъ.

— Ну ничего, извините... гмъ... Скажите пожалуйста, у васъ нѣтъ никого по политической части?

— Спеціально по этой части нѣтъ.

Онъ смотрѣлъ на меня съ минуту, прищурясь и повидимому ожидая, что я его приглашу.

— Мнѣ предлагали недавно мѣсто, продолжалъ онъ, въ редакціи *Знамени;* 50 рублей въ мѣсяцъ, на всемъ готовомъ...

— Что жъ вы, не приняли?

— Да не знаю, какъ вамъ сказать... не рѣшаюсь... Не то, чтобъ условія... оно такъ себѣ, ничего;.. я, пожалуй, и меньше бы взялъ,— да людишки то, знаете, дрянь!.. душа не лежитъ. Нѣтъ этого прямодушія... откровенности. А по моему, если съ кѣмъ дѣло хочешь имѣть, то прежде всего будь откровененъ.— Онъ приложилъ палецъ къ носу и посмотрѣлъ на меня значительно.

— Такъ какъ-же-съ?

— Да такъ-же-съ.

— Но есть какъ же прикажете васъ понимать?

— Да такъ, какъ я вамъ сказалъ.

— Да вы еще ничего не сказали.

— Нѣтъ, извините; я вамъ уже говорилъ, что намъ особаго сотрудника по ругательной части ненужно.

— Какъ вы сказали?

— Я сказалъ: *по ругательной части.*

Онъ сложилъ руки и посмотрѣлъ на меня очень грозно, но видя, что это не дѣйствуетъ, продолжалъ:—Послушайте. Я вамъ не шутя говорю: противъ васъ собирается цѣлая шайка. Они до сихъ поръ молчатъ, ждутъ первой книжки; но вотъ, въ февралѣ, вы увидите... А на вашихъ сотрудниковъ вы не очень надѣйтесь. Розановъ еще такъ себѣ; но Святухинъ вашъ очень плохъ...“

— Сдѣлайте одолженіе!— сказалъ я вставая;—объ этомъ не безпокойтесь! позвольте мнѣ самому лучше знать: кто у меня плохъ и кто нѣтъ.

Онъ тоже всталъ.

— Какъ вамъ угодно, произнесъ онъ, схватясь за свой блинъ. — Но во всякомъ случаѣ, я бы вамъ не совѣтовалъ увеличивать число вашихъ враговъ. Меня всѣ редакціи знаютъ и стараются по возможности имѣть на сторонѣ. Если вы этого желаете, то скажите мнѣ откровенно, потому что это пустое дѣло, которое будетъ стоить вамъ самую бездѣлицу. Вы можете просто взять съ меня слово: не писать ничего противъ васъ. Въ такомъ случаѣ, я буду считать себя вашимъ союзникомъ и держать вашу сторону во всѣхъ ссорахъ. При этомъ, имѣя большое знакомство въ кругу литераторовъ, я могу сообщать вамъ заранѣе свѣдѣнія обо всемъ, что до васъ касается.

— Хорошо-съ, я объ этомъ подумаю, отвѣчалъ я, не зная какъ мнѣ отдѣлаться отъ этого господина.—Я буду имѣть васъ въ виду... а покуда, вы извините: я занятъ.

— Если угодно, я къ вамъ зайду въ другое время?

— О, нѣтъ, зачѣмъ же! Лучше оставьте вашъ адресъ; — я вамъ напишу, если понадобится.

Онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво, вѣроятно зная по опыту, какъ мало можно надѣяться на подобный отвѣтъ.

— Осмѣлюсь у васъ попросить что нибудь впередъ, произнесъ онъ записывая свой адресъ.

Я далъ ему синенькую, признаюсь, не безъ страха, что онъ швырнетъ мнѣ ее въ лицо;—но онъ взялъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и тотчасъ ушолъ...

Послѣ него была какая-то дѣвушка... Принесла небольшую рукопись,—переводъ Святочнаго разсказа изъ Диккенса. Упрашивала Христомъ Богомъ не затерять и дать ей отвѣтъ поскорѣе. Извѣстіе, что въ февральской книжкѣ у насъ мѣста нѣтъ и что раньше двухъ мѣсяцевъ переводъ ея ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть напечатанъ, замѣтно ее опечалило. Видно, и этой деньги нужны, думалъ я; — да что дѣлать то? На всякую нужду не напасешься!

XVII.

20-е декабря.

Изъ губерній начали приходить требованія... Подписка перевалила сегодня за пятую сотню... Думалъ обрадовать Родіона Ми-

хайловича этимъ извѣстіемъ, но онъ головой покачиваетъ. „Дѣло темное“, говоритъ, — „ничего неизвѣстно, что будетъ“.

— Но развѣ то, что теперь есть, такъ ужъ дурно?

— Да какъ вамъ сказать, говоритъ;—ни дурно, ни хорошо.. 500 человѣкъ,—это само по себѣ, и 1000 мало и 2000, если хотите, мало. Еслибъ по этому еще можно было разсчесть, что послѣ будетъ; но прежде, чѣмъ первая книжка выйдетъ, никакой и догадки составить нельзя... Можетъ пойти хорошо, а можетъ пойти и скверно.

XVIII.

23-го декабря.

Вчера, наконецъ, удалось познакомить моихъ редакторовъ съ Иверскимъ. Они встрѣтились у меня, и Дмитрій Петровичъ былъ тоже тутъ. Благодаря ему, дѣло сошло съ рукъ довольно гладко, но такой результатъ я успѣлъ оцѣнить только впослѣдствіи, а вчера, цѣлый вечеръ, былъ ужасно золъ на Касимова за то, что онъ безпрестанно вмѣшивался и сбивалъ разговоръ на пустыя шутки. Къ стыду своему, долженъ признаться, что дѣтская мысль стравить моихъ добрыхъ пріятелей между собою и посмотрѣть, кто одолѣетъ, занимала меня гораздо болѣе, чѣмъ серьезная цѣль свиданія. Теперь вижу ясно, что еслибы не Касимовъ, они очень скоро договорились бы до своихъ боевыхъ коньковъ и непремѣнно бы разошлись. Дѣло и такъ уже раза два висѣло на волоскѣ, но Дмитрій Петровичъ сумѣлъ все уладить такъ ловко, что въ результатѣ Иверскому предложена редакція политическаго отдѣла. Онъ принялъ ее охотно и цѣну взялъ очень умѣренную, 60 рублей въ мѣсяцъ... Конечно, въ его положеніи, это кладъ, и я очень радъ за него, потому что это умнѣйшій человѣкъ, какого мнѣ только когда нибудь случалось встрѣчать!.. Тяжело видѣть, что люди этого рода заброшены въ нашемъ обществѣ съ такимъ непростительнымъ равнодушіемъ къ пользѣ, которую оно могло бы изъ нихъ извлечь. Пренебреженье это—источникъ большого зла. Можно ли требовать отъ человѣка, развитого выше другихъ и вполнѣ сознающаго свое превосходство, чтобъ онъ уважалъ тотъ порядокъ, въ которомъ ему нѣтъ мѣста!.. Его нищета, его одиночество не злѣйшій ли это упрекъ, какой можно сдѣлать намъ всѣмъ?..

XIX.

24-го декабря.

Спросилъ у Касимова: какъ онъ думаетъ, не мало ли мы назначили Иверскому?

— Какъ мало? Развѣ онъ жалуется?

— Нѣтъ; онъ ничего мнѣ не говорилъ.

— Ну, такъ о чемъ же тебѣ хлопотать? Пожалуйста, глупостей никакихъ не дѣлай, не спрашивай у него ничего. А спросишь, такъ, разумѣется, скажетъ, что мало. Прибавить успѣешь послѣ, если увидишь, что дѣло хорошо идетъ, и будешь бояться, чтобъ его не отбили; а теперь дѣло совсѣмъ не въ томъ. Теперь тебѣ надо заботиться, чтобъ поставить его въ редакціи независимо отъ другихъ и ни-подъ какимъ видомъ не позволять имъ вмѣшиваться въ его отдѣлъ. Ты, какъ хозяинъ, имѣешь полное на это право, и вслучаѣ какихъ нибудь глупыхъ претензій съ ихъ стороны, можешь имъ отвѣчать, что онъ точно такой же редакторъ, какъ и они... понимаешь ли? Штука вся въ томъ была, чтобъ они не поссорились прежде; а теперь, когда они его сами приняли, этого нечего опасаться. Пусть себѣ ссорятся, сколько душѣ угодно. Ты дѣлай видъ, что не хочешь мѣшаться въ ихъ дрязги; а вслучаѣ, если пойдетъ на разрывъ, держись Иверскаго. У него въ рукахъ дѣло лучше пойдетъ.

— Знаешь что? Мнѣ самому такъ кажется, отвѣчалъ я. Не хотѣлось бы только съ тѣми ссориться, потому: вмѣстѣ дѣло затѣяли, и они на меня надѣются.

— Э! Что за вздоръ! Если на всѣ эти мелочи обращать вниманіе, то игра не стоитъ свѣчей!.. Предоставь имъ самимъ о себѣ заботиться. Не хотятъ ссориться, такъ пусть уживаются, какъ умѣютъ; а не сумѣютъ ужиться, такъ пусть убираются съ Богомъ на всѣ четыре стороны... Такихъ, какъ они, всегда найдешь больше, чѣмъ нужно. Это — старье, которое скоро совсѣмъ износится. Публика требуетъ новыхъ игрушекъ; ну и давай ей новыя!.. Давай то, что требуютъ: это залогъ успѣха во всякой промышленности...

Странный человѣкъ этотъ Дмитрій Петровичъ!.. Ему все трынъ-трава!.. Онъ тутъ никакихъ затрудненій не видитъ... У него оно такъ выходитъ, что годится тебѣ человѣкъ, держись его, дорожи имъ, ласкай, обѣщай что угодно; а какъ только ненуженъ, брось...

брось безъ зазрѣнія совѣсти, какъ какіе нибудь старые сапоги, или калоши дырявыя!.. Если смотрѣть на его совѣтъ, какъ на простой разсчетъ,— спору нѣтъ, разсчетъ вѣренъ; но... и двадцать разъ но: не могу я на томъ помириться! Не по душѣ мнѣ всѣ эти коммерческія воззрѣнія!.. А, между тѣмъ, какъ вести себя иначе— не придумаешь... Прежде я былъ совершенно увѣренъ, что Святухинъ и Розановъ передовые люди, что они имѣютъ все нужное... ну, однимъ словомъ, что лучше не требуется, да и найти невозможно. Но съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ Сергѣй Никаноровичемъ, мнѣ что-то крѣпко сдается, что я ошибся. Всѣ ихъ сужденія, взгляды и вкусы—все, даже этотъ походъ противъ новой школы, которымъ я такъ восхищался недавно,—все это кажется мнѣ теперь какъ то узко, чтобъ не сказать болѣе... Искусство и просвѣщеніе,—дальше этого у нихъ взглядъ не хватаетъ. Они не хотятъ понять, что у общества на умѣ теперь вещи совсѣмъ другого рода, и что оно ждетъ отъ насъ разрѣшенія вопроса громадной важности, вопроса всемірнаго, всеобъемлющаго! Тамъ гдѣ дѣло идетъ о благѣ милліоновъ людей и гдѣ главная доля отвѣтственности за это благо возложена на малую кучку передовыхъ людей,—какими пигмеями явятся тѣ изъ нихъ, которые вздумаютъ тратить время и трудъ на мелкіе споры о вопросахъ отжившей науки и дряхлой, лепечущей старыя пѣсни поэзіи!.. Какъ только взглянешь съ этой стороны, такъ и увидишь ясно, что на старыхъ моихъ редакторовъ надежда плохая!.. А что съ ними дѣлать,— ума не приложу? Они захотятъ непремѣнно вести все по своему, и у насъ пойдутъ ссоры; потому что, гдѣ рѣчь идетъ не о личной выгодѣ, а о моихъ убѣжденіяхъ, я уступить не могу!.. Я долженъ держаться Иверскаго, какъ бы оно не казалось подло съ ихъ точки зрѣнія и чтобы изъ этого ни вышло!.. Хоть бы журналъ лопнулъ! Хотя бы всѣ деньги свои потерять! Прежде, когда я еще ничего не понималъ, я могъ согласиться на роль простого издателя; но теперь это другое дѣло! Теперь я самъ смыслю что нибудь и я очень радъ, что Касимовъ за мной обезпечилъ главный контроль надъ всѣмъ... Хорошъ бы я былъ теперь безъ всякого права вмѣшиваться! Да они бы и слушать меня не стали а забрали бы мои деньги, да и вертѣли бы всѣмъ, какъ вздумается!

XX.

29-го декабря.

Видѣлъ моихъ редакторовъ. Они еще не догадываются, какого рода товарища они пріобрѣли. Розановъ только замѣтилъ, что, молъ, прытокъ больно, — надо его придержать... Оба слыхали о немъ кое что и прежде; но либо свѣдѣнія, которыя они успѣли собрать, весьма незначительны, либо онъ не имѣлъ еще случая высказаться открыто, потому что они отзываются о его направленіи, какъ о чемъ то неустановившемся, шаткомъ, и говорятъ, что имъ надо руководить, чтобъ онъ съ толку не сбился... Ничего сказать! Попали въ самую суть!.. Я оставилъ ихъ въ этой пріятной увѣренности, но совѣсть меня упрекаетъ за этотъ безмолвный обманъ, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ только отсрочить войну, да и то не на долго. Съ первой статьи Сергѣй Никанорыча все обнаружится, и тогда положеніе мое станетъ весьма щекотливымъ; потому что они могутъ подозрѣвать меня въ умыслѣ, въ заговорѣ противъ обоихъ... Чортъ знаетъ, какъ все это сначала казалось гладко и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стало путаться!.. Надо поговорить съ Иверскимъ, попросить его, чтобы онъ не такъ круто сначала гнулъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не вдругъ ихъ переполошить.

XXI.

3-го января.

Вчерашній день будетъ памятенъ въ моей жизни... *первая книжка вышла!*.. Не помню, чтобы когда нибудь прежде я былъ такъ взволнованъ, встревоженъ, и вмѣстѣ такъ счастливъ, такъ радъ, такъ полонъ надеждъ!.. Цѣлое утро не могъ усидѣть на мѣстѣ пяти минутъ, а бѣгалъ по городу, какъ помѣшанный: — къ Святухину, къ Розанову, къ Иверскому, къ Касимовымъ, по Невскому, безконечное число разъ, и каждый разъ, проходя мимо нашей конторы, невольно оглядывался на эту изящную, щегольскую обертку жемчужнаго цвѣта, на которой полу-славянскимъ, кудрявымъ шрифтомъ, красуется: *Дѣло*.. Городъ, для всѣхъ посторонникъ, имѣлъ, безъ сомнѣнія, весьма обыкновенный видъ; но мнѣ чудилось, что въ немъ происходитъ какой то великій народный праздникъ. Казалось, и солнце свѣтитъ ярче, и толпа на улицахъ

гуще, и экипажи скачутъ быстрѣе, и все вообще какъ то смотритъ иначе, чѣмъ въ другой, обыкновенный день... Я всматривался невольно въ лица людей, проходящихъ мимо того окна, гдѣ выставленъ нашъ новорожденный журналъ, и мнѣ часто мерещилось, что они съ любопытствомъ оглядываются; прислушивался къ ихъ разговорамъ; и мнѣ казалось, что они шепчутъ что-то о нашемъ изданіи... Въ пять часовъ, у *Донон*, сошлась вся редакція, и мы отпраздновали этотъ торжественный день на славу.

XXII.

1-го февраля.

Цѣлый мѣсяцъ не имѣлъ ни минуты свободной!.. Хлопоты съ типографіей, съ книжными лавками, съ почтой; корректура февральской книжки и посѣтители, посѣтители безъ конца!.. Мало того, въ послѣднее время у меня появилось такое множество новыхъ знакомыхъ, большая часть изъ которыхъ зовутъ къ себѣ безпрестанно,—что я буквально, ни одного вечера не провожу дома. У Павла Петровича Л**, по четвергамъ, перезнакомился со всѣми литературными извѣстностями. Большая часть очень милые люди и удивили меня своей простодушною искренностью. Признаюсь, я имѣлъ о нихъ до сихъ поръ очень ошибочное понятіе. Все это, что разсказываютъ и пишутъ о ихъ чванствѣ, заносчивости, о раздражительномъ авторскомъ самолюбіи, оказывается чистѣйшій вздоръ. Я, по крайней мѣрѣ, не успѣлъ ничего замѣтить. Добрѣе и проще двухъ или трехъ изъ числа нашихъ первостатейныхъ талантовъ, мнѣ не случалось еще встрѣчать. Они были очень любезны со мною и обѣщали мнѣ положительно участвовать въ нашемъ изданіи... Редакторы тоже!.. Съ чего это взяли, что они ненавидятъ другъ друга и смотрятъ на всякаго новаго конкурента, какъ на личнаго ихъ врага?.. Да ничего-жъ не бывало!.. Это люди встрѣчаются запросто, по-пріятельски, и жмутъ руку другъ другу и разговариваютъ такъ мирно между собою, и ко мнѣ всѣ такъ ласковы! Ни малѣйшихъ слѣдовъ какого нибудь недоброжелательства, какихъ нибудь низкихъ, подземныхъ интригъ и коварныхъ ударовъ сзади, врасплохъ!.. Мнѣ кажется, у насъ слишкомъ много вѣсу придаютъ этимъ случайнымъ, маленькимъ перебранкамъ, которыя

появляются иногда въ печати. Конечно, это помимо ихъ, какая нибудь ничтожная мелочь, какіе нибудь литературные гладіаторы, вродѣ Сомягина, дерутся между собою за волосы и плюютъ въ лица другъ другу, и поднимаютъ всю эту печатную кутерьму, чтобы обратить на себя вниманіе и заработать какую нибудь синенькую, — а главные дѣятели держатъ себя, безъ сомнѣнія, въ сторонѣ и не вмѣшиваются въ эту безплодную распрю, не поджигаютъ другихъ, не травятъ людей собаками! О! Нѣтъ! Мнѣ кажется, они выше этого!.. Объ остальной части общества я не имѣю такого высокаго мнѣнія. Въ теченіе пяти мѣсяцовъ, я успѣлъ присмотрѣться немного къ такъ называемымъ высшимъ слоямъ, и мнѣ кажется, могу дать себѣ теперь болѣе ясный отчетъ въ ихъ характерѣ. На дняхъ, одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ сатириковъ, фельетонистовъ, съ которымъ я познакомился недавно у Л**, обрисовалъ мнѣ этотъ характеръ въ жесткихъ чертахъ.

— Хороши! говоритъ. Ужъ нечего сказать, хороши эти бары и эти львы, лакейски ухаживающіе за всякимъ выходцемъ изъ Парижа и Лондона; и эти дамы, цвѣтъ нашего общества, изъ своихъ ложъ смотрящія съ завистью на нарядъ французской актрисы, или краснѣющія за свой выговоръ въ англійскомъ магазинѣ!.. Банкротство, — банкротство нравственное и карманное, вотъ что проглядываетъ вездѣ и у всякаго! Все это въ долгу по горло, и не смотря на то, лѣзетъ еще занимать, и жмется, перебивается со дня на день, доколачивая послѣднія средства, ставя послѣднюю копѣйку ребромъ, чтобъ только выдержать еще нѣсколько дней ту глупую роль, которая ужъ давно доиграна до конца, и въ которую ужъ никто не вѣритъ, въ которой актеры морочутъ другъ друга съ полнымъ сознаніемъ, что никого обморочить нельзя!.. Все это стыдится себя и своихъ убѣжденій, и своего русскаго языка и своего французскаго языка, и своего платья, и своего обращенія, и свой стыдъ одѣваетъ въ дырявое чванство, подъ которымъ напрасно прячется безсильное чувство презрѣнія къ себѣ и глубокаго утомленія, глубокаго отвращенія къ той комедіи, которую всѣмъ надоѣло ломать!.. А это чиновничество, готовое лизать ноги, двумя ступенями выше стоящимъ на подмосткахъ служебной іерархіи!.. А это купечество, удивляющее весь міръ своимъ плутовствомъ и живодерствомъ!.. Согласитесь, что все это мерзко до тошноты!..

Такъ говорилъ мой сатирикъ, и хотя его взглядъ немножко утрированъ и замѣтно попахиваетъ цеховыми пріемами обличителя по ремеслу, тѣмъ не менѣе онъ мнѣ нравится... Въ послѣднее время, мое уваженіе къ здѣшнему обществу сильно поколебалось, и я этого не скрываю; напротивъ, я высказываю открыто свой образъ мыслей. Я бросилъ свою деревенскую скромность, потому что хоть я и не очень далеко еще ушелъ, но теперь вижу ясно, что и другіе вокругъ меня тоже не далеко ушли. За исключеніемъ очень немногихъ, дѣйствительно передовыхъ людей, вродѣ Иверскаго, все это гуртомъ отстало. Я еще вижу, покрайней мѣрѣ, какой нибудь выходъ передъ собою, знаю куда идти, а другіе такъ и того не знаютъ. Поэтому, я ужъ теперь не стѣсняюсь какъ прежде, а смѣло вступаю въ споръ со всякимъ, кто мнѣ противорѣчитъ, и я замѣтилъ, что мое положеніе во главѣ большого журнала даетъ какой то особенный вѣсъ моимъ словамъ. Меня слушаютъ несравненно внимательнѣе, чѣмъ прежде, и возражаютъ не такъ увѣренно... Правда, мои редакторы иногда ворчатъ. Они мнѣ ужъ не разъ намекали, что не мѣшало бы мнѣ говорить осторожнѣе объ иныхъ вещахъ; что это бросаетъ тѣнь на журналъ; что я часто противорѣчу нашей программѣ и что изъ этого можетъ выйти скандалъ; могутъ подумать, что мы играемъ двойную роль, и. т. д.

— Пусть себѣ думаютъ, что угодно, я отвѣчалъ; — мнѣ это все равно! Я презираю толпу!

XXII.

5-го февраля.

Третьяго дня былъ приглашенъ на обѣдъ, къ кому бы вы думали?.. Къ графу З**, этому гордецу, который бывало едва кивнетъ головою на улицѣ; а на выборахъ, если не нужно голоса, протягиваетъ два пальца!.. Поѣхалъ больше изъ любопытства, посмотрѣть, какъ онъ живетъ тутъ въ Питерѣ и какую играетъ роль?.. Обѣдъ оказался званымъ... Большое общество нашихъ Зѣвскихъ и разныхъ другихъ помѣщиковъ, три литератора (я въ томъ числѣ), дамъ мало, между мужчинами нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. З** угощалъ на славу и былъ такъ любезенъ, что я не узналъ его въ этотъ день. Онъ сыпалъ шутками, подчивалъ,

разсылалъ безпрестанно вино, однимъ словомъ, изъ кожи лѣзъ, чтобъ какъ нибудь оживить собраніе; но несмотря на его усилія, обѣдъ прошелъ скучно. Хозяйка имѣла какой то тревожный и озабоченный видъ, точно какъ будто она высчитывала, во что обойдется пиръ; разговоръ не вязался; гости какъ будто бы ждали чего... Что то незримое висѣло надъ головою у всѣхъ, какъ Дамокловъ мечъ, давило веселье въ зернѣ, подливало полынь въ лафитъ и шампанское. Причину легко было угадать и большая часть изъ присутствующихъ знали ее, конечно, очень хорошо; но я былъ такъ простъ или такъ занятъ мысленно своимъ предпріятіемъ, что долго не могъ смекнуть, въ чемъ дѣло. Только когда обѣдъ уже кончился, мужская компанія собралась въ кабинетѣ у графа и языки, развязанные благороднымъ виномъ, стали высказывать откровеннѣе то, что лежало у всѣхъ на душѣ; — только тогда я началъ догадываться, что насъ пригласили сюда не даромъ... 1861-ый годъ, думалъ я, и новое положеніе виситъ на носу... Не успѣлъ я подумать объ этомъ, какъ графъ всталъ со стула и началъ съ того, что повторилъ мои мысли вслухъ... „1861-ый годъ, господа, новое положеніе близко!“ и проч... Онъ говорилъ не очень красно, но смѣло и горячо. Смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что новый порядокъ вещей совершенно измѣнитъ прежнее положеніе дворянина, помѣщика, что до сихъ поръ мы связаны были въ одно цѣлое, сильнымъ узломъ сословнаго интереса, обезпеченнаго законнымъ правомъ, но что съ потерею этого права, старая связь будетъ разрушена, а съ нею и та опора, та твердая почва, которую всякій изъ насъ имѣлъ у себя подъ ногой, какъ членъ многочисленнаго сословія,—грозитъ уничтожиться. Что насъ ожидаетъ борьба не за одни матеріальные интересы жизни, но вмѣстѣ и за наслѣдственное значеніе дворянина въ Россіи, отъ котораго мы не вправѣ отречься, кокетничая красивыми фразами, потому что оно составляетъ собственность нашихъ дѣтей и внуковъ столько же, сколько и нашу. Что имъ мы дадимъ отвѣтъ въ нашемъ образѣ дѣйствія. Что въ предстоящей борьбѣ, мы не должны надѣяться ни на кого, кромѣ насъ самихъ, но что каждый изъ насъ, взятый порознь, безсиленъ, и что нуженъ тѣснѣйшій союзъ въ виду общей цѣли, чтобъ спасти насъ отъ тяжкихъ потерь, отъ сословнаго уничтоженія!..

Эта рѣчь была выслушана со всѣми признаками горячаго одобренія. Оно не было совершенно единодушно, но оппозиція, чувствуя себя не въ силахъ выступить на открытое состязаніе, ограничилась двумя, тремя скромными возраженіями, потерявшимися безслѣдно въ шумныхъ рѣчахъ большинства. Часа два я сидѣлъ, прислушиваясь къ этимъ рѣчамъ и къ разнаго рода выходкамъ, возгласамъ и порывистымъ изліяніемъ гнѣва, со стороны раздраженныхъ господъ, которыми былъ окруженъ. Большая часть ихъ оставила за собой далеко умѣренный тонъ графа З** и выражалась такъ крѣпко, какъ дѣлаетъ это нашъ русскій человѣкъ, когда онъ не ждетъ себѣ ни откуда противорѣчія. Зная, что не найду поддержки, я вынужденъ былъ молчать. Я думалъ: Богъ съ ними, пусть только меня оставятъ въ покоѣ!.. но меня не оставили. Спустя нѣсколько времени, когда общій порывъ утихъ и общество раздѣлилось по кучкамъ, въ которыхъ шли жаркіе споры о разныхъ вопросахъ хозяйственной тактики, ко мнѣ подсѣлъ З** и началъ меня обработывать. Съ первыхъ словъ я убѣдился, что онъ имѣетъ въ виду не сосѣда-помѣщика, а журналиста.. Упомянувъ мимоходомъ о нашей январской книжкѣ и о томъ, что она ему очень нравится, онъ сталъ говорить о преобладаніи журналистики въ нашей литературѣ и о множествѣ выходящихъ у насъ журналовъ.

— Любопытно было бы знать, сказалъ онъ,—удержится ли эта пропорція, какъ явленіе прочно-основанное въ характерѣ нашего умственнаго развитія или это такъ, просто, случайный наплывъ компетаторовъ, большая часть изъ которыхъ должна обанкрутиться?

Я отвѣчалъ, что послѣднее вѣроятнѣе.

— Я самъ тоже думаю,—продолжалъ З**. Число читающихъ, вообще, у насъ очень невелико, а такихъ, которые имѣютъ возможность платить подписную цѣну, еще того менѣе. Насчетъ этихъ послѣднихъ, весьма любопытна статистика, которая публикуется въ *Современникѣ*. Обратили ли вы вниманіе на тотъ фактъ, что обѣ столицы вмѣстѣ составляютъ, не болѣе одной пятой общей пропорціи, и что, слѣдовательно, вся остальная часть суммы, на которую издается журналъ, идетъ изъ кармана нашего брата, помѣщика?

Я согласился, и чтобъ избавить его отъ лишнихъ трудовъ, потому что видѣлъ къ чему онъ ведетъ, спросилъ: какой же онъ выводъ сдѣлаетъ изъ этихъ данныхъ?

— Я не имѣлъ въ виду никакого вывода, отвѣчалъ онъ съ дипломатическою неискренностью;—я хотѣлъ только обратить ваше вниманіе на весьма замѣчательный фактъ; но вы навели меня на мысль... Да, дѣйствительно, этотъ фактъ имѣетъ свое значеніе. Онъ находится въ тѣсной связи съ тѣмъ вопросомъ, о которомъ у насъ сейчасъ была рѣчь. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ мы съ вами находимъ, журналовъ у насъ слишкомъ много и большая часть ихъ должна непремѣнно лопнуть, — то спрашивается: какіе же лопнутъ?.. и какіе останутся, унаслѣдовавъ всю подписку умершихъ? Вопросъ этотъ очень нетрудно рѣшить, если принять во вниманіе опытъ, который даетъ намъ исторія журналистики за границей. Во Франціи, въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ журналистика вышла изъ періода юношескаго броженія и успѣла развиться правильно, прочный успѣхъ имѣютъ только тѣ органы прессы, которые служатъ дѣлу и представляютъ собой интересы какой нибудь сильной, живучей партіи или могущественнаго сословія въ государствѣ. Изданія, возникающія изъ прихотей моды и временно возбужденнаго любопытства къ какому нибудь случайному вопросу войны, политики, экономіи, могутъ явиться на время, но ихъ успѣхъ длится недолго и умираетъ всегда вмѣстѣ съ причиною, его породившею. Такъ будетъ безъ, всякаго сомнѣнія, и у насъ, съ тою разницею, что у насъ партій собственно нѣтъ, или онѣ не развиты еще, а изъ сословій только одно обладаетъ необходимымъ развитіемъ и вмѣстѣ достаточными средствами, — это, какъ мы съ вами видѣли, сословіе богатыхъ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ. Интересы его очень обширны и содержатъ въ себѣ такъ много разнообразныхъ, часто даже противоположныхъ и, повидимому, враждебныхъ сторонъ, что они могутъ легко дать пищу нѣсколькимъ, теоретически очень различнымъ между собою взглядамъ и направленіямъ, но въ практическомъ смыслѣ всѣ эти разныя направленія должны быть согласны между собою; они должны имѣть одну общую цѣль, интересы того сословія, которое поддерживаетъ журналъ. Оно, въ сущности, такъ и есть. Возьмите, напримѣръ, два московскія изданія... Вы видите два направленія, повидимому, враждебныя. Одно указываетъ на англійскую цивилизацію и видитъ въ ней образецъ развитія, другое отстаиваетъ народные, древніе славянскіе, велико-русскіе элементы и видитъ

источникъ порчи въ томъ самомъ, что кажется идеаломъ другому, — но это различіе чисто теоретическое, и если вы устраните его на минуту, то вы убѣдитесь, что обѣ тенденціи, на практикѣ, имѣютъ въ виду то же самое: — интересы землевладѣльцевъ, помѣщиковъ. Такимъ образомъ, возвращаясь къ тому выводу, котораго вы отъ меня требовали, я полагаю, что вы согласитесь и проч. и проч... Не встрѣчая почти никакого противорѣчія съ моей стороны, онъ сталъ говорить смѣлѣе и высказалъ свою мысль откровенно.

— Вы нападаете въ вашей программѣ на сословныя различія націи, заключилъ онъ. — Въ вашемъ собственномъ интересѣ, столько-же, сколько и въ интересѣ истины, я бы вамъ не совѣтовалъ слѣдовать этимъ путемъ... Положимъ, что уравненіе подобнаго рода было бы и возможно, — я не считаю его возможнымъ, но я говорю: положимъ... Единственный путь, какимъ оно могло бы осуществиться, свелъ бы насъ всѣхъ, образованныхъ людей, на степень простыхъ мужиковъ. Развязка обратнаго рода, какъ бы она не была желательна, совершенно немыслима. Наука, искусство и все, что относится къ этой сферѣ, требуетъ непремѣнно досуга. Но чтобы часть народа могла пользоваться досугомъ, другая и самая многочисленная, должна трудиться изъ-за куска насущнаго хлѣба: это законъ. Кто захочетъ работать на фабрикахъ или землю пахать, если всѣ будутъ достаточно обезпечены на счетъ первыхъ нуждъ, чтобъ имѣть время думать о высшихъ задачахъ политики, администраціи и науки?.. Человѣкъ, и въ особенности нашъ русскій человѣкъ, созданъ такъ, что покуда онъ чѣмъ нибудь обезпеченъ, вы его палкой не сдвинете ни на какую тяжелую, черновую работу. Нужны могучіе двигатели, чтобы одолѣть его природную лѣнь. Нужно острое жало физическихъ нуждъ, или заманчивый призъ досуга и роскоши, а на той золотой серединѣ, о которой мечтаетъ утопія, остановиться нельзя. Въ ней нѣтъ этого ѣдкаго, наркотическаго, раздражительнаго, что подталкиваетъ и шпоритъ насъ къ энергической дѣятельности и безъ чего мы дремали бы въ полуснѣ. Поэтому нужны крайности и нужно, чтобы онѣ отстояли весьма далеко другъ отъ друга. Безъ этого нѣтъ простора, а безъ простора нѣтъ и движенія.

— Все это очень хорошо, графъ, отвѣчалъ я, съ трудомъ скрывая свое отвращеніе, — и для тѣхъ, кто, какъ мы съ вами,

стоитъ на верху общественной лѣстницы, весьма убѣдительно, — но чтобы вы сказали, еслибъ вы были простой мужикъ, и кто нибудь сталъ вамъ доказывать, что ради досуга и просвѣщенья, необходимыхъ другимъ, вы, съ вашей семьей и потомствомъ, должны отказаться навѣки отъ этихъ благъ? Что, въ интересѣ общественной пользы, вы должны жить въ постоянной нуждѣ и работать, какъ волъ, съ утра до ночи, для того, чтобъ другіе могли нераздѣльно пользоваться результатомъ вашихъ трудовъ и думать, неопасаясь за завтрашній день, о высшихъ задачахъ политики, администраціи и науки?

Онъ посмотрѣлъ на меня очень пристально и пожалъ плечами. „Если бы я былъ мужикъ“ — отвѣчалъ онъ, — „то эти вопросы не могли бы и въ голову мнѣ прійти. Наслѣдственная привычка къ труду помирила бы меня съ моей участью. Что вы думаете о мужикѣ? Незнаніе лучшаго спасаетъ его отъ этой проказы неосуществимыхъ стремленій, которою всѣ мы заражены, и съ этой точки смотря, могу васъ увѣрить, что онъ гораздо счастливѣе меня съ вами“.

— Не отъ того ли, что онъ въ нуждѣ?

— Да какъ вамъ сказать? Понятіе о нуждѣ совершенно условно. То что для насъ съ вами была бы нужда, для него достатокъ...

Слово за слово, у насъ завязался горячій споръ, который, я твердо увѣренъ, окончился бы въ мою пользу, еслибъ въ него не вмѣшалось нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ возлѣ.

Всѣ они приняли сторону графа съ такою яростью, что не было никакого средства отвѣчать имъ спокойно. Меня не выслушивали, перебивали на каждомъ шагу, забрасывали насмѣшками и рѣзкими выходками, доходившими иногда до послѣднихъ предѣловъ вѣжливой дерзости. Съ своей стороны, и я не давалъ имъ спуску. Бросивъ дипломатическія тонкости, я рѣзалъ имъ правду съ плеча. Еще одно слово, и это могло бы дойти до формальной ссоры; но въ эту минуту, графъ, строго нахмуривъ брови, всталъ съ мѣста и потребовалъ, чтобы мы прекратили немедленно нашъ разговоръ...

Минутъ черезъ пять я ушелъ, мысленно отрясая прахъ съ своихъ ногъ.

XXIV.

10 февраля.

Апрельская книжка что то замедлила... Обѣщали ко вторнику, а теперь говорятъ, что еще подождать придется... У Святухина с [illegible] Выставкою все еще дѣло не кончено... Кстати о *Выставкѣ*... [illegible] сдѣлала глупую выходку противъ насъ. Нарисовали Святухина, по правдѣ сказать, такъ смѣшно, что я самъ хохоталъ. Святухинъ идетъ по Невскому, у него кислая, недовольная мина, а навстрѣчу какой-то другой господинъ, который его останавливаетъ и спрашиваетъ:

Господинъ.

Откуда вы?

Святухинъ.

Съ Выставки.

Господинъ.

Развѣ она еще не закрыта?

Святухинъ.

Нѣтъ.

Господинъ.

Ну, а что ваше дѣло?

Святухинъ.

Да что! Дѣло плохо.

Я не сержусь... Это такъ пошло, что и сердиться смѣшно. Но я бы желалъ, чтобы кто нибудь мнѣ объяснилъ: съ чего эти господа ко мнѣ придираются? Чего имъ нужно? Шутка, какъ шутка, конечно неважная вещь, и никто не ищетъ въ ней серьезнаго смысла, но надо же, чтобы она имѣла какой нибудь смыслъ, а въ этой выходкѣ нѣтъ никакого! Что это значитъ: *Дѣло плохо?* Что они этимъ хотятъ сказать? Если то, что у насъ подписчиковъ мало, то это ужасно глупо! Гдѣ жъ видано, чтобы всѣ такъ сразу и бросились на новый журналъ, не зная еще, что это такое, и и не успѣвъ прочитать первой книжки?.. А если это намекъ, что первая книжка плоха, то это ужъ право чистѣйшая ложь, клевета!.. Сколько я ни слыхалъ, всѣ хвалятъ; да и не даромъ: потому что, не говоря ужъ о *Гувернанткѣ*, которая очень хороша, хотя имя автора еще не имѣетъ извѣстности, — у насъ напеча-

таны: *сцены Островскаго, поэма Кашинева*, эта статья *о Земскихъ Банкахъ*, и *Гуманизмъ* Розанова, и наконецъ, обѣщана повѣсть Т.....! Чего жъ имъ еще? Какого рожна?

Все это пустяки, разумѣется, но досадно видѣть такое недоброжелательство!.. Я говорилъ со Святухинымъ. Онъ страшно взбѣшенъ и, какъ кажется, хочетъ ругаться...

Между прочимъ, Сергѣй Никанорычъ читалъ мнѣ сегодня свою статью: *Славянскій вопросъ*. Онъ готовитъ ее для третьей книжки. Въ февральскую мы едва успѣли впихнуть его краткій обзоръ событій за прошлый годъ; вещь мастерски написанную, но по объему статьи и положительному характеру фактовъ, о которыхъ онъ долженъ былъ дать отчетъ, а также, отчасти, по настоятельной просьбѣ съ моей стороны, не содержащую въ себѣ ничего такого особеннаго, что могло бы встревожить моихъ редакторовъ... *Славянскій вопросъ*,—это дѣло другого рода... За *Славянскій вопросъ* у насъ будетъ война, я это предчувствую, потому что Сергѣй Никанорычъ тутъ уже не стѣснялся. Онъ выбралъ только тѣ факты, какіе ему нужны и сгруппировалъ ихъ по своему. Люди по его словамъ, вездѣ одинаковы, т. е. все что въ нихъ есть существеннаго, у всѣхъ одинаково. Стоитъ открыть любую физіологію, чтобы въ томъ убѣдиться... И шваба, у венгра, у славянина—кровь обращается тѣмъ же путемъ и желудокъ варитъ точно также и отправленія органовъ, все, до малѣйшей подробности въ развѣтвленіи нервовъ, артерій и венъ,—все одинаково. Различіе историческаго костюма въ повѣрьяхъ, обычаяхъ, способѣ выраженія мыслей и проч., все это важно только въ художественномъ отношеніи. Для живописца, конечно, не все равно, какъ человѣкъ одѣтъ и какого цвѣта имѣетъ глаза, кожу, волосы; для поэта весьма интересны народныя пѣсни, для драматурга—пафосъ какой нибудь исторической личности; но всѣ эти тонкости заостряются только снаружи и чувствительнѣе на верхушкахъ, въ самой ничтожной горсти людей, которая, отъ нечего дѣлать, выискиваетъ разнаго рода мелочи и придаетъ имъ условный, гиперболическій вѣсъ... Слупите всю эту пеструю шелуху и взгляните на массу людей, на то, что въ дѣйствительномъ смыслѣ составляетъ собою народъ,—вы увидите, что вездѣ она занимается тѣмъ же, живетъ почти такъ же, страдаетъ отъ тѣхъ же причинъ, — и что вездѣ интересы ея одинаковы.

[illegible] за великія происшествія въ жизни на-
[illegible] понять, что между дѣтьми одного и того
[illegible] одной и той же политической единицы, на
[illegible] идетъ война, — безъ пушекъ и генераловъ,
[illegible], но тѣмъ не менѣе лютая, — война всякаго
[illegible] всякаго противъ всѣхъ,—война за тотъ лоскутъ
[illegible] подъ ногами, за кусокъ хлѣба насущ-
[illegible] существовать на землѣ, за право не быть раздав-
[illegible] колесѣ той бездушной машины, которая называется:
[illegible] бытъ народа. Съ этой точки, если взглянуть на сла-
[illegible] вопросъ, то мы увидимъ, что онъ очень ложно поставленъ
[illegible] въ томъ, что его берутъ съ чисто внѣшней, международной
[illegible] стороны и стараются отдѣлить, какъ нѣчто совсѣмъ особенное
и отличное отъ другихъ подобныхъ вопросовъ, между тѣмъ какъ
онъ, въ сущности, очень мало отъ нихъ отличенъ. Стараются, напри-
мѣръ, увѣрить, что какой нибудь сербъ, словакъ, или чехъ стра-
даетъ единственно въ силу своей политической зависимости отъ
иноплеменника и что стоитъ ему только примкнуть къ какому
нибудь славянскому центру, чтобы сдѣлаться разомъ счастливѣйшимъ
изъ людей... На разныхъ сценахъ разыгрывается одна и та же
комедія. Актеры разные, ихъ костюмы, языкъ и декораціи разные;
оркестръ, освѣщеніе, зрители,—все это очень различно, и можетъ
статься, въ то время, когда на одномъ театрѣ доигрывается еще
только первый актъ, на другомъ уже начался послѣдній... но ко-
медія, комедія-то – вездѣ одна?..

XXV.

13-го февраля

Ну!.. Мой Сергѣй Никаноровичъ пересолилъ, и крѣпко пере-
солилъ!.. Ужъ какъ мнѣ досталось вчера отъ Розанова и Святу-
тухина за его *Славянскій вопросъ*!.. До сихъ поръ даже въ
ушахъ звенитъ!.. Меня перебили, не хотѣли слушать, не дали
ничего дочитать порядкомъ!.. Съ первыхъ еще страницъ оба надул-
лись; потомъ начали переглядываться, пожимать плечами, качать
головой; потомъ пошли возгласы:—„*Что?.. Ого!.. Эге!.. Какъ?..
Ну, нтмъ! Ну, это ужъ слишкомъ!..* а вслѣдъ за тѣмъ—хохотъ;

а послѣ опять: *„Что за вздоръ!.. Ну, нѣтъ, послушайте!.. Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ!.. Ну, можно ли же?.. Да вы только вникните, разберите! ха! ха! ха!.. Ну можно ли жъ этакъ!* Я совершенно сконфузился.

— Да что вы такое тутъ видите, господа? спросилъ я, краснѣя — я право не понимаю?.. Мнѣ кажется, все это очень дѣльныя вещи.

— Дѣльныя вещи? воскликнулъ Розановъ, — помилуйте! Да это самая главная галиматья, какая когда нибудь была высказана!.. Это такая чушь, что право не знаешь, съ какого конца и начать, чтобъ указать вамъ всю мѣру вашего... вашего заблужденія!.. Ну, вы только вникните! Ну, что онъ такое нагородилъ? Вѣдь это значитъ коверкать факты для того, чтобы ставить въ сомнѣніе самыя очевидныя, самыя общепринятыя и общеизвѣстныя истины!.. Вѣдь чтобъ объ этомъ спорить, надо предположить, что все, чему мы учились съ перваго класса гимназіи, совершенно забыто, и начинать все съ аза!.. Люди вездѣ одинаковы!.. Отъ того, что физіологія не имѣетъ ни средствъ, ни времени изучать ихъ особенности, а даетъ только общій тонъ!.. Вездѣ одинаковы!.. Да помилуйте, гдѣ-жъ этотъ уровень? Справьтесь съ любымъ учебникомъ, — вы тамъ найдете совсѣмъ не то... Найдете, напримѣръ, что негры могутъ работать на солнцѣ, подъ тропиками, цѣлые сутки, а бѣлые отъ этого мрутъ, какъ мухи... Чтожъ это—пустое различіе! А это, что у однихъ развитіе мысли въ десять вѣковъ проходитъ всю лѣстницу отъ первобытнаго мрака до свѣтлыхъ вершинъ науки, а у другихъ три тысячи лѣтъ стоитъ на мѣстѣ... У однихъ—языкъ ребенка и простолюдина выражаетъ всѣ тонкости метафизическихъ категорій, а у другихъ не въ состояніи различить имени отъ глагола?

— У кого-жъ это?

— Да хоть бы у китайцевъ.

— Ну, это, дѣйствительно, различіе очень крупное, отвѣчалъ я...— Скажите пожалуста!., Я этого не зналъ.

— Вотъ видите, продолжалъ Розановъ. А вѣдь такимъ же и еще болѣе крупнымъ различіямъ счету нѣтъ!.. Отчего, напримѣръ, одно племя нищенствуетъ среди самыхъ щедрыхъ условій почвы и климата, а другое изъ самой безплодной пустыни дѣлаетъ рай? Отчего то устройство, которому Англія обязана своей силою

и которое тамъ коренится такъ крѣпко, до сихъ поръ остается чужою формой въ Ирландіи? Отчего европейское просвѣщеніе не прививается ни къ красному племени въ Сѣверной Америкѣ, ни къ неграмъ въ Либеріи?.. Сравните грека временъ Перикла, съ нынѣшнимъ, сравните еврея съ шведомъ, — неужели вы рѣшитесь сказать, что между этими типами нѣтъ никакого существеннаго различія!

Я вынужденъ былъ согласиться, что есть и что Иверскій сдѣлалъ ошибку, давъ своимъ выводамъ слишкомъ обширный смыслъ; но просилъ обратить вниманіе, что въ той сферѣ, о которой онъ собственно говоритъ, эти выводы всетаки вѣрны, потому что для массы простого народа вопросъ объ ея національной особенности, поставленный рядомъ съ другимъ, почти независимымъ отъ него вопросомъ хозяйства и способовъ матеріальнаго обезпеченія, играетъ весьма маловажную роль.

— Вамъ кажется, это вѣрно, сказалъ Святухинъ, — а мнѣ кажется, что вотъ это то и есть ложь. Нельзя отдѣлить эти два вопроса одинъ отъ другого, не оскотинивши совершенно, въ своемъ понятіи, простой народъ. Чувство народной личности, чести и независимости—не пустая прихоть какихъ нибудь барчей, тунеядцевъ... Оно облагораживаетъ человѣка съ самой первой ступени его развитія и заставляетъ его уважать въ себѣ человѣческое достоинство... Отнимите вы это уваженіе, заставьте простолюдина смотрѣть на матеріальную выгоду, какъ на самый существенный его интересъ, какъ на высшій принципъ и двигатель его дѣйствій,— и вы сдѣлаете изъ него животное, можетъ быть сытое и довольное своей участью, но неспособное ни къ какому развитію... Если вашъ Иверскій это имѣетъ въ виду, то я его поздравляю!

— О! нѣтъ, конечно не это, отвѣчалъ я.

— Да, однакоже, оно очень похоже на это. Онъ смотритъ на развитыхъ людей, какъ на что-то, приклеенное снаружи къ народу и враждебное его истиннымъ интересамъ. По счету, они, конечно, не много значутъ; по счету, они, дѣйствительно, только горсть; но эта горсть заключаетъ въ себѣ плодотворныя зерна прогресса. Въ ней зарождается то броженіе мысли, изъ котораго выростаютъ наука, свобода, богатство и сила народа. Надъ этимъ взглядомъ смѣется вашъ г. Иверскій. Въ его глазахъ все это кажется роскошью,

баловствомъ, художественною замашкою. Но знаетъ ли онъ, куда можно пріоти этимъ путемъ? Я вамъ скажу, милѣйшій Василій Григорьичъ: можно прійти къ тому, что участь идіота сытаго и хорошо обезпеченнаго въ матеріальномъ смыслѣ станетъ завидна для труженика, вынужденнаго бороться на каждомъ шагу съ нуждой... Вотъ оно что-съ!.. Вотъ она, ложь-то откуда выглядываетъ!

Напрасно я ихъ увѣрялъ и клялся, и зарекался, что это неправда что они худо поняли, что Сергѣй Никанорычъ смотритъ на вещи не такъ; я ихъ не могъ убѣдить, потому что самъ не былъ достаточно убѣжденъ. Да! Надо признаться, они меня сильно поколебали, и если я спорилъ съ ними такъ горячо, то болѣе изъ упрямства, а въ душѣ я согласенъ съ ними. Теперь особенно, когда я имѣлъ время надуматься о томъ, что они говорили, я вижу, что ихъ взглядъ человѣчнѣе и гораздо глубже. Сергѣй Никанорычъ, въ сравненіи съ ними, выходитъ какимъ то школьникомъ, который ни въ чемъ не знаетъ мѣры, а ухватившись за первый попавшійся парадоксъ, доводитъ его до послѣдней крайности... Не понимаю, какъ онъ успѣлъ меня обморочить такъ скоро, потому что я помню его воззрѣнія, съ первой же встрѣчи, показались мнѣ сильно утрированными, и я никогда имъ не вѣрилъ вполнѣ. Но у меня есть въ характерѣ эта проклятая мягкость, податливость, эта бабья привычка всѣмъ увлекаться съ перваго слова!.. Тутъ, впрочемъ, больше всего виноватъ Касимовъ...

XXVI.

14-го февраля.

Уфъ! Фу!.. фу, фу, фу! Тьфу! Даже гадко вспоминать, какъ я вчера оплошалъ!.. Непростительно! Пошло!.. Вся эта приторная размазня, которою они отъ меня отдѣлались, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики! Все это ветошь! Гнилой романтизмъ! Тремя словами онъ уничтожилъ всѣ ихъ возраженія... ваши редакторы просто глупы!.. Это педанты, которые дальше своихъ руководствъ не видятъ не зги, и проч...

— Да, оно можно статься и правда, отвѣчалъ я, но рѣчь теперь не объ этомъ, почтеннѣйшій Сергѣй Никаноровичъ, а о

томъ, что мнѣ дѣлать съ этими господами? Они рѣшительно несогласны печатать вашу статью.

— А вы? спросилъ онъ.

— Да я просто ума не приложу!.. Мнѣ бы хотѣлось васъ согласить какъ нибудь, но какъ? Свести васъ на споръ нельзя: вы поругаетесь...

— Легко можетъ статься.

— Ну, вотъ видите!.. А ѣздить, какъ я теперь ѣзжу отъ одного къ другому, да вести между вами перегововы заочно... что-жъ? я бы и непрочь, да только едва-ли изъ этого будетъ толкъ?..

— Никакого толку не будетъ.

— Что-жъ вы мнѣ посовѣтуете?

— Ничего-съ... мое дѣло тутъ сторона... Распоряжайтесь, какъ вамъ угодно... Хотите печатать мою статью—печатайте; а не хотите—такъ бросьте... мнѣ все равно-съ. Я только думаю, что съ ними долго толковать нечего, потому, если этакъ, изъ-за каждой статьи, мы будемъ по двѣ недѣли вести словопреніе, то дѣло у насъ не далеко уѣдетъ...

— Послушайте, перебилъ я,—вы, сдѣлайте милость, не обижайтесь!.. Вы знаете, я съ вами въ душѣ согласенъ и, еслибъ мы съ вами вдвоемъ хозяйничали, я бы, конечно, не долго думалъ, Но вы поймите, я съ ними связанъ самыми деликатными отношеніями. Я не могу имъ сказать: господа! если вы не хотите дѣлать по моему, то убирайтесь вонъ!., Я былъ бы не правъ, потому что журналъ они затѣяли, и все, что до сихъ поръ сдѣлано,— сдѣлано ими.

Онъ покосился и не отвѣчалъ мнѣ ни слова.

XXVII.

15-го февраля.

Былъ опять у редакторовъ и старался ихъ уломать, но не добился рѣшительно ничего... Дѣло совсѣмъ расползается, просто хоть брсь. Они начинаютъ сердиться и оба ругаютъ Иверскаго, при чемъ достается и мнѣ стороной. Святухинъ сказалъ сегодня весьма непріятную вещь!

— Какъ вамъ угодно, говоритъ, Василій Григорьевичъ, — а дѣлать изъ нашего журнала сборникъ мы не намѣрены.

Я отвѣчалъ, что и самъ того не желаю, но, что мнѣ кажется, *Славянскій вопросъ* не выходитъ изъ нашей программы, въ которой мы, именно, обѣщали не затруднять движенія узкими рамками.

Розановъ возразилъ, что подъ племенными различіями они вовсе не разумѣли общей народной особенности славянскаго племени.

— Да вѣдь это все мелочи, господа! Неужли-жъ изъ за этого мы не будемъ печатать хорошей статьи?

— Вовсе не мелочи! отвѣчали они,—вашъ Иверскій отвергаетъ не просто какой нибудь спорный фактъ, а самый принципъ. Это такая дерзость, на которую въ наше время никто еще не рѣшался! Это будетъ всѣми замѣчено и уронитъ журналъ.

— Отчего-жъ такъ уронитъ?.. Я полагаю, напротивъ.

— Василій Григорьевичъ! вы, — позвольте вамъ откровенно сказать,—этого дѣла не понимаете. Вы вѣрите всякому шарлатану, мальчишкѣ, который не дорожитъ мнѣніемъ публики, потому что онъ неизвѣстенъ и ему терять нечего; а намъ, на которыхъ лежитъ вся отвѣтственность, не хотите повѣрить!.. Вы знаете ли, что это за господа? Знаете ли, чего имъ нужно? Они гонятъ все прочное, ясно опредѣлившееся въ наукѣ и въ общемъ мнѣніи, потому что оно мѣшаетъ имъ фантазировать. Нелѣпыя ихъ теоріи не приклеиваются ни къ чему положительному, противорѣчатъ всему. Имъ нужно пустое пространство, чтобъ строить свои воздушные замки, которые, отъ прикосновенія съ твердыми основаніями дѣйствительной жизни, разлетаются въ прахъ. Ну, вотъ они и не любятъ твердыхъ основъ... Вы съ ними мало знакомы; а вы почитайте-ка, что они пишутъ! Вѣдь у нихъ все это зыблется, все, какъ во снѣ, и есть и нѣтъ, и тутъ и тамъ, и такъ и не такъ, и ни за что ухватиться, ни на что опереться нельзя. Они сами сейчасъ закричатъ— оставьте! Это все вздоръ! Дѣло совсѣмъ не въ томъ!.. У нихъ нѣтъ мысли, а только какой то запахъ мысли, намекъ на мысль... Они только тѣмъ и держутся, что у нихъ девять десятыхъ не договаривается; а заставьте-ка вы ихъ высказать на чистоту, да свести свои счеты... Увидите, какъ они хвостъ подожмутъ!..

— Помилуйте, Ѳеодоръ Семеновичъ, я возразилъ, — Богъ съ вами! Что это вы говорите? Вѣдь они, именно, противъ этого фантазерства и воюютъ!.. У нихъ все основано на реальной наукѣ.

— Да, чорта съ два!.. На какой же это?.. На химіи что ли?

— Да, отчасти... на физикѣ тоже... на физіологіи, на статистикѣ, на политической экономіи...

Розановъ засмѣялся. —Василій Григорьевичъ! и вы имъ вѣрите?.. Да есть ли изъ нихъ хоть одинъ, который бы доказалъ, что онъ эти науки знаетъ? Который бы сдѣлалъ для этихъ наукъ что-нибудь?.. Голову вамъ отдаю, все это шарлатанство! Они только финтятъ своимъ реализмомъ, а на умѣ у нихъ метафизика, или еще что-нибудь жиже этого.

— Какъ метафизика?

— Да также-съ... На физику, да на химію только ссылаются, а дѣло идетъ постоянно о вопросахъ чистѣйшаго умозрѣнія. Оно одно для нихъ интересно; а за естественныя науки — они двухъ грошей не дадутъ; это вѣрно-съ... Это впрочемъ не къ Иверскому относится. Вашъ Иверскій принадлежитъ къ другой категоріи. Тотъ больше по части статистики и политической экономіи упражняется. Только ни той, ни другой вы у него не найдете. Люди его разбора черной работой не занимаются! Они выше этого. Истина имъ дается путемъ геніальной догадки и выражается всегда съ минусомъ, въ отрицательной формѣ... Справьтесь-ка, вѣдь никто изъ нихъ и трехъ строкъ утвердительныхъ отъ себя не прибавилъ къ тому, что другіе по этимъ наукамъ сдѣлали. А этимъ, если когда и удается сказать кое-что о томъ, что другіе сдѣлали, то развѣ за тѣмъ, чтобъ кого нибудь опловать. Всѣ положительные выводы наукъ политическихъ они отвергаютъ, а своихъ не даютъ. Наше дѣло, говорятъ, критика; да критика то какая? Ни одной книги серьезно не разберутъ! Не стоитъ, говорятъ, потому чушь! положимъ-съ, допустимъ, что чушь; такъ пусть же они намъ свое дадутъ. Но своего у нихъ, кромѣ филантропической іереміады, съ изнанки подбитой мизантропическою бравадой, ровнехонько ничего. На этихъ, на двухъ конькахъ они разъѣзжаютъ поочереди. Сегодня финтятъ презрѣніемъ къ человѣчеству и самымъ безжалостнымъ равнодушіемъ къ его участи, а завтра вопіютъ слезно о жалкой судьбѣ пролетарія!...

Уфъ!!!... Мочи нѣтъ!.. Начинаютъ меня одурять эти взаимныя обвиненія!... конца имъ не видишь!... Это какой то Сизифовъ трудъ! Какая-то Пенелопина работа, въ которой все, что съ одной

вышивается, съ другой распарывается!... Не доберусь я толку!... Кто изъ нихъ правъ? Кто виноватъ? Чортъ ихъ знаетъ!.. Ругаютъ другъ друга во всю ивановскую, а я тутъ сиди да слушай!...

XXVIII.

16-го февраля.

Чортъ меня дернулъ пересказать Сергѣю Никаноровичу вчерашній нашъ разговоръ!.. Взъѣлся, какъ вепрь разъяренный! Ажъ пѣна на губахъ выступила!... „Мерзавцы! говоритъ,—вотъ какъ они толкуютъ! Ну сами вы посудите! Ну не подло ли это?... Да-съ, я ихъ знаю; это въ ихъ духѣ; это на ихъ похоже! Тамъ, гдѣ ихъ доводы не хватаютъ, тамъ они тотчасъ готовы ругаться и клеветать!.. Какая недобросовѣстность! Низость!.. Провѣтся изъ насъ кто нибудь одинъ, они это всѣмъ въ вину ставятъ, а то, что имъ дѣльнаго говорятъ, то у нихъ все мимо ушей пропускается!.. Дѣлаютъ видъ, какъ будто и не слыхали!.. Ничего, говорятъ, мы своего не сдѣлали!.. А сколько книгъ у насъ издается по части реальныхъ наукъ, и кто это дѣлаетъ?.. Ничего своего не сдѣлали?.. Недоговорками выражаемся?.. Жиды проклятые! Торгаши! Лавочники!..

Надоѣли мнѣ эти ругательства! Не отвѣчалъ ему ни полъслова... Поѣхалъ къ Дмитрію Петровичу.

— Что съ тобой, Вася? говоритъ,—ты смотришь, точно какъ будто бы тебя высѣкли.

Я разсказалъ ему свои затрудненія, а онъ какъ начнетъ хохотать, такъ даже досадно стало.

— Тебѣ хорошо, говорю, смѣяться!.. Самъ впуталъ, да самъ же потѣшаешься!.. А мнѣ каково?.. Я вотъ сегодня до трехъ часовъ ночи не спалъ—все думалъ...

— И, полно!.. Есть о чемъ думать!.. Плюнь ты на этихъ шутовъ...

— Да какъ же не думать. Дмитрій Петровичъ?.. Вѣдь такъ же нельзя оставить... Надо на что нибудь рѣшиться.

— Само собой разумѣется.

— Да, это легко сказать, а на дѣлѣ-то, оно вовсе не разумѣется... У меня просто голова кружится!.. Совсѣмъ съ толку

сбился!.. думалъ ихъ помирить какъ нибудь, а вмѣсто того — поссорилъ!.. Ты бы послушалъ, что они говорятъ!.. У всякаго свои доводы; ни одинъ на вершокъ уступить не хочетъ; ругаютъ другъ друга безъ всякаго милосердія; а мнѣ говорятъ колкости... Скоро, пожалуй, начнутъ ругать и меня! А я не привыкъ къ этого рода вещамъ; я не вытерплю,—въ рожу ударю... и что тогда будетъ съ нашимъ журналомъ?.. Все дѣло къ чорту пойдетъ!..

Онъ посмотрѣлъ на меня съ минуту и началъ опять хохотать... Это меня взбѣсило.

— Послушай, я говорю,—вѣдь это что-жъ наконецъ?.. Это просто подло!.. Я по твоей милости впутался. Дѣло пошло бы гладко и мы бы не спорили ни о чемъ, еслибъ ты мнѣ не всучилъ этого Иверскаго.

— Ну, это легко поправить. Выгони Иверскаго, если ты имъ недоволенъ.

— Да я не хочу его выгонять; онъ мнѣ нравится.

— Кто же не нравится? Старые, что-ли?

— Нѣтъ; я и этого не скажу. Они тоже отчасти правы.

— Да вѣдь ты говоришь, что они несогласны другъ съ другомъ?

— Да, совершенно... только я теперь спутался, не могу разобрать кто изъ нихъ правъ... съ обѣихъ сторонъ мнѣ столько наговорили!...

— Эхъ, братецъ, Василій Григорьевичъ!.. Да если ты будешь вслушиваться во всю эту ерунду, то я тебѣ головой отвѣчаю, что никогда не добьешься толку. На это надо смотрѣть совсѣмъ иначе... Я тебѣ тысячу разъ говорилъ, что ты слишкомъ совѣстливъ. Очень нужно тебѣ доискиваться, кто правъ. Издатель журнала долженъ стоять выше подобныхъ дрязгъ. Онъ долженъ имѣть въ виду существенное и долженъ имѣть характеръ, чтобы при случаѣ настоять на своемъ... Что ты такъ церемонишься? Если ты думаешь, что эта статья можетъ имѣть успѣхъ, то возьми да и отошли ее прямо въ печать, безъ всякаго объясненія.

— Нельзя. Они говорятъ, что они не хотятъ дѣлать изъ нашего журнала сборникъ.

— Ну, это ужъ ихъ забота. Не хотятъ, чтобы смотрѣло пестро, такъ пусть принаравливаются. А по моему, это вздоръ.

Кой чортъ угоняется за ихъ тонкостями? Публика вовсе не такъ разборчива, какъ они полагаютъ.

— Да я не о публикѣ безпокоюсь. Я боюсь, что у насъ изъ за этого выйдетъ ссора, и они меня бросятъ.

— Такъ что-жъ?

— Да что-жъ я тогда буду дѣлать, одинъ, съ твоимъ Иверскимъ?

— А ничего; будешь себѣ издавать журналъ попрежнему... Что? ты боишься, что онъ не управится? Будь спокоенъ—я тебѣ слово даю, что управится за троихъ.

— Да я вѣрю, только какъ же мнѣ съ тѣми то, если дѣло у насъ пойдетъ на разрывъ?.. Какъ же мнѣ ихъ такъ, ни съ чѣмъ, отпустить? Вѣдь мы съ ними вмѣстѣ дѣло затѣяли, и оба они трудились... Святухинъ — семейный человѣкъ; для этого бросилъ *Выставку*; поссорился съ старымъ издателемъ; потерялъ свое жалованье!..

Дмитрій Петровичъ задумался.

— Точно ли ты увѣренъ, что онъ бросилъ *Выставку?* спросилъ онъ минуту спустя.

— Положительно. Онъ продолжаетъ еще заниматься по убѣдительной просьбѣ Н.; но это—послѣдній мѣсяцъ.

— Послѣдній? Гмъ... Подожди-ка... дай время... недѣльки такъ, черезъ двѣ, я какъ нибудь постараюсь тебѣ это устроить.

— Какимъ образомъ? спросилъ я.

— Да что теперь говорить? отвѣчалъ онъ. Я не знаю еще и самъ... Надо подумать...

XXIX.

23-го февраля.

Приходила опять та дѣвушка, что въ декабрѣ отдала мнѣ свой переводъ изъ Диккенса... Распекла меня страшно, да, правда, и было за что... Вотъ ужъ четвертый разъ, что она приходитъ даромъ. Рукопись я давно отправилъ къ Святухину, да онъ мнѣ не шлетъ отвѣта, а я забываю спросить. До сихъ поръ она такъ терпѣливо выслушивала мои извиненія, что я былъ спокоенъ; но вчера, Богъ знаетъ, что съ нею сдѣлалось, вышла совсѣмъ изъ себя... Это не

хорошо, говоритъ, неблагородно!... а сама вся дрожитъ, и на глазахъ слезы.

— Не сердитесь, сударыня, я говорю.—Еслибъ я зналъ, что вы придаете такую важность... Но переводъ такой небольшой вещицы... Я не смотрѣлъ на это серьезно...

— О, да! говоритъ, я знаю!.. Вы всѣ, господа, смотрите серьезно только на то, что обѣщаетъ вамъ выгоду... тогда, можетъ быть, вы и слово держите, а для такой бездѣлки не стоитъ держать... Но если она ненужна, то зачѣмъ вы мнѣ раньше не сказали? зачѣмъ обманывали?... Я бъ вамъ не стала ее навязывать... Я бъ отдала другому...

Я сталъ божиться, что обманулъ ее неумышленно. Упросилъ подождать еще недѣлю съ правомъ считать подлецомъ, если къ этому времени она не получитъ отвѣта, и, чтобы какъ нибудь не забыть, тотчасъ поѣхалъ къ Святухину.

Тотъ принялъ меня очень сухо и началъ справляться, ворча, что ему не до этихъ мелочей; что у него пропасть дѣла, что, вмѣсто того, чтобы облегчать ему трудъ, я занимаю его всякимъ вздоромъ и ставлю ему на дорогѣ лишнія затрудненія (Намекъ на статью Сергѣя Никаноровича).

Мнѣ стало досадно, и я ужъ готовъ былъ ему отвѣчать; но онъ отыскалъ переводъ.

— Негодится, сказалъ онъ, мелькомъ взглянувъ на отмѣтку.

— А что?

— Съ ошибками; да и русскій языкъ хромаетъ... Пестро и неуклюже...

— А поправить нельзя?

— Да помилуйте! День вѣдь не въ сорокъ часовъ! Изъ-за какихъ благъ мы будетъ брать на себя всю эту лишнюю работу?.. отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ... Мы и такъ теперь съ этой проклятой *Мельницей* бьемся, какъ рыба объ ледъ!.. Переводчикъ запилъ!..

XXX.

25-го февраля.

Только что изъ конторы... Плохо!.. Подписка въ послѣднее время шла очень вяло, а теперь вдругъ совсѣмъ заколодило. Вотъ ужъ съ недѣлю какъ ни души!.. И Т... повѣсти нѣтъ до сихъ

поръ; а теперь бы оно очень кстати, чтобы этакъ... поддать аппетиту. . Звонятъ!.. Записка отъ Марьи Петровны... Проситъ прійти, поговорить о какомъ-то дѣлѣ. . . . . .

Вернулся домой совершенно разстроенный... Скверныя новости! Святухину старый издатель предлагаетъ три тысячи въ годъ и процентъ съ дохода, и..., кажется, онъ намѣренъ принять. Марья Петровна хоть увѣряетъ, что онъ не рѣшился еще, но мнѣ что то сдается, что это вздоръ и что дѣло у нихъ покончено. Онъ разсчиталъ, безъ сомнѣнія, что новый журналъ не обѣщаетъ ему вѣрной прибыли и что синица въ рукахъ дороже сокола въ облакахъ... Медленный ходъ подписки и наши недавніе споры тоже могли имѣть вліяніе; а старый издатель, ихъ Вельзевулъ, какъ они его называютъ, конечно смекнулъ и, выбравъ удобное время, сдѣлалъ ему предложеніе... Ну, нечего сказать, заварилъ я кашу! Какъ-то придется расхлебывать? Все это вошло такъ странно!... Могъ-ли я думать, что дѣло приметъ такой оборотъ; что тѣ люди, которые сами его затѣяли, которымъ я только хотѣлъ помочь, бросятъ меня въ такую критическую минуту и что я, человѣкъ никогда не имѣвшій въ виду литературныя карьеры, неприготовленный къ ней нисколько, останусь одинъ во главѣ ежемѣсячнаго журнала, два номера котораго уже вышли?.. Все это похоже на шутку; да только шутка-то будетъ плохая! Выйдетъ Родіонъ Михайловичъ, выйдетъ, конечно, и Розановъ, а за ними, пожалуй, бросятъ журналъ и всѣ ихъ пріятели, весь этотъ рой трудолюбивыхъ шмелей, на которыхъ лежитъ масса журнальной работы... Новыхъ собрать не трудно, да на все это—время требуется, и навыкъ, и прочныя связи въ литературномъ кругу; а у меня ни того, ни другого... И останусь я при одномъ Сергѣѣ Никаноровичѣ; на него вся надежда; но онъ нелюдимъ и человѣкъ неизвѣстный... и все остальное насъ броситъ!.. и о повѣсти Т... теперь ужъ и думать нечего!.. и третья книжка у насъ опоздаетъ и... однимъ словомъ, чортъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ!.. А всѣмъ этимъ я обязанъ Касимову. Онъ меня въ это дѣло втравилъ!.. Онъ поссорилъ съ товарищами!.. Ну, ужъ постой! не видѣлъ я только его сегодня, а завтра поймаю, ужъ я ему отпою?..

XXXI.

27-го февраля.

Былъ у Святухина и просилъ его объяснить мнѣ прямо свои намѣренія. Онъ страшно сконфузился и, запинаясь, сталъ увѣрять, что участіе въ нашей редакціи такого товарища, какъ Иверскій, ставитъ его въ весьма непріятное положеніе. Онъ убѣжденъ, что журналъ не можетъ идти успѣшно при такомъ разногласіи между редакторами. Въ ту пору, когда мы рѣшились его издавать, онъ имѣлъ основаніе думать, что между нами существуетъ единство въ образѣ мыслей, но теперь съ сожалѣніемъ видитъ, что онъ ошибся... Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ довольно долго и, мало по малу, его оправданіе приняло обвинительный тонъ. По его словамъ, хотя онъ прямо и не рѣшался сказать, выходило, что во всемъ виноватъ я одинъ, а себя онъ старался представить обиженнымъ, угнетеннымъ, доведеннымъ до крайности и вынужденнымъ рѣшиться на весьма непріятный, невыгодный для него разрывъ. Такая неискренность удивила меня. Я далъ ему высказаться, не возражая ни слова, и уже послѣ, когда онъ кончилъ, просилъ откровенно сказать: не имѣетъ ли онъ еще какого нибудь другого повода бросить начатое предпріятіе!.. Подумавъ немного, онъ отвѣчалъ: *нѣтъ*.

— Можетъ быть, медленный ходъ подписки васъ безпокоитъ? спросилъ я, смотря ему прямо въ лицо. Онъ покраснѣлъ.

— Послушайте, я продолжалъ,—вы, какъ семейный человѣкъ, имѣете полное право избѣгать слишкомъ большого риска, и если моя догадка на счетъ подобнаго рода опасеній дѣйствительно справедлива, то я не вижу, что вамъ мѣшаетъ признаться мнѣ въ этомъ прямо.

— Да, отвѣчалъ онъ вполголоса; имѣя жену и дѣтей на рукахъ, я, разумѣется, не могу рисковать такъ безпечно, какъ вы; но это одно не мѣшало бы мнѣ продолжать начатое дѣло. Я готовъ отвѣчать за себя и за то, что я дѣлаю; но отвѣчать за какого нибудь г. Иверскаго и за всякую чепуху, какую онъ вздумаетъ написать, воля ваша, Василій Григорьевичъ, — я не могу.

— Вы боитесь, что онъ уронитъ журналъ?

— Совершенно увѣренъ.

— Однако, идутъ же другіе по этому направленію, и очень успѣшно.

— Ихъ успѣхъ не отъ этого, Василій Григорьевичъ; они имѣютъ его, несмотря на это, отъ совершенно другихъ причинъ.

— Полно, такъ-ли почтеннѣйшій Родіонъ Михайловичъ? Не ошибаетесь-ли вы?

— Нѣтъ-съ, старъ я, чтобы ошибаться!

— Вы, стало быть, настаиваете, что это единственная причина?

— Единственная—это много сказать; но если и не единственная, то главная.

— Ну, а какъ, напримѣръ, еслибы я отказалъ Иверскому, было-ли бы этого достаточно, чтобъ убѣдить васъ остаться? Или вы уже окончательно рѣшились насъ бросить?

Онъ посмотрѣлъ на меня тревожно, очевидно сконфуженный этимъ вопросомъ, и съ минуту молчалъ.

— Я не вижу нужды отвѣчать на вопросъ, сдѣланный изъ одного любопытства, произнесъ онъ, потупивъ глаза.

— Да; если это дѣло ужъ конченное, и вы дали слово Клементію Ѳедоровичу, то разумѣется мой вопросъ не имѣетъ смысла, и мнѣ остается только жалѣть.

Онъ мялся, не зная, что отвѣчать.

— Вы колеблетесь? сказалъ я.—Значитъ, дѣло еще не совсѣмъ рѣшено?

— Да, не совсѣмъ, отвѣчалъ онъ.—Я долженъ еще увидѣться съ Розановымъ. Раньше, какъ завтра поутру, я не могу вамъ сказать ничего.

Какъ ни бѣсила меня такая неискренность, но дѣлать тутъ было нечего, и я отправился къ Иверскому. Тотъ успокоилъ меня, сказавъ, что берется за все, и не видитъ большой бѣды въ томъ, что они оставляютъ журналъ. Онъ увѣряетъ, что даже задержки не можетъ произойти, если только они намъ уступятъ рукописи, и спросилъ, у кого онѣ въ рукахъ?.. Я отвѣчалъ, что все у Святухина, но что большая часть принята мною и принадлежитъ неотъемлемо намъ... А помню-ли я, отъ кого я бралъ вещи и есть-ли тамъ что нибудь путное?.. Я не помнилъ, но повезъ его тотчасъ къ себѣ и показалъ ему мой входящій реэстръ; извѣстныхъ именъ оказалось такъ мало, что мы призадумались. Я вынулъ изъ шкапа кипу еще не отосланныхъ рукописей и просилъ его посмотрѣть.

— А это что? спросилъ онъ, указывая на связку, которая осталась въ шкапу.

Это была апрѣльская книжка, про которую я совсѣмъ и забылъ.

Онъ засвисталъ. Если такъ, то о чемъ же намъ хлопотать? Цѣлыхъ два мѣсяца еще впереди; а тамъ лѣто; а лѣтомъ никто не читаетъ журналовъ, потому что редакторы и подписчики всѣ разъѣзжаются. Лѣтомъ сбываютъ, обыкновенно, всю шушеру, которую боятся печатать зимой, въ ту пору, когда подписка идетъ горячо.

— Ну, а если они потребуютъ это назадъ? спросилъ я.

— Ну, что-жъ? Вы имъ не отдавайте. Да не бойтесь: они этого не сдѣлаютъ; а если и будутъ отъ васъ чего требовать, такъ скорѣе вознагражденія... Вы имъ ничего еще не платили?

— Кромѣ того, что слѣдовало за ихъ статьи, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, будьте спокойны. Мы это дѣло устроимъ такъ, что они и все остальное уступятъ.

Не успѣлъ онъ уйти, какъ пріѣхалъ Касимовъ. Я началъ было ему пенять, что вотъ онъ въ какую бѣду меня впуталъ, а онъ хохочетъ.

— Чудакъ ты, братецъ, да ты мнѣ спасибо скажи, что я тебѣ сбылъ ихъ съ рукъ! Теперь тебѣ не надъ чѣмъ будетъ голову ломать; все пойдетъ какъ по маслу.

— Какъ: *сбылъ ихъ съ рукъ?* Да развѣ это ты сдѣлалъ?

— А кто-же еще? Вѣдь ты-же самъ жаловался, что тебѣ надоѣли споры, что они тебя сводятъ съ ума, что ты ночью не спишь?

— Да какъ-же это ты? Какимъ образомъ?..

— А также: просто заѣхалъ къ Клементію Ѳедоровичу да и шепнулъ ему, чтобы онъ не терялъ удобнаго случая, что у васъ дѣло идетъ на разладъ. Ну, а Клементій Ѳедоровичъ малый непромахъ, себѣ на умѣ. Онъ безъ Святухина на мели остался и радъ былъ ему предложить что угодно, чтобы только отбить его у тебя.

— Такъ ты думаешь, что у нихъ дѣло ужъ слажено?

— Конечно.

— Мнѣ самому такъ казалось, но онъ увѣряетъ, что онъ еще не рѣшился.

— О? Въ самомъ дѣлѣ?

— Да; онъ обѣщалъ дать отвѣтъ завтра утромъ.

— Какой отвѣтъ? развѣ ты ему предлагалъ что нибудь?

— Нѣтъ. Я только хотѣлъ узнать: серьезно ли онъ намѣренъ насъ бросить; а также, что его побудило къ этому: наши споры или расчетъ?

— Ну, конечно, расчетъ.

— Отчего же конечно? Онъ, какъ и я, можетъ быть цѣнитъ свои убѣжденія выше денегъ.

— Ахъ ты, наивная душа! Младенецъ ты! Человѣкъ божій!.. Ты думаешь, всѣ такіе-же простаки, какъ ты?.. Никогда на своемъ вѣку нужды не зналъ, такъ не можешь себѣ и представить, чтобы у кого нибудь она на шеѣ сидѣла. А ты влѣзь-ка въ чужую шкуру, да поставь себя на мѣсто какого нибудь поденьщика, у котораго дѣти, жена, и ни сзади, ни спереди — ничего; такъ тогда и поймешь, что такое деньги. Худо-ли, хорошо-ли, а жизнь такъ устроена, что деньги въ ней все. Это нашъ богъ! Ему поклоняемся!.. Деньги сильнѣе всякаго убѣжденія. Съ деньгами безъ убѣжденій можно отлично жить, а съ убѣжденіями безъ денегъ совсѣмъ нельзя. Это твои литераторы знаютъ не хуже насъ; и я тебѣ вотъ что еще скажу: нѣтъ на свѣтѣ людей, которые такъ презирали бы убѣжденіе, какъ они. Это жрецы, которые встрѣтясь другъ съ другомъ внѣ храма, отворачиваются и смѣются въ рукавъ. Они знаютъ цѣну того, чѣмъ они дурачутъ простой народъ. Кухня, въ которой стряпаютъ убѣжденія, deus ex machina, извѣстна имъ какъ свои пять пальцевъ. Тотъ, кто поддѣлываетъ мысль и торгуетъ ею на рынкѣ, можетъ ли тотъ ее уважать?..

Не отвѣчалъ ему ничего. Мы такъ расходимся въ убѣжденіяхъ, что не можемъ спорить.

XXXII.

3-го марта.

Былъ у Касимовыхъ. Дамы въ большой тревогѣ. Онѣ еще все надѣялись, что дѣло у насъ уладится; но Дмитрій Петровичъ ихъ разувѣрилъ. Мы цѣлый вечеръ проговорили объ этомъ предметѣ... Обѣ онѣ предубѣждены противъ Иверскаго и совѣтуютъ быть осторожнѣе, не слишкомъ ему довѣрять. На счетъ способностей его, впрочемъ, спору не было, только онѣ съ чего-то забили

себѣ въ голову, что у него должно быть сердце дурное... Мнѣ кажется тутъ наружность больше всего виновата...

Вернувшись домой, нашелъ у себя письмо, надписанное рукою Святухина. Думалъ, что отъ него одного, но, распечатавъ, увидѣлъ подпись обоихъ редакторовъ. Они извѣщаютъ въ короткихъ словахъ, что оба рѣшились оставить журналъ, и что ихъ побудило къ этому не столько то, что я принялъ въ редакцію новое лицо, которое съ ними расходится въ убѣжденіяхъ, какъ то, что я самъ измѣнилъ совершенно свой взглядъ на вещи; такъ что *если-бы даже я и намѣренъ былъ отказать Сергѣю Никаноровичу, это нисколько не измѣнило бы ихъ рѣшенія*... Затѣмъ учтивый намекъ, что ихъ разсчеты со мной еще не кончены, и что въ глазахъ человѣка, съ такимъ рыцарскимъ благородствомъ какъ я, ихъ вынужденный отказъ отъ редакторской должности, конечно, не можетъ имѣть никакого вліянія на весьма важный для нихъ и весьма мало значительный для меня, балансъ нашихъ счетовъ. Затѣмъ, намекъ на рукописи, оставшіяся у нихъ въ рукахъ, и на апрѣльскую книжку, которая у меня; все совершенно такъ, какъ прикидывалъ Иверскій. Въ концѣ высказана увѣренность, что то взаимное уваженіе, которое мы питали другъ къ другу, не уменьшится нисколько съ прекращеніемъ между нами литературной связи.

XXXIII.

5-го марта.

Все дѣло кончено... По моей просьбѣ, Иверскій былъ у нихъ. Я далъ ему 1000 рублей, чтобы разсчитаться безъ торгу, но онъ таки выторговалъ и привезъ мнѣ назадъ триста. Слѣдомъ за нимъ, извозчикъ привезъ пудовъ десять рукописей и книгъ—все, что хранилось въ рукахъ у Святухина... Нанялъ ему квартиру у насъ на дворѣ, кухарку и писаря. Мы съ нимъ не говорили еще объ условіяхъ, но онъ у меня будетъ одинъ главнымъ редакторомъ, и будетъ завѣдывать всѣмъ. О перемѣнѣ редакціи будетъ объявлено вмѣстѣ съ программой мартовской книжки.

XXXIV.

10-го марта.

Сегодня былъ странный случай... Приходила опять моя переводчица. Я отдалъ ей переводъ съ отвѣтомъ, что онъ не можетъ быть напечатанъ, и на вопросъ отчего, долженъ былъ объяснить, что онъ съ ошибками

— Съ ошибками!?.

Она измѣнилась въ лицѣ, взяла тетрадь въ руки и, опустивъ на нее глаза, сидѣла въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Я думалъ, что это уколотое самолюбіе...

— Можетъ быть, можно поправить? сказалъ я, желая смягчить отказъ.

Отвѣта не было. Она начала ворочить листы, какъ будто стараясь удостовѣриться въ дѣйствительности ошибокъ, но по лицу видно было, что она это дѣлаетъ машинально и что мысли ея заняты другимъ... Мнѣ стало жалко ея. Рукопись была такъ не велика, что еслибъ я зналъ языкъ, я бы взялъ на себя охотно поправку... Съѣздить развѣ къ Святухину, узнать адресъ его переводчика и поручить ему это дѣло?.. Но Святухинъ мнѣ только что жаловался, что его переводчикъ запилъ... Покуда я это думалъ, она оправилась, встала, связала свои тетрадки платкомъ и, не отвѣчая ни слова на мои извиненія, вышла... Я стоялъ въ нерѣшимости, сильно досадуя на себя, что не умѣлъ какъ нибудь уладить ей дѣло, какъ вдругъ вижу: Павелъ высунулъ голову въ двери и смотритъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Чего ты?

— Такъ-съ ничего!

— Ушла?

— Ушла-съ, отвѣчалъ онъ и, заминаясь, прибавилъ: не хорошо, Василій Григорьевичъ!

— А что?

— Да что, сударь, надо быть вы ихъ чѣмъ обидѣли, потому очень плачутъ-съ.

— Какъ плачутъ?

Да такъ-съ... Я имъ салопъ подаю, гляжу, а у нихъ слезки то по щекамъ такъ и катятся!.. Жалко мнѣ стало... Что съ вами

барышня? говорю, а онѣ ничего, да только въ дверяхъ, уходя, какъ учнутъ всхлипывать?..

— Эхъ чортъ возьми! Что я надѣлалъ!.. И изъ какихъ пустяковъ!.. Бѣги скорѣй, догони, вороти, скажи: баринъ ошибся, проситъ тетрадки назадъ, да проситъ войдти на минуту... проситъ покорнѣйше: хочетъ-молъ съ вами поговорить!.. Скорѣй, Бога ради! А то какъ разъ сядетъ тутъ у воротъ на извозчика, да и поминай какъ звали!..

Онъ бросился опрометью по лѣстницѣ внизъ... Ну, а что какъ она уйдетъ въ другую сторону?.. пришло мнѣ на умъ. Я схватилъ шляпу, набросилъ шинель и кинулся вслѣдъ за нимъ... Бѣги вправо, къ Бассейной, а я побѣгу къ Невскому! закричалъ я ему во все горло сверху...

Отмахавъ по тротуару шаговъ полтораста и не видя, какъ глазъ хваталъ, впереди ни одной женской шляпки, я оглянулся назадъ. Смотрю, Павелъ стоитъ на подъѣздѣ и машетъ рукой... Я бросился во весь духъ назадъ.

— Ну, что? догналъ?

— Догналъ-съ, отвѣчалъ онъ смѣясь. Онѣ ужъ тамъ, наверху.

Я увидѣлъ ее въ передней. Она была сильно сконфужена и начала извиняться въ чемъ-то. Я тоже былъ красенъ, какъ ракъ, и тоже просилъ извиненія... Началъ ей объяснять причину, заставившую меня ее воротить, запутался, сбился... Она усмѣхнулась... это случилось съ ней въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она стала сюда ходить, и не могу разсказать, какъ мнѣ понравилась эта усмѣшка! Въ ней было что-то такое добрре, ясное... Невольно я обратилъ вниманіе на ея наружность и нашелъ, что она недурна. Густые волосы, стройныя плечи и такіе живые, славные, выразительные глаза!.. Это ужъ было едва-ли не въ пятый разъ, что она у меня; но до сихъ поръ, я смотрѣлъ на нее, какъ на какого-то школьника въ юбкѣ, и только сегодня увидѣлъ въ ней женщину... Я стоялъ передъ ней сконфуженный, не зная, чѣмъ оправдать свою прежнюю сухость и какъ объяснить перемѣну въ моихъ намѣреніяхъ. Должно быть я былъ смѣшонъ, потому что, съ глазами, красными еще отъ слезъ, она не могла удержаться отъ смѣха.

Замѣтивъ, что мы стоимъ въ передней, я пригласилъ ее воротиться ко мнѣ въ кабинетъ.

— Оставьте мнѣ вашу рукопись, я ее напечатаю, сказалъ я.

— Съ ошибками?

— Ну, ничего, мы это какъ нибудь выправимъ.

Она посмотрѣла въ недоумѣніи, очевидно не зная, чему приписать такой припадокъ услужливости съ моей стороны, и еще разъ усмѣшка, на этотъ разъ недовѣрчивая, появилась у нея на губахъ.

Я взялъ у нея изъ рукъ тетрадки...

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте вашъ адресъ? сказалъ я.

— Зачѣмъ?

— Да на всякій случай... У насъ нѣтъ постояннаго переводчика, а между тѣмъ можетъ понадобиться какая нибудь работа къ спѣху.

Она опустила глаза, не отвѣчая ни слова и повидимому колеблясь; потомъ вдругъ проворно схватила перо и бойкимъ почеркомъ написала на оборотѣ тетрадки: *Лидія Алексѣевна Рулева, въ Кирочной, въ домѣ Брандта...*

Лидія?.. рѣдкое имя!.. гдѣ-то я слыхалъ его не очень давно, думалъ я, провожая ее въ переднюю, но никакъ не могъ вспомнить гдѣ.

Скоро потомъ пришелъ Иверскій. Я разсказалъ ему, что случилось, и спросилъ, что мнѣ дѣлать? объяснилъ, что я англійскаго языка не знаю, а ѣхать къ Святухину, просить, чтобы онъ рекомендовалъ кого нибудь — мнѣ бы теперь не хотѣлось. Къ томуже объ этомъ предметѣ не мѣшаетъ серьезно подумать, прибавилъ я, потому что у насъ нѣтъ переводчика.

— Можно найти, отвѣчалъ онъ. Покажите-ка.

Онъ взялъ у меня изъ рукъ тетрадь. Это была та самая, на которой моя переводчица написала свой адресъ... Не успѣлъ онъ взглянуть, какъ на лицѣ появилось что-то совсѣмъ непривычное, чего я ни разу еще у него не видѣлъ. Онъ былъ какъ будто бы удивленъ, даже болѣе, чѣмъ удивленъ, взволнованъ.

— Кто вамъ сказалъ, что тутъ есть ошибки? спросилъ онъ, не поднимая глазъ.

— Святухинъ.

— Да онъ можетъ быть вретъ?

— Не знаю... Во всякомъ случаѣ, такъ печатать нельзя... надо провѣрить.

— Оставьте, я сдѣлаю.

— А вы знаете англійскій языкъ?

— Знаю.

— Да хватитъ ли у васъ времени?

— Хватитъ.

— Такъ сдѣлайте милость; потому что я ей обѣщалъ... она такъ дорожитъ этой работой, что я не могъ сдѣлать иначе.

— Вы говорите, что она плакала?

— Да; впрочемъ я не видѣлъ; но Павелъ въ передней видѣлъ...

Лицо моего новаго редактора странно мѣнялось.

— Что съ вами? Вы развѣ знаете эту дѣвушку? спросилъ я, смотря на него въ недоумѣніи.

— Лидію-то Алексѣевну? Еще бы!.. Три мѣсяца подъ одной кровлей жили.

— Гдѣ-жъ это?

Онъ покосился... „У Касимовыхъ“, отвѣчалъ онъ сердито.

Ну, такъ и есть!.. Теперь вспомнилъ... Это ихъ бывшая гувернантка, та Лидинька, о которой они говорили по поводу этого самаго человѣка.

— Что-же, она опять въ гувернанткахъ? спросилъ я съ удвоеннымъ любопытствомъ.

— Не знаю... Я ее цѣлый годъ не видѣлъ.

— А есть у ней кто нибудь? Отецъ, мать... братья?

— Нѣтъ никого.

— Въ нуждѣ, можетъ быть?

Онъ какъ то странно пожалъ плечами... „Не знаю. А впрочемъ, легко можетъ быть... отъ него станется...“ проворчалъ онъ сквозь зубы.

— Отъ кого это?

Онъ молчалъ.

— О комъ вы говорите?

— Такъ... ни о комъ... Да вамъ-то что до нея? На что вы все это спрашиваете?

— Какъ, на что спрашиваю? Помилуйте! Да вѣдь я же вамъ русскимъ языкомъ говорилъ, что тутъ было. Она расплакалась у меня въ передней, да такъ, что мой Павелъ не могъ безъ жалости

видѣть... Что же вы думаете, это такъ, просто бабство? литературное самолюбіе? Богъ съ вами! Да мнѣ и тогда, не зная о ней ничего, пришло въ голову, что она, вѣрно, въ нуждѣ... а теперь я увѣренъ. Помилуйте, да я бы себѣ никогда не простилъ, еслибъ я ее отпустилъ отъ себя ни съ чѣмъ!.. Это варварство! Она, можетъ быть, разсчитывала на эту работу, какъ на послѣднее средство!.. Она...

— Можетъ быть, не одна, произнесъ онъ глухо.

— Какъ не одна? Что вы хотите сказать?

— Она можетъ быть — мать.

— Какъ — мать?.. Вы знаете что нибудь? Скажите?

— Я ничего не знаю; но я имѣю причины думать, что это возможно, и даже больше того — весьма вѣроятно...

— Боже мой! Да вѣдь если это правда... если она... да ей, можетъ быть, деньги нужны до зарѣзу!.. а съ переводомъ придется прождать еще цѣлый мѣсяцъ!.. О! это вандальство! Людоѣдство!.. Это нельзя такъ оставить!.. Сергѣй Никаноровичъ! вы съ ней знакомы... сдѣлайте милость, зайдите къ ней, какъ только можно скорѣе, упросите, чтобы она безъ церемоніи взяла у насъ деньги впередъ... Соврите, скажите, что это обыкновенно такъ дѣлается, что у насъ деньги лежатъ попустому, и что она въ долгу не останется, что мы ей пришлемъ работу... Будьте добры, пожалуйста, я васъ прошу, сходите!..

— Схожу, отвѣчалъ онъ сердито.

— Да возьмите и деньги съ собой.

— Возьму.

Я далъ ему сто рублей и взялъ съ него честное слово, что онъ къ ней зайдетъ сегодня-же.

XXXV.

11-го марта.

Эта Рулева у меня изъ головы не выходитъ... Всю ночь видѣлъ ее во снѣ, и — странная вещь! каждый разъ въ тѣсной связи съ романомъ Марьи Петровны! При этомъ, фигурка ея героини, Нади, то совершенно сливалась съ лицомъ моей новой знакомой, то отдѣлялась въ видѣ особаго экземпляра или какого-то

двойника, матеріально-самостоятельнаго, но во всемъ остальномъ тождественнаго... Этотъ сонъ преслѣдуетъ меня на яву, и мнѣ чудится, что онъ далеко не такъ глупъ, какъ сны обыкновенно бываютъ; что въ немъ есть что-то болѣе случайнаго сочетанія идей, основаннаго на внѣшнемъ сходствѣ двухъ положеній... Цѣлый рядъ интересныхъ догадокъ тѣснится у меня въ головѣ, и эти догадки мучатъ меня: мнѣ хочется ихъ разъяснить...

Иверскій принесъ деньги назадъ. Рулева ихъ не беретъ, говоритъ, что не въ состояніи дѣлать такіе долги. Сильно сконфузилась, услыхавъ, что ей это прислано отъ редакціи, и распекла Сергѣя Никаноровича за нескромность... Догадки его на счетъ того, что она не одна, оказались вѣрны. У нея есть ребенокъ, сынъ, котораго она сама кормитъ. Этого обстоятельства она и не прячетъ, но онъ цѣлый часъ бился прежде, чѣмъ успѣлъ вынудить у нее признаніе, что она въ крайней нуждѣ. Насилу уговорилъ взять у ней рублей 30 въ займы: плачетъ, твердитъ, что она не нищая, что никому въ тягость не хочетъ быть, и другіе тому подобные вздоры...

Я признался ему, что она меня сильно интересуетъ, и спросилъ: какъ онъ думаетъ, ловко-ли мнѣ прійти къ ней безъ зову; но онъ отвѣчалъ мнѣ сухо, что это лишнее.

Теперь, какъ я на него посмотрю... ну Суровскій да и только!.. Какъ есть — Суровскій!.. Шельма, эта Марья Петровна!.. Пари держу, что она вывела ихъ обоихъ на сцену, безъ всякой жалости!.. Ну, да на что не рѣшится художникъ, чтобы придать интереса своей работѣ!.. Отца родного не пощадитъ, — вытащитъ на подмостки!..

Пробовалъ вывѣдать кое какія подробности на счетъ того времени, когда они жили въ домѣ Касимовыхъ, но не добился рѣшительно ничего. Все у него то — *не помню*, то — *кто ихъ вѣдаетъ?* то — *можетъ быть*, и смотритъ такъ косо, что какъ то неловко спрашивать.

XXXVI.

20-го марта.

Былъ у Касимовыхъ.... Марья Петровна смѣшалась, когда я ей назвалъ Рулеву и, краснѣя, призналась, что точно, взяла идею своей героини съ нея, но что она удивляется, что до сихъ поръ

была совершенно увѣрена, даже и предположить не могла, чтобы кто нибудь догадался, потому что въ романѣ у нея измѣнены не одни имена, а много чего существеннаго... вся обстановка другая.

— Ну, а участіе Сергѣя Никаноровича... я хочу сказать — Суровскаго, въ исторіи вашей Нади? Что это — выдумано, или дѣйствительно было.

— Было; но ради Бога тише! шепнула она оглядываясь... Я разскажу вамъ все, только не надо, чтобъ Нина слышала...

— Отчего?

— Такъ, пустяки... было одно подозрѣніе... ну, да на что вамъ знать?.. Все это такъ огорчило ее въ ту пору, что я бъ не хотѣла напоминать ей при васъ. Брату тоже, пожалуйста, ни полслова...

— Послушайте, я перебилъ. — Вы заботитесь о спокойствіи вашей невѣстки и брата; но знаете ли вы, въ какомъ положеніи эта женщина?.. Литературный успѣхъ вашей Нади не выпалъ на долю Лидіи Алексѣевны. Она безъ мѣста, безъ средствъ—одна, съ грудным ребенкомъ и въ крайней бѣдности...

— Тише! Тише! шептала Марья Петровна, встревоженная... Мы, именно, этого и боялись; но мы не могли ничего отвратить... Не подумайте, что мы ее выгнали.... были у ней сцены съ Ниной, которыхъ нельзя было избѣжать; но она сама насъ оставила, сама отказалась отъ всякой помощи и перервала всѣ связи... Я до сихъ поръ не могу понять, что ее такъ вооружило противъ насъ?.. Всѣ наши попытки слѣдить за нею, чтобы не допустить ее до послѣдней крайности, остались напрасны. Она, какъ будто нарочно, разъ пять мѣняла квартиру и каждый разъ такъ старательно прятала новый адресъ, что мы наконецъ потеряли ее изъ виду. Братъ очень долго искалъ ее по цѣлому городу, но не могъ открыть никакого слѣда... Вотъ ужъ съ годъ, какъ мы не имѣли о ней извѣстій.

— Все это очень похоже на вашу Надю, замѣтилъ я.

— О?.. вы находите? Это вамъ кажется такъ, потому что вы знаете... задались этой мыслію...

— Можетъ быть... Въ вашей повѣсти много чего недосказаннаго...

— Не въ одной повѣсти... Мы и въ дѣйствительности знаемъ не все.

— Ахъ да! скажите, я все забываю спросить: кто-жъ игралъ роль Фауста въ этой драмѣ?

— Фи! Какъ вы любопытны!.. сказала она, стараясь придать отвѣту насмѣшливый тонъ; но, несмотря на то, въ немъ замѣтно было смущеніе...—На что вамъ знать кто? Довольно, если я вамъ скажу, что это не Иверскій. Дальше того, мы и сами не знаемъ почти ничего... Были, конечно, разныя подозрѣнія и, между прочимъ, на одного изъ нашихъ знакомыхъ, молодого человѣка, военнаго, который ходилъ сюда для нея... но... это такъ и осталось догадкой.

Я замолчалъ. Послѣ ея насмѣшки, мнѣ было совѣстно продолжать разспросы... Съ минуту мы оба ходили по комнатѣ молча; потомъ она вдругъ спросила:

— А что она вамъ принесла?... Переводъ?..

— Да, переводъ... Небольшую вещицу изъ Диккенса.

— Съ ошибками?

— Не знаю; Святухинъ сказалъ.

— Бѣдная Лидинька!... Я удивляюсь!.. Она, кажется, знала языкъ хорошо... Но вы приняли, не смотря ни на что?.. О! какъ это благородно съ вашей стороны! Какъ это похоже на васъ!... Знаете, что?.. дайте, я ей поправлю... Мнѣ хочется сдѣлать что нибудь для нея.

Я отвѣчалъ, что Сергѣй Никаноровичъ ужъ взялъ это на себя, и что во всякомъ случаѣ это не важно, потому что мы ужъ рѣшились печатать все, что она успѣетъ перевести, но я боюсь, что въ ея положеніи большая работа ей не подъ силу. Я бы хотѣлъ придумать какое нибудь другое средство, чтобъ ей помочь.

Она отвѣчала, что у Ниночки до сихъ поръ лежатъ деньги, которыя назначены были на этотъ предметъ, и что если я только найду какую нибудь возможность употребить ихъ съ пользою, то обѣ онѣ были бы очень рады.

— Деньги она не приметъ, отвѣчалъ я. О мѣстѣ, въ ея положеніи, и думать нельзя; но еслибы вы пріискали для нея уроки или что нибудь въ этомъ родѣ...

— Уроки можно будетъ найти. Только надо будетъ такъ сдѣлать, чтобы она не узнала, что это отъ насъ, потому что иначе она не приметъ..... Куда вы?

— Къ Дмитрію Петровичу.

— Пожалуйста, ни полслова!.. Если нужно будетъ ему сказать,—я сама это сдѣлаю.

Меня удивила эта заботливость о спокойствіи человѣка съ такими желѣзными нервами, какъ ея братъ...

Дмитрія Петровича я засталъ за дѣломъ... Передъ нимъ на столѣ лежали мѣшки съ золотомъ, пачки бумажекъ и счеты, а въ углу у дверей, стояли какія то двѣ фигуры въ мужской одеждѣ.

— Чортъ бы побралъ! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ... Золото стало падать.

— Что-жъ за бѣда?

— Да! тебѣ не бѣда, потому что подписчики платятъ тебѣ бумагою. А тутъ вотъ изволь получать съ монетнаго семьдесятъ тысячъ червонцами, да и ломай себѣ голову, что съ ними дѣлать?... Вонъ, эти хлыщи, разбойники, не даютъ больше 68!... А ты знаешь, что это значитъ, невинная ты душа?.. Вѣдь это 500 рублей чистой потери!.. Ну, дѣлать нечего, бери по 69, обратился онъ къ старшему изъ двухъ.

— Нельзя-съ, отвѣчалъ soprano.

— Нельзя? Гмъ... Ахъ вы печеныя яблоки!.. А вотъ какъ запру подъ замокъ, да велю позвать надзирателя, такъ тогда будетъ можно?

— Шутить изволите, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ тотъ же голосъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ тревоги въ своей интонаціи.

— Ну, надоѣлъ!.. Бери золото и убирайся къ чорту!..

— Что, отдохнулъ отъ Родіона Михайловича? спросилъ онъ, когда дисканты ушли... Я засмѣялся... Ну, а что новый дѣлаетъ? Радъ, я думаю, шельма, что локти свободны?.. Строчитъ не оглядываясь, во весь карръеръ?..

Я отвѣчалъ, что хлопотъ съ перемѣной редакціи столько, что ему теперь некогда самому писать.

— Тѣмъ лучше, можно воспользоваться этимъ временемъ, чтобы его въ руки взять.

— Въ руки?

— Ну, да. Ты теперь полный хозяинъ журнала и отъ тебя одного зависитъ, какъ его повести. Это важнѣе всего; а насчетъ остального я тебѣ вотъ что скажу.—Онъ началъ мнѣ объяснять,

что мнѣ и на Иверскаго не слѣдуетъ полагаться, зажмуря глаза; что его надо руководить; что если дать ему полную волю, то онъ поведетъ меня вслѣдъ за другими, и мое *Дѣло* будетъ сколокъ съ передовыхъ журналовъ; между тѣмъ, какъ успѣхъ возможенъ у насъ теперь только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы стоять независимо отъ другихъ, а для этого надо опередить другихъ, что, впрочемъ, вовсе не такъ мудрено, какъ оно кажется... Какъ ни далеко, повидимому, ушли эти господа отъ своихъ предшественниковъ, но въ сущности это все то же, потому что они еще держатся втайнѣ за старые идеалы, за ветошь всемірныхъ задачъ и филантропическихъ брендей, сто тысячъ разъ доказавшихъ на дѣлѣ свою пустоту, и эта задержка связываетъ имъ руки подлѣйшимъ образомъ... Стоитъ только рѣшиться и сбросить ее съ себя окончательно, чтобы стать къ нимъ по меньшей мѣрѣ въ такое же выгодное отношеніе, въ какомъ они сами теперь стоятъ къ старой литературной школѣ... Надъ старою школою они имѣютъ огромное преимущество въ томъ, что они спустились съ заоблочной высоты и стали поближе къ землѣ, такъ близко, что съ маленькою натяжкой могутъ въ нее упереться ногой всякій разъ, что имъ нужно спихнуть кого нибудь. Средство хорошее; но что, если кто нибудь, подогадливѣе, броситъ всѣ церемоніи къ чорту и станетъ на землю обѣими ногами?.. Ясно, что онъ будетъ стоять тверже ихъ и изъ своей позиціи, будетъ имѣть возможность ихъ же оружіемъ разбить ихъ на-голову, высмѣять, въ грязь затоптать...—Но для этого, заключилъ онъ, — надо бросить химеру всеобщей пользы и стать адвокатомъ какого нибудь положительнаго, ясно опредѣленнаго интереса... Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, понимаю, я отвѣчалъ. Это похоже на то, что мнѣ говорилъ недавно графъ З**. Онъ ссылался на заграничную журналистику и совѣтовалъ стать адвокатомъ помѣщичьей партіи.

— Гм, да! оно было бы и не глупо, еслибъ не было уже двухъ или трехъ редакцій, которыя это давно пронюхали и къ этому подбираются, и съ которыми ты неминуемо попадешь въ конкуренцію. Къ тому же, помѣщики наши народъ раззоренный. У нихъ нѣтъ ни средствъ, ни рѣшимости скоро составить партію, потому что они никогда не занимались серьезно дѣломъ. Все это било баклуши и доколачивало послѣднія деньги въ столицахъ или

въ Парижѣ. Съ ними можно бы было еще связаться, еслибъ у насъ другихъ людей не было. Но люди есть, и такіе, что можно на нихъ положиться смѣло. Это тотъ классъ народа, который у насъ ростетъ и усиливается, покуда все остальное вокругъ дряхлѣетъ или гніетъ въ застоѣ.

— Какой же это?

— Это... да что съ тобой говорить?.. Ты вѣдь идеалистъ; смотришь на все положительное съ какой-то небесной выси, съ точки зрѣнія абсолютнаго совершенства!.. Для вашего брата все, что не имѣетъ претензіи быть благодѣтелемъ человѣчества, а живетъ для себя,— все это низко и подло.

— О! что за вздоръ! я отвѣчалъ.—Если я прежде и думалъ такъ, то теперь ужъ далеко не то!

— Полно, правда ли?.. Мнѣ что-то сдается, что мы все еще винимъ людей за то, что они не топятся другъ для друга.

Я отвѣчалъ, что мы теперь этого вовсе не требуемъ. Мы убѣдились, что эгоизмъ есть естественный и законный рычагъ всѣхъ нашихъ дѣйствій, и что виной всего зла не онъ, а тотъ лживый экономическій порядокъ, который дѣлаетъ изъ него, вмѣсто орудія общей выгоды, инструментъ разрушенія.

Онъ усмѣхнулся.—Начало недурно, но выводъ глупъ, сказалъ онъ, весело потирая руки.—А впрочемъ, это мнѣ нравится; это даетъ надежду и—чтобъ тебя поощрить, я готовъ тебѣ сдѣлать уступку. Я допущу, пожалуй, и общую выгоду въ томъ смыслѣ, что люди, частные интересы которыхъ случайно сходятся, очень умно поступятъ, сложивъ свои силы въ одну. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Между этимъ и вашей задачей нѣтъ никакой логической связи.

— Почему жъ такъ?

— Да потому, что общая выгода, какъ и всякая вещь, возможна только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ ея безусловномъ смыслѣ это такая же ерунда, какъ и все безусловное. Нѣтъ такой цѣли, которая могла бы быть цѣлью для всѣхъ, ни такой выгоды, которая не была бы вредна для кого нибудь.

— Но изъ того, что теперь нѣтъ, не слѣдуетъ чтобы и быть не могло.

— Не слѣдуетъ тоже, чтобъ и могло, отвѣчалъ они смѣясь... А впрочемъ, что спорить о пустякахъ! Положимъ, что оно и могло

бы быть когда нибудь далеко, впереди, послѣ большихъ перемѣнъ. Что-жъ изъ того? И съ какой стати я буду жертвовать своимъ настоящимъ для какой-то гадательной Аркадіи въ будущемъ, которою, я разумѣется, не воспользуюсь?.. Что можетъ вознаградить меня за такую жертву?

— Сознаніе, что ты поступилъ человѣчески, благородно.

— Спасибо! А эгоизмъ то куда прикажешь дѣвать?

Я засмѣялся.—Послушай, Дмитрій Петровичъ, сказалъ я,—ты слишкомъ узко толкуешь мои слова. Я эгоизмъ понимаю гораздо шире. Я вижу въ немъ двигателя, изъ котораго выходятъ всѣ наши дѣйствія, отъ низшихъ до самыхъ высшихъ. Жертва есть тоже продуктъ эгоизма, потому что мы жертвуемъ только тогда, если намъ это пріятно,—не такъ-ли?

— Ну, разумѣется.

— Но если тебѣ пріятно жертвовать, то развѣ это не удовлетворяетъ твоего эгоизма самымъ возвышеннымъ и благороднѣйшимъ образомъ?

— Гмъ! это *если* мнѣ очень нравится! Ну, а *если непріятно*, тогда какъ?

— Тогда могутъ найтись другіе, которымъ пріятно и которые тебя вынудятъ.

— А! вотъ оно что! сказалъ онъ, расхохотавшись.—Ну, оно было бы и не глупо, еслибъ дѣйствительно меня могли вынудить. Да только нѣтъ, дудки! Куда имъ?.. У нихъ только глазъ жаденъ, а силишки-то нѣтъ! Рычаги всѣ у тѣхъ, кто имѣетъ много, а такіе не станутъ жертвовать. Нѣтъ, братъ, шалишь! не надуешь! Мистическая отрада жертвъ слишкомъ жидка, чтобъ замѣнить положительное наслажденіе, и кто разъ отвѣдалъ мясца, того этимъ эѳиромъ не обольстишь! А? Какъ ты думаешь?

— Оно правда, къ несчастію, отвѣчалъ я.—Но въ такомъ случаѣ что-же дѣлать?

— Да кой чортъ велитъ тебѣ искать дѣла съ этой стороны? Брось ты свои филантропическія химеры и живи за-просто, не насилуясь черезъ силу. Ну, ты подумай только: ну, что толку на свѣту [illegible]? Ну, еслибъ еще мы съ тобой было гиганты и гигантскую глупость сдѣлать намъ было бы гдѣ и этого даже не сдѣлаешь, а только над-

садишься, да шишку себѣ на лбу наколотишь... Ну, куда намъ съ тобой людей передѣлывать? Да и зачѣмъ? Кто намъ навязываетъ эту обузу? Пусть ихъ тамъ сами передѣлываются, какъ знаютъ; а мы... Ба! Александръ Ивановичъ! Откуда?...

Я оглянулся и увидѣлъ что мы не одни. Въ комнату вошелъ кошачьими шагами круглый, здоровый и свѣжій мужчина, лѣтъ двадцати семи, съ румянымъ, гладкимъ лицомъ, на которомъ блистала сахарная улыбка. Одѣтъ онъ былъ самымъ безукоризненнымъ образомъ... Фракъ—по послѣдней модѣ, шляпа и сапоги — какъ зеркало, бѣлье и перчатки—первѣйшей свѣжести. Но всего замѣчательнѣе былъ галстухъ. Онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто рука человѣческая никогда до него не касалась, а будто-бы выросъ онъ вокругъ шеи и завязался бантикомъ самъ, по своей естественной склонности, по своей автономіи, такъ сказать.

Обладатель чудеснаго галстуха былъ нѣкто Рыбниковъ, о которомъ я часто слыхалъ у Касимовыхъ,—человѣкъ съ очень солиднымъ вѣсомъ въ биржевой и служебной сферахъ; въ первой—какъ милліонеръ, имѣющій паи въ откупахъ и съ рѣдкимъ умѣньемъ играющій бумажными цѣнностями; во второй—какъ образчикъ приличія, уживчивости и такта.

Не успѣлъ Дмитрій Петровичъ назвать меня, какъ этотъ франтъ пришелъ въ совершенный восторгъ, подбѣжалъ, началъ жать мнѣ руку.

— Какъ? можетъ ли быть? Мосье Бубновъ? Издатель *Дѣла*? Какая пріятная встрѣча!.. Считаю за честь познакомиться!.. Еще въ январѣ, подписался на вашъ журналъ и такъ доволенъ имъ! такъ доволенъ!..—Румяный баринъ разсыпался въ похвалахъ...

Я былъ удивленъ и сконфуженъ, но сознаюсь, не безъ примѣси тайнаго удовольствія. Послѣ двухъ или трехъ безсвязныхъ отвѣтовъ, изъ которыхъ Касимовъ помогъ мнѣ выбиться на просторъ, у насъ завязался довольно живой разговоръ, убѣдившій меня очень скоро, что гость знакомъ, по меньшей мѣрѣ, отлично съ заглавіями нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ у меня въ первыхъ книжкахъ; но какъ я ни старался вывѣдать что нибудь дальше этого, какой нибудь отзывъ о содержаніи этихъ вещей, я не успѣлъ получить ничего кромѣ самыхъ поверхностныхъ, общихъ фразъ. Отъ моего журнала мы перешли къ нашей литературѣ

[illegible] онъ выразилъ сожалѣніе, что она принимаетъ [illegible] желчный тонъ. — Оказалось, что Рыбниковъ [illegible] нѣсколько лицъ извѣстныхъ и со многими на короткой ногѣ [illegible] всѣхъ, кого онъ называлъ, господинъ этотъ зналъ, какъ [illegible] пальцевъ. Я слушалъ его съ любопытствомъ, любуясь [illegible] запасомъ свѣдѣній, анекдотовъ и сплетенъ разнаго рода, которыми изобиловалъ его разговоръ. Но Дмитрія Петровича это не занимало; зѣвнувъ раза два, онъ свелъ нашу бесѣду на вексельный курсъ, биржевыя извѣстія и другіе предметы подобнаго рода, для меня недоступные, послѣ чего я оставилъ ихъ говорить вдвоемъ и слушалъ разсѣянно... Прошло минутъ двадцать... Потерявъ совершенно связь, я задумался о моей переводчицѣ, какъ вдругъ услыхалъ, что ихъ разговоръ, какимъ то загадочнымъ образомъ, коснулся опять литературы. Это меня такъ удивило, что я началъ прислушиваться и убѣдился, что дѣло идетъ о какой-то статьѣ, которая изготовлена для печати, и о томъ впечатлѣніи, которое она должна произвесть. Рыбниковъ утверждалъ, что она только озлобитъ хуже и что теперь, когда начали умолкать нападки, благодаря тому, что вниманіе повернулось въ другую сторону, неблагоразумно опять напрашиваться на брань; что лучше молчать и дѣйствовать втихомолку, по возможности избѣгая огласки... Но Дмитрій Петровичъ былъ не такого мнѣнія.

— Послушайте, онъ говорилъ,—уступчивостью и скромностью у насъ ничего не возьмешь. Покуда мы будемъ трусить да сторониться, насъ будутъ лупить безъ милости, и всякій семинаристъ, всякій журнальный поденьщикъ, хамъ, у котораго руки зудятъ, сочтетъ своимъ долгомъ дать намъ затрещину!.. Конечно, есть люди, которые стоятъ выше этого и, насколько то лично до нихъ касается, могутъ на это плевать; да много ли ихъ, и могутъ ли они въ долгомъ счетѣ обойтись безъ поддержки массы? А масса глупа. Въ массѣ на каждомъ шагу вы встрѣтите дурачье, которое вѣритъ печатной бумагѣ и считаетъ всю эту чушь за святую истину. Старая тактика доказала свою несостоятельность. Нашу уклончивость, наше замасливанье и страхъ огласки всѣ принимали за признакъ слабости; щелчки и пощечины сыпались на насъ безнаказанно; въ публикѣ образовалась увѣренность, что намъ не чего [illegible] повѣрьте, что мы этому больше всего обязаны нашимъ

теперешнимъ положеніемъ... Черезъ два года у насъ отнимутъ откупъ; а тамъ—поприжмутъ еще крѣпче и обрѣжутъ со всѣхъ сторонъ!

У Рыбникова лицо вытянулось...

— Что это вы говорите? воскликнулъ онъ,—да неужели же до этого можетъ дойти.

— А почему-же нѣтъ?.. Нечего такъ полагаться на силу вещей... разумѣй силу кармана; пора, наконецъ, понять, что и мнѣніе тоже имѣетъ силу.

— Да чтожъ дѣлать-то съ этимъ мнѣніемъ? Вонъ, Владиміръ Андреевичъ пробовалъ—а что вышло?.. Только, что на смѣхъ подняли!

— Э! Что вашъ Владиміръ Андреѣвичъ смыслитъ въ этихъ вещахъ? Вольно-жъ ему было хвостомъ вилять, да совать всѣмъ въ глаза свои добродѣтели! Ну, кого онъ хотѣлъ одурачить?.. Вѣдь, какъ наша публика ни глупа, а сивухи за портеръ не приметъ!.. Развѣ такъ надо съ ней говорить?

— А какъ же?

— А надо начать съ того, что съ этихъ писакъ, обличителей, спѣсь сбить; оборвать съ нихъ павлиньи перья, которыми они чванятся; объяснить имъ, что ихъ риторика гроша не стоитъ, что если въ другихъ кабакахъ отравляютъ водкой, то въ ихъ кабакахъ отравляютъ гнилыми фразами, и что имъ не къ лицу обвинять насъ въ безчестныхъ цѣляхъ, потому что любого изъ нихъ можно купить, да только трудно найти такого, который бы стоилъ что нибудь.

— Да ты о комъ говоришь? спросилъ я.

— Успокойся, мой другъ, не о тебѣ.

— А я тебѣ вотъ что скажу, отвѣчалъ я,—если бы ты говорилъ обо мнѣ, мнѣ бы не было такъ обидно слушать!

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Чтожъ ты нашелъ тутъ обиднаго?

— Объ этомъ мы послѣ поговоримъ, отвѣчалъ я,—а покуда я бы желалъ знать: гдѣ ты думаешь печатать такія ругательства противъ литературы?

— Во-первыхъ, отвѣчалъ онъ,—это совсѣмъ не ругательства. По крайней мѣрѣ, сравнительно съ тѣмъ, что у насъ каждый день печатается, это еще очень мягко. А во-вторыхъ, я вовсе не думаю

этого печатать. Я объясняю только, какъ слѣдуетъ говорить съ людьми, помѣшанными на фразахъ.

— Да говорить изустно, конечно, никто тебѣ не запретитъ; но я тебѣ отвѣчаю, что не одна редакція не рѣшится печатать такихъ вещей.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, въ самомъ дѣлѣ.

— Да отчего-жъ такъ?

— Помилуй! такія неслыханныя нападки на нашихъ передовыхъ!.. Это реакція!..

— Скажите, пожалуйста! А я думалъ, что это прогрессъ!

— Ты шутишь, Дмитрій Петровичъ?

— Нисколько... Что-жъ изъ того, что они передовые? Развѣ они привилегію взяли на этотъ титулъ? Обыкновенно, бываетъ такъ, что сегодня передовой, а завтра попалъ въ отсталые. Я полагаю, что можетъ случиться и съ ними что нибудь въ этомъ родѣ. А что касается до нападокъ, то развѣ это что нибудь новое, совершенно неслыханное, *нелитературное*, какъ у всѣхъ говорятъ? Я полагаю, напротивъ, что это самое *литературное* изо всего, что у насъ печатается. Ваши журналы тѣмъ только и занимаются, что ругаютъ всѣхъ остальныхъ наповалъ, и особенно всякій новый журналъ только тогда можетъ имѣть настоящій успѣхъ, если сумѣетъ такъ обругать своихъ предшественниковъ, чтобъ имъ совѣстно было въ публикѣ носъ показать... Это то и называется настоящій прогрессъ...

Я посмотрѣлъ на Рыбникова и замѣтилъ, что онъ едва удерживается отъ смѣха.. Мнѣ стало досадно.

— Литература имѣетъ на это право, отвѣчалъ я запальчиво,— потому что она литература, потому что у нея цѣли возвышенныя, потому что она дѣлаетъ это во имя благородныхъ литературныхъ стремленій!

— Да что же твоя литература на откупу, что ли? - спросилъ Дмитрій Петровичъ, смѣясь...— Желалъ бы я знать, почему то, что печатаете вы съ Иверскимъ, будетъ литература, а то, что мы съ Александромъ Ивановичемъ вздумаемъ напечатать, не будетъ литература?.. Въ чемъ разница? Цѣли возвышенныя, что ли, васъ отличаютъ? Да чортъ ли въ нихъ, если онѣ не достигаются? Не лучше-

ли цѣлить пониже, да за то бить безъ промаха, чѣмъ тратить заряды, стрѣляя въ луну?

— Направленіе наше и такъ ужъ довольно реально, отвѣчалъ я.—Незачѣмъ его еще ниже спускать!

— Мясо и такъ ужъ довольно близко, незачѣмъ его еще въ ротъ совать, возразилъ онъ, парафразируя мой отвѣтъ.

Я замолчалъ. Совѣстно было при Рыбниковѣ, а то бы я ему не спустилъ... Ну, да успѣемъ еще.

XXXVII.

21-го марта.

Думалъ и передумывалъ обо всемъ, что вчера говорилъ Касимовъ... Гнусно! А впрочемъ, Богъ его знаетъ! Можетъ быть, онъ и правъ?.. Можетъ быть, все это только кажется мнѣ такимъ парадоксомъ, потому что оно некрасиво, потому что я къ этому не привыкъ, что во мнѣ еще много юношескаго, мечтательнаго?.. Вѣдь вотъ, казалось же мнѣ нелѣпо сначала и то, что мнѣ Иверскій говорилъ,—ну, а теперь?.. Теперь оно кажется мнѣ несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ мой старый взглядъ... Отчего?.. Что склонило меня въ пользу новаго?.. То, что онъ положительнѣе, что онъ относится къ старому, какъ сужденіе зрѣлаго человѣка къ мечтаніямъ юности... Но если такъ, то вѣдь образъ мыслей Касимова еще положительнѣе, еще меньше содержитъ въ себѣ мечтательнаго и еще тверже стоитъ на землѣ... Если это есть мѣрка истины, то я сильно боюсь, что Касимовъ останется правъ. Вотъ что смущаетъ меня! Мнѣ страшно подумать, что человѣкъ этотъ можетъ быть правъ! Мнѣ хочется доказать себѣ, что это нелѣпый страхъ; но какъ это сдѣлать?.. Какъ убѣдиться въ истинѣ?.. По старому правилу, задача эта рѣшалась довольно просто: что нравственнѣе, изящнѣе, то и ближе къ истинѣ; но этимъ аршиномъ смѣшно мѣрить истину... Вопросъ: чѣмъ же мѣрятъ ее? Какъ отличить ее отъ ошибки или химеры?.. Гдѣ точка опоры, да и есть ли она гдѣ нибудь, или истина такъ же условна, какъ все остальное, и все это дѣло вкуса, на котораго нѣтъ правила, для котораго нѣтъ ничего постояннаго, твердаго, никакой прочной мѣры, никакой критики, никакого закона?.. Если такъ, то не стоитъ и

мучить себя изъ за этого вздора, а остается плюнуть на все, да и жить спустя рукава, благодаря счастливому случаю, который избавилъ меня отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ... Ну, да нѣтъ! До этого еще не дошло и, дастъ Богъ, никогда не дойдетъ!.. Какъ ни шатко въ моей головѣ, но въ сердцѣ есть что то, что не позволитъ забыть человѣческое достоинство и не допуститъ свалиться въ грязь!.. Гм!.. въ грязь?.. Что такое грязь?.. Въ физическомъ смыслѣ, я во сто разъ менѣе Иверскаго рискую свалиться въ грязь, потому что имѣю на этотъ счетъ матеріальныя гарантіи, а въ нравственномъ,—что такое грязь?.. Подлость, что ли? Да вѣдь это все вздоръ, философія!.. Все дѣло въ словахъ. Что одинъ называетъ подлостью, то другой назоветъ просто вредомъ. А вредъ, это тоже дѣло двусмысленное... Вопросъ—кому вредъ?.. и Касимовъ на этотъ счетъ основательно говоритъ, что нѣтъ никакой выгоды, которая не была бы вредна кому нибудь. А кому? Въ общемъ счетѣ, не все ли это равно, потому что всякій имѣетъ полное право не хотѣть для себѣ вреда... Стало быть, если принять въ расчетъ, или лучше сказать, если не брать въ расчетъ... или нѣтъ,—взять..... тьфу! чортъ побери! совсѣмъ заврался!..

. . . . . .

Раза три посылалъ къ Иверскому и самъ заходилъ; но его цѣлое утро дома не было... Началъ читать какую то рукопись и не могъ одолѣть двухъ страницъ... Глупость такая!.. Фу! Не знаешь, что дѣлать!.. Хоть бы какую нибудь корректуру изъ типографіи принесли!.. или дѣвочку эту опять увидѣть!.. Ея лицо, голосъ, взглядъ и эта усмѣшка сквозь слезы... и это печальное, трудное положеніе—не выходятъ у меня изъ памяти... Отчего Иверскій говоритъ, что не слѣдуетъ къ ней ходить?.. Впрочемъ, онъ не сказалъ положительно, что не слѣдуетъ; онъ только сказалъ, что это лишнее... Чортъ его побери! У него все лишнее! Онъ и ногти себѣ не чиститъ по этой причинѣ... Что онъ за судья приличіямъ? Что онъ, отецъ ея, что ли? Мужъ? братъ?.. Какое право имѣетъ онъ давать свои мнѣніе въ этомъ вопросѣ?.. Что, я ее обижу что ли тѣмъ, что зайду?.. Если ей это непріятно, то я увижу и тогда буду знать, по крайней мѣрѣ, и, конечно, не стану навязываться съ знакомствомъ... Но отчего-жъ непріятно... Если она и скрывается отъ какихъ нибудь старыхъ знакомыхъ изъ

страха, чтобъ сплетни о ней не пошли, то отъ меня ей прятаться нѣтъ никакой причины. Я не какая нибудь старуха тетка съ неумолимыми правилами!.. Я человѣкъ просвѣщенный и смотрю на такія вещи съ естественной точки зрѣнія... Пойти, что ли?.. Пойду! Ей Богу, пойду!.. Ну что за бѣда?.. Оно только совѣстно безъ зову явиться. Спроситъ пожалуй: что вамъ угодно? Что я скажу?.. Сказать развѣ, что пришелъ узнать о здоровьѣ?.. Нѣтъ, это вздоръ!.. Лучше скажу, что какъ редакторъ недавно открытаго журнала, который ищетъ сотрудниковъ... Ну, нѣтъ, еще смѣшнѣе!., Лучше ужъ ничего не говорить; а запросто извиниться, что явился безъ позволенія, и попросить, чтобъ не выгнала...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

МУДРЕНОЕ ДѢЛО.

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть III.

НА ДѢЛѢ.

I.

27-го марта.

Вчера былъ наконецъ у моей переводчицы. Грязная лѣстница со двора, бѣдная комнатка отъ жильцовъ. ходъ черезъ кухню, тѣсно, темно!.. Я засталъ ее за работой. Пригнувшись и наклонивъ голову близко къ бумагѣ, она что-то писала... лицо усталое, волосы на вискахъ измяты, тонкіе пальцы выпачканы чернилами... Увидѣвъ меня въ дверяхъ, она не вдругъ узнала и, кажется, была нѣсколько удивлена моимъ посѣщеніемъ, но несмотря на то, приняла меня просто и мило. У меня приготовлено было нѣсколько фразъ съ намѣреніемъ объяснить мой визитъ, но съ глазу на глазъ, все это оказалось такъ глупо, что я не рѣшился ихъ выговорить, да и времени не имѣлъ, потому что она сама начала говорить. Я всматривался внимательно въ ея лицо. Въ минуту встрѣчи оно имѣло тотъ же усталый и озабоченный видъ, какъ въ ту пору, когда она ходила ко мнѣ съ своей рукописью, но мало по малу молодость и живой темпераментъ взяли свое. На щекахъ появилась краска, въ глазахъ огонь, въ голосѣ звонкія ноты юношескаго одушевленія. Измученный труженикъ превратился въ двадцатилѣтнюю женщину, которая сидѣла со мною рядомъ и болтала простосердечно о всякой всячинѣ какъ съ человѣкомъ давно-знакомымъ...

Всего, что было говорено, не помню, но разговоръ нѣсколько разъ касался до моего журнала. Сначала она спросила, не пишу ли я самъ что нибудь, и, узнавъ, что нѣтъ, что я вовсе не литераторъ и что даже издателемъ сталъ случайно, была сперва очень удивлена, но потомъ разсмѣялась.

— „А!“ сказала она, — „теперь я понимаю, отчего вы всегда казались мнѣ такъ не похожимъ на этихъ господъ!

На вопросъ: развѣ она имѣла ужъ дѣло съ другими, она мнѣ призналась, вздохнувъ, что съ этою маленькою работой, которую я принялъ, она бьется уже давно и прошла цѣлый рядъ мытарствъ, вездѣ получая отказы. „Еслибъ это касалось меня одной“, продолжала она, — „я бы давно ее въ печку бросила и пошла въ прачки или швеи; но...“ и при этомъ она оглянулась на ширмы, раздѣлявшія ея комнату пополамъ... „Имѣя грудного ребенка...“ Она не докончила и покраснѣла слегка.

Въ другой разъ, по поводу хозяйскаго мальчика, который твердилъ урокъ за стѣной и голосъ котораго былъ явственно слышенъ изъ комнаты, у насъ зашла рѣчь о воспитаніи, а по поводу воспитанія о великихъ задачахъ нашего времени. Подъ вліяніемъ безпрестанныхъ споровъ объ этомъ предметѣ, нѣсколько разъ уже выводившихъ меня изъ терпѣнія, я отозвался о нихъ довольно жестоко, замѣтивъ, что мы сбиты съ толку сухимъ филантропическимъ фантазерствомъ, которое льститъ нашему самолюбію, рисуя ему великія цѣли вдали, а на то, что доступно и близко, на простое и скромное дѣло жизни, учитъ смотрѣть съ презрѣніемъ, какъ на скучную мелочь, недостойную нашихъ великихъ силъ.

Противъ этого она горячо возстала... — „Не говорите мнѣ, ради Бога, про ваше скромное дѣло жизни! Я этого слушать не могу! Это фразы! Какое тамъ дѣло? Не дѣло, а полный застой, — тина, плесень, гнилое болото, которое добраго слова не стоитъ! И совсѣмъ оно не такъ скромно; съ чего вы ему такой комплиментъ дѣлаете?.. Напротивъ; оно нахально, полно нестериимаго чванства; люди въ немъ задыхаются отъ глупыхъ претензій и мелкой зависти, сходятъ съ ума отъ напряженныхъ усилій перехитрить другъ друга на такихъ вздорахъ, въ которыхъ признаться совѣстно!.. Что удивительнаго, что мы съ этимъ не можемъ ужиться? Оставьте намъ нашу вѣру въ лучшее, потому что безъ

этой вѣры мы нищіе!.. Не называйте ее сухимъ фантазёрствомъ! Это не правда! Это не хорошо! Неужли вы не видите, что она не сухая? Что въ ссорѣ съ дѣйствительностію, мы переносимъ всю нашу любовь на наше завѣтное будущее?.. Оно придетъ когда нибудь, это будущее, и докажетъ, что мы не напрасно вѣрили; и тогда насъ никто не назоветъ больше мечтателями!..

Я слушалъ ее внимательно, не сводя глазъ съ ея исхудалаго личика, на которомъ огонь увлеченія то вдругъ загорался, то угасалъ... Сердечная музыка голоса и вдохновенный взоръ придавали ея словамъ что-то чарующее, какую-то силу и жаръ, которые противъ воли обхватывали слушающаго.

Подъ вліяніемъ ихъ, мнѣ стало стыдно за свою жесткую выходку. Я понялъ, что въ ней не было искренности, что ея холодъ навѣянъ былъ на меня безотчетно Касимовымъ.

— „Я вамъ завидую," сказалъ я, вздохнувъ.

— „Мнѣ?"

— „Да; вашей горячей вѣрѣ".

— „Неужли вы сами не вѣрите?" спросила она съ участіемъ.

— „Вѣрю, Лидія Алексѣевна, — но моя вѣра гнется и зябнетъ отъ всякаго вѣтерка."

— „Отчего это?" спросила она.

— „Не знаю, какъ вамъ сказать. Я думаю оттого, что въ жизни моей нѣтъ дѣятельности, которая могла бы служить для нея выраженіемъ, нѣтъ ничего, что-бы грѣло и оживляло ее."

— „А вашъ журналъ?"

— „Да что, мой журналъ! Онъ стоитъ мнѣ много денегъ и отнимаетъ у меня много времени, но я въ немъ до сихъ поръ, какъ въ лѣсу. Я не готовилъ себя къ этой дѣятельности... Въ рукахъ у другого кого нибудь, онъ могъ бы служить орудіемъ къ осуществленію ясно опредѣленныхъ цѣлей, а у меня онъ, какъ скрипка въ рукахъ, никогда не владѣвшихъ смычкомъ!.. Я не могу вдохнуть въ него душу живую! Я вамъ, со стыдомъ признаюсь, что я до сихъ поръ не рѣшилъ въ какомъ направленіи его издавать..."

— „Вы шутите!" сказала она смѣясь.

— „Да; оно точно можетъ казаться шуткою," отвѣчалъ я, если смотрѣть на этотъ вопросъ, какъ я прежде смотрѣлъ, наивно,

издали. Но кто окунулся, какъ я, съ головой, въ этотъ омутъ, кто слышитъ вокругъ себя каждый день споры и брань враждующихъ партій, и кому это надоѣло, у кого голова кружится, кто желалъ бы выбраться на просторъ изъ этого лабиринта сомнѣній, противорѣчій и парадоксовъ, переплетенныхъ въ запутанные узлы,— тотъ... ну, да тотъ согласится, конечно, что это не такъ легко!“

— „Но въ чемъ же вы сомнѣваетесь?“

— „Во всемъ, во всемъ наповалъ!.. Въ запасѣ моихъ убѣжденій не остается нитки живой, ничего твердаго, ни одной точки, на которую я могъ бы упереться ногой и сказать: это, наконецъ, прочно! съ этого меня никто въ мірѣ не сдвинетъ!“

— „Это ужасно!“ прошептала она. „Но я бы желала знать что нибудь изъ того, что васъ затрудняетъ. Пожалуйста, сообщите...“

— „Не теперь Лидія Алексѣевна; когда нибудь въ другой разъ... Я не готовъ сегодня. Я пришолъ отдохнуть къ вамъ отъ всей этой путаницы.“

— „Отдохнуть?.. Ко мнѣ?“

— „Да;... мнѣ почему то казалось, что я найду миръ въ вашемъ маленькомъ уголкѣ.“

— „Миръ?.. У меня?“ отвѣчала она съ горькой усмѣшкой. „Ну, это едва ли!.. Я ужъ давно и съ разныхъ сторонъ стою на военномъ положеніи.“

Это былъ ясный намекъ на ея обстоятельства. Я понялъ и замолчалъ.

II

12-го апрѣля.

Весна... На улицахъ почти сухо, и мѣстами ужъ пыль; а Нева еще держится и окошки еще не выставлены, и вечеромъ все еще какъ то неловко безъ шубы... Вчера ѣздилъ за городъ, свѣжимъ воздухомъ подышать и простудилъ себѣ горло... О! что за климатъ! Въ канавахъ снѣгъ, грязь!.. гадость!.. думалъ пѣшкомъ пройтись и чуть не увязъ по щиколку; на-силу калоши вытащилъ!.. Вернулся не въ духѣ, и цѣлую ночь видѣлъ во снѣ Засядкино... Тамъ ужъ цвѣты; въ поляхъ ароматъ, лѣса зеленѣютъ; журавли, гуси, длинными вереницами тянутся по небу, и

все полно жизни!.. А здѣсь?.. Грустно становится, какъ сравнишь! Такъ и тянетъ на югъ, въ деревню...

Сегодня четвертая книжка вышла; да только ужъ это не производитъ того впечатлѣнія. Смотришь со всѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ бывало. Надо признаться, я прежде думалъ, что публика больше интересуется нашимъ дѣломъ, и только недавно узналъ, сколько глубокаго равнодушія таится у ней на днѣ... Наша братія, редакторы, подвержены странной галлюцинаціи, что всѣ взоры обращены на насъ и что каждая строчка изъ того, что у насъ печатается, должна быть извѣстна во всей Россіи и должна возбудить если не общее одобреніе, то, по крайней мѣрѣ, горячіе споры и толки... И самъ понимаешь, что вздоръ, и что большая часть нумеровъ валяются у читателей неразрѣзанные, а все какъ то не можешь отдѣлаться отъ иллюзіи,—все чудится тебѣ forum и густая толпа народа, нетерпѣливо ожидающая рѣчей... Я говорю относительно разумѣется, относительно то есть того, какъ намъ кажется; потому что, съ другой, стороны конечно, публика деньги платитъ и нельзя ее упрекнуть, чтобъ у ней не было вовсе сочувствія. Напротивъ, бываютъ минуты и случаи, когда она жадно кидается на журнальный продуктъ. Только жаль, угадать трудно, чѣмъ именно, въ данную минуту, ее можно расшевелить. Она любитъ новое, безъ сомнѣнія; да откуда же взять столько новаго, чтобы хватило на каждый день? Направленія не мѣняются такъ легко. Мысли не лайковыя перчатки. Онѣ требуютъ времени, чтобы ихъ пріобрѣсть и усвоить, и высказать, и развить какъ слѣдуетъ, — не говоря ужъ о томъ, чтобы на дѣлѣ осуществить!.. Мнѣ часто приходитъ въ голову, что публика цѣнитъ не столько сущность того, что ей говорятъ, сколько то, какъ и кто говоритъ. Скажетъ одинъ,—всѣмъ нравится; — начнетъ говорить другой, въ томъ же духѣ и направленіи—никто и ухомъ не поведетъ!.. У публики есть любимцы, и у этихъ любимцевъ есть нѣчто такое... какое то особаго рода чутье, тактъ, шикъ этакой, значитъ, особенный, что о чемъ ни начнутъ говорить, хоть о сапогахъ въ смятку, все нравится!..

Мысли эти приходятъ мнѣ въ голову по поводу нашего *Дѣла*. Подписка идетъ прескверно; до сихъ поръ не доползла до тысячи и дальше, конечно, ждать нечего, развѣ на будущій годъ; но для

этого надо имѣть успѣхъ въ нынѣшнемъ, а будемъ ли мы имѣть его, это еще вопросъ. Иверскій не теряетъ времени; онъ набралъ себѣ цѣлый штатъ сотрудниковъ, заказалъ два романа и цѣлую партію повѣстей; въ каждомъ нумерѣ пишетъ самъ: библіографію, критику и политическіе обзоры, ну, однимъ словомъ, изъ кожи лѣзетъ, чтобы поставить на ноги нашъ журналъ; но... меня сильно смущаетъ то, что Касимовъ мнѣ говорилъ. Боюсь, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ не сдѣлалъ ошибки, не повелъ насъ въ хвостѣ за другими... Я вчера ему намекалъ объ этомъ... не хорошо молъ, если у васъ ничего своего не будетъ, особеннаго, и также о томъ, что въ наше время нельзя хвататься за все, а лучше бы выбрать какую нибудь спеціальную цѣль и держаться ея.

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ то странно, точно какъ будто дивясь: откуда мнѣ это въ голову забрело.

— „Хорошо-съ“, говоритъ; „да какую же?“

— „Какую нибудь дѣловую, не литературную...“

— „Я васъ не понимаю, Василій Григорьичъ. Какую же это журналъ можетъ имѣть не литературную цѣль?.. Сапоги что-ли шить?“

— „Ну вотъ ужъ и сапоги!.. Я хочу только сказать, что журналъ, въ наше время, долженъ имѣть въ виду не теоретическое рѣшеніе какихъ нибудь высшихъ, всемірныхъ вопросовъ науки, а простую, практическую пользу и положительные житейскіе интересы людей.“

— „Ну, разумѣется.“

— „Да и не всѣхъ людей вообще; а какой нибудь части общества, какого нибудь класса или сословія... положимъ, крестьянскаго...“

— „Гмъ; хорошо сдѣлали-съ, что прибавили это словцо; а то кто нибудь, пожалуй, подумалъ бы, что мы съ вами... того!..“

Мнѣ стало немножко досадно на этотъ насмѣшливый, менторскій тонъ. Что онъ думаетъ? Что я не осмѣлюсь ему возражать? Что противъ его авторитета нѣтъ доводовъ, что ли? Какъ бы не такъ! Жаль что тутъ нѣтъ Касимова! Онъ бы эту спѣсь скоро сбилъ!..

— „Послушайте“, я отвѣчалъ. „Вы согласитесь, что одному журналу трудно на всѣхъ угодить.“

— „Конечно; да этого и не требуется. Нѣтъ никакой нужды угождать кому бы то ни было.“

— „Нѣтъ; вы меня не такъ поняли. Я хотѣлъ сказать, что журналъ не можетъ имѣть въ виду такой цѣли, которая была бы дѣйствительно цѣлью для всѣхъ.“

— „Почему же съ?“

— „Да потому, что на дѣлѣ такой цѣли нѣтъ. На дѣлѣ, что для однихъ выгодно, то другимъ вредно.“

— „Кто это вамъ сказалъ?“

— „Послушайте, дѣло не въ томъ, кто мнѣ это сказалъ, а въ томъ, что я вамъ теперь это говорю, и что это правда.“

— „Да полно, правда-ли-съ? Это мнѣніе лавочниковъ и той науки, которая у нихъ въ наймахъ; но ни наука, ни лавка не хотятъ взять въ разсчетъ, что обѣ онѣ банкрутятся вслѣдствіе этого мнѣнія! Конкурренція...“ и т. д. и т. д.

Замѣтивъ что онъ садится верхомъ на своего боевого конька, я понялъ, что дѣло плохо, и что въ его элементѣ мнѣ съ нимъ не подъ силу бороться; а потому оставилъ ему говорить, что ему вздумается, и уже послѣ, когда его жаръ остылъ, замѣтилъ ему, что онъ ошибается, что я вовсе не думалъ защищать теорію лавочниковъ или другую какую бы то ни было, а говорю совершенно напротивъ: что пора намъ оставить теоретическіе вопросы, до которыхъ, въ дѣйствительности, никому изъ читателей дѣла нѣтъ, и говорить съ ними о томъ, что они лучше могутъ понять, что ихъ ближе интересуетъ, о ихъ насущныхъ занятіяхъ и потребностяхъ, о томъ что они дѣлаютъ каждый день и о чемъ каждый день толкуютъ.

— „То есть о чемъ же это-съ? Объ оперѣ что ли? или объ устрицахъ? о танцклассахъ?“

— „Ну вотъ ужъ и о танцклассахъ!.. Я говорю не о какихъ нибудь тунеядцахъ, обжорахъ, или кутилахъ, а о людяхъ, которые дѣломъ заняты.“

— „Можетъ быть, о чиновникахъ?“

— „ Э! полноте! Вы очень хорошо понимаете, что я хочу сказать.“

— „Не понимаю-съ.“

— „Я хочу только сказать, что вы плюете на жизнь, потому что она не подходитъ подъ ваши теоретическія воззрѣнія; но чита-

телямъ долго ждать, покуда она подойдетъ; всякій изъ нихъ жить хочетъ и хочетъ чтобы съ нимъ говорили о томъ, что дѣйствительно есть въ его жизни, а не о томъ чего нѣтъ, о какой-то Аркадіи, до которой ему также мало дѣла, какъ до того, что будетъ происходить на лунѣ черезъ тысячу лѣтъ."

— „Такъ съ", отвѣчалъ онъ. „Оно все къ тому и приходитъ, что лучше печатать афишки объ устрицахъ."

— „Опять вы объ устрицахъ! Да что вы такъ злитесь на эти несчастныя устрицы? Устрицы очень хорошая вещь! Во всякомъ случаѣ, десятка два свѣжихъ устрицъ у Елисѣева гораздо лучше надеждъ, которыми вы кормите вѣрующихъ."

— „А что лучше? Чтобъ одни ѣли устрицы, а другимъ нечего было ѣсть, или чтобы всѣ были сыты безъ устрицъ?"

— „Ну ужъ пошли!.. Знаю я это!.. Слыхалъ!"

И дѣйствительно, этотъ тонъ до того мнѣ знакомъ, что я началъ терять къ нему прежнее уваженіе. Всякая вещь хороша въ мѣру, а какъ начнутъ твердить вамъ одно, каждый день, да какъ видишь, что дальше изъ этого ни шиша не выходитъ, то воля ваша, пріѣстся, несмотря ни на какое сочувствіе!.. Къ тому-же, въ послѣднее время, у меня родилось подозрѣніе, что все это далеко не такъ положительно, какъ хотятъ, чтобъ оно казалось, и что если все разобрать какъ слѣдуетъ, то, пожалуй, концовъ не сведешь... Въ послѣднее время, я вижусь часто съ Дмитріемъ Петровичемъ у Рыбникова, который зоветъ меня часто къ себѣ обѣдать, и при мнѣ, господа эти очень забавно подсмѣиваются надъ мнимою положительностью нашихъ передовыхъ... Я, разумѣется, не сочувствую имъ нисколько въ сущности, но я очень люблю хорошую шутку, послѣ хорошаго стакана вина, и не вижу въ томъ никакой бѣды. Вѣдь смѣется же нашъ братъ литераторъ надъ всѣмъ, что подъ руку попадетъ! Отчегожъ и надъ нами не посмѣяться, особенно если это дѣлается безъ всякой огласки, гдѣ нибудь въ кабинетѣ, за чашкою кофе, послѣ обѣда, между двумя или тремя пріятелями, въ полной увѣренности, что изъ избы никто сору не вынесетъ?...

III.

17-го апрѣля.

Вчера засталъ у Рулевой гостью, вертлявую, недурную собой дѣвочку лѣтъ 20, съ маленькой, острой мордочкой, и съ оттѣнкомъ какой-то забавной удали въ обращеніи. Она что-то разсказывала, но когда я вошелъ, остановилась... Лидія Алексѣевна назвала меня по фамиліи; „редакторъ *Дѣла*“, прибавила она.

— „Ахъ, вотъ кстати!“ сказала гостья, быстро окинувъ меня глазами и кивнувъ головой. „Скажите пожалуйста, гдѣ вы живете?.. У меня есть одинъ знакомый, который ищетъ занятія. Я его къ вамъ пришлю, вы дайте ему какую нибудь работу.“

— „Какую же именно?“ спросилъ я.

— „А я почемъ знаю?.. Какую нибудь, все равно; переводы тамъ, что ли.“

— „Переводовъ я не могу обѣщать.“

— „Ну, корректуру.“

— „А корректуру, которая у насъ въ редакціи дѣлается, мы не можемъ довѣрить никому постороннему.“

— „О! На него вы можете положиться, я вамъ за него отвѣчаю“, продолжала она очень бойко.

Я смотрѣлъ ей въ глаза, не зная что ей отвѣчать.

„Вотъ вы какіе господа!“ продолжала она, пожавъ плечами. „Ораторствовать вы всѣ мастера, а какъ дойдетъ до того, чтобы что нибудь для общаго дѣла сдѣлать, такъ всѣ и прочь!“

— „Какъ такъ — для общаго дѣла?“ спросилъ я. „Сколько я васъ понимаю, рѣчь идетъ не объ общемъ дѣлѣ, а просто о вашемъ знакомомъ...“

— „Ну вотъ! Ну вотъ!“ перебила она; „я ужъ такъ и знала, что вы это скажете!.. Не говорите пожалуйста, не нужно!.. Я напередъ знаю куда вы хотите прійти! Это все философія! все то же какъ вотъ вчера въ засѣданіи... Ахъ, да! Я и не досказала вамъ...“ Она повернулась къ Рулевой и продолжала разсказъ, неудостоивая меня дальнѣйшаго объясненія... „Неуспѣли прочесть, какъ вскочилъ этотъ несносный Сунковъ и пошелъ проповѣдывать!.. Говорилъ, говорилъ,—часа два,—всѣ ужъ зѣвать начали... скука такая!.. Мы съ Софьей Васильевной раза два шумъ поднимали, чтобъ его перебить, сморкались, шаркали, кричали: *короче*! *Довольно*!..

Нѣтъ! Ничего не берутъ!.. Помилуйте; два часа потерять, слушая какъ этакой какой нибудь господинъ упражняется въ краснорѣчіи!.. Ужъ я жъ ему задала зато, какъ онъ кончилъ!.. Мнѣ говорили потомъ, что ужъ слишкомъ рѣзко... ну да тѣ, кому оно рѣзко кажется, тѣ пусть и слушаютъ этихъ господъ, а мнѣ онѣ надоѣли! Они насъ. женщинъ, считаютъ за какихъ-то дуръ! Этого они, разумѣется, не говорятъ прямо; но это видно по тому, какъ они насъ третируютъ свысока... Эти господа воображаютъ себѣ, что мы безъ нихъ ничего не сумѣемъ сдѣлать, что они насъ должны руководить во всемъ! Кричатъ, что мы женщины не практичны!.. Да сдѣлайте милость, господа, я говорю, покажите вы намъ хоть разъ, гдѣ ваша хваленая практичность?.. Куда не вмѣшаетесь, за что не возьметесь, вездѣ только глупостей надѣлаете!..“

Говоря такимъ образомъ, она нѣсколько разъ посматривала на меня съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла сказать: „а вотъ сунься только! А вотъ я тебѣ такого задамъ!..“ Но я, признаюсь, струсилъ и не рѣшился поднять перчатку за честь нашего пола.

— „Что жъ это вы“? спросила Рулева смѣясь, когда ея гостья ушла.

— „Да что, Лидія Алексѣевна“, отвѣчалъ я; „знаете, я вамъ скажу по секрету: мнѣ кажется, что она права, и что нашъ братъ мужчина дѣйствительно очень плохъ.“

IV.

20-го апрѣля.

Сегодня опять были у меня пренія съ Ивескимъ на счетъ того, что намъ дѣлать, чтобы придать характеръ журналу?.. Да только нѣтъ!.. У! нѣтъ! Куда?.. Не подъ силу мнѣ съ нимъ тягаться!.. Мягокъ я слишкомъ, податливъ, мало увѣренъ въ себѣ, — да и ученъ тоже плохо. А главное, нѣтъ у меня этой настойчивости, упорства, этой выправки, такъ сказать, боевой. Покуда дѣло еще на шуткахъ вертится, держишься какъ нибудь; а какъ только пошло на серьезное, такъ и пасъ!.. Ничего съ него не возьмешь! Обойдетъ тебя съ разныхъ сторонъ, тутъ высмѣетъ, тамъ пристукнетъ, собственными твоими словами опутаетъ и доведетъ, наконецъ, до того, что станешь совсѣмъ втупикъ;—слова сказать не придумаешь!.. Мнѣ

часто приходитъ въ голову: что если бы этакъ Дмитрія Петровича на мое мѣсто?.. Чтобы онъ сказалъ?.. Дмитрій Петровичъ не такъ то легко бы поддался!.. Надо бы эту штуку смастерить. Да только боюсь, что мой Сергѣй Никаноровичъ озлится крѣпко; потому что, я знаю, онъ ненавидитъ Касимова... Я какъ то недавно спрашивалъ, что онъ объ этомъ человѣкѣ думаетъ? Онъ покосился и началъ отнѣкиваться. Вы, молъ, пріятели съ нимъ и сами его лучше знаете... что я васъ буду учить?.. Но видя что такъ отъ меня не отдѣлаешься, нахмурилъ брови.

— „Ну," говоритъ, „ужъ если хотите знать, то я вамъ, пожалуй, скажу... Это такой подлецъ, что если бы мнѣ его въ руки, да я бы его на первой осинѣ повѣсилъ,— вотъ что я о немъ думаю."

Это меня озадачило, и я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, не отвѣчая ни слова.—„А! что," — говоритъ, — „не нравится?.. Ну вотъ, я оттого и не хотѣлъ говорить;—зналъ напередъ, что вамъ не понравится."

— „Ну, послушайте!" я отвѣчалъ. „Надо же вѣдь и то сказать, что вы крѣпко хватили!"

— „Крѣпко-съ?.. Нѣтъ, вовсе не крѣпко; а еще мягко слишкомъ..."

— „Помилуйте!" говорю; — „да за что же вы такъ на него?"

— „Гмъ," говоритъ,— „за что?.. Кабы вамъ разсказать все, что я о немъ знаю..."

— „Что жъ это? Что онъ имѣетъ паи въ откупахъ?.."

— „Нѣтъ... Да..." онъ замялся... „Нѣтъ, знаете, вы съ ихъ семействомъ знакомы, и я у нихъ жилъ, такъ оно, того, знаете... не приходится..."

Я понялъ что ему непріятны мои разспросы и просилъ его только сказать мнѣ такъ, вообще, что онъ думаетъ объ убѣжденіяхъ Дмитрія Петровича.

— „Убѣжденіяхъ?!.." повторилъ онъ съ презрительною усмѣшкой... „Развѣ то, что онъ думаетъ, можно назвать убѣжденіями?"

— „Отчего же нѣтъ?"

— „А отъ того, вотъ изволите видѣть, что убѣжденія, какія тамъ ни на есть, дѣло все-таки человѣческое, а у него, хоть вы его на изнанку выверните, человѣческаго не отыщите... это такая свинья!.."

— „Послушайте!“

— „Что жъ!“ отвѣчалъ онъ. „Если вамъ не любо слушать правду, то не за чѣмъ было и спрашивать.“

V.

24-го апрѣля.

Что за милая барыня эта Лидія Алексѣевна!.. Я у ней теперь часто бываю, и мы познакомились такъ коротко, что она больше со мной не стѣсняется. Нянчитъ при мнѣ своего малютку и говоритъ со мной обо всемъ откровенно. Положеніе ея очень тяжелое; но она не теряетъ духу и, несмотря на возню съ грудным ребенкомъ, трудится въ сутки часовъ по восьми. Откуда у ней хватаетъ силъ и бодрости, я понять не могу. Такая худенькая, щедушная, а между тѣмъ сколько жизни!.. Правда, иной разъ ей жутко приходится и до того, что недавно еще при мнѣ расплакалась... Сынъ ея былъ нездоровъ.. но эти дожди проходятъ, не оставляя слишкомъ тяжелыхъ слѣдовъ.У ней столько вѣры въ будущее и такая любовь къ труду, такая энергія, что мнѣ часто стыдно становится за себя, когда я сравню себя съ нею. Какъ хорошо обезпечено мое положеніе! и какъ мало лежитъ у меня на шеѣ обязанностей! а между тѣмъ, я часто падаю духомъ или теряю терпѣніе и выхожу изъ себя по поводу такихъ вздоровъ, что послѣ и вспомнить совѣстно,—а она?.. О! она выше меня,—неизмѣримо выше!.. Мнѣ надо учиться у ней, и я, таки, иногда учусь. Сидя у ней вечеркомъ, за чашкою чая, начнешь иногда говорить съ ней о чемъ нибудь, или заспоримъ, сначала шутя, а потомъ и серьезно. А у нея головка такая горячая, раскраснѣется вся, глаза блещутъ, увлечется, начнетъ говорить,—да такъ сладко, умно, что забудешь и отвѣчать ей, заслушаешься... глядь на часы,—анъ ужъ первый часъ,—уходить пора!.. А идти прочь не хочется; такъ бы и просидѣлъ до утра!.. А иной разъ почудится, что я ей уступаю изъ вѣжливости,—обидится, замолчитъ... Начнешь спрашивать, что съ вами, — а она станетъ колкости говорить... Что вы, говоритъ, ребенкомъ меня считаете или дурою, что вы со мной спорить серьезно неудостоиваете? Или вы, вѣрно, думаете, что о такихъ вещахъ съ женщиной разсуждать не стоитъ, потому что она ничего не смыслитъ въ нихъ; и т. д., да такъ тебя распечетъ, что не знаешь,

какъ и оправдываться!.. А вчера взяла сына на руки и стала его ласкать... Мучитъ, цѣлуетъ; а у самой по щекамъ—слезы катятся... „Радость моя!“ говоритъ,—доживу ли я до того, какъ ты выростешь? Ты будешь счастливѣе твоей матери! Твое время будетъ не то, что теперь! Весело будетъ тебѣ, привольно на свѣтѣ жить! Не будетъ у тебя моихъ горькихъ заботъ и тяжелыхъ трудовъ,—жизнь иначе устроится! Люди не станутъ прятаться другъ отъ друга, и чуждаться другъ друга, и не будетъ между ними отверженныхъ, заклейменныхъ! А будутъ они любить другъ друга и жить мирно, какъ братья! И не будетъ нужды, не будетъ не воли; всѣмъ будетъ мѣсто другъ возлѣ друга... Спросишь-ли ты тогда, что мы вытерпѣли, стараясь для васъ?.. Мы, люди больные, измученные, птички подстрѣленныя, цвѣтки надломленные! Кого затопчутъ, а кто зачахнетъ на пыльной дорогѣ: и не увидимъ мы края обѣтованнаго!.. Но вы увидите, и вспомните насъ, когда будете тамъ, и скажете намъ спасибо,—потому что вѣдь все же мы не даромъ жили. Мы собирали и припасали для васъ... мы плакали, чахли, страдали для васъ!...“ И говоря это, она прижимала къ лицу малютки свое пылающее лицо; она смотрѣла ему въ глаза улыбаясь и что то шептала и опять усмѣхалась сквозь слезы... и меня въ жаръ бросало! Мнѣ самому хотѣлось смѣяться и плакать.

VI.

27-го апрѣля.

Рулева меня удивляетъ. Она вѣритъ серьезно въ близкую полную перемѣну всѣхъ отношеній житейскихъ, въ великій кризисъ, который долженъ быть скоро, и послѣ котораго наступитъ какой-то миллепніумъ, золотой вѣкъ!.. Нѣчто похожее я замѣчалъ у Сергѣй Никанорыча; не тотъ но высказываетъ своихъ задушевныхъ вѣрованій такъ прямо, да я и не думаю, чтобъ онѣ у него были такъ положительны и такъ далеки отъ малѣйшей тѣни сомнѣнія, какъ у этой женщины. О ней мало сказать, что она вѣритъ; она ждетъ и ждетъ въ скоромъ времени,—чего именно, я не могу хорошенько понять, да едва ли она и сама даетъ себѣ въ этомъ отчетъ. Но сколько я въ состояніи заключить по ея словамъ, это должно быть какой то рай земной, какое то царство мира и правды, которое

вдругъ наступитъ, какъ день послѣ темной ночи, и откроетъ глазамъ удивленныхъ людей истинный смыслъ ихъ отношеній другъ къ другу... Все ложное, вынужденное, насильственное, въ ихъ жизни разсыпется прахомъ, они убѣдятся, что не за что враждовать, и не изъ за чего хитрить, другъ друга обманывать... что ихъ интересы тождественны и что весь ходъ ихъ жизни, начиная отъ мелкихъ домашнихъ нуждъ, до высшихъ, сложнѣйшихъ задачъ быта общественнаго, можетъ устроиться совершенно легко и просто, такъ что всѣ, съ перваго до послѣдняго, будутъ довольны и счастливы. Какъ это можетъ сдѣлаться и какая теорія общественнаго устройства лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ вѣрованій—объ этомъ она не говоритъ, но она вѣритъ твердо, и это, если не ошибаюсь, даетъ ей ту бодрость, которая меня иногда удивляетъ... Она считаетъ себя сподвижницею великаго дѣла, форпостомъ великой арміи; она не одна, за нею милліоны... Она не свои фантазіи высказываетъ, а сообщаетъ пароль и лозунгъ могучаго братства... Какимъ образомъ все это вяжется у ней въ головѣ съ положительной обстановкой той жизни, которая насъ окружаетъ, какой выходъ видитъ она изъ этой послѣдней, и какія тропы потаенныя, нити, для глазъ невидимыя, соединяютъ въ ея представленіе настоящее съ будущимъ, это загадка—которую я не могу объяснить себѣ иначе, какъ вспомнивъ, что чудится иногда во снѣ. Чувство дѣйствительности и трезвой истины не пропадаетъ совсѣмъ, но на его скромномъ фонѣ рисуются какіе то фантастическіе узоры, присутствіе которыхъ иногда рѣзко противорѣчитъ съ рамкой ихъ умѣщающей, но это противорѣчіе не удовлетворяетъ насъ. Мы, видимъ какъ будто бы двѣ картины, одну на другой и одну сквозь другую, но сознаніе этой двойственности такъ слабо, что мы не даемъ себѣ никакого отчета: который образъ принадлежитъ одной изъ нихъ, и который другой?.. Что-то похожее я замѣчалъ и у Лидіи Алексѣевны. Она не всегда фантазируетъ. Вѣрное пониманіе и оцѣнка трезвой дѣйствительности высказываются иногда у нея съ поразительной явственностью; но ей стоитъ только закрыть глаза на одно мгновеніе, чтобы видѣть совсѣмъ не то, что видѣла за минуту, и судить обо всемъ совершенно иначе... Какія то горы передъ ней разступаются, какія то крылья у ней выростаютъ, и далекое чудится близко, и недоступное подъ рукой!.. И эта галлю-

цинація заразительна; я испыталъ это на себѣ. Слушаешь, слушаешь, иногда даже споришь, да вдругъ и замѣтишь, что самому начинаетъ мерещиться... у Рулевой оно еще заразительнѣе чѣмъ у Иверскаго, потому что у этого оно не высказывается такъ цѣльно, этотъ какъ будто стыдится, недоговариваетъ... и только по злости, съ какой онъ относится ко всему существующему, можно догадываться, что онъ вѣритъ во что-то другое. Но когда молодая женщина, съ пылающими щеками и съ пророческимъ взоромъ, начнетъ говорить вамъ, что срокъ на исходѣ, что время близится, что новая жизнь стоитъ у порога и стучится къ намъ въ двери,—вамъ становится какъ то жутко,—вы чувствуете какъ будто бы дуновенье чего то невидимаго у себя на лицѣ; вамъ чудится: что, вотъ, стѣны убогой комнаты раздвигаются, падаютъ, и какое то новое зданіе поднимается изъ развалинъ, и подъ его высокими сводами, толпятся люди съ веселыми, свѣтлыми лицами. Они встрѣчаются, пожимаютъ другъ другу руки и поздравляютъ другъ друга съ какимъ то великимъ, всемірнымъ праздникомъ!..

„.... Да-съ!... Оно очень—того—увлекательно!...

„.... По счастью у меня есть отъ этой заразы противоядіе. Частая встрѣча съ такими людьми, какъ Касимовъ и Рыбниковъ, отрезвитъ хоть кого.

VII.

1-го мая.

Вчера, въ первый разъ, засталъ у Лидіи Алексѣевны Иверскаго. Я зналъ, что онъ у нея бываетъ довольно часто, и онъ, разумѣется, зналъ о моихъ посѣщеніяхъ; а между тѣмъ, увидѣвъ другъ друга, мы оба сконфузились. У меня это, впрочемъ, тотчасъ прошло, но онъ былъ замѣтно стѣсненъ моимъ присутствіемъ и скоро ушелъ. Въ первый разъ я увидѣлъ ихъ вмѣстѣ и нѣсколько сценъ изъ романа Марьи Петровны пришли мнѣ невольно на память. Неужели онъ дѣйствительно былъ влюбленъ въ эту женщину? думалъ я, и рѣшилъ, что вещь сбыточная.—Ну а теперь? подумалъ я вслѣдъ за тѣмъ; и припомнивъ какъ онъ сконфузился, заключилъ, что и это возможно... Ну, а она какъ? Старая связь, конечно, давно разорвана, иначе она не жила бы въ такой нуждѣ; но старое чувство можетъ быть длится еще? Если такъ, то какую

надежду можетъ имѣть этотъ дикарь? Да если бы и не такъ, если бы сердце ея и было теперь свободно, то, по мнѣнію Марьи Петровны, такого, какъ онъ, нельзя полюбить. Отчего?... Это ей кажется, но Рулева можетъ смотрѣть на это другими глазами. Да, можетъ быть; только мнѣ то что до этихъ вопросовъ? Что они пришли въ голову, это не такъ еще удивительно, но странно, что со вчерашняго дня, я не могу ихъ выбить изъ головы!...

VIII.

2-го мая.

Все это вздоръ... Она говоритъ о немъ съ уваженіемъ, но тонъ ея отзывовъ такъ спокоенъ, что мои подозрѣнія совершенно разсѣялись... И съ чего это меня такъ встревожило? Ну что я?.. Ну что, въ самомъ дѣлѣ?.. Съ чего?.. Эхъ! чортъ побери! Дуришь ты, Василій Григорьичъ! Ей богу, дуришь! Блудливъ! До всего тебѣ дѣло! Вездѣ нужно носомъ сунуться!.. Ну, оно и выходитъ глупо!.. А ты сиди-ка себѣ спокойно, да дурь-то выбей изъ головы... Вотъ что!

IX.

9-го мая.

Что за обѣдъ былъ вчера у Рыбникова!.. Это ужъ даже и не обѣдъ, а чортъ знаетъ что!.. Какой-то Лукулловъ праздникъ, Какое-то пиршество Бальтазарово!.. Точно событіе какое нибудь великое совершается! Точно міръ долженъ кончиться, когда встанутъ изъ-за стола, и люди собрались въ послѣдній разъ, и дальше послѣдняго блюда ничего впереди не предвидится, кромѣ вѣчности!.. А и все то по тому случаю, что Ш* приглашенъ былъ съ своею свитою... Ну да мнѣ что до Ш*!.. Я презираю Ш* и всю буржуазію; но я уважаю хорошій обѣдъ... Послѣ такого обѣда, чувствуешь на сердцѣ полноту какую-то... Точно ты подвигъ какой совершилъ и погруженъ въ созерцаніе совершившагося! Только, уфъ! Утомили меня въ послѣднее время эти подвиги! Обѣдъ да обѣдъ! То у того, то у другого, третьяго,—просто отбою нѣтъ. Надѣлалъ новыхъ знакомствъ безъ счету, а какъ и зачѣмъ? до сихъ поръ не могу понять... И все банкиры какіе-то, заводчики, него-

ціанты, откупщики,—однимъ словомъ, жрецы Маммона, люди, къ которымъ я, вообще говоря, не чувствую ни малѣйшей симпатіи, а иныхъ даже вовсе и не уважаю!.. Но что будешь дѣлать? Слабъ человѣкъ! Падокъ на прелести дьявольскія!.. Все это Рыбниковъ съ Дмитріемъ Петровичемъ виноваты,—они меня впутали. Я нѣсколько разъ наровилъ на попятный дворъ; но они смѣются; особенно Дмитрій Петровичъ...—„Чего ты боишься ихъ?“ говоритъ.—Что они тебя зачумятъ, что ли; или ты думаешь, что ѣздя къ нимъ въ домъ, ты имъ обязываешься чѣмъ нибудь? Помилуй; да это вѣдь все равно, что въ трактиръ,—у нихъ цѣлый городъ бываетъ и никто не считаетъ себя обязаннымъ. Они даже рѣдко и помнятъ кто у нихъ былъ...“ Ну, оно правда, пожалуй, да только ко мнѣ не подходитъ, потому что меня принимаютъ вездѣ самымъ любезнымъ, внимательнымъ образомъ, лично зовутъ и лично потомъ пріѣзжаютъ благодарить, что сдѣлалъ имъ честь, такъ что иной разъ и радъ бы отъ этой чести подальше, да нѣтъ никакой возможности... Не наплевать же въ глаза человѣку, который тебѣ обѣ руки протягиваетъ. Да и за что? По всей справедливости, можно ли обвинять лицо за то зло, которое вытекаетъ изъ общаго безпорядка людскихъ отношеній? Всѣ мы мошенничаемъ; всѣ загребаемъ жаръ чужими руками, и если кому нибудь удалось загрести себѣ больше другихъ, то это чистѣйшій случай, различіе внѣшнее; а принципъ во всѣхъ случаяхъ одинаковъ: война всѣхъ противъ всѣхъ и каждаго противъ всѣхъ... Побѣжденному, разумѣется, непріятно смотрѣть на побѣдителя; его мучитъ зависть, онъ злится, досадуетъ на него, называетъ мошенникомъ, подлецомъ и т. д.—Но если онъ самъ не стоитъ на мѣстѣ его, то это, конечно, не отъ недостатка желанія. Предложи-ка намъ завтра какой нибудь А*** милліонъ. Что-жъ мы поморщимся, что ли, и разсудивъ какими путями милліонъ этотъ нажитъ, откажемся отъ него въ пользу воскресныхъ школъ, или литературнаго фонда, или общества вспоможенія тамъ кому нибудь?.. Да, какъ бы не такъ!

Кстати, о предложеніяхъ. Мнѣ сдѣлано было вчера два, очень любезныхъ. Во-первыхъ Рыбниковъ мнѣ намекалъ уже нѣсколько разъ, а вчера сказалъ прямо, что если мнѣ деньги понадобятся на мой журналъ, то чтобъ я только слово сказалъ, онъ мнѣ достанетъ сколько угодно, за самый ничтожный процентъ и на какіе

угодно сроки. Я отвѣчалъ, что не желалъ бы имѣть въ этомъ надобность, но что если она случится, то я напомню ему его предложеніе. Во-вторыхъ, С* директоръ этой коммисіи, о которой вчера за обѣдомъ шелъ такой жаркій споръ, уѣзжаетъ на лѣто въ Саратовъ и предлагаетъ мнѣ свою дачу даромъ. Я отказался; но, кажется, сдѣлалъ большую глупость. Дача на Петергофской дорогѣ, у взморья, отдѣлана какъ дворецъ,—купальня, оранжереи, паркъ и т. д.... Касимовъ меня увѣряетъ, что за нее предлагали въ прошломъ году двѣ тысячи, да что С** отказалъ,—боялся, чтобъ мебель его не испакостили...

X.

13-го мая.

Обѣдалъ у Рыбникова и просидѣлъ у него весь вечеръ. Онъ сообщилъ мнѣ прелюбопытную вещь... А**, Б** и еще нѣсколько человѣкъ изъ нашей финансовой аристократіи намѣрены мнѣ предложить очень выгодныя условія съ тѣмъ, чтобы я открылъ у себя въ журналѣ особый отдѣлъ по части промышленной и торговой.

— „Открыть-то не трудно," сказалъ я; „да кто будетъ писать статьи"?

— „Объ этомъ не безпокойтесь," отвѣчалъ Рыбниковъ.—„За статьи я вамъ отвѣчаю".

— „Хорошо-съ," продолжалъ я,—„но вѣдь и этого мало. Надо еще, чтобы онѣ были въ духѣ журнала".

Онъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на Касимова, какъ будто передавая ему мой отвѣтъ.

— „О духѣ нечего говорить," замѣтилъ тотъ; „потому что это чистѣйшій вздоръ. Духъ, это оттѣнокъ личнаго настроенія въ мозгу у пишущаго или читающаго,—привычка мысли идти извѣстнымъ путемъ, не болѣе важная, какъ привычка гулять по Невскому или по набережной. Духъ только тамъ играетъ какую нибудь роль, гдѣ нѣтъ дѣльнаго содержанія, гдѣ рѣчь идетъ о фантазіяхъ, не о фактахъ; гдѣ имѣютъ въ виду не цѣль съ ея положительными выгодами, а тенденцію съ ея романическимъ увлеченіемъ,—короче сказать, гдѣ любятъ игру для игры, а не для выигрыша".

— „Если-бъ это была правда", отвѣчалъ я—„то все-таки это не объясняетъ мнѣ ничего".

— „А ты что хочешь знать?“

— „А я бы желалъ знать, съ какою цѣлью они желаютъ, чтобъ я открылъ у себя этотъ отдѣлъ“?

— „Да вѣдь объ этомъ ужъ было говорено. Съ цѣлью печатать статьи по части промышленной и торговой“.

— „Нѣтъ братъ, постой!“ перебилъ я.— „Ты не отвиливай, а скажи-ка прямо къ чему все это клонится? Если къ реакціи, то объ этомъ и думать нечего. Я не согласенъ печатать ни строчки!“

— „Эхъ! братецъ; выбей ты изъ головы этотъ вздоръ! Что тамъ за реакція?.. И какое имъ дѣло до вашихъ литературныхъ дракъ? Они совсѣмъ всторонѣ отъ этой арены. Они заняты своимъ дѣломъ и хотятъ, чтобъ о немъ не кричали безъ толку люди, не понимающіе въ немъ рѣшительно ничего. Хотятъ, чтобъ публика знала факты въ неискаженномъ видѣ... ну... и только“.

— „Хорошо, возразилъ я,— „а кто мнѣ поручится, что они сами не захотятъ исказить фактовъ“?

— „ Ваши глаза,“ отвѣчалъ Рыбниковъ. „Статьи будутъ идти черезъ ваши руки, и вы сами въ состояніи будете судить объ ихъ содержаніи. Если найдете, что факты въ нихъ переданы невѣрно, или какъ нибудь истолкованы въ ложномъ свѣтѣ, отъ васъ будетъ зависѣть не пропустить статью“.

— „Да, это правда; но...“

— „Но, вотъ видите ли, вы не рискуете тутъ ничѣмъ, а можете только выиграть, какъ и всякій членъ общества, который дорожитъ гласностью“.

— „Да; оно такъ“.

— „Интересъ всѣхъ сторонъ требуетъ, чтобы ни одной изъ нихъ не зажимали рта. Иначе мы никогда не узнаемъ истины“.

— „Конечно“.

Въ этомъ тонѣ, они меня обработывали довольно долго... добивались, чтобъ я сказалъ имъ, наконецъ, положительно, что я согласенъ. Но это не удалось, потому что я имѣлъ сильныя подозрѣнія на счетъ цѣли этихъ господъ и на счетъ добросовѣстности ихъ утвержденій. При Рыбниковѣ мнѣ не хотѣлось въ этомъ признаться, но возвращаясь домой съ Дмитріемъ Петровичемъ, я высказалъ ему откровенно мои сомнѣнія.

— „Ты мнѣ не вѣришь?“ сказалъ онъ.

— „Не вѣрю“, отвѣчалъ я.

— „Почему же такъ? Развѣ я тебя обманывалъ когда нибудь“?

— „Нѣтъ“.

— „Вотъ то-то же. Вспомни-ка. Каялся ли ты хоть разъ, что послушалъ моихъ совѣтовъ?“

— „Ну, ужъ если на то пошло“, отвѣчалъ я, „то каялся. Я каюсь и до сихъ поръ, что впутался въ это изданіе“.

— „А кто же виноватъ? Я развѣ тебѣ совѣтовалъ?“

— „Конечно, совѣтовалъ“.

— „Неправда; я тебѣ говорилъ всегда, что ты дѣлаешь вздоръ“.

— „Да, но совѣтовалъ его сдѣлать“.

— „Да полно, пожалуйста! Нельзя же въ глаза человѣку клепать на него, какъ на мертваго!.. Вспомни, какъ все это было. Ты не слушалъ меня, хотѣлъ непремѣнно отдать свои деньги на это изданіе, а я тебѣ говорилъ. что это глупо; но что если ужъ ты рѣшился сдѣлать такую глупость, то слѣдуетъ дѣлать ее какъ можно толковѣе, такъ, чтобъ обезпечить себѣ, по крайней мѣрѣ, хоть маленькій шансъ барыша... Что, правда?“

— „Да, правда“, отьѣчалъ я.

— „Ну вотъ то-то же! Ты только подумай. Ну что, если бы ты не послушалъ меня въ ту пору, отдалъ бы деньги безъ всякаго обезпеченія? А они бы ихъ издержали; а журналъ бы ихъ лопнулъ, и остался бы ты не причемъ... Между тѣмъ, какъ теперь у тебя все-таки шансъ есть, да еще сверхъ того и занятіе“.

— „Да, это правда„.

— „Вотъ видишь! Самъ сознаешься! Почему же ты думаешь что я теперь хочу тебя впутать въ бѣду?“

— „Я этого не думаю, Дмитрій Петровичъ“, отвѣчалъ я. Я только думаю, что ты хочешь меня обмануть въ моемъ собственномъ интересѣ, то есть въ томъ, что ты принимаешь ошибочно за мой интересъ“.

— „Да съ чего жъ тебѣ это въ голову вошло? Я, кажется, говорилъ съ тобой всегда откровенно о томъ, какъ я понимаю твой интересъ?“

— „Да, говорилъ;—только мы никогда не могли согласиться“.

— „И это неправда. Мы спорили, но, въ результатѣ, ты исполнялъ мой совѣтъ. Вспомни Иверскаго. Кто тебя свелъ съ нимъ? И кто убѣдилъ его взять?“

— „Да; оно ловко было подведено!“ отвѣчалъ я. „Ты мнѣ подсунулъ Иверскаго, чтобы вытѣснить старыхъ моихъ редакторовъ а теперь хочешь вытѣснить Иверскаго. Богъ тебя знаетъ, зачѣмъ“...

— „Это съ чего ты взялъ?“

— „Да я уже вижу, что къ этому дѣло идетъ. Ты мнѣ расхваливалъ его прежде, а теперь начинаешь ругать“.

— „Неправда. Я всегда говорилъ и теперь повторяю, что онъ человѣкъ способный; но не могу жъ я его признать совершенствомъ“.

— „Не въ совершенствѣ дѣло, Дмитрій Петровичъ; а въ томъ, что ты прежде указывалъ мнѣ на него какъ на передового, а теперь увѣряешь, что онъ отсталъ“.

— „Противорѣчіе объясняется просто. Онъ самый передовой изъ отсталыхъ“.

— „А! вотъ какъ! Ну если и онъ у тебя отсталъ, то ужъ это—мое почтенье!.. Кто жъ послѣ этого отсталъ?“

— „Никто... Вся ваша литература отстала“.

— „Да отъ кого жъ наконецъ?“

— „Отъ жизни“.

— „Ты шутишь, Дмитрій Петровичъ?“

— „Нисколько“.

— „Да нѣтъ; право шутишь! Я это не разъ уже замѣчалъ. Со мною вдвоемъ ты говоришь парадоксы, которые не рѣшился бы повторять при другихъ“.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. „Это съ чего ты взялъ“? спросилъ онъ смѣясь.

— „Да такъ... Ты со мною куражишься, потому что я не зубастъ, спорить не мастеръ. А посмотрѣлъ бы я, какъ бы ты это сказалъ, напримѣръ, при Сергѣй Никанорычѣ!..

— „Эко диво! Сергѣй Никанорычъ!“

— „Ну, да ужъ диво не диво, а онъ бы тебѣ не спустилъ“.

— „Ты думаешь?“

— „Да; онъ бы тебя отдѣлалъ!“

— „О!.. въ самомъ дѣлѣ?“

— „Да; я увѣренъ“.

— „Гмъ; да скажи пожалуйста, что ты воображаешь о своемъ Сергѣй Никанорычѣ?“ произнесъ онъ нетерпѣливо, махнувъ головой. „Что я его не слыхалъ, что ли?“

— Ну, да ужъ тамъ слыхалъ или нѣтъ, а я знаю, что онъ двумя словами уничтожаетъ въ прахъ всѣ твои парадоксы“.

— „Гмъ, вотъ какъ! Это стало быть вы-съ нимъ перебираете послѣ все, что со мною было говорено?“

— „Да, мы перебираемъ... иной разъ Что же дѣлать?.. Я не могу безъ него. Онъ у меня редакторъ и всѣмъ завѣдуетъ. Одно изъ двухъ: или мнѣ дѣйствовать съ нимъ согласно, или выгнать его и самому вести все... а ты знаешь, къ этому я не способенъ“.

Онъ покачалъ головой. „Все пустяки!“ произнесъ онъ съ досадою. „Ни выгонять его, ни ставить съ собой на равную ногу нѣтъ надобности. Съ чего? Добро бы еще вы съ нимъ вмѣстѣ дѣло затѣяли, какъ съ Святухинымъ, а то взялъ человѣка съ улицы, да и садишь къ себѣ на шею!.. Къ чему это?.. Онъ у тебя за деньги работаетъ и долженъ смотрѣть на себя, какъ на слугу, не болѣе. Надо его въ рукахъ держать, не позволять ему забываться... А то эта голь заносчива! Тотчасъ вообразитъ о себѣ Богъ знаетъ что!..“

XI

15-го мая.

Сегодня поутру явился ко мнѣ Сергѣй Никанорычъ. По лицу не трудно было замѣтить, что онъ взбѣшонъ. Въ рукахъ у него былъ *Вожакъ* за май мѣсяцъ, только что полученный, и еще совершенно сырой.

— „Ну, что?“ спросилъ я. „Есть что нибудь интересное?“

— „Есть“, отвѣчалъ онъ, и развернувъ книгу, на заголовкѣ какой-то статьи, показалъ мнѣ.

— „Что это?“

— „Ничего-съ. Только насъ съ вами выругали“.

— „Какъ? Можетъ ли быть?.. За что?»

— „А вотъ, слушайте...“ Онъ сѣлъ и сталъ читать вслухъ.

„ . . . Между новорожденными въ этомъ году, мы встрѣтили нѣкій журналецъ, обёрткой похожій на модные *gris-de-perle*, а „содержаніемъ не похожій рѣшительно ни на что... Или нѣтъ, „виноватъ... похожій на мелочную лавку, въ которой покупщики „могутъ найти все что угодно, отъ затхлой муки и гвоздей, до „паточныхъ леденцовъ и гнилыхъ селёдокъ,— и всѣ эти вещи пріобрѣтаютъ завернутыми въ печатную бумагу. Понятно, что дѣло тутъ не въ печатной бумагѣ, а въ томъ продуктѣ, которому нужно это прикрытіе, чтобы приличнымъ образомъ перейти изъ рукъ торговца въ руки его потребителей. А между тѣмъ, кому можетъ быть „нуженъ такой продуктъ,— этого, признаюсь, мы не въ силахъ по„нять. Мы только путемъ умозрѣнія, или, какъ нынче говорятъ, „по *дедуктивному методу*, можемъ догадываться, что такіе люди „должны быть, потому что журналъ, о которомъ мы говоримъ „вѣритъ въ ихъ существованіе, и твердитъ о нихъ безпрестанно, „и кокетничаетъ, и заигрываетъ съ ними,— ну, словомъ, лѣзетъ „изъ кожи, чтобъ имъ угодить. Какихъ усилій ему это стоитъ, какія „уловки употребляются съ этою цѣлію, — это поистинѣ назидательно „и оправдываетъ какъ нельзя лучше пословицу: *Голъ на выдумки „хитра*! Одну изъ такихъ хитростей нашей литературной голи „мы позволимъ себѣ сообщить нашимъ читателямъ, конечно, мало „знакомымъ съ закулисною стороною мелкихъ журнальныхъ театровъ. „Обычай требуетъ, чтобы всякое новое изданіе явилось подъ при„крытіемъ сколько нибудь извѣстнаго имени. Безъ этого, трудно „разсчитывать на довѣріе даже самаго легкомысленнаго подписчика. „Но откуда взять этого рода имя? Извѣстныхъ именъ у насъ мало, „да и тѣ лица, которымъ они принадлежатъ, почти всегда уже „заняты. Чтобы пособить этой нуждѣ, придумано средство. Имя „даютъ на прокатъ, или, иначе сказать, уступаютъ на подержаніе. „Своего рода торговля, какъ видите;— но до сихъ поръ она была „ограничена спискомъ сотрудниковъ, въ которомъ печатались имена „людей, ни прямо, ни косвенно не принимающихъ ни малѣйшаго участія въ новомъ изданіи, часто даже и не намѣренныхъ вовсе „его принимать, а дозволяющихъ или снисходящихъ на подобнаго „рода невинный обманъ. Все это дѣло обыкновенное, — но чтобъ оно простиралось далѣе, чтобы не только для списка сотрудниковъ „но и для самой редакторской подписи, покупаемы были имена,

„съ единственной цѣлью служить приманкой довѣрію публики, этого „мы не помнимъ до сей поры. Честь этой выдумки принадлежитъ „вполнѣ тому журналу, о которомъ мы говоримъ, и который, чтобы „не оставить его безъ имени, мы назовемъ *Бездѣлемъ*. *Бездѣлье* „выкинуло предерзкую штуку. Издатели его и дѣйствительные „редакторы, люди вполнѣ неизвѣстные, не дерзая явиться сразу „во всей своей темнотѣ, пріискали себѣ на рынкѣ дешевой извѣст„ности (составляющемъ нѣчто вродѣ литературной *Сѣнной*), два „имени, довольно плохого сорта, но нѣсколько менѣе темныхъ, и „не гнушаясь нимало безстыдствомъ подобной продѣлки, наняли „ихъ дешевизны ради, на... какъ бы вы думали, на какое время?.. „На годъ? На полгода?.· Нѣтъ—только на первыхъ *два мѣсяца* „самой горячей подписки!.. На сколько имъ удалась эта штука, „не знаю, но въ третьей книжкѣ, уже объявлено было о *перемѣнѣ „редакціи* и вмѣсто заемныхъ именъ, появилось въ редакторской „подписи какое-то новое, нигдѣ до сихъ поръ неслыханное, при „чемъ достовѣрно извѣстно, что лица, отдававшія себя такимъ обра„зомъ въ именные наймы, кромѣ двухъ небольшихъ и довольно „плохихъ статеекъ, никакого участія въ журналѣ не принимали, „да и не могли принять, потому что все это время заняты были „въ другомъ изданіи, гдѣ пребываютъ и до сихъ поръ... Что такое должно быть то *направленіе*, о которомъ подобнаго рода „журналы кричатъ обыкновенно такъ громко — объ этомъ можно „легко догадаться и не заглядывая въ изданіе; но мы по обязан„ности заглядывали, и можемъ сказать, нимало не преувеличивая, „что это такая же безстыдная претензія и такой же пуфъ, какъ „имена ихъ сотрудниковъ и редакторовъ, и какъ все остальное, что „къ нимъ относится. Это удочка, на которую надѣваются разнаго „рода приманки для разнаго рода читателей, съ цѣлью угодить „на всякій вкусъ; другими словами, та же мелочная лавченка, въ „которой можно найти все, что угодно, но все это гнило и скверно „ и все это фальшь, поддѣлка, спекуляція на карманъ“... и т. „д. и т. д.

Я не хочу выписывать длиннаго ряда ругательствъ, заключающихъ эту статью!.. Я былъ пораженъ и взбѣшенъ до того, что не могъ слова выговорить,—Сергѣй Никаноровичъ тоже. Дочитавъ до конца, онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ

— „Чье это?“ спросилъ я.

Онъ назвалъ мнѣ имя, довольно извѣстное.

— „Какъ? Можетъ ли быть?.. Да вѣдь это подлѣйшая клевета“!

— „Да, разумѣется“, отвѣчалъ онъ. „Но я знаю навѣрно, что это онъ. Вотъ смотрите: В. Г... это его заглавныя буквы, да и безъ нихъ, я узналъ бы его сейчасъ по манерѣ“.

— Можетъ быть“, отвѣчалъ я;—„но мнѣ какъ-то не хочется вѣрить!.. я уважалъ его, считалъ неспособнымъ на этого рода низости!“

— „Его?“ повторилъ Иверскій съ желчной насмѣшкой.—Онъ способенъ на все! Это ехидна, которая ненавидитъ чужой успѣхъ, хотя бы онъ ей ни на волосъ не вредилъ,—завистливая собака, готовая выпустить изо рта свой кусокъ, чтобы только отнять у другого, чтобъ у другого не было!“

XII

17-го мая.

Еще двѣ статьи противъ насъ, одна въ *Краснобаѣ*, другая въ *Знамени*; и въ обѣихъ насъ ругаютъ на повалъ... *Краснобай* говоритъ, что мы сунулись было въ реакцію, да увидѣвъ, что плохо везетъ, повернули въ другую сторону, и валяемъ теперь въ хвостъ и въ гриву по этому направленію,— но тотчасъ видно, что направленіе это заемное; что мы летимъ, сломя голову, безъ оглядки, вслѣдъ за другими, въ надеждѣ, что наши читатели какъ нибудь ошибутся и несъумѣютъ насъ отличить отъ этихъ другихъ, но что эта надежда напрасна, потому что на всемъ, что у насъ печатается, лежитъ печать рабскаго подражанія и т. д. А *Знамя* взъѣлось за нѣсколько словъ, напечатанныхъ еще въ январѣ, въ статьѣ Святухина, и говоритъ, что мы напрасно назвали журналъ свой *Дѣломъ*;—что *дѣльнаго* въ немъ нѣтъ ни на волосъ, что въ немъ своего даже нѣтъ ни на грошъ; что это не болѣе какъ *помойная яма литературной выставки* (sic), въ которую эта старуха выбрасываетъ всякій соръ...

Я плакалъ съ досады, читая всѣ эти выходки!.. Сколько яду! и какое несправедливое, ничѣмъ не вызванное озлобленіе!... Что мы имъ сдѣлали? И если имъ что не нравится, то отчего не сказать почеловѣчески, учтиво, прилично, не ругаясь такъ звѣрски

и не забрасывая своего брата грязью?.. Но что я говорю: *брата*! Какой я имъ *братъ*?.. Касимовъ правду говорилъ, что все это хамье, отъ котораго всякій порядочный человѣкъ долженъ держать себя на разстояніи.. Конечно хамьё; потому что вѣдь это хамство ругаться такъ, какъ они ругаются!.. На это, конечно, не слѣдовало бы и отвѣчать, да что будешь дѣлать? Сергѣй Никанорычъ вышелъ совсѣмъ изъ себя и слушать ничего не хочетъ. Запершя, пишетъ отвѣты всѣмъ... ну и пусть его пишетъ!.. Одно меня безпокоитъ серьезно. Отчего это всѣ они, въ одно слово, кричатъ что у насъ нѣтъ своего направленія, что мы вторимъ другимъ, что мы подражатели?..

Надо объ этомъ подумать, потому что Касимовъ мнѣ то же говоритъ.—стало быть, есть же тутъ нѣкоторая доля правды.

XIII.

19-го мая.

Дмитрій Петровичъ серьезно ко мнѣ пристаетъ, чтобъ я согласился на ихъ предложенье, и открылъ у себя этотъ новый отдѣлъ. Онъ говоритъ, что это разомъ подниметъ журналъ, дастъ ему тонъ, содержаніе, твердую точку опоры, а главное, быстро прибавитъ тысячи двѣ — три подписчиковъ, за это онъ мнѣ ручается. А на счетъ страха попасть въ реакцію, онъ очень умно доказываетъ, что это ребячество, — что тѣ люди, которые хотятъ имѣть со мной дѣло, политическими вопросами не занимаются, и что, вообще, мое недовѣріе къ нимъ ни на чемъ не основано. Жизнь широка, говоритъ онъ, но ваши литературные педанты этого знать не хотятъ. Они воображаютъ, что всякій, кто ѣдетъ по улицѣ кромѣ нихъ, непремѣнно долженъ на нихъ наѣхать! Они до того одурены политикой и помѣшаны на соціальныхъ вопросахъ, что кромѣ этого ничего не видятъ и все сводятъ къ этому... Затвердила, говоритъ, сорока Якова, одно про всякаго! О чемъ ни начни говорить, они тебя въ двѣ минуты выведутъ совершенно изъ твоего предмета и собьютъ на свой пунктъ помѣшательства... Ты имъ толкуешь, какъ дѣло устроить, ну тамъ положимъ, заводъ какой нибудь, или поставку, или дорогу куда провести, а они тебѣ вопіютъ противъ ренты!.. Ты имъ о Сидорѣ, а

они тебѣ о Прудонѣ; ты имъ о Саратовѣ, а они тебѣ объ англійскихъ пролетаріяхъ!.. Это похоже на Донъ-Кихота, который видѣлъ вездѣ свои рыцарскія фантазіи, дрался съ мельницами и врубался въ стада барановъ!. Я, говоритъ, ничего не имѣю противъ соціализма, какъ новаго элемента экономическаго развитія, но ошалѣть до того, что бредить этимъ предметомъ и заводить с нимъ рѣчь чрезъ два слова на третье, на каждомъ шагу, по поводу всего, что только можетъ въ голову прійти, воля твоя, это пахнетъ бритою головою; это дѣлаетъ какое то болѣзненное, непріятное впечатлѣніе на мозгъ; точно ты слушаешь юродиваго или кликушу... И тѣмъ болѣе, что къ этому примѣшивается какой то пророческій пафосъ, какой то оракульскій тонъ, заставляющій думать, что человѣкъ знаетъ больше, чѣмъ хочетъ сказать, и что самое главное въ смыслѣ его рѣчей не можетъ быть высказано языкомъ человѣческимъ, что его надо угадать, что въ него надо вѣрить. А разбери-ка въ чемъ суть, такъ и увидишь голь, бѣдность нищенскую... Вертятся вокругъ себя, переминаются съ ноги на ногу, и впередъ ни на шагъ!.. Начнетъ свысока; ты ждешь, что онъ тебѣ цѣлый міръ новыхъ понятій выскажетъ; а онъ на десятомъ словѣ вернется къ тому же, да и пошелъ опять съизнова, точно бѣлка въ своемъ колесѣ. Оно и не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ факты въ презрѣніи и гдѣ ихъ хотятъ замѣнить общими взглядами, потому что на общихъ взглядахъ далеко не уѣдешь!.. Что ты смѣешься? Что, вѣрно, Сергѣя Никанорыча вспомнилъ?“ Я отвѣчалъ ему, что онъ угадалъ и признался, что многое изъ того, что онъ сейчасъ говорилъ очень похоже на то, что я самъ замѣчалъ, и что мнѣ всегда казалось странно.

Немного спустя, онъ опять приставалъ ко мнѣ пуще прежняго, клялся, что онъ мнѣ желаетъ добра, и увѣрялъ, что онъ говоритъ со мною безъ заднихъ мыслей, совершенно открыто и искренно... Я отвѣчалъ, что если ужъ онъ такъ настаиваетъ на этомъ планѣ, то я, пожалуй, готовъ сдѣлать опытъ, посмотрѣть, что это будетъ и какъ пойдетъ; но что прежде всего надо уговорить Иверскаго; что безъ его согласія, я рѣшительно не намѣренъ дѣлать ни шагу.

Онъ разсердился и назвалъ меня колпакомъ, бабой!.. „Сѣдлистъ“, говоритъ, „ты слишкомъ; всякому ѣздить на себѣ позво-

ляешь!“... Я отвѣчалъ, что незнающій дѣла будетъ всегда подъ сѣдломъ у знающаго.—„Э! Что за вздоръ!“ Я также мало смыслю въ журнальномъ дѣлѣ какъ ты, пожалуй еще и менѣе, потому что ты ужъ имѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ опытности; а посмотрѣлъ бы я, какъ бы твой Иверскій сталъ у меня командовать!.. Да я бы его въ бараній рогъ скрутилъ!.. Нищій, каналья, оборвышъ!.. въ разорванныхъ сапогахъ ходилъ!.. Живетъ у тебя на жалованьѣ; квартира, столъ, мебель, все отъ тебя... а туда же, свой образъ мыслей хочетъ имѣть!.. дѣло вести по своему!“... Но замѣтивъ, что этотъ тонъ меня возмущаетъ, онъ тотчасъ перемѣнилъ его и началъ со мной толковать о томъ, какъ уладить дѣло... „Дай“, говоритъ, „я тебѣ это все устрою. Да будь спокоенъ, небось, не обидится. Я знаю, какъ съ нимъ говорить; это мое дѣло. Ты только его приведи ко мнѣ на этой недѣлѣ, обѣдать или, пожалуй, хоть вечеромъ; скажи что я съ нимъ хочу о дѣлѣ поговорить, да только не предупреждай о какомъ.

XIV.

21-го мая.

Полночь... Только что воротился домой... Схватка была, да какая еще!.. Спѣшу записать, покуда все въ свѣжей памяти.

Сергѣй Никанорычъ отправился неохотно. Онъ мнѣ заранѣе говорилъ, что не ждетъ ничего хорошаго. Касимовъ принялъ насъ самымъ любезнымъ образомъ и тотчасъ завелъ рѣчь о дѣлѣ... Такъ и такъ, говоритъ, имѣю вамъ сообщить, господа... (у насъ было условлено сдѣлать видъ, что я первый разъ слышу объ этомъ предметѣ) ...имѣю вамъ сообщить предложеніе; и въ короткихъ словахъ объяснилъ какое. Я слѣдилъ за малѣйшими оттѣнками выраженія на лицѣ Иверскаго, стараясь заранѣе угадать, какъ онъ приметъ это извѣстіе, и опасаясь, что онъ, недослушавъ, откажется наотрѣзъ. Но онъ выслушалъ, по наружности совершенно безстрастно и только одна чуть замѣтная, холодно-недовѣрчивая, злобно-насмѣшливая улыбка измѣняла ему раза два.

— „Надѣюсь, что вы не находите тутъ ничего не выгоднаго господа?“ сказалъ Дмитрій Петровичъ, кончивъ.

Я отвѣчалъ *нѣтъ* и обратился къ Сергѣю Никанорычу. Тотъ молчалъ.

— „Ну, а вы какъ?“ спросилъ его Дмитрій Петровичъ.

— „Если Василій Григорьичъ согласенъ продать журналъ“, отвѣчалъ онъ угрюмо, „то я ничего противъ этого не имѣю, но въ такомъ случаѣ, я не вижу къ чему намъ оставаться редакторами?“

— „Какъ такъ продать?“ возразилъ Касимовъ. „Вы меня худо поняли... Вамъ предлагаютъ только открыть особый отдѣлъ; больше рѣшительно ничего“.

— „Такъ-съ, да вѣдь это все къ одному приходитъ. Продать право печатать у васъ все что угодно, значитъ просто продать журналъ“.

— „И! полноте! Что за продажа! Ничего у васъ покупать не хотятъ; а хотятъ только взять на себя часть расходовъ сопряженныхъ съ изданіемъ“.

— „Такъ-съ, да вѣдь это все то же. Дѣло въ томъ, что намъ предлагаютъ деньги за наше согласіе; а на что мы ихъ употребимъ, это все равно-съ. Это вопросъ о томъ, въ которомъ карманѣ онѣ у насъ будутъ лежать?“

Касимовъ пожалъ плечами „Я право не понимаю, о чемъ мы споримъ“, отвѣчалъ онъ. „Не хотите брать деньги, такъ не берите ихъ: ваша воля; а имъ нуженъ только отдѣлъ въ вашемъ журналѣ... Смѣшно-жъ говорить, что вы не согласны его открыть потому только, что это будетъ вамъ слишкомъ выгодно!.. Точно какъ будто бы кто настаиваетъ на вашей выгодѣ!“

— „Да-съ, оно было бы точно смѣшно“, продолжалъ тотъ, „если бы мы не имѣли другихъ причинъ.“

— „Какихъ же это, другихъ?“

— „Да вамъ то что-съ? Вы вѣдь не за себя хлопочете?.. Ну скажите имъ этакъ, повѣжливѣе, что мы несогласны съ ихъ взглядами, что ли, тамъ... или иначе какъ нибудь.“

— „Но вы не знаете еще ни ихъ, ни ихъ взглядовъ?“

— „Знаемъ-съ.“

— „О! въ самомъ дѣлѣ?.. Позвольте удостовѣриться... Какой взглядъ, напримѣръ, имѣетъ А* на интересы приволжскаго населенія въ дѣлѣ саратовской желѣзной дороги?“

— Неинтересно-съ... Я не объ этого рода взглядахъ вамъ говорю.“

— „Такъ вы и говорите себѣ о вашего рода взглядахъ, а они будутъ говорить о своихъ. Съ чего вы воображаете, что они васъ хотятъ оспаривать? Имъ этими пустяками некогда заниматься. Они хотятъ придать гласность фактамъ, которые имъ извѣстны; вотъ вся ихъ цѣль.“

— „Полноте, Дмитрій Петровичъ! Кого мы будемъ морочить? Неужели вы думаете, что ихъ и съ ихъ цѣлями не видно насквозь? Вѣдь ихъ ужъ давно раскусили. Съ чего имъ такъ вдругъ припала охота къ литературѣ? Прежде небось не думали, а тутъ вдругъ расходились!.. Подавай имъ статьи. Отводи имъ отдѣлы въ журналахъ! Да; какъ бы не такъ!.. Пусть-ка заводятъ свой, а мы имъ не товарищи! Мы съ ними водки не отравляли, бѣдныхъ людей не обсчитывали, рабочія руки не кабалили наймомъ, такъ нечего намъ съ ними и связываться!“

— „Фразы!“ сказалъ усмѣхаясь Касимовъ. „Да что еще хуже и фразы то ужъ подержанныя! За моремъ обносились, прислали къ намъ. Нате, молъ, дѣтушки, позабавьтесь. Оно хоть и ветошь, да вамъ то еще годится... Но шутки въ сторону; знаете, Сергѣй Никонорычъ, меня удивляетъ, что съ вашимъ умомъ, вы стоите такъ долго на одной точкѣ и не хотите ни шагу сдѣлать впередъ. А ужъ пора, ей Богу, давно бы пора вамъ отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ плоскостей и смотрѣть на вещи не такъ простодушно.“

Иверскій вспыхнулъ и началъ что-то ему возражать съ большимъ жаромъ, но тотъ его перебилъ.

— „Позвольте“, остановилъ онъ. „Незачѣмъ излагать ваши теоріи; я знаю ихъ наизусть и готовъ допустить, что онѣ очень величественны, да только не въ пору людямъ, уважающимъ, какъ мы съ вами, одно положительное. Все это тотъ же старый идеализмъ, давно обанкрутившійся и потерявшій кредитъ подъ собственнымъ именемъ, а потому перемѣнившій его на другое, которое ему служитъ маскою. Вы говорите, что А** и ему подобныхъ теперь раскусили? Да вѣдь и васъ уже раскусили и по оцѣнкѣ реальнаго вѣса поставили ниже А**; потому что онъ, каковъ бы онъ ни былъ, все-таки дѣло дѣлаетъ; а вы только воду толчете. Позвольте, не перебивайте, я сейчасъ кончу. Я хочу у васъ только спросить; что, вы одного только А** съ компаніей считаете парази-

тами, съ которыми вамъ неприлично дѣло имѣть, или есть и въ другихъ сферахъ общества люди, живущіе чужими трудами?“

— „Есть“, отвѣчалъ тотъ угрюмо.

— „Ну, а позвольте узнать: вотъ его, товарища вашего, Василія Григорьича, вы исключаете изъ числа или нѣтъ?“

Иверскій посмотрѣлъ на меня исподлобья и опустилъ глаза.

— „Гмъ; вы боитесь его обидѣть; но я не стою съ нимъ на такой деликатной ногѣ, а потому, позвольте мнѣ отвѣчать за васъ. Исключать его было бы непослѣдовательно, потому что онъ тридцать лѣтъ жилъ на счетъ своихъ крѣпостныхъ, стараясь ихъ убѣдить, что оно такъ и слѣдуетъ. Конечно, теперь, его положеніе измѣнилось нѣсколько; крѣпостные отходятъ, но деньги его развѣ своими трудами нажиты? Развѣ онъ дѣлаетъ самъ что нибудь? работаетъ? трудится?“

— „Я журналъ издаю“, замѣтилъ я съ подобающей скромностью.

— „Ахъ да! Я забылъ; ты журналъ издаешь!.. Но если ты его издаешь, то почему жъ бы и А** не издавать его также? Почему Сергѣй Никанорычъ съ тобой не гнушается имѣть дѣло, а съ А** гнушается?“

Тотъ вспыхнулъ. „Помилуйте! Какъ вы рѣшились поставить Василія Григорьевича на одну доску съ А**?“

— „А почему-жъ бы и не поставить?“

— „Помилуйте? Василій Григорьичъ жертвуетъ свои деньги на дѣло общественной пользы...“

— „То есть на вашъ журналъ?“ перебилъ Касимовъ. „Но вѣдь и А** предлагаетъ такую же жертву?“

— „Сдѣлайте милость! Не говорите мнѣ о ихъ жертвахъ! Неужто ужъ я не вижу, чего имъ нужно?.. Имъ нужны честныя имена для приманки и честное направленіе въ видѣ вывѣски, потому что съ своими, оплеванными, они не смѣютъ явиться въ печати... Чтобъ они стали жертвовать!.. Да они скорѣе задавятся! У нихъ, съ той поры какъ они, говорятъ, выучились, была только одна цѣль—барышъ!..“

— „А у васъ?.. Послушайте, Сергѣй Никанорычъ, будьте же разсудительны, согласитесь, что люди всѣ одинаковы въ томъ, что всѣ думаютъ прежде всего о себѣ, а если кто и мечтаетъ,

что онъ заботится о чемъ нибудь выше этого, то ей же ей, самъ себя за носъ водитъ! Бросьте вы вашу соціальную кабалистику? Неужели вы не видите, что она смѣшна?.. Мы, вотъ, смѣемся теперь надъ шутами, два вѣка тому назадъ, искавшими философскаго камня, а я васъ могу увѣрить, что придетъ время, когда и надъ вашими, нынѣшними, величественными задачами, будутъ смѣяться точно такимъ же образомъ!"

— „Дѣло возможное-съ!.. Если люди когда нибудь до того оскотинятся, что общая польза станетъ для нихъ безсмысленнымъ словомъ..."

— „Оскотинятся!.. Опять фразы?"

— „Вовсе не фразы!"

— „Нѣтъ — фразы! Это простительно было бы сказать лѣтъ тридцать тому назадъ, а теперь мы съ вами знаемъ, что между скотиной и человѣкомъ, даже и въ смыслѣ общественности, разстояніе очень невелико."

— „Такъ-съ. А вамъ и этотъ вершокъ кажется лишнимъ? Хотите его совсѣмъ уничтожить? Хотите, чтобъ они были довольны своимъ естественнымъ положеніемъ со всѣми его естественными мерзостями, и всякій порывъ къ чему нибудь лучшему, сознательному и разумному,—считаете Донъ-Кихотствомъ?..

— „Да, я считаю. Я полагаю, что рваться къ *чему нибудь*, не давая себѣ отчета, какимъ путемъ и къ чему, есть признакъ умственнаго разстройства какъ въ человѣкѣ, такъ и въ скотѣ."

— „Словами играете-съ?"

— „Нисколько! Напротивъ, я только того и прошу, чтобы вы не играли ими... Говорить объ общественности, о соціальномъ началѣ, о сознательномъ и разумномъ порядкѣ вещей — очень легко, да только никто до сихъ поръ не могъ объяснить, что такое слова эти значутъ?"

— „Полно, такъ ли-съ?"

— „Увѣряю васъ—такъ. Да и какъ объяснить, когда вы сами не знаете, чего вы хотите".

— „Нѣтъ-съ, знаемъ. Хотимъ, чтобы люди не жрали другъ друга... Чтобы всѣ были сыты безъ этой мерзости".

— „Что-жъ такъ умѣренно? Отчего жъ бы еще не хотѣть чтобы всѣ были счастливы и богаты, красивы, умны и чтобы все это длилось вѣчно, чтобы никто не былъ боленъ, не умиралъ".

Никогда не забуду взгляда, которымъ Иверскій отвѣчалъ на эту послѣднюю выходку. Это былъ взглядъ смертельной, неумолимой вражды, отъ котораго на сердцѣ становилось жутко... „Я съ вами серьёзно говорю“, произнесъ онъ, „а вы мнѣ отвѣчаете пошлыми шутками“.

— „Сдѣлайте милость, не гнѣвайтесь“, продолжалъ тотъ, попрежнему совершенно спокойно. „Я отнюдь не шучу, а если оно и выходитъ смѣшно, то въ этомъ не я виноватъ. Я позволю себѣ еще разъ и очень серьезно повторить мой вопросъ: отчего вы еще не требуете, чтобы люди не умирали?“

Сергѣй Никанорычъ молчалъ.

— „Оттого, что оно невозможно, не правда-ли? Но если всякій изъ насъ долженъ когда нибудь умереть, то не все ли равно, какъ и когда? Сущность въ томъ, что люди должны уступать другъ другу мѣсто; а какимъ образомъ эта уступка дѣлается; съ бою или безъ бою?—не все ли это равно? Такъ или сякъ, а мы вытѣсняемъ другъ друга,— это законъ природы, неизмѣнный, какъ дважды два, и кто разъ хорошо убѣдился въ этомъ, тотъ не спроситъ зачѣмъ война?—Онъ пойметъ, что война неизбѣжна, что это единственный путь къ развитію, потому что путемъ войны улучшается раса людей; потому что побѣда всегда достается сильнѣйшему, а все слабое и плохое гибнетъ. Съ точки зрѣнія слезливой дѣйствительности, разумѣется, можно жалѣть погибающаго; но если судить безпристрастно, съ точки зрѣнія здраваго смысла, науки, искусства, чего угодно, пожалуй даже хоть общей выгоды, если только ее понимать какъ слѣдуетъ, скажите: на кой чортъ такое множество экземпляровъ одной и той же породы?.. И на что ихъ беречь такъ старательно, зная, какъ дважды два, что въ какіе нибудь полъвѣка, все это вымретъ само собой, несмотря на всѣ ваши старанія?..“

— „Теорія не дурна,“ сказалъ Иверскій „да только отъ нея пахнетъ жаренымъ человѣческимъ мясомъ!“

— „Ну, это ужъ дѣло вкуса,“ отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ. „Къ тому же мы не о мясѣ теперь говоримъ. Зачѣмъ брать вопросъ съ этой кухонной стороны? Я вамъ не предлагаю жарить людей вмѣсто барановъ, тѣмъ болѣе, что это и въ сводѣ законовъ не одобряется; а я только то говорю, что если дѣйствительно чело-

вѣкъ отличается чѣмъ нибудь отъ барана, такъ это, именно, тѣмъ, что у него есть амбиція, есть потребность стать выше другихъ и жить лучше ихъ. Только подъ этимъ условіемъ человѣкъ цѣнитъ жизнь. Сведите ее на стадовой уровень и вы совершенно убьете въ ней все человѣческое. Тогда жизнь, дѣйствительно, будетъ имѣть одну только цѣну: количественную..."

Сергѣй Никанорычъ молчалъ. Я тоже... Касимовъ зѣвнулъ и потрепалъ меня по плечу:—„Ну что, Вася, ты еще не уснулъ?" спросилъ онъ, смѣясь.

Иверскій взялся за шляпу.

— „Куда вы?.. Постойте; намъ надо еще поговорить... Чтожъ, вы согласны?"

— „Нѣтъ, не согласенъ".

— „Да полноте! Что за вздоръ? Чего вы трусите? Чортъ далеко не такъ черенъ, какъ кажется!.. Да и къ тому же вѣдь все это будетъ идти черезъ ваши руки; стало-быть, еще будетъ время не соглашаться послѣ, когда увидите".

Сергѣй Никанорычъ молчалъ.

— „Неужели же изъ за такихъ пустяковъ вы бросите Василья Григорьича?.. Онъ такъ дорожитъ вами, да и не даромъ; потому что, безъ всякой лести скажу вамъ, едва ли онъ сыщетъ другого такого редактора".

Я хотѣлъ говорить, но Касимовъ толкнулъ меня потихоньку ногой, чтобъ я ему не мѣшалъ.

— „Я несогласенъ," повторилъ тотъ угрюмо.

— „Вы, можетъ быть, опасаетесь, что вамъ много лишней работы прибудетъ?.. Но вы возьмите въ разсчетъ, что соотвѣтственно съ этимъ и денежное вознагражденіе можетъ быть увеличено; можетъ быть даже удвоено или утроено; на счетъ этого никакихъ споровъ не будетъ; всѣ ваши условія будутъ приняты".

Иверскій сѣлъ и закрылъ руками лицо. Онъ, казалось, былъ сильно взволнованъ и озабоченъ.

— „Послушайте", продолжалъ Касимовъ. „Никто не требуетъ отъ васъ немедленнаго отвѣта; что толку, если бъ вы дали его теперь, а послѣ раскаялись?.. Дѣло не къ спѣху... Подумайте, взвѣсьте... А лучше всего подождите, покуда они вамъ статьи пришлютъ. Я увѣренъ, что прочитавъ, вы перемѣните ваше мнѣніе и

будете сами смѣяться надъ вашимъ страхомъ. Повѣрьте, онъ совершенно напрасенъ. Я вамъ ручаюсь, что тѣ, которые предлагаютъ вамъ это дѣло, понимаютъ отлично духъ времени и сами не станутъ писать ничего такого, что бы могло вооружить противъ нихъ общее мнѣніе Они не сдѣлаютъ этого уже по тому одному, что это было бы слишкомъ глупо. Съ другой стороны, они васъ не просятъ писать въ пользу ихъ; они даже не требуютъ, чтобы вы противъ нихъ не писали. Они хотятъ только мѣста въ вашемъ журналѣ. Отведите имъ уголокъ, а тамъ дѣйствуйте, какъ вамъ вздумается; пожалуй себѣ, хоть ругайте ихъ... Чѣмъ свободнѣе будутъ ваши взаимныя отношенія, тѣмъ лучше для нихъ“.

Иверскій поднялъ голову и посмотрѣлъ на меня очень пристально. Ему, очевидно, хотѣлось знать, что я думаю объ этихъ вещахъ. Но я не хотѣлъ объясняться съ нимъ при Касимовѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ было совѣстно передъ нимъ; мнѣ казалось, что онъ догадывается на счетъ того, что свиданье это и моя роль въ немъ были заранѣе условлены между мною и Касимовымъ.

— „Прощайте“, сказалъ онъ, и не отвѣчая ни слова на просьбу Дмитрія Петровича остаться еще посидѣть, ушелъ.

Оставшись вдвоемъ, мы долго еще говорили. Касимовъ совѣтуетъ не настаивать слишкомъ круто, а дать ему время надуматься, но при этомъ старательно избѣгать всего, что могло бы его заставить думать, что я колеблюсь и что мое рѣшеніе зависитъ хоть сколько нибудь отъ него. Надо, чтобъ онъ считалъ это дѣло рѣшеннымъ; это единственное средство заставить его уступить.

— „Хорошо“, сказалъ я; „а какъ онъ не уступитъ?“

— „Ну, такъ пусть убирается къ чорту! Можно другого найти“.

— „Да я не хочу другого. Я принимаю твой планъ въ видѣ опыта; но жертвовать для простого опыта такимъ человѣкомъ, какъ онъ, я положительно не согласенъ“.

— „А, ну это ужъ твоя воля?.. Я тебя только прошу, не юли и не волнуйся по пустякамъ до сроку. Дай время вопросу созрѣть и опредѣлиться; тогда самъ увидишь, куда онъ клонится и какого рѣшенія требуетъ.

XV.

23-го мая.

Сергѣй Никанорычъ что-то нейдетъ... Вѣрно дуется на меня... Не былъ ни третьяго дня, ни вчера; заходилъ къ нему, — дома нѣтъ.

Вчера вечеромъ я опять видѣлъ Касимова и мы съ нимъ толковали о томъ же. Онъ говоритъ весьма основательно, что во всякомъ дѣлѣ надо имѣть въ виду прежде всего его практическую возможность. Журналъ не можетъ существовать безъ подписчиковъ. Надо начать съ того, что обезпечить себѣ достаточный кругъ читателей, а послѣ ужъ думать о томъ, куда направлять ихъ мнѣніе; иначе оно будетъ похоже на голосъ въ пустынѣ, будетъ какая то шалость, потѣха, диллетантизмъ... Еще онъ говорилъ, что ригоризмъ возможенъ только въ наукѣ, въ теоріи, а въ сферѣ общественной дѣятельности шагу не сдѣлаешь безъ уступки, и въ доказательство, перебралъ мнѣ поочереди всѣ наши извѣстнѣйшія изданія. „Что ты думаешь“, говорилъ онъ, „они печатаютъ только то, что у нихъ на душѣ лежитъ, не кривя и не поступясь ни на волосъ всторону?.. Вовсе нѣтъ... Всякій принаровляется, всякій идетъ по діоганали между двумя направленіями, своимъ и тѣмъ, противъ котораго ему надо бороться. *Вожакъ* запружаетъ себя беллетристикой, отъ которой его тошнитъ. *Знамя* румянится, между тѣмъ какъ извѣстно, что оно краснаго цвѣта не терпитъ. *День* имѣетъ большой успѣхъ... отчего? Оттого, что онъ поступился съ своимъ ригоризмомъ, бросивъ тотъ фанатическій тонъ, который такъ рѣзалъ уши въ *Маякѣ*, не имѣвшемъ подписчиковъ, и въ *Русской Бесѣдѣ*, имѣвшей ихъ мало... Такъ и тебѣ надо сдѣлать... Редакторъ твой ригористъ. Его образъ мыслей рѣзокъ до крайности и потому никогда не можетъ быть раздѣленъ, ни даже понятъ массой. Для этой массы, онъ самъ говоритъ, надо имѣть отдѣлъ беллетристики. Но этого мало; потому — беллетристику, и гораздо почище вашей, можно найти у многихъ. Стало быть, надо еще что нибудь такое, чего у другихъ не встрѣтишь. Но что-же?.. Подумай-ка... Лучше того, что тебѣ предлагаютъ, едва ли найдешь... Это вамъ обезпечитъ подписчиковъ. Это будетъ приманка на вашей удочкѣ. Это поставитъ васъ сразу на твердую ногу и обратитъ на журналъ вниманіе. Съ этого надо начать, въ это ногой упереться, а тамъ, послѣ, тяните себѣ въ какую угодно сторону“.

Я замѣтилъ, что этакъ, пожалуй, выйдетъ пестро и что мы будемъ вынуждены очень рѣзко противорѣчить себѣ.

— „Э! что за вздоръ!“ отвѣчалъ онъ, смѣясь. „Наши два направленія совсѣмъ не такъ рѣзко расходятся, какъ ты себѣ представляешь. Разногласіе между ними такъ тонко, что надо нагнуться, да всматриваться, чтобъ замѣтить. Диссонансъ можетъ быть ощутителенъ только для изощренныхъ ушей, а изъ читателей на сто и одного не сыщешь, который бы тутъ услыхалъ что нибудь. Читатели судятъ объ этихъ вещахъ по силлогизму. Журналы ругаются, говорятъ они; стало быть, они несогласны въ своихъ направленіяхъ. А возьми ка на выдержку какого нибудь изъ нихъ и спроси: въ чемъ они несогласны? о чемъ споръ идетъ?.. Голову даю на отрѣзъ, не скажетъ!.. Гдѣ ему?.. Да и на кой чортъ ему все это знать? Неужли у него только и дѣла есть, что разбирать журнальныя несогласія? Всякаго изъ нихъ—свои маленькія дѣлишки, свои преферансы, интриги, сплетни, свое соперничество съ какимъ нибудь лилипутомъ изъ за какой нибудь лилипутки, или свой ревматизмъ, своя печень,— интересуютъ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ ваши величественныя теоріи и громкіе споры. Онъ беретъ въ руки журналъ чтобы тѣшиться, а дѣломъ онъ этого не считаетъ, да онъ и правъ. Какъ онъ ни глупъ, а онъ лучше всякаго литератора понимаетъ, что ему ни по росту такія задачи.

XVI.

24-го мая.

Видѣлъ Иверскаго... Онъ жестоко взбѣшонъ и объяснялся со мною рѣзко до дерзости...—„Если вы“, говорилъ онъ, „намѣрены перейти на сторону этихъ лавочниковъ, такъ вы мнѣ скажите прямо,— а съ Дмитріемъ Петровичемъ меня не сводите; я съ нимъ говорить не хочу“.

Я началъ его упрашивать, чтобъ онъ не горячился, а вникнулъ спокойно въ дѣло; куда!.. и слушать не хочетъ? Кричитъ во все горло! Волосы на себѣ рветъ!

— „Чего тутъ вникать? дѣло ясно!.. Они хотятъ, подъ нашею фирмою, своей сулемой отравлять; хотятъ въ наше пиво своего кукельвану подсыпать!

— „Почемъ вы знаете?“ перебилъ я.

— „А потому что онъ говоритъ... Помилуйте! Надо быть совершенно слѣпымъ, чтобы не видѣть, чего имъ нужно!.. Они хотятъ связать свое подлое направленіе съ нашимъ, и засыпавъ пескомъ глаза, перемѣшать ихъ во мнѣніи публики!.. Они насилуютъ наши выводы, доводя ихъ до крайнихъ предѣловъ, до совершенной нелѣпости, и выдаютъ это за дальнѣйшій прогрессъ, за высшую степень развитія нашихъ идей“.

Мнѣ стало досадно. „Что-жъ вы ему не сказали этого прямо въ глаза?“ спросилъ я... „Со мной тутъ куражитесь; а въ ту пору молчали!“

— „А что-жъ, вы хотѣли, чтобъ я его въ глаза назвалъ подлецомъ?“ отвѣчалъ онъ бѣшено.

— „Помилуйте! Что вы говорите?.. Неужли у васъ кромѣ брани другихъ аргументовъ нѣтъ?“

— „Мои аргументы пришли бы къ тому же выводу!“

— „Это не говоритъ въ пользу ихъ справедливости,“ отвѣчалъ я. „Надо толкомъ объяснить человѣку въ чемъ онъ не правъ, а не ругаться!“

— „Нѣтъ-съ; надо ругаться! Надо ихъ оплевать! закидать грязью!.. А съ вашими диспутами недалеко уѣдешь!.. Съ вашими диспутами они васъ двадцать разъ обойдутъ“!..

— „Деспотизмъ!“ сказалъ я.

— „Да-съ! Деспотизмъ нуженъ! Безъ деспотизма у насъ ничего не подѣлаешь!.. Что вы будете толковать съ этой публикой, которая ничего не смыслитъ?.. Какіе тутъ диспуты? Не доросли мы еще до диспутовъ!.. Ей нужно страху задать! Ее надо въ шею толкать, тащить на веревкѣ впередъ;—безъ этого вы ее съ мѣста не сдвинете!“

— „Покорно благодарю!“ сказалъ я. „Вы можете это дѣлать съ кѣмъ вамъ угодно, но не со мной! Меня избавьте, пожалуйста, отъ этого понуканья! Если хотите, чтобъ я васъ слушалъ, то говорите мнѣ дѣло; а ваши ругательства не убѣждаютъ меня ни на волосъ!“

Этотъ отвѣтъ озадачилъ его немного. Онъ покосился и замолчалъ.

Вечеромъ видѣлъ Касимова... „Ну что, твой Сергѣй Никанорычъ?“ спросилъ онъ.

— „Да что — Сергѣй Никанорычъ!.. на стѣну лѣзетъ! ругается!..“

— „Ругается?.. Ну, братъ, поздравляю тебя! Если ты это терпишь, то нечего больше и спрашивать!.. Помилуй, можно ли такъ распускать поводья?.. Какой нибудь хамъ, оборвышъ, голь семинарская!..“

— „Нѣтъ, сдѣлай милость!“ перебилъ я. „Довольно я этихъ вещей наслушался!.. У меня эта брань вотъ тутъ стоитъ!..“

XVII.

26-го мая.

Сегодня Рулева показывала мнѣ свой альбомъ съ карточками... Коллекція очень не велика. Нѣсколько женщинъ, изъ которыхъ одну я встрѣчалъ у нея... портретъ профессора К**... Изъ Касимовыхъ никого... Разсматривая мужскіе портреты, я мысленно спрашивалъ себя:—*который*?.. Но данныхъ къ рѣшенію этого интереснаго вопроса нѣтъ никакихъ, и, вообще, ни малѣйшихъ слѣдовъ близкой связи съ кѣмъ бы то ни было. Все это, вмѣстѣ съ ея стѣсненнымъ положеніемъ, ведетъ къ той догадкѣ, что она брошена.. Жаль на нее глядѣть!., Бѣдняжка кашляетъ... Сидитъ за работой цѣлое утро, отъ 9-ти до 3-хъ, почти не вставая съ мѣста!.. Я нѣсколько разъ упрашивалъ ее пожалѣть себя; но она отвѣчаетъ что нельзя иначе, что она вынуждена... Недалѣе, какъ сегодня, у насъ былъ объ этомъ споръ. Я ей доказывалъ, что отдыхъ необходимъ, чтобы работа шла хорошо, и что сидѣть какъ она, по цѣлымъ недѣлямъ безъ свѣжаго воздуха, безъ всякаго развлеченія значитъ губить себя“.

— „Что-жъ дѣлать?“

— „Я вамъ скажу, что... Надо дѣлать прогулки; быть больше на свѣжемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ... Неужли васъ не давитъ эта тюремная обстановка:—этотъ мракъ, тѣснота,—эта стѣна передъ вашимъ окномъ?.. Посмотрите: весна!.. тепло, солнце свѣтитъ... въ садахъ деревья цвѣтутъ!.. Что-бы вамъ стоило раза два, или даже хоть разъ въ недѣлю, поѣхать за городъ и нагуляться тамъ до сыта, до усталости?.. Неужли вамъ не хочется?..

— „Какъ не хотѣть?“ отвѣчала она, вздохнувъ.

— „Такъ что-жъ вамъ мѣшаетъ?.. Вотъ, напримѣръ, хоть завтра?.. Знаете что? Поѣдемте завтра въ Парголово?“

— „Нельзя“, отвѣчала она.

— „Отчего?“

— „Некому Митю оставить!“

— „А вашей хозяйкѣ?“

— „У ней своихъ дѣтей много, — и кухня... Она занята цѣлый день“.

— „Лидія Алексѣевна,—вамъ надо нанять себѣ няньку“.

Она замялась; ей не хотѣлось сказать, что у ней нѣтъ средствъ... „Послушайте“, продолжалъ я, „если вы не хотите быть откровенны со мною, то позвольте мнѣ отвѣчать за васъ... Я знаю, что вамъ мѣшаетъ. Ваши доходы слишкомъ малы, не правда ли?“

— „Да“, отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ, намъ надо подумать о томъ, какъ бы ихъ увеличить“.

— „Нѣтъ! ради Бога!.. Не говорите объ этомъ!“ просила она. „Я знаю, что вы добры; но я не хочу быть вамъ въ тягость!“

— „Позвольте, выслушайте. Развѣ нельзя такъ сдѣлать, чтобы не было въ тягость ни мнѣ, ни вамъ?

— „Не знаю“, отвѣчала она въ волненіи. „Можетъ быть, что и можно, но я не могу положиться на васъ въ этомъ случаѣ... Я боюсь... Кто мнѣ поручится, что вы поступите добросовѣстно; что я не буду обманомъ вовлечена въ обидное положеніе человѣка, которому навязываютъ пустую работу только за тѣмъ, чтобы имѣть предлогъ подарить ему деньги?“

— „Лидія Алексѣевна! Такой отвѣтъ человѣку, который вамъ сколько разъ говорилъ, что онъ считалъ бы за счастье стать вашимъ другомъ!..

Она вспыхнула и протянула мнѣ руку. „Не сердитесь!“ просила она. „Будьте ко мнѣ снисходительны!.. Въ моемъ положеніи нельзя не быть иногда черезъ-чуръ осторожною“.

— „Мнѣ больно“, продолжалъ я,—„что не смотря на всѣ мои усилія, я не могу измѣнить ни на волосъ моего отношенія къ вамъ. Вы до сихъ поръ смотрите на меня, какъ на редактора“.

— „О! нѣтъ!... Зачѣмъ говорить такія вещи?... Вы знаете, что я цѣню дорого... Я бы была дурная женщина, если бы я не

цѣнила... Вѣрьте, что нѣтъ человѣка на свѣтѣ, отъ котораго я бы охотнѣе приняла помощь, если бы я хотѣла принять ее отъ кого нибудь; но я не хочу!.. не могу!.. Я должна выбиться изъ зависимаго положенія!.. должна!.. Это моя мечта, вѣра... это условіе, безъ котораго я не могу быть спокойна, не могу уважать себя!..“

Я отвѣчалъ, что для человѣка трудящагося здоровье есть первое условіе независимости, и началъ ее упрашивать, чтобъ она удѣляла часть времени на сбереженіе своихъ силъ... Мы долго спорили... Она объясняла, что доходъ ея уменьшится, а расходъ увеличится, если она наймет себѣ няньку и будетъ работать менѣе, и что все это вмѣстѣ должно запутать ее по шею въ долги: а я ей доказывалъ, что если она будетъ такъ продолжать, то непремѣнно сляжетъ, и что тогда больше времени будетъ потеряно и больше денегъ истрачено.., Она заплакала и спросила, что-жъ дѣлать?.. Я отвѣчалъ, что надо искать уроковъ, а переводы устроить такъ, чтобы получать за нихъ плату не по листамъ, а помѣсячно.

— „Ни за что!“ говорила она въ слезахъ. „Скорѣе въ кухарки пойду!.. Это значитъ васъ разорять, брать у васъ деньги даромъ!.. Лучше ужъ бросить совсѣмъ переводы и поискать уроковъ“...

Я отвѣчалъ, что переводы можно оставить, когда уроковъ будетъ довольно; а что покуда надо сдѣлать, какъ я говорю“.

Послѣ долгихъ сопротивленій, мнѣ удалось наконецъ вырвать у ней согласіе.

— „Ну а что-жъ, завтра поѣдемъ за городъ?“ спросилъ я.

— „Нельзя, Василій Григорьичъ;— кому я оставлю Митю?“

— „Если такъ, сказалъ я,—„то поѣзжайте одна;— а Митю оставьте мнѣ“.

Она засмѣялась... „Вы шутите!“ отвѣчала она.

— „Нѣтъ, не шучу... Почему-жъ не оставить?.. развѣ вы мнѣ не довѣряете!.. Я буду сидѣть здѣсь все время, и если что-нибудь нужно будетъ, попрошу вашу хозяйку помочь“.

— „Полноте; вы меня со смѣху уморите!.. Ну, какая вы нянька?.. Вы не съумѣете его на руки взять!“

— „Да; это можетъ быть,—но если такъ, то я ѣду сію минуту искать вамъ няньку“.

Взглядъ, которымъ она отвѣчала на эти слова, останется у меня надолго въ памяти... Отъ него какъ-то на сердцѣ стало тепло.

XVIII

29-го мая.

Нашелъ уроки и няньку нашолъ!.. Женщина лѣтъ сорока, вдова какого-то слесаря, очень опрятная, тихая женщина и сама имѣла дѣтей... Уроки французскаго языка на Лиговкѣ, у какой-то купчихи... Нашла Марья Петровна. Няньку тоже она помогла мнѣ найти. Добрая дѣвушка! Я ей разцѣловалъ сегодня руки, такъ я былъ радъ. Но Рулева еще ничего не знаетъ; бѣгу ей сказать... Да надо зайти къ Иверскому, о переводахъ ему сообщить... Съ этими переводами мнѣ было много хлопотъ! цѣлыхъ два вечера спорились и торговались до слезъ... Да, кстати: Касимовы завтра переѣзжаютъ въ Стрѣльну, на ту самую дачу, которую мнѣ предлагали. Ѣдутъ, впрочемъ, однѣ только дамы; а Дмитрій Петровичъ остается еще надолго въ городѣ...

XIX

30-го мая.

Были въ Парголовѣ... Ѣздили въ наемной каретѣ... Взяли и няньку съ Митей. Погода стояла тихая, лѣтняя, и Лидія Алексѣевна была въ полномъ восторгѣ. Она бѣгала по травѣ и рѣзвилась, какъ школьникъ. Къ девяти часамъ были обратно въ городѣ и пили чай у нея.

XX.

2-го іюня.

Были опять въ Парголовѣ и Сергѣй Никаноровича брали съ собой... Думали, что прогулка развеселитъ его, но вошло напротивъ. Никогда я его не видалъ съ такимъ мрачнымъ, угрюмымъ лицомъ и еще никогда онъ не былъ такъ скупъ на слова. Онъ насъ связалъ, испортилъ намъ удовольствіе... Понять не могу, что это за человѣкъ! Природа, свѣжая зелень, солнце—точно какъ будто не существуютъ для него; по крайней мѣрѣ не видно, чтобъ они его сколько нибудь радовали или оживляли... Да онъ и не прячетъ этого. Онъ самъ говоритъ, что ему это все равно... Вообще говоря, скучнѣе товарища на подобнаго рода прогулки трудно найти.

XXI.

16-го іюня.

Сегодня по утру была у меня Лидія Алексѣевна съ своею работой... Читали, смѣялись, выпили цѣлый кофейникъ кофею и потомъ вышли вмѣстѣ... У насъ уже такъ завелось, что я ее провожаю до дому, и если дорогой начнемъ интересный какой нибудь разговоръ, то захожу къ ней кончить. Такъ было и этотъ разъ, только на этотъ разъ, у самаго поворота въ Кирочную она вдругъ замолчала и сильно перемѣнилась въ лицѣ. Я только что собирался спросить: что съ ней?—Смотрю, намъ на встрѣчу подходитъ Касимовъ.

— „Ба! ба! ба!.. вмѣстѣ?.. Вотъ что называется, двухъ птицъ съ одного выстрѣла!.. Давно ли вы познакомились?—сказалъ онъ, кивнувъ мнѣ насмѣшливо головой и протягивая ей руку.

Она молча коснулась ея. Лицо у ней было блѣдно, какъ восковое. Это меня такъ удивило, что мнѣ и въ голову не пришло отвѣчать: но онъ былъ невозмутимъ и веселъ по обыкновенію.

— „Я догадываюсь“, продолжалъ онъ смѣясь;—„литература сблизила... Лидія Алексѣевна всегда имѣла слабость къ редакторамъ, что, впрочемъ, неудивительно при такомъ тѣсномъ родствѣ литературы съ эмансипація... только жаль что это родство удалило ее отъ старыхъ знакомыхъ.

— „Это неправда“, произнесла она твердо и сухо... „Не это меня отдалило отъ нихъ“.

— „Не смѣю спорить“, отвѣчалъ онъ; „но я не знаю другихъ причинъ“.

— „Неправда“, настойчиво повторила она; „вы ихъ знаете“.

Онъ покраснѣла до самыхъ волосъ и, отвернувшись, ускорила шагъ; но онъ взялъ меня подъ руку и пошелъ рядомъ съ нами.

— „Мошенники эти редакторы!“ продолжалъ онъ смѣясь. „Подъ видомъ сочувствія къ дѣлу эмансипаціи, втираются въ дружбу къ своимъ сотрудницамъ и выживаютъ у нихъ изъ памяти старыхъ друзей!“

— „Перестань глупости врать!“ сказалъ я вполголоса... Онъ улыбнулся на мою сторону, насмѣшливо приподнявъ одну бровь и толкнувъ меня локтемъ подъ бокъ.

Рулева бѣжала такъ скоро, что мы едва поспѣвали за ней... Въ двѣ минуты мы были ужъ у воротъ. Она вошла, не оглядываясь; Касимовъ хотѣлъ за ней; но я его удержалъ.

— „Куда ты? сказалъ я. „Развѣ ты не видишь, что она отъ тебя бѣжитъ?“

— „Бѣжитъ?“ повторилъ онъ машинально, оборачиваясь ко мнѣ и осматривая меня съ насмѣшливымъ любопытствомъ... „Бѣжитъ?.. Да, твоя правда; она въ самомъ дѣлѣ бѣжитъ... Гмъ; посмотри-ка сюда на меня... Ахъ ты шельма! шельма!“ ...Онъ засвисталъ и пошелъ равнодушно прочь.

Съ минуту я стоялъ въ нерѣшимости: идти-ли за ней или его догонять? Послѣднее, разумѣется, было умнѣе, но грубыя шутки его возмущали меня до крайности, а съ другой стороны, любопытство. или нѣтъ, это было не любопытство, а что-то другое, все равно что, только мнѣ очень хотѣлось войти... „Неоглядывается“, подумалъ я, смотря ему вслѣдъ, и проворно шмыгнулъ въ калитку, но въ эту самую минуту, онъ, какъ на зло, оглянулся, и я издали, мелькомъ, успѣлъ замѣтить, какъ онъ хохоталъ.

— „Чортъ тебя побери!“ думалъ я, опрометью вбѣгая по лѣстницѣ. „Очень нужно тебѣ попадаться навстрѣчу!“

Квартира была заперта на ключъ; ея комната тоже... Я постучалъ.

— Кто тамъ?“ спросила она не отворяя.

— „Это я, Лидія Алексѣевна“.

— „Одни?“

— „Одинъ“.

Она отворила... Лицо ея было разстроено.

— „Что съ вами“ спросилъ я, взявъ ее за руку.

— „Такъ; ничего“...

— „Какъ ничего?.. Вы плакали?..

— „Да... нѣтъ.. это такъ... у меня нервы разстроены...“ Она сѣла.. „Эта встрѣча“... начала она и на полсловѣ вдругъ замолчала. Я стоялъ у окна, смотря на нее въ недоумѣніи.

— „Вы съ нимъ давно знакомы?“ спросила она.

— „Съ Касимовымъ? Да лѣтъ двадцать будетъ“.

— „И семейство его тоже знаете?“

— „Знаю!“

— „Сергѣй Никанорычъ мнѣ говорилъ“, продолжала она; „но я не думала, что вы съ нимъ такъ коротки„.

— „Мы съ нимъ товарищи по гимназіи“, отвѣчалъ я; „Нина Павловна мнѣ родня“.

Мы замолчали...

— „Василій Григорьичъ“, начала она снова; „скажите мнѣ правду: они говорили вамъ что нибудь обо мнѣ?“

— „Да, говорили“.

Она подняла на меня быстрый, полный тревожнаго любопытства взглядъ, какъ будто желая узнать еще что-то, но не рѣшаясь спросить.

— „Упоминали, то есть“, прибавилъ я. „Серьезно я говорилъ о васъ только съ Марьей Петровной. Она одна знала о нашемъ знакомствѣ“.

Рулева вздохнула. „Какъ я давно не видала Машу!“ сказала она задумчиво... „Милая Маша!.. Я ее очень любила!.. Чтобъ я дала, чтобъ увидѣть ее хоть на минуту!“

—„Это очень легко исполнить“, отвѣчалъ я; „потому что она тоже желаетъ васъ видѣть“.

— „Она не сердится на меня?“

— „Нѣтъ. Она только жалуется, что вы отъ нихъ прячетесь.“

— „Добрая Маша!“

— „Могу я ей передать это?“

— „Что передать?“ спросила она тревожно.

— „Что вы желаете ее видѣть... Ей стоитъ слово сказать... она завтра же будетъ здѣсь.

— „Ахъ нѣтъ! ни за что!.. ради Бога, ни слова!..“

— „Лидія Алексѣевна, это странно!..“

— „Ни за что!“ повторила она вскочивъ и подбѣгая ко мнѣ. „Я не могу... У меня есть причины... Я не хочу... Я требую, чтобъ вы ей ничего не говорили!“

— „Будьте спокойны,“ отвѣчалъ я; „безъ вашей воли, я, разумѣется ничего не скажу; но я право не понимаю, къ чему такія предосторожности съ женщиной, которая знаетъ все?“

— „Какъ все?..“ спросила она въ испугѣ, съ какимъ-то растереннымъ видомъ.

— „Тоже самое, что и я знаю,“ отвѣчалъ я.

— „Ничего болѣе?“

— „Ничего.“

Она успокоилась.

— „Вы очень дружны съ Дмитріемъ Петровичемъ?“

— „Былъ прежде... Теперь онъ во многомъ перемѣнился и мы такъ разошлись въ убѣжденіяхъ, что отъ старой, искренней связи осталась только одна привычка говорить откровенно другъ съ другомъ.“

— „Вы отъ него не имѣете тайны?“

— „Нѣтъ... Впрочемъ, не отъ него одного, я, вообще, не имѣю привычки скрывать того, что касается собственно до меня.“

— „Ну, а онъ?“

— „Онъ говоритъ мнѣ открыто все, что онъ думаетъ обо мнѣ. Дальше этого, я о немъ мало знаю.“

— „Онъ очень любитъ свою жену?“

— „ Не замѣтилъ.“

— „А дѣтей?“

— „Не замѣтилъ и этого.“

— „А Марью Петровну?“

Я покачалъ головою.

— „Кого же онъ любитъ?“

— „Ей Богу, не знаю... Мнѣ кажется, никого особенно.“

— „Онъ всегда веселъ?“

— „Сколько я знаю, всегда.“

Она задумалась... „Знаете,“ продолжала она въ полголоса, „эта вѣчная ясность, это невозмутимое, ровно-веселое состояніе духа имѣютъ въ себѣ что-то странное!.. Точно стѣна какая-то или занавѣсъ, за которой таится Богъ знаетъ что!.. Нѣтъ никакой возможности вѣрить людямъ, которые всегда веселы...“

— „Да, это правда,“ отвѣчалъ я; „но скажите, Лидія Алексѣевна, „вы кажется очень его не любите?“

— „Было время, когда онъ мнѣ нравился,“ отвѣчала она опустивъ глаза; „но я давно перемѣнила о немъ свое мнѣніе.“

— „Нѣтъ, этого мало сказать. Судя по сегодняшней встрѣчѣ, мнѣ кажется, что вы его положительно ненавидите; даже боитесь...“

Она молчала.

— „И этимъ я объясняю себѣ отчасти то, что всегда мнѣ казалось странно: что вы прекратили всякія отношенія съ семействомъ Касимовыхъ.“

— „Я васъ прошу," отвѣчала она, „не спрашивайте меня объ этомъ. Я не могу вамъ сказать ничего покуда... Послѣ, когда нибудь... вы узнаете... А теперь я вамъ вотъ что скажу... Мнѣ надо перемѣнить квартиру."

— „Зачѣмъ?"

— „Такъ... надо... Я ужъ давно собираюсь. Здѣсь темно... холодно..."

— „Но теперь лѣто.

— „Да... но..." и опять она начала твердить *надо* да *надо*, не объясняя зачѣмъ. Но я понимаю чего ей надо... чтобъ *онъ* не зналъ ея адреса... „Ну, это не даромъ!" подумалъ я. „Тутъ что-нибудь да неладно!"

XXII.

20-го іюня.

Видѣлъ Касимова... Съ своимъ безграничнымъ нахальствомъ онъ тотчасъ спросилъ: давно ли я волочусь за Рулевой?.. Отвѣчалъ, что я вовсе за нею не волочусь.

— „Полно, такъ-ли?"

— „Положительно такъ."

— „Что жъ вы съ ней дѣлаете?"

— „Ничего; я съ ней просто знакомъ. Она переводитъ для моего журнала: а я ей за это деньги плачу... Вотъ и все."

— „Только-то?.. Ну братъ, если ты только не врешь, то я о тебѣ лучше думалъ."

— „Что-же ты думалъ?"

— „Да я думалъ, что не даромъ ты провожаешь ее на улицѣ и заходишь къ ней въ гости и что не такой же ужъ ты человѣкъ, чтобъ отъ хорошенькой женщины добиваться только однихъ переводовъ."

— „Послушай, Дмитрій Петровичъ, это свинство говорить такимъ образомъ о Лидіи Алексѣевнѣ!... Ты ее знаешь и можешь понять, что она не изъ тѣхъ...

— „Да ну, полно!" прибавилъ онъ смѣясь. „Ты сталъ щекотливъ на слова, точно какая нибудь старая гувернантка. Что я дурного о ней сказалъ? И что за обида для молодой женщины, если кто нибудь ищетъ съ ней сблизиться потѣснѣе?.."

— „Сдѣлай милость, оставь эти плоскости!“ отвѣчалъ я съ досадою. „Все это само собой, разумѣется; но неужели кромѣ глупостей, о молодой женщинѣ ничего и сказать нельзя? Точно какъ будто онѣ только для этого и существуютъ!..“

— „Ну, ну, не сердись! Ну, пусть не для этого? Будемъ пожалуй о нихъ говорить, какъ будто это до нихъ вовсе и не касается.“

— „Нѣтъ, братъ!“ отвѣчалъ я. „Шутками тутъ не отдѣлаешься! Надо объ этомъ серьезно“...

— „Да ну тебя! отвяжись съ твоею серьезностью! Взъѣлся, точно бульдогъ какой нибудь! Вишь какъ выдрессировали! Тронь только, такъ и пошелъ! Какъ табакерка съ музыкой!.. Стюарта Милля, чай, наизустъ выдолбилъ,—а?..“

Я плюнулъ и ушелъ къ Марьѣ Петровнѣ.

XXIII.

26 іюня,

Сегодня я, наконецъ, узналъ то, о чемъ могъ бы давно догадаться по разнымъ случайнымъ намекамъ, сохранившимся у меня въ памяти!.. Что со мной сдѣлалось, когда я это узналъ, понять не могу!.. Меня точно въ сердце ударило что нибудь!.. Тошно и больно... голова кружится... въ мысляхъ все какъ то вверхъ дномъ повернулось... не могу ничего сообразить!.. Пробовалъ спать лечь,—не спится. Велѣлъ чай сдѣлать; чай въ ротъ нейдетъ!.. Что я? Чего ожидалъ? На что надѣялся?.. И какъ глупо, неосторожно, безумно позволилъ я себѣ впутаться по-уши въ это чувство!.. Бьетъ полночь; сна ни въ одномъ глазу... Запишу все въ порядкѣ, какъ было...

Вечеромъ, въ половинѣ 8-го, я отправился къ Лидіи Алексѣевнѣ. Наружная дверь была отперта. Я пошелъ корридоромъ, и былъ уже близко отъ ея комнаты, какъ вдругъ услыхалъ сквозь перегородку, что она говоритъ съ кѣмъ-то.

— „Оставь меня! Какъ ты смѣешь. Какое право?.. Я позову!..“ раздалось очень явственно и вслѣдъ за тѣмъ шумъ, какъ будто что передвинули... Я кинулся, но въ эту минуту услыхалъ голосъ Касимова.

— „Лили! Не дурачься! Брось этотъ стулъ!.. Я не хочу тебя вынуждать ни къ чему.“

Меня какъ огнемъ охватило. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Этотъ тонъ! Это *ты*! Эти два голоса! Что это значитъ?.. Въ эту минуту я былъ у самыхъ дверей и уже взялся за ручку, но что то остановило меня... Я оглянулся... Въ корридорѣ темно, и, въ добавокъ, крутой поворотъ его заслонялъ меня совершенно отъ глазъ... Никто не видалъ, какъ я вошелъ. Неодолимая сила приковала меня къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ... „Не ошибся ли я?.. Онъ ли это?“ было первое, что пришло мнѣ въ голову.

Въ жару, не давая себѣ отчета въ томъ что дѣлаю, я приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ и увидѣлъ *его*... Онъ стоялъ у окна, прямо противъ меня... ея не было видно. Нѣсколько словъ сказано было съ обѣихъ сторонъ, пока я успѣлъ вслушаться.

. . . „Ссора изъ пустяковъ!“ говорилъ онъ.

— „Для тебя все пустяки!“ отвѣчала она...— „И наша связь была точно такіе же пустяки, какъ все остальное“.

— „Это не правда“.

— „Не лги, сдѣлай милость!... Мнѣ больно видѣть, какъ вы унижаете себя попустому.

— „Повѣрь мнѣ, Лили“.

— „Ахъ, Дмитрій Петровичъ,—было время, когда я тебѣ вѣрила, слѣпо вѣрила;—теперь не могу“.

— „Лидія, я не лгалъ тебѣ никогда, ты не такъ понимала мои слова,—вотъ и все.“

— „Нѣтъ, Дмитрій Петровичъ;—слова твои я хорошо понимала, но я была слишкомъ еще молода, чтобы тебя самого понять... Ты мнѣ казался другимъ человѣкомъ“.

— „Я въ этомъ не виноватъ“.

— „Да, ты, конечно, не виноватъ, что я была такъ глупа, но ты воспользовался моею глупостью, чтобъ одурачить меня совершенно. Теперь тебѣ это не удалось бы. Я теперь ужъ не тотъ ребенокъ, какимъ была у тебя въ рукахъ и не стала бы слушать басни, котовыми ты морочилъ меня въ ту пору“.

— „Какія басни?“

— „А! ужъ забылъ?.. Какъ это похоже на тебя, бездушный, пустой человѣкъ!.. Ты забылъ, какъ ты лгалъ на жену, будто

она не любитъ, не понимаетъ тебя, будто ей все равно, кого бы ты ни любилъ, и что она дорожитъ только одними приличіями, и что ты никогда не встрѣчалъ женщины искренно тебѣ преданной... и все это ложь!... Я знаю теперь, что не жена твоя виновата въ томъ, что у васъ дѣло врозь пошло. Вся вина ея, что она не хотѣла вѣрить въ свое несчастіе. Какъ слабая женщина, она утѣшала себя надеждою на какую то перемѣну въ тебѣ, на возможность вернуть то, чего не было никогда. Она виновата передъ своимъ женскимъ достоинствомъ, вынося терпѣливо ту жалкую роль, которую ты заставляешь ее играть .. Но передъ тобой она права; потому что кто-бъ ни былъ на мѣстѣ ея,—я ли, другая ли,— никто не имѣлъ бы твоей любви!“

— „Что за вздоръ, Лидія! Еслибъ ты обвиняла меня: зачѣмъ для тебя я не бросилъ жены и дѣтей, я бы это понялъ еще, потому, это было бы хоть и строго, да по крайней мѣрѣ толково... но утверждать, что я не любилъ тебя...“

— „Покорно благодарю за такую любовь! Черезъ мѣсяцъ послѣ меня ты связался съ какою то дрянью, которая рисовала себѣ глаза!“

— „Я бросилъ ее давно“.

— „Бросилъ бы и меня, мой другъ, если-бы у меня не хватило ума предупредить тебя“.

— „Хорошъ умъ!.. Изъ-за пустого страха добровольно идти на встрѣчу тому, что пугало тебя!.. Испортить двумъ людямъ жизнь ни за грошъ!..“

— „Въ твоей жизни нечего было портить, Дмитрій Петровичъ“, отвѣчала она;— „а моя была раньше испорчена,—испорчена съ той минуты, какъ я полюбила тебя. Какая судьба ожидала меня?.. Быть одною изъ полдюжины твоихъ пріятельницъ, и каждый день ждать отставки?.. Хороша жизнь!“

— „Полно, Лидинька!“ перебилъ онъ.—Это тебѣ нейдетъ! Это пахнетъ той старою институтскою моралью, надъ которою ты прежде сама смѣялась“.

— „Ты лжешь!“ отвѣчала она горячо.—Я смѣялась надъ лицемѣріемъ и надъ кодексомъ женской неволи;—но я никогда не оправдывала разврата. У меня нѣтъ, какъ у васъ, двухъ мѣрокъ! По моему то, что грязно для женщины, также грязно и для муж-

чины. Ты первый плюнулъ бы на меня, еслибъ я вѣшалась безъ разбору на шею всякому встрѣчному; но въ себѣ, ты не только готовъ оправдать тоже самое,—ты хочешь, чтобъ и я считала за счастье стоять на ряду со всякой дрянью!“

— „Съ чего ты взяла, что я тебя ставлю на одну доску съ ними?“

— „Ставишь или не ставишь, въ моихъ глазахъ это все равно. Не отъ твоей воли зависитъ унизить или повысить меня въ моемъ собственномъ мнѣніи. Я сама себѣ знаю цѣну и не прошу никого быть моимъ судьей!“

— „Лидія!“

— „Нѣтъ, Дмитрій Петровичъ, довольно! Я не ребенокъ, котораго можно убаюкивать пѣснями... Я разъ ошиблась въ тебѣ,— довольно съ тебя и этого. Ничто въ мірѣ не заставитъ меня ошибиться въ другой разъ!“

— „Лидинька!“

— „Нѣтъ, ради Бога!.. довольно! Кончи!.. Мнѣ больно все это слушать!..“

Онъ замолчалъ... По сурово-нахмуренному лицу, можно было замѣтить, что онъ раздраженъ. Въ комнатѣ стало тихо, такъ тихо, что маятникъ на часахъ былъ слышенъ.

— „Покажи сына“, сказалъ онъ минуту спустя.

Она прошла мимо дверей и вынесла на рукахъ ребенка. Что дальше происходило, я не видалъ, потому что они отошли отъ окна. Нѣсколько словъ сказано было между ними, но не довольно внятно.

— „Что онъ у тебя такой блѣдный?“ услышалъ я черезъ нѣсколько времени. „Ты, вѣрно, сама его кормишь?“

Отвѣта неслышно было.

— „Какая глупость!“...

Опять она что то шепнула.

— Чѣмъ ты живешь?“

Она отвѣчала довольно подробно; но я уловилъ только слова: .....„продала“ .....„очень трудно“ .....„привыкла“ .....и ...„переводы“.

— Лидія! Это безумство!... Ты себя уморишь! Посмотри, какъ ты исхудала за это время! Тебя узнать трудно! У тебя лицо стало какое-то желтое!“...

По нѣсколькимъ, едва внятнымъ звукамъ, я догадался, что она плачетъ.

— „Не дурачься, пожалуйста; возьми у меня хоть пятьсотъ рублей на первое время».

Отвѣта не слышно было.

— «Что за вздоръ! Ну если не для себя, то для этого мальчугана возьми. Найми ему мамку здоровую, комнату попросторнѣе... Помилуй! Въ этой конурѣ можно задохнуться! А не то хочешь, я мѣсто тебѣ пріищу?»...

— „На какое мѣсто меня возьмутъ съ сыномъ?“

— „А сына мнѣ отдай“

— „Ни за что!“

Онъ топнулъ ногой... „О! чортъ возьми! Ни изъ коробу, ни въ коробъ! Ничего нѣтъ несноснѣе бабы съ норовомъ!... Слишкомъ много ума, чтобы послушать кого нибудь; слишкомъ мало, чтобы самой разсудить! Что ни придумай, противъ всего сто возраженій сыщетъ, а сама станетъ думать, выдумаетъ такую чушь, что и сказать ничего не найдешься, а только разинешь ротъ!... Портить себѣ здоровье, просиживая полсутокъ надъ какими нибудь переводами, которые надо выпрашивать, которые никому ненужны, которые едва окупаютъ бумагу, на нихъ употребляемую, которые всякой школяръ, выгнанный изъ гимназіи, можетъ у тебя перебить, и думать, что ты въ независимомъ положеніи, что это эмансипація, самостоятельный трудъ... можетъ ли быть заблужденіе нелѣпѣе этого?“

— „Я не выпрашивала ни у кого работы“, отвѣчала она всхлипывая... „Я имѣю еще теперь“....

— „Ахъ да! Я было и забылъ“, перебилъ онъ, „у тебя новый пріятель съискался? Какимъ образомъ? Кто васъ свелъ?“

Она отвѣчала что-то невнятно.

— „Чтожъ, онъ успѣлъ влюбиться въ тебя?“

Отвѣтъ, сколько я могъ судить по тону, былъ отрицательный.

— „Ну, если еще не успѣлъ, то я тебѣ отвѣчаю, что не замедлитъ. Я знаю этого человѣка, у него сердце кисельное, и если ты только маху не дашь, то его скоро можно къ рукамъ прибрать.“

— „Перестань, сдѣлай милость!“ отвѣчала она съ досадою. „Ты оскорбляешь его и меня!“

— „Это какимъ образомъ? Если ты ужъ рѣшилась бросить меня совсѣмъ, то я не вижу, почему тебѣ съ нимъ не сойтись. Онъ добрый малый, свѣжъ, молодъ, неглупъ, хорошо обезпеченъ, однимъ словомъ, изъ него можетъ выйти отличный мужъ.“

— „Дмитрій Петровичъ! Ради самого Бога! Я не могу!... Эти шутки.... такъ грубо!“.... Конца я не могъ разслушать.

— „Я не шучу, Лидія“, отвѣчалъ онъ. „Совѣтую тебѣ серьезно объ этомъ подумать... А впрочемъ, какъ знаешь.... Прощай.“

Я только что имѣлъ время сдѣлать шагъ всторону отъ дверей, какъ онъ отворилъ ихъ и прошелъ мимо, въ темнотѣ не замѣтивъ меня...

Нѣсколько времени я колебался, не зная, какъ выбраться изъ глупаго положенія... Войти къ ней нельзя; я былъ такъ разстроенъ, что не могъ бы двухъ словъ связать... Пробравшись по корридору, я выждалъ минуту, когда въ кухнѣ не было никого, и потихоньку вышелъ на лѣстницу.

XXIV.

2-го іюля.

Вотъ ужъ съ недѣлю, какъ я себѣ не принадлежу; сплю мало, не дѣлаю ничего, хожу, какъ растерянный... У Лидіи Алексѣевны не былъ съ тѣхъ поръ; а что мѣшаетъ?... Понять не могу... Въ чемъ это открытіе измѣнило мои отношенія къ ней?... Не все ли равно, съ кѣмъ она имѣла связь, если эта связь порвана, и она больше не любитъ?... Стой! Это вопросъ еще не рѣшенный... Точно ли она не любитъ его?... Можно ли это заключить изъ того, что я слышалъ?... Съ перваго взгляда оно дѣйствительно кажется, что съ глазу на глазъ, неподозрѣвая свидѣтеля, она не имѣла причины скрывать... Г-мъ!... Такъ ли, полно? Ну, а что если имѣла? Что тогда?... Женщины очень хитры, очень извилисты. У нихъ побудительныя причины или запрятаны очень глубоко, или такъ тонки, что мы, съ нашимъ грубымъ зрѣніемъ, часто не можемъ ихъ разсмотрѣть и тогда, если ихъ вовсе отъ насъ прячутъ; тѣмъ болѣе если задумаютъ спрятать... Тогда ужъ пиши пропало! Кончено! Не поймешь ничего!...

Все это время не былъ ни у кого и не видалъ никого, кромѣ Иверскаго. Касимовъ разъ заходилъ, да, по счастью, меня дома не было... Я право не знаю, какъ я теперь встрѣчу этого человѣка?... Сергѣй Никанорычъ былъ правъ. Я теперь понимаю его недоговорки и злость. Онъ, бѣдный, тоже того... какъ я!... О! чортъ побери! Что за мука! Любить такъ, какъ я люблю... до зарѣзу, до сумасшествія... горѣть отъ простого пожатія руки... ждать, какъ голодный—пищи, одной усмѣшки, одного ласковаго слова, и знать, что есть человѣкъ, который имѣлъ это все и въ тысячу разъ болѣе и всѣмъ пренебрегъ, на все наплевалъ!... и человѣкъ этотъ твой пріятель! и этотъ пріятель—такая свинья!... Господи!... можетъ ли быть несчастіе хуже этого!...

XXV.

3-го іюля.

Сейчасъ приносили листы изъ типографіи... Отправилъ все къ Иверскому... Опротивило до того, что смотрѣть не хочется. Точно совсѣмъ чужое что-то! Точно ты за десять верстъ отъ всего!... Говорятъ, сумасшествіе такъ начинается. Что нибудь новое забереться въ тебя и сдѣлается знакомо, мило; а старое опостылитъ...

Вчера и сегодня разъ десять брался за шляпу, чтобы идти къ ней, и не могъ рѣшиться. Боюсь, что она съ перваго взгляда у меня на лицѣ все прочтетъ...

Цѣлую ночь ломалъ голову: какъ бы такъ сдѣлать, чтобы избавить ее отъ этой дурацкой работы, надъ которою она надрывается... Разные планы вертѣлись въ умѣ, и все это казалось сбыточно, покуда лежалъ въ постели съ закрытыми глазами, а теперь, по утру, все выходитъ вздоръ!... Вотъ ужъ съ недѣлю, какъ ее не видалъ и такъ это тяжело становится... съ каждымъ днемъ тяжелѣе!.. Прежде, покуда мы видѣлись съ ней почти каждый день, я безъ нея могъ заниматься еще, могъ думать о посторонникъ вещахъ... теперь—не могу!... Гони мысли, какъ хочешь, прочь, направляй ихъ на что угодно, какъ только пустилъ поводья, такъ и наѣдешь опять на нее!... И не то, чтобъ я думалъ о ней что нибудь очень мудреное. Нѣтъ чаще такъ, просто, припоминаешь какой нибудь взглядъ, тонъ голоса, или мерещится тебѣ, какъ у

нея волосѣ на проборѣ вихоркомъ дѣлятся, какъ она ходитъ, стоитъ... какъ у ней шея выгнута и плечи приподняты, когда она сидитъ за работой.... и эту складочку; этотъ курьезный, маленькій знакъ удивленія между бровями, когда ее что нибудь озадачиваетъ, и все это такъ живо! Стоитъ только задуматься, такъ она тутъ и станетъ передъ тобой, словно писанная!...

XXVI.

5-го іюля.

Счастливъ!... Чертовски счастливъ!... И счастье такъ неожиданно привалило, что голова даже кружится!... Вотъ какъ это было: вчера пришелъ ко мнѣ Иверскій и въ разговорѣ, по поводу переводовъ, упомянулъ о Лидіи Алексѣевнѣ. Я слушалъ его разсѣянно, но при этомъ вдругъ поднялъ глаза и вижу, онъ смотритъ на меня какъ-то необыкновенно пристально. Я, вообще говоря, не конфузливъ, но тутъ—не могу объяснить, что со мной сдѣлалось, вспыхнулъ весь до ушей и до того смѣшался, что даже не помню теперь, что отвѣчалъ. Должно быть большую глупость, потому что онъ былъ удивленъ, и посмотрѣвъ на меня какъ-то дико, всталъ съ мѣста ни слова не говоря, прошолъ разъ два по комнатѣ, потомъ опять сѣлъ.

— „Рулева просила сказать вамъ, что она переѣхала на другую квартиру“.

— „Какъ такъ?... Когда?“

— „Вчера.“

— „Куда жъ это?“

— „А вотъ, она сама пишетъ вамъ обо всемъ. Она просила отдать вамъ это, когда вы будете у себя одни.“

Онъ передалъ мнѣ записку.

„Ждала васъ, мой другъ, каждый день; но вы нейдете, а я „такъ устала отъ переборки, что едва на ногахъ стою. Я пере„ѣхала на другую квартиру и живу теперь въ Троицкомъ, въ домѣ... „и проч. Я больна и ужасно скучаю. Приходите ко мнѣ „сегодня.“

Л. Р.

P. S. Ради Бога, не сообщайте моего новаго адреса никому.„

Черезъ четверть часа я былъ у нея... „Что барыня?“ спросилъ я у няньки, которая отворила мнѣ дверь.

— „Лежатъ-съ... нездоровы“, отвѣчала она. „Съ этой проклятою переѣздкой такая у насъ непріятность была!“ объясняла она, снимая съ меня пальто.

— „А что?“

— „Да что, сударь, старая-то хозяйка, прости Господи, гадина этакая!—не хотѣла съ квартиры пускать!.. Нанимали, говоритъ, помѣсячно, такъ и платите за цѣлый мѣсяцъ. Съ третьяго-то числа!.. Ахъ ты, чтобъ-те розорвало!.. Къ дворнику бѣгала. Ничего говоритъ съ нее не возьмешь, потому у квартальнаго дочь крестила... Такъ-то сударь, всѣ свои денежки Лидія Алексѣевна ей и отдали; опосля уже вспомнили, что извощику заплатить нечѣмъ... посылали съ запиской къ Сергѣй Никанорычу. Такъ тотъ пришелъ самъ и цѣлый день тутъ возился; вещи таскалъ, въ лавочку бѣгалъ, гвозди вколачивали, къ управляющему съ билетомъ ходилъ... Добрый такой господинъ! Безъ него мы бы тутъ до сихъ поръ не управились!“

Зависть меня разобрала... „Отчего она написала ему, а не мнѣ?“ думалъ я. „Неужели я не сдѣлалъ бы для нея того же?“

Я вошелъ потихоньку къ ней въ комнату. Она лежала, закутавшись въ старую, черную шаль; измятые волосы закрывали ей половину лица. Услыхавъ меня, она открыла глаза и хотѣла встать, но я ее удержалъ... Руки у ней были горячія, взглядъ безпокоенъ, лицо въ огнѣ.

— „Что съ вами, Лидія Алексѣевна? спросилъ я, садясь.

— „Да ничего покуда,“ отвѣчала, она, приподнимаясь и отбрасывая руками назадъ свои густые волосы... „Утромъ озябла немножко и сонъ клонилъ; а теперь жарко и голова ломитъ... Боюсь, чтобъ не слечь...“

Я предложилъ ей съѣздить за докторомъ, но она на отрѣзъ отказалась.

— „Я боюсь докторовъ“, говорила она. „Они вѣчно предпишутъ такія вещи, которыхъ исполнять нельзя.“ Но видя, что я настаиваю, —„полноте!“ перебила она; „не сердите меня!.. Я васъ не за этимъ звала!.. Посидимте спокойно... поговоримте о чемъ нибудь другомъ... Скажите, отчего вы такъ давно не были?“

Замявшись, я отвѣчалъ, что тоже былъ нездоровъ.

— „Бѣдный, чѣмъ это?“

— „Да, какъ вамъ сказать... нестольчо физически, сколько нравственно... Безсонница... мысли разстроены...“

— „Ну это чтожъ за причина сидѣть у себя запершись?,. Тутъ то бы и придти поболтать... Вамъ, вѣдь, не скучно со мной?..“

— „Нѣтъ.“

— „Ну вотъ видите-ли!.. Вотъ вы какой милый... добрый!.. Я ужасно рада, что вы пришли. Знаете, мнѣ такъ было не хорошо... а теперь вотъ... ничего...“

Я смотрѣлъ на нее. Она говорила въ сильномъ жару. Дыханье у ней было ускорено и затруднено, тонъ голоса лихорадочный; самый смыслъ рѣчи показался мнѣ несовсѣмъ связенъ... Я хотѣлъ говорить, но страхъ сказать слишкомъ много зажалъ мнѣ ротъ. Между тѣмъ, она продолжала:

— „Я... знаете.... мнѣ такія страшныя вещи снились.... я все боялась... но теперь, когда вы здѣсь... Да вы куда же?.. Не уходите!“

— „Лидія Алексѣевна, я и не думаю уходить.“

— „Нѣтъ?.. Ну, я очень рада... Я васъ такъ ждала!.. Милый Василій Григорьичъ!.. Я васъ очень люблю!.. Уфъ! что это?... жарко такъ!..“ Она схватилась руками за голову и привстала. „Что вы на меня такъ смотрите?..“ сказала она приходя въ себя... „Я вѣрно бредила?.. Который часъ?.. Хотите чаю?..

Но мнѣ было не до чаю. Я самъ былъ въ огнѣ. Ни слова не отвѣчая, я взялъ ея руки и нагнувшись надъ ними, началъ ихъ цѣловать.

— „Пустите!..“ шепнула она, слабо пытаясь отнять ихъ, и вдругъ замолчала... Я поднялъ голову и увидѣлъ, что она снова въ бреду. Широко открывъ глаза, она смотрѣла на меня съ какимъ то радостнымъ удивленіемъ на лицѣ; потомъ тихо, тихо нагнулась и поцѣловала.

У меня голова закружилась. Я готовъ былъ забыть ея положеніе и надѣлать Богъ знаетъ какихъ дурачествъ; но въ эту минуту дверь скрипнула.

— „Слышите? слышите?“ шептала она. „Кто это? кто вошелъ?..“

— „Это я, Лидія Алексѣевна,“ отвѣчала нянька.

Она повернулась, и заслоняя рукою глаза, стала вглядываться.

— „Паша?.. Прасковья Васильевна?.. Это вы?..

— „Я, сударыня.“

— „Ну, ничего... а я думала...“ Недоговоривъ, она опустила голову на подушку и уснула глубокимъ сномъ.

Нянька ушла... Я сидѣлъ, какъ пришитый къ стулу, не шевелясь, удерживая дыханіе... Тревожныя чувства тѣснились въ груди. Я былъ на минуту счастливъ, такъ счастливъ, какъ никогда и во снѣ не мечталъ Но эта минута прошла, и что отъ нея осталось? Я не зналъ, радоваться или жалѣть, что Прасковья вошла. Съ одной стороны, все это могло быть не больше, какъ бредъ, и въ такомъ случаѣ безсовѣстно было бы воспользоваться ея безпомощнымъ состояніемъ, чтобы потѣшить себя на минуту какимъ-то призракомъ счастья. Но, думалъ я, что если это не призракъ? Если чувство дѣйствительное вырвалось у нея изъ подъ гнета, въ бреду?... Какая минута потеряна! и на сколько теперь отсрочена разгадка моихъ сомнѣній?.. Припомнитъ ли она что-нибудь, послѣ, когда прійдетъ въ себя, и если нѣтъ, то что дѣлать?.. „Что дѣлать,“ твердилъ я себѣ, облокотясь на колѣна и закрывая руками лицо...

Долго ли я сидѣлъ такимъ образомъ—не знаю; помню только, что время летѣло у меня безсознательно. Помню, какъ сердце билось, виски горѣли, какъ маятникъ на стѣнѣ стучалъ мѣрно и какъ часы пробили нѣсколько разъ... Смеркалось, свѣчу принесли и свѣча нагорѣла. При слабомъ свѣтѣ ея все въ незнакомой комнатѣ принимало таинственный, фантастическій видъ... Мысли мои, не выдерживая напряженной дѣятельности, стали терять нить связи и путаться... Около этого времени, глубокій вздохъ заставилъ меня оглянуться. Она сидѣла, протирая руками глаза. Съ перваго взгляда ясно было, что она въ полной памяти, и что сонъ ее освѣжилъ.

— „Что это? Сколько времени я тутъ спала?“

Я указалъ ей на свѣчку.

— „Какъ же это не совѣстно? Зачѣмъ вы не разбудили?“

Я отвѣчалъ, что напротивъ, разбудить-то и было бы безсовѣстно.

— „Отчего?“

— „Вы были въ жару... бредили; вамъ нуженъ былъ отдыхъ“.

— „Бредила?.. Быть не можетъ!.. Вы шутите?“

— „Спросите Прасковью Васильевну“.

Я сидѣлъ еще съ часъ. Она не хотѣла меня отпустить безъ чаю... Все это время она была молчалива и часто задумывалась. Нѣсколько разъ я замѣтилъ робко-пытливый, украдкой на меня устремленный взоръ, и раза два при этомъ она краснѣла, очевидно припоминая что-то. Я то же не могъ овладѣть собой настолько, чтобы казаться покойнымъ, и разговоръ между нами не клеился...

Прощаясь, я взялъ ее за руку и мы стояли съ минуту, ни слова не говоря, она — потупивъ глаза, я — не сводя съ нея глазъ. Рука у нея дрожала.

— „Что жъ мы такъ стоимъ?“ шепнула она, тихо пытаясь освободить ее. „Не уходите, сядьте, поговоримъ еще... Вамъ скучно было у меня сегодня?“

— „Нѣтъ“, отвѣчалъ я, самъ начиная дрожать.

— „Что жъ вы такъ невесело смотрите?“

— „Могу ли я быть веселъ, когда вы больны?“

— „Да я ничего... Я теперь хорошо себя чувствую“.

— „Правда ли?“

— „Если такъ... то...“ началъ я и остановился.

— „Зачѣмъ вы не договариваете?.. У васъ что то лежитъ на душѣ?.. Вы что-то прячете отъ меня?“ продолжала она печально.

— „Я бы радъ отъ васъ ничего не прятать, мой другъ“, отвѣчалъ я: „да я не знаю, будетъ ли это вамъ пріятно?“

— „Горько или пріятно“, отвѣчала она, „я бы желала знать правду“.

— „Да нужно ли ее выговаривать?.. Неужели вы не видите сами!“

Съ минуту она стояла передо мною въ волненіи... слово не шло у ней съ языка. Я наклонился къ ей ближе... „Не видите, что я васъ люблю?..“ шепнулъ я ей на ухо. Она вздрогнула, и закрывъ рукою лицо, убѣжала за ширмы.

Я остался одинъ и стоялъ весь въ огнѣ, съ жестокимъ, тяжелымъ біеніемъ сердца и съ какимъ-то туманомъ въ глазахъ... Свѣча потухла, въ комнатѣ становилось темно; за дверьми храпѣла Прасковья Васильевна... За ширмами слышно было порывистое, спазматическое дыханіе... Я догадался, что она плачетъ.

— „Лидія Алексѣевна“, произнесъ я.

Отвѣта не было.

— „Лидія Алексѣевна!“

— „Что?“

— „Можно къ вамъ?“

— „Можно.“

Я поднялъ занавѣсь и увидѣлъ ее надъ кроватью сына, съ лицомъ, прижатымъ къ лицу малютки.

— „Вы плачете?“ шепнулъ я: „вамъ непріятно было услышать то, что вы слышали?“

— „О! нѣтъ! напротивъ!“

— „Вы мнѣ ни слова не хотите отвѣтить?“

— „Милый Василій Григорьевичъ! что отвѣчать-то, когда я и такъ ужъ сегодня все высказала; больше чѣмъ высказала!.. Поступила какъ дура, какъ сумасшедшая!..“

— „Вы были въ бреду.“

— „Можетъ быть; но я помню все.“

— „И обо всѣмъ жалѣете?

— „Нѣтъ.“

Почти обезумѣвъ отъ радости, я протянулъ къ ней руки. Она вскочила и схвативъ ихъ, почти насильно вытащила меня въ наружную половину комнаты.

— „Нѣтъ! нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ!“ шептала она... Я васъ люблю... слышите ли вы это?.. Довольно ли этого съ васъ?.. О! будьте довольны, мой другъ, и уйдите теперь! Уйдите!.. я васъ умоляю! Милый, добрый Василій Григорьевичъ! Уйдите!“

Говоря это, она надѣла мнѣ шляпу на голову и почти вытолкала изъ комнаты. Не помню, что я ей отвѣчалъ, но минуту спустя, я очутился одинъ, на лѣстницѣ, и слышалъ, какъ двери за мною защелкнули на замокъ... Я кинулся какъ помѣшанный внизъ и у подъѣзда чуть не сбилъ съ ногъ какую-то темную фигуру.

— „Сергѣй Никанорычъ?“ сказалъ я, ухвативъ его за руки, чтобы самому не слетѣть, и всматриваясь.

— „Я“, отвѣчалъ Иверскій.

Столкновеніе это отрезвило меня... „Вы, вѣрно, пришли узнать о здоровьѣ“.

— „Да,“ проворчалъ онъ, замѣтно сконфуженный.

— „Ей лучше. Только вы не ходите теперь на верхъ, потому что она ложится... Пойдемте.“

Мы вмѣстѣ вернулись домой... До пяти часовъ глазъ не смыкалъ... приходилъ то въ восторгъ, то въ неистовство... мучился, какъ окаянный, однимъ словомъ, былъ страшно, невыносимо счастливъ!..

XXVII.

6-го іюля,

Только собирался уйти, какъ въ дверяхъ, глядь.., Касимовъ навстрѣчу.

— „А! братъ, постой! постой!.. Я у тебя ужъ два раза... У меня до тебя дѣло есть...“

— „Что такое?“

— „А вотъ сейчасъ...“ Онъ вернулъ меня въ комнату, и взявъ за плеча, сталъ всматриваться.

— „Чего ты конфузишься? Не бойся, я тебя исповѣдывать не намѣренъ. Я только хочу узнать, куда переѣхала Лидія Алексѣевна?“

— „Не знаю.“

— „Ну полно, голубчикъ Василій Григорьевичъ, вѣдь это глупо! Съ старымъ пріятелемъ такъ секретничать не приходится. Ну, говори скорѣй.“

Я потупилъ глаза и молчалъ.

— „Послушай! ты знаешь, нечего запираться, это по рожѣ видно... меня, братецъ, въ этихъ вещахъ не проведешь! А если не хочешь сказать, то или самъ какую нибудь глупость выдумалъ, или она запретила... А? что изъ двухъ?“

Я молчалъ... Онъ оставилъ меня и началъ ходить по комнатѣ.

— „Скажи пожалуйста, чего ты боишься? Можетъ быть, думаешь, что я вамъ мѣшать хочу?.. Ну, ей же ей, нѣтъ! Разыгрывайте какой угодно романъ и сопрягайтесь какими угодно узами,— да чего вы отъ меня прячетесь?“

— „Я отъ тебя не прячусь,“ отвѣчалъ я, чувствуя нужду сказать что нибудь.

— „А, ну такъ это она стало быть!.. Скажи ты ей, что она дура!“

— „Касимовъ!.. Какъ ты осмѣлился?“ вскрикнулъ я, бѣшено подбѣгая къ нему... Онъ взялъ меня за руки.

— „Братецъ! Василій Григорьевичъ! Что ты? Богъ съ тобой!.. Опомнись, любезный!.. Я вижу, что ты влюбленъ, какъ котъ, да съ чего ты съ сума то сходишь? Успокойся, пожалуйста... Сядь, выслушай, что я тебѣ объясню... Ты знаешь, что Лидія Алексѣвна имѣетъ сына?“

— „Да.“

— „И знаешь, чей онъ?“

Я хватался руками за голову, не зная, что отвѣчать.

— „Ну, знаешь или не знаешь, это теперь все равно, потому что въ томъ положеніи, въ какомъ ты находишься, я не вижу причины скрывать отъ тебя, что этотъ сынъ мой.“ Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно и усмѣхнулся... „Гмъ; зналъ, стало быть? Сказала сама?.. Ну, это все равно. Дѣло въ томъ, что такъ какъ онъ мой, то я имѣю неоспоримое право заботиться о судьбѣ его матери.“

— „Никакого,“ отвѣчалъ я.

— „Почему-жъ такъ?“

— „А потому, что ты ее не любилъ... ты ее обманулъ, съ пути сбилъ!..“

— „Кто это тебѣ сказалъ?“

— „Все равно... я это знаю.“

— „Если она это тебѣ говорила, то она лжетъ.“

— „Касимовъ!“

— „Да ну, не донъ-кихотствуй, пожалуйста!.. Что ты, министръ, что-ли, что я для тебя стану слова красивыя подбирать? Я ее знаю не хуже тебя и увѣряю тебя, что не имѣлъ надобности ни обманывать ее, ни сбивать съ пути... Не знаю, что она теперь себѣ въ голову вбила, но въ ту пору, когда мы съ нею сблизились, она смотрѣла на эти вещи почти также просто, какъ я смотрю... Сколько разъ мы съ ней вмѣстѣ смѣялись надъ неразрывными связями, которыя люди съ дуру сами на себя накладываютъ, и потомъ стараются всѣхъ увѣрить, что ихъ удерживаетъ какой-то священный долгъ.“

— „Но ты не любилъ ее.“

— „Это съ чего ты взялъ?.. Конечно, я, если хочешь, съ ума не сходилъ, но я былъ къ ней привязанъ, какъ я привязанъ всегда къ женщинѣ, съ которой сближаюсь. Я не такъ грубъ, чтобы находить удовольствіе съ какой нибудь самкой изъ безсловесныхъ. Я цѣню тоже и нравственную сторону. Я люблю въ женщинѣ умъ, грацію, нѣжность, и даже очень разборчивъ на этотъ счетъ; но я не изъ тѣхъ фантазёровъ, которые видятъ въ любви что-то неизрѣченное, и эту туманную сторону считаютъ существенною, а все остальное случайнымъ придаткомъ, грязью. Для меня только то и существенно, что я понимаю ясно, а остальное все гиль... Мистицизмъ этотъ!..

— „Постой, братъ,“ я перебилъ. — „Не о мистицизмѣ идетъ рѣчь, и не Богъ знаетъ что мудреное я тебѣ объясню. Я говорю ясно: ты ее не любилъ, въ томъ смыслѣ, что ты не искалъ ея счастья.

— „Ну, вотъ! Я такъ и зналъ, что у тебя на умѣ философія... Что такое значитъ *не искалъ счастья?* И какъ бы я сталъ его искать? Я дѣлалъ для нее все, что она отъ меня хотѣла, готовъ былъ сдѣлать и больше, да она не хотѣла больше.“

— „Неправда. Ты не хотѣлъ для нея ничѣмъ пожертвовать!“

— „Опять вздоръ! Что-жъ, я для ней руку что ли долженъ быть отрубить? Или дѣтей пустить по міру, жену уморить? Что-жъ, ей отъ этого теплѣе было бы что ли? Что могло быть для ней полезно, то я готовъ былъ сдѣлать. Я предлагалъ ей деньги...

— „Тьфу! Что это за человѣкъ!“ перебилъ я съ досадою. „Да развѣ она у тебя денегъ просила?“

— „Такъ чего жъ ей еще нужно было?.. жаръ-птицу, что ли?“

— „Ей нужна была серьезная привязанность, а ты смотрѣлъ на связь съ ней, какъ на шутку.“

— „Какія тутъ шутки! У насъ есть сынъ.“

— Тьфу! мерзость! цинизмъ!.. Мало ли у тебя могло быть сыновей, и это все, по твоему, была бы любовь?“

— „А что-же?“

— „Скотство, — вотъ что! При ней и кромѣ ея, ты былъ близокъ съ полдюжиной другихъ женщинъ! Ты ее унижалъ, ставилъ ее на ряду съ ними!“

— „Нисколько. Онѣ были сами по себѣ, а она сама по себѣ. Я ихъ не сводилъ вмѣстѣ, не заставлялъ дружиться. Она бы о нихъ и не знала, да вольно же ей было шпіонничать... Что она, попъ что-ли, чтобы заботиться о моей нравственности? Да и какая тутъ нравственность? Просто темпераментъ такой.“

— „Постой, братъ! постой!.. Ну, а если бъ она стала вести себя такъ, какъ ты?..“

— „Куда ей!“ перебилъ онъ, смѣясь.

— „Да ты не ври глупостей, а признайся-ка прямо, что она бы тебѣ опротивѣла.“

— „Можетъ быть; — ну такъ что-жъ?“

— „А то, что ты бъ ее бросилъ.

— „Что жъ за бѣда?“

— „Ну, если и это у тебя не бѣда, то я ужъ не знаю, что и сказать!“

— „Да какая жъ бѣда? Непріятность, по большей мѣрѣ... Еслибъ она объяснила просто, что я ей опротивѣлъ, такъ я бы и слова противъ этого не сказалъ... А то несетъ, Богъ знаетъ, какой вздоръ!“

— „Дмитрій Петровичъ, она совершенно права. Она говоритъ, что ты ее не цѣнилъ, что тебѣ все равно, она или другая... Какая женщина, которая уважаетъ себя хоть на грошъ, помирится съ такимъ отношеніемъ?

— „Фразы, братъ! Ужъ если я разъ выбираю женщину, такъ, значитъ, не все равно. Безъ сомнѣнія, она не одна на свѣтѣ; могу и другую найти, — да что жъ изъ того?.. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что для каждаго изъ насъ только одна и существуетъ, единственная, судьбой предназначенная? Вѣдь этакъ мы прямо придемъ къ Сведенборгу, къ парнымъ душамъ, или къ двумъ половинкамъ души, воплощеннымъ порознь и отыскивающимъ другъ друга на свѣтѣ!.. Гдѣ ты видалъ такую любовь? Она только и есть, что въ романахъ да и то въ старыхъ. А посмотри новые. Почитай какую нибудь Лукрецію Флоріани. Тамъ ужъ надъ этой таинственностью смѣются и мѣняютъ любов-

никовъ дюжинами. Да оно такъ и въ жизни есть. Кого судьба или случай свяжетъ насильно съ одной, тотъ и довольствуется одной... А развяжи-ка намъ руки, такъ мы тебѣ покажемъ такую единственность!..“

— „О! разумѣется, вы покажете! За вами дѣло не станетъ! Да только зачѣмъ вы не договариваете до конца? Зачѣмъ вы не хотите сознаться, что это гадость?“

— „Что же тутъ гадкаго?“

— „Послѣдствія гадки.“

— „Но вѣдь и тогда родятся дѣти.“

— „А ихъ судьба? А судьба матери?“

— „Нисколько не хуже. Что Лидія потеряла тѣмъ, что она не въ гувернанткахъ, а занимается переводами?“

— „Потеряла... Потеряла возможность замужъ выйти.“

— „Полно, такъ ли? Не пріобрѣла ли?“ сказалъ онъ, смотря на меня насмѣшливо. Я покраснѣлъ.

— „Послушай, Василій Григорьичъ; — будемъ, братъ, говорить откровенно. Она меня бросила, или я ее бросилъ, не все ли это равно? Вѣдь она не пошла же въ монастырь, а отыскала себѣ другого.“

— „Какого другого?“

— „А тебя, сокола яснаго“.

— „Что за вздоръ!“

— „Да ну, полно секретничать! Вѣдь это глупо, наконецъ! Спряталъ, какъ рябчикъ, голову, да и думаешь, что тебя не видать... Чего ты трусишь? Я тебѣ говорю, что я вамъ не намѣренъ мѣшать. Мнѣ только хочется сына видѣть. И чтожъ изъ того, что ты мнѣ ея адреса не дашь? Вѣдь если ужъ захочу узнать, такъ узнаю. Ну, въ адресный столъ поѣду, или въ кварталѣ за тридцать копѣекъ справку возьму.“

— „Ну и бери“, отвѣчалъ я.

— „И взялъ бы. Да она отмѣтки до сихъ поръ не даетъ.“

— „Я въ этомъ не виноватъ.“

— „Но ты можешь сказать мнѣ.“

— „Нѣтъ, не могу.“

— „Отчего-жъ такъ? Что она, запретила тебѣ?“

— „Можетъ статься.“

— „Послушай, я тебѣ повторяю еще, что этимъ меня не удержишь. Я ее отыщу. Я отыскалъ бы ее и прежде, чѣмъ я васъ встрѣтилъ, да она съ толку всѣхъ сбила: въ одинъ мѣсяцъ три раза перемѣнила квартиру и въ отмѣткахъ надѣлала путаницу... Теперь, съ грудным ребенкомъ, она этого не сдѣлаетъ."

— „Да, разумѣется."

— „Ну, и не спрячется, стало быть, отъ меня."

— „Не спрячется."

— „Стало быть, не зачѣмъ и секретничать."

— „Не зачѣмъ."

— „Такъ говори же, чертъ тебя побери!" сказалъ онъ, теряя терпѣніе.

— „Не скажу! отвѣчалъ я упрямо.

Онъ сталъ противъ меня, сложивъ руки, и мы съ минуту злобно смотрѣли другъ другу въ глаза. Не знаю, что онъ прочелъ въ моихъ, но онъ первый не выдержалъ, разсмѣялся.

— „Вишь, какъ выдрессировали!" сказалъ онъ.— „Ну, поздравляю, изъ тебя выйдетъ отличный мужъ: послушный, буквально исполняющій приказанія, не разсуждающій тамъ, гдѣ не велѣно разсуждать."

Я хотѣлъ отвѣчать и вдругъ замѣтилъ, что мы не одни... Въ дверяхъ стоялъ Иверскій.

— „А! Сергѣй Никанорычъ. здравствуйте!" сказалъ я, радуясь этому случаю прекратить разговоръ, начинавшій меня выводить изъ терпѣнія.

Иверскій холодно поклонился Касимову; тотъ едва отвѣчалъ ему. Онъ былъ замѣтно взбѣшенъ, и не видя возможности скрыть этого, скоро ушелъ.

— „Что? опять съ предложеніями?" спросилъ Иверскій.

— „Да", отвѣчалъ я, не желая ему объяснять, въ чемъ дѣло.

— „Что-жъ, вы принимаете?"

— „Нѣтъ, Сергѣй Никанорычъ, ничего я отъ этого человѣка не приму!.. Я его понялъ теперь и вижу, что вы не ошиблись въ немъ".

Онъ ничего на это не отвѣчалъ. Онъ былъ угрюмъ, озабоченъ, и съ безпокойствомъ посматривалъ на меня.

— „Сейчасъ былъ у Лидіи Алексѣевны", сказалъ онъ, минуту спустя.

Я отвѣчалъ, что самъ собираюсь къ ней, и спросилъ: какъ онъ ее нашелъ сегодня?..

— „Да что... дурно нашелъ-съ“, отвѣчалъ онъ потупивъ глаза.

— „Лихорадка опять?“ спросилъ я, встревоженный.

— „Нѣтъ-съ, лихорадки-то нѣтъ сегодня, да только она на здоровую не похожа...“ Опять онъ взглянулъ на меня безпокойно... „Зоветъ васъ къ себѣ“, договорилъ онъ чуть слышнымъ голосомъ.

Я хотѣлъ тотчасъ идти, но онъ удержалъ меня.

— „Минуточку“, сказалъ онъ.—„Позвольте полюбопытствовать: что, онъ еще чего нибудь отъ васъ требовалъ?“

— „Да“, отвѣчалъ я, не видя причины скрывать то, о чемъ онъ, очевидно, уже догадывался.—„Требовалъ адреса Лидіи Алексѣевны“.

— „Вы не дали, разумѣется?“

— „Не далъ. Но онъ грозитъ, что добьется помимо меня, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ это можетъ сдѣлать“.

— „Да, если ему не помѣшаютъ“.

— „Какимъ образомъ?“ спросилъ я.

— „А такъ-съ, просто... надо... да что объ этомъ говорить! Я сдѣлаю, что могу... Недѣли на три во всякомъ случаѣ можно замедлить. А въ три недѣли, обстоятельства Лидіи Алексѣевны могутъ перемѣниться на столько, что ей уже нечего будетъ бояться его посѣщеній“.

— „Какимъ образомъ?“

Онъ посмотрѣлъ на меня... „Вамъ это должно быть лучше извѣстно“, отвѣчалъ онъ угрюмо, — „потому что это отъ васъ зависитъ“.

— „Отъ меня?“

— „Да-съ. Васъ кажется удивляетъ, что я нахожу нужнымъ говорить съ вами объ этихъ вещахъ“, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ.— „Но я это дѣлаю не безъ цѣли-съ... Я... не для шутки и не изъ любопытства... Мнѣ дорого счастье Лидіи Алексѣевны...“

— „И мнѣ тоже“, отвѣчалъ я тронутый.— „Сергѣй Никанорычъ, я цѣню вашу искренность и готовъ отвѣчать тѣмъ же. Сдѣлайте милость, бросьте всѣ оговорки и говорите со мною прямо“.

— „Хорошо-съ, отвѣчалъ онъ, поднявъ на меня свои большіе, задумчивые глаза...—„Моя рѣчь не длинна. Вамъ, конечно,

извѣстно, что мы съ Лидіей Алексѣевной старые друзья, и что она отъ меня ничего не прячетъ. Поэтому я считаю себя въ правѣ спросить: что вы намѣрены теперь дѣлать?“

— „Что дѣлать?..“ Этотъ вопросъ былъ такъ прямъ и такъ озадачилъ меня, что я только могъ повторить его. „Признаюсь, я не думалъ еще объ этомъ“, произнесъ я нерѣшительно.

Онъ потупилъ опять глаза, я тоже, и мы сидѣли съ минуту молча.

— „Не успѣли еще?“ продолжалъ онъ глухимъ голосомъ... „Это понятно... Но когда нибудь вѣдь придется же думать; такъ не лучше ли сдѣлать это теперь?“

— „Вы правы“, отвѣчалъ я. „Только теперь у меня еще слишкомъ мало данныхъ къ рѣшенію этой задачи“.

— „Какія же вамъ еще данныя нужны?“ продолжалъ онъ. „Вы ее любите и она васъ любитъ... стало быть...“

Онъ остановился, ожидая повидимому, что я доскажу конецъ; но я молчалъ.

— „Стало быть, нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы вамъ...“

— „Жить вмѣстѣ“, договорилъ я обрадованный; но онъ поморщился, видимо недовольный этимъ отвѣтомъ.

— „Само собой разумѣется“, отвѣчалъ онъ; „да только вопросъ не въ томъ“.

— „А въ чемъ же, Сергѣй Никанорычъ?“

— „Въ томъ: *какъ* жить?“

— „Ну, разумѣется, на основаніяхъ полной свободы, равенства и довѣрія“.

— „Эхъ, нѣтъ! Дѣло не въ томъ-съ... Вы меня не понимаете!..“

И онъ былъ правъ. Я, дѣйствительно, не могъ понять, чего онъ отъ меня добивается... Нахмуривъ лобъ, онъ сидѣлъ нѣсколько времени, погруженный въ мысли. Голова его, опущенная книзу, очевидно работала надъ чѣмъ-то усиленно.

— „Я вѣрю, Василій Григорьичъ“, продолжалъ онъ,—„что вы желаете полной свободы съ обѣихъ сторонъ; но вѣдь это опять та же задача, только на шагъ передвинутая; потому что опять вопросъ: какъ осуществить эту свободу?“

— „Очень просто. Не будемъ связывать себя никакими формальными обязательствами“. Онъ покачалъ головой.— „Формальными или нѣтъ, это все равно“, отвѣчалъ онъ.

— „Да, это правда. Я, значитъ, выразился не такъ. Я долженъ былъ просто сказать: Не будемъ связывать себя никакими условіями; будемъ просто любить другъ друга, покуда любится“.

— „Этого мало-съ“.

— „Какъ мало?“

— „Такъ-съ... Не просто будете любить, а—какъ вы сами сейчасъ сказали,—будете еще и жить вмѣстѣ“.

— „Конечно“.

— „А развѣ такая жизнь не связь?“

— „Да, разумѣется“, отвѣчалъ я; „но такая, которая вяжетъ равно обѣ стороны“.

— „Полно, такъ ли-съ?., Подумайте-ка!.. Вы имѣете средства и положеніе въ обществѣ, которыя васъ обезпечиваютъ противъ всякихъ случайностей, а она что имѣетъ?.. Двѣ руки, чтобы работать, покуда изъ силъ не выбьется... Но вѣдь это имѣетъ всякій нищій“.

— „Сергѣй Никанорычъ, вы меня обижаете!.. Она будетъ имѣть все, что я имѣю“.

— „До тѣхъ поръ, пока живетъ съ вами... А если она захочетъ оставить васъ?“

— „Будетъ вполнѣ обезпечена... Неужли вы думаете?“

— „Позвольте“, перебилъ онъ. — „Я въ вашей щедрости нисколько не сомнѣваюсь; но вы подумайте, Василій Григорьичъ: на какомъ основаніи она приметъ отъ васъ такое обезпеченіе?“

— „Какъ, на какомъ?“ возразилъ я озадаченный. „На томъ, что мы любимъ другъ друга“.

— „Хорошо-съ; да вѣдь это можетъ служить основаніемъ только до тѣхъ поръ, покуда вы оба любите; ну, а если одинъ изъ двухъ перестанетъ любить?.. Положимъ, она перестанетъ и захочетъ оставить васъ,— тогда на какомъ основаніи?“

Я задумался. „Право, не понимаю, въ чемъ вы тутъ видите затрудненіе?“ сказалъ я. „Развѣ я не могу ее обезпечить ранѣе?.. Сдѣлать это теперь же, сейчасъ?“

— „Хорошо-съ. А, вы думаете, это не свяжетъ ея свободы?“

— „Какимъ образомъ?“

— „Да какъ всякій подкупъ... За что она деньги отъ васъ возьметъ?.. Вѣдь вы бы ихъ не дали, еслибъ она не любила васъ?.. Стало быть, за любовь... Стало быть, когда она перестанетъ любить васъ, она должна воротить ихъ назадъ, иначе оно выйдетъ еще некрасивѣе... выйдетъ покупка на срокъ, наемная плата, не такъ-ли?“

— „Нѣтъ, Сергѣй Никанорычъ, совсѣмъ не такъ! Я готовъ хоть сейчасъ подѣлиться съ ней всѣмъ, что имѣю, не потому что она меня любитъ, а потому что я ее люблю... Я готовъ бы былъ сдѣлать это даже, еслибъ она и не любила меня.

— „А вы думаете, она приняла бы?.. Вы на ея мѣстѣ приняли бы?“

— „Нѣтъ.“

— „Ну, такъ нечего стало быть и говорить объ этомъ, потому это будетъ маниловщина, пустая игра въ несбыточныя намѣренія...“

Меня бросило въ потъ... „Уфъ! чортъ возьми!.“ сказалъ я, утирая лицо... „Чтожъ тутъ прикажете дѣлать?.. По вашему, какъ ни кинь, все клинъ!“

Онъ съежился и потупилъ глаза... „Если позволите, я вамъ скажу, что по моему разумѣнію нужно дѣлать?“ произнесъ онъ чуть слышно.

— „Сдѣлайте милость“.

— „Нужно жениться“.

— „Жениться“!!!... Меня какъ полѣномъ по лбу ударило... Не потому, чтобы я имѣлъ какое нибудь сознательное отвращеніе отъ этой развязки; а потому что мнѣ Иверскій это предложилъ,— Иверскій, за котораго я головой готовъ былъ ручаться, что ему ничего подобнаго никогда и въ голову не могло придти.

— „Жениться нужно“, повторилъ онъ немного сконфуженнымъ, но достаточно твердымъ голосомъ.

Я просилъ его объяснить, на какомъ основаніи онъ это находитъ нужнымъ; но онъ почему-то нашелъ неудобнымъ входить въ объясненія.

— „Подумайте сами“, сказалъ онъ.— „Вы сами это легко поймете... А теперь вамъ пора идти“.

Я обѣщалъ подумать и ушелъ къ Лидіи Алексѣевнѣ... Въ головѣ у меня была такая каша, что вспомнить совѣстно.

Лидію Алексѣевну я засталъ на ногахъ, но въ такомъ раздраженномъ, разстроенномъ состояніи нервовъ, какъ я никогда еще ея не видалъ. Съ первыхъ же словъ, и не смотря на то, что приходъ мой замѣтно ее обрадовалъ,—она меня распекла... Какъ мнѣ не совѣстно?.. Оставилъ ее вчера больную и до сихъ поръ нейду!.. „А вы зачѣмъ вытолкали меня вчера?“ сказалъ я шутя; но это ее оскорбило, кажется, потому что она надулась, и отвернувшись, отерла слезы... Бросивъ шутки, я ей объяснилъ, что Касимовъ сидѣлъ у меня и выпытывалъ ея адресъ. Но вмѣсто того, чтобъ разсѣять, какъ я надѣялся, это встревожило ее еще хуже, встревожило до того, что руки у ней стали трястись.

— „Что, у васъ лихорадка опять?“ спросилъ я.

— „Нѣтъ“.

— „Вамъ холодно“?

— „Нѣтъ“.

— „Чтожъ это съ вами“?

Она отвѣчала, что цѣлую ночъ не спала и сегодня ничѣмъ заниматься не можетъ.

Я сталъ ей доказывать, что совсѣмъ и не нужно; она разсердилась...

— „Да что съ вами, Лидія Алексѣвна?“ сказалъ я... „Васъ сегодня узнать нельзя!.. У васъ есть что нибудь на душѣ, чего вы не хотите мнѣ сообщить...“

Минутъ пять я ее допрашивалъ, покуда бѣдняжка призналась мнѣ, наконецъ, глотая слезы, что у ней молоко пропало... Я началъ ее уговаривать, чтобъ она отпустила няньку и взяла кормилицу... Объ этомъ и о занятіяхъ мы спорили часа два... Потомъ я поѣхалъ отыскивать доктора Ниночки и съ докторомъ отправился въ воспитательный домъ. . Послѣ большихъ хлопотъ, мамка была найдена, но понадобилась кровать для нея, съ периной и прочими принадлежностями, и я поскакалъ за кроватью. Часамъ къ шести вечера все это было приведено въ порядокъ, и мы устроили мамку съ Митей въ той маленькой комнаткѣ, гдѣ помѣщалась няня... Прасковья Васильевна ходила надувшись, но я ей шепнулъ два слова, которыя ее утѣшили... Все это время Лидія Алексѣевна вела себя очень храбро; только когда пришло время кормить и она увидѣла сына на рукахъ у чужой женщины, бѣдняжка не

вытерпѣла и всплакнула маленько... Цѣлый вечеръ ее утѣшалъ, въ награду за что, на прощаньи, получилъ поцѣлуй и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ былъ опять выгнанъ.

XXVIII.

7-го іюля.

Задалъ мнѣ Сергѣй Никанорычъ задачу!.. Думаю, думаю и ума не приложу... *Нужно жениться*, говоритъ!.. Оно легко сказать; но я желалъ бы знать, почему именно *онъ* это находитъ нужнымъ?.. Сами, говоритъ, найдете... Чтожъ, я и нашелъ бы пожалуй, еслибъ мнѣ это другой кто нибудь предложилъ; но съ его точки зрѣнія — хоть убей, не могу понять!.. Опять я скажу: еслибъ *она* этого требовала,—о! тогда это имѣло бы совсѣмъ другой смыслъ; но въ томъ-то и дѣло, что она смотритъ на эти вещи такъ же, какъ я, и какъ онъ до сихъ поръ смотрѣлъ,—съ точки зрѣнія женщины совершенно эманципированной, совершенно свободной отъ предразсудковъ. Мы съ ней говорили о бракѣ часто, и я хорошо знаю, что она никогда не потребуетъ, мало того, едвали даже уступитъ чьимъ бы то ни было требованіямъ въ этомъ смыслѣ... Да и зачѣмъ?.. Вѣдь формальное обязательство отниметъ всю прелесть свободнаго побужденія съ обѣихъ сторонъ, а безъ этого все какъ-то холодно!.. Свобода тутъ первое дѣло... Что можетъ быть выше счастья: знать, что ничто не приковываетъ любимую женщину къ тебѣ насильственнымъ образомъ, что она можетъ во всякую минуту тебя оттолкнуть и бросить, и видѣть, что она этого не дѣлаетъ, что, напротивъ, она сама, по своей волѣ и по желанію не подкупному, отдается тебѣ всѣмъ существомъ своимъ! О! это верхъ счастья!.. и къ этому верху я иду быстрыми шагами!.. Я счастливъ! Счастливъ неизмѣримо!.. И лучшее доказательство, что это не призракъ, что я дѣйствительно счастливъ, это то, что я поглупѣлъ ужасно за эти послѣдніе дни... Да, поглупѣлъ до того, что не могу сообразить двухъ мыслей!.. Вотъ, хоть бы эта задача. Отчего Иверскій думаетъ, что мнѣ нужно жениться?.. Что такое онъ себѣ въ голову вбилъ?.. Недаромъ же онъ мнѣ это говоритъ... Человѣкъ этотъ ничего не говоритъ даромъ и уменъ дьявольски!.. Что такое онъ думаетъ?.. Онъ меня совсѣмъ съ толку сбилъ... Еслибъ еще

онъ ни слова не говорилъ о свободной связи; но страннѣе всего, что онъ именно это-то и имѣетъ въ виду. По крайней мѣрѣ, у насъ объ этомъ шла рѣчь, когда онъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, ляпнулъ мнѣ эту загадку.

XXIX.

8-го іюля.

Провелъ опять цѣлый день съ ней. Уговорилъ таки, наконецъ, отложить занятія на недѣлю... Послѣ обѣда ѣздили на Петровскій и вернулись часамъ къ 9-ти. Прогулка ее освѣжила, и вообще въ этотъ день она замѣтно оправилась, но къ ночи начала опять жаловаться, что голова болитъ, и въ половинѣ 12-го опять меня выгнала. Говорили мы въ этотъ день очень мало и ни о чемъ серьезномъ рѣчи не было, а такъ, больше держались за руки да смотрѣли другъ другу въ глаза...

XXX.

10-го іюля.

Все таже исторія... только я окончательно отлупѣлъ. Въ ея присутствіи это особенно чувствую. Съ другими еще могу говорить такъ и сякъ... съ ней нѣтъ... Ничего путнаго въ голову не приходитъ... Сердце полно черезъ край;—хочется высказать, что тамъ дѣлается, а съ языка нейдетъ... Она тоже подмалчиваетъ. А иногда мы начнемъ оба вмѣстѣ, да потомъ, какъ посмотримъ другъ другу въ глаза, оба и разсмѣемся... Если бы записать всѣ наши разговоры за эти пять дней, то я думаю, вышли бы странные образцы краснорѣчія!..

XXXI.

11-го іюля.

Вчера, въ половинѣ двѣнадцатаго, когда она стала меня выгонять, я взялъ ее за руки и нагнулся, чтобы получить уже давно завоеванный поцѣлуй, съ которымъ она меня отпускаетъ на ночь; но въ ту минуту, когда наши губы встрѣтились, меня какъ огнемъ охватило... Я обнялъ ее и притянулъ къ себѣ.. Она не противилась, но заплакала... „Что съ вами, Лидія?“ шепнулъ я.

— „Оставьте меня!“ отвѣчала она, да такимъ грустнымъ голосомъ, что у меня сердце сжалось. Я отскочилъ отъ нея, какъ уколотый, и выбѣжалъ вонъ...

Цѣлую ночь потомъ меня мучилъ вопросъ: что это?.. безотчетный женскій капризъ, или тутъ кроется какая нибудь серьезная обдуманная причина, которую она мнѣ не хочетъ сказать?... Надо съ нею поговорить объ этомъ завтра.

XXXII

12 іюля.

Сегодня упрашивалъ Лидію, чтобы она переѣхала жить ко мнѣ.

— „Гдѣ же я у васъ помѣщусь?“ отвѣчала она. У васъ только двѣ комнаты“,

— „За этимъ дѣло не станетъ, Лидія... наймемъ другую квартиру“.

— „Вотъ, стану я васъ раззорять!“

— „Зачѣмъ раззорять?“ отвѣчалъ я. „Будемъ жить скромно. Одна квартира немного побольше моей будетъ стоить дешевле нашихъ теперешнихъ двухъ.“

— „Да; еслибы только объ одной квартирѣ шла рѣчь; но я знаю, какъ это будетъ... Заведете кухарку и кухню, накупите мебели, а потомъ понадобится тысяча разныхъ вещей, о которыхъ теперь и въ голову не приходитъ, и кончите тѣмъ, что издержите кучу денегъ“.

— „Я ничего покупать не буду... я отдамъ все на вашу волю. Какъ захотите, такъ мы и будемъ жить“.

— „Нѣтъ, сдѣлайте милость, увольте!.. Я хочу жить такъ, какъ теперь живу, своимъ трудомъ... Я не хочу быть у васъ на шеѣ“.

— „Полноте, Лидія! Что за вздоръ! Никто вамъ не будетъ мѣшать трудиться по прежнему. Я не хочу измѣнять ничего въ вашей жизни. Я хочу только жить вмѣстѣ съ вами“.

— „Да, знаю я, какъ вы мѣшать не будете! Это вы такъ теперь только говорите. А тамъ и пойдутъ попреки... Зачѣмъ я глаза порчу? Да зачѣмъ я сижу такъ долго? да зачѣмъ не хочу отдохнуть?.. Да какъ мнѣ не стыдно о такихъ пустякахъ заботиться?.. Вамъ только дай волю, вы изъ меня въ два мѣсяца

сдѣлаете такую же дрянь, такую же лѣнивую, ни къ чему непригодную бѣлоручку, какъ всѣ ваши модныя барыни. А я этого, какъ огня, боюсь! Я дорого купила свою самостоятельность и цѣню ее выше всего на свѣтѣ!“

Я тяжело вздохнулъ. „Да, я это вижу, Лидія!.. Я вижу, что вы очень многое цѣните выше любви... И то вамъ дорого, и другое дорого; это одно только дешево, и это одно должно уступать всему“.

Она вспыхнула и, схвативъ меня за руки, нѣжно прильнула къ плечу... „Ну, полно врать, Вася!“ шепнула она, засматривая въ глаза. „Не прикидывайся! Вѣдь ты самъ знаешь, что ты все глупости говоришь!“

— „Я ничего не знаю. Докажи, что ты меня любишь, а не то я совсѣмъ перестану вѣрить“.

— „Душечка, не бѣси меня!.. Я не хочу... Зачѣмъ говорить что не знаешь, когда ты знаешь?.. Неужели ты не видишь, что я держусь за свою самостоятельность такъ упрямо, потому что она шатается, а за любовь не боюсь, потому что она слишкомъ сильна“.

Говоря это, она сжала мнѣ руки, и мнѣ стало вдругъ такъ тепло, такъ хорошо, что, кажется, вѣкъ бы такъ просидѣлъ, плечомъ къ плечу и рука въ руку!.. Голова моя вдругъ опустѣла. Всѣ заботы, всѣ мысли изъ нея улетали одна за одной, какъ птицы изъ своего гнѣзда. Одна только и осталась... Я думалъ: вотъ оно, счастье-то!.. Какъ хорошо!.. Только это и думалъ одно; больше рѣшительно ни о чемъ не думалъ.

XXXIII.

14-го Іюля

Имѣлъ по редакціи непріятность, въ которой отчасти и самъ виноватъ... Въ послѣднее время, за рѣдкостью посѣтителей, я не всегда находилъ нужнымъ дежурить по пятницамъ акуратно и позволялъ себѣ часто отлучки, иногда до истеченія положеннаго часа, а иногда и все утро насквозь... Сегодня проспалъ до половины одинадцатаго и торопился уйти, вдругъ, слышу, звонятъ... Павлу не велѣно было принимать, а потому я былъ твердо увѣ-

ренъ, что онъ откажетъ; но онъ что-то мѣшкалъ въ дверяхъ, и вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ чей-то сердитый голосъ:

— „Да какъ же у васъ тутъ написано: въ пятницу, отъ 11-ти до часу?.. Къ чему же писать, когда ни въ пятницу, ни въ субботу, никогда его дома нѣтъ?“

Павелъ что-то шепнулъ въ отвѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ опять тотъ же сердитый голосъ:

— „Это чортъ знаетъ что! Это невѣжество!.. Какая это редакція?... Это..“

Съ чѣмъ сравнивали нашу редакцію, я не разслушалъ, но догадался, что дѣло выходитъ неловко... „Эй, Павелъ!“ крикнулъ я. Павелъ вошелъ сконфуженный... „Кто тамъ?“

— „Да какой-то баринъ, сударь... Третій разъ ужъ приходятъ въ пятницу... сердятся“, шепнулъ онъ, робко оглядываясь на дверь, за которой былъ слышенъ шумъ посѣтителя, снимавшаго верхнее платье.

— „Проси“.

Едва я успѣлъ сказать, какъ въ комнату влетѣлъ красный отъ гнѣва маленькій господинъ, среднихъ лѣтъ, въ вицъ-мундирѣ, съ большимъ, бѣлокурымъ хохломъ, величественно зачесаннымъ надъ его гладкимъ лбомъ... Въ походкѣ, въ движеніяхъ, въ томъ, какъ онъ голову откидывалъ назадъ и грудь выдвигалъ впередъ, во всемъ видна была бездна самолюбивой претензіи.

Я принялъ его за какого нибудь начальника отдѣленія и дивился уже: чего ему нужно, тѣмъ болѣе, что съ нимъ не было рукописи; но съ первыхъ словъ оказалось, что я ошибся.

— „Честь имѣю рекомендоваться“, сказалъ онъ расшаркиваясь.. „Статскій совѣтникъ Китовичъ... Учитель латинской словесности въ ....ской гимназіи... Третій разъ прихожу сюда въ пятницу, и третій разъ мнѣ отказываютъ!..“

— „Извините“, отвѣчалъ я: „мой человѣкъ спуталъ... Садитесь, сдѣлайте одолженіе“.

— „Не слѣдуетъ держать такую прислугу, которая путаетъ“, продолжалъ онъ, садясь и видимо дѣлая надъ собою усиліе, чтобы успокоиться... Я промолчалъ... Мнѣ не понравилась эта настойчивость.

— „Я пріѣхалъ сюда по дѣламъ, на короткое время, и мнѣ каждый часъ дорогъ“, продолжалъ онъ.

— „Если вамъ дорого время“, отвѣчалъ я, „то лучше бы, не теряя его, объяснить: что вамъ угодно?“

— „Гмъ“, произнесъ онъ, кусая губы, вынулъ свою записную книжку и началъ искать въ ней что-то... „11-го апрѣля, кажется“, продолжалъ онъ... „Да, именно, 11-го апрѣля, я отправилъ къ вамъ статью: *О вліяніи классической словесности на развитіе благонравія въ юношествѣ*. Въ вашемъ журналѣ она до сихъ поръ напечатана не была. Позвольте узнать, что вы съ ней сдѣлали?“

Я мысленно послалъ къ чорту классическую словесность, и отыскавъ на столѣ входящій реэстръ, началъ его перелистывать,—больше для виду, конечно, потому что въ немъ не было записано и 4-й доли всѣхъ поступившихъ рукописей; отъ этого въ нумерахъ вышла путаница и всякая справка подобнаго рода стоила мнѣ неимовѣрныхъ хлопотъ... Минутъ десять я рылся въ шкапу, пока наконецъ отыскалъ статью и съ торжествующимъ видомъ вытащилъ ее изъ пыльной связки... На оборотѣ написано было карандашемъ: *„подлѣйшая чепуха!.. Возвратить...“* Судя по размаху почерка, Сергѣй Никанорычъ былъ выведенъ изъ терпѣнія тѣмъ, что прочелъ... Я проворно схватилъ резинку и вытеръ два первые слова.

— «Позвольте, зачѣмъ?.. Это не нужно!“ заговорилъ мой гость. Не догадываясь, въ чемъ дѣло, онъ подбѣжалъ ко мнѣ, почти вырвалъ статью изъ рукъ и съ непостижимой безтактностью началъ всматриваться въ только что вытертое мѣсто. По краскѣ, которая вдругъ выступила у него на лицѣ, и по его разбѣшенному виду, я догадался что онъ разобралъ слѣдъ, вдавленный карандашемъ въ бумагѣ.

— „Кто вамъ позволилъ пачкать рукопись?“ спросилъ онъ голосомъ, задыхающимся отъ ярости.

— „Что-жъ тутъ испачкано? Тутъ только написано: *возвратить*... Это обыкновенно пишется на статьяхъ, признанныхъ неудобными къ напечатанію“.

Онъ посмотрѣлъ на меня такими глазами, какъ будто хотѣлъ меня съѣсть. Я ожидалъ какой нибудь дерзости, но любопытство или чувство приличія удержало его.

— „Не соблаговолите ли объяснить: почему вы нашли ее неудобною къ напечатанію“ спросилъ онъ.

— „Я не вижу никакой пользы отъ подобнаго объясненія“.

— „Покорнѣйше васъ прошу“, продолжалъ но настойчиво,

— „Гмъ; убѣжденія, высказанныя въ вашей статьѣ, несогласны со взглядомъ редакціи“, отвѣчалъ я сухо.

— „Понимаю-съ... Да въ чемъ же? сдѣлайте милость въ чемъ-же?..“

— „Вишь, чортъ тебя подери! Привязался проклятый!“ подумалъ я, мысленно выталкивая его въ шею.

— „Они отстали значительно отъ современнаго образа воззрѣнія на вопросъ“, отвѣчалъ я.

— „Да въ чемъ же-съ? И что такое вы разумѣете подъ современнымъ воззрѣніемъ? Сколько извѣстно, вопросъ не рѣшенъ еще окончательно ни у насъ, ни въ Европѣ. Мало того, въ иныхъ государствахъ, извѣстныхъ цѣлому свѣту своей цвѣтущей системою воспитанія, огромное большинство педагоговъ всегда смотрѣло и смотритъ на классическую словесность, какъ на фундаментъ образованія“.

— „Знаю-съ; но къ сожалѣнію, мы смотримъ на это иначе“.

— „Позвольте узнать, на чемъ вы основываете вашъ взглядъ!“

— „Господи! Что за наказаніе!“ думалъ я, посмотрѣвъ на часы... Было уже 12, и мнѣ до смерти хотѣлось уйдти.

— „Вы извините меня, если я еще разъ откажусь удовлетворить ваше любопытство“, отвѣчалъ я.—„Во первыхъ, у меня времени нѣтъ; а во вторыхъ, споръ между нами не можетъ быть интересенъ для васъ, потому что я не читалъ вашей статьи“.

— „Какъ не читали?“

— „Такъ-съ... Этимъ отдѣломъ занимается мой товарищъ“.

— „А! это другое дѣло“, произнесъ онъ, вставая и смотря, какъ левъ долженъ смотрѣть на ускользающую добычу,—„въ такомъ случаѣ, передайте отъ меня вашему товарищу, что онъ ничего не смыслитъ въ этомъ вопросѣ... Мало того...

— „Нѣтъ-съ: слишкомъ много напротивъ!“ перебилъ я, взбѣшенный его нахальствомъ... „Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я у васъ не спрашивалъ вашего мнѣнія о познаніяхъ моего товарища“

— Мало ли что узнаютъ, не спрашивая. Я у него тоже не спрашивалъ его мнѣнія о моей статьѣ, а, между тѣмъ, это не помѣшало ему написать на оберткѣ брань“.

— „Какую брань?“

— „Помилуйте, да это слѣпой прочтетъ!.. Вотъ это!.. вотъ, что вы тутъ терли резинкой!..“ говорилъ онъ, бѣшено тыкая пальцемъ въ заглавный листъ.

— „Извините“, отвѣчалъ я.—„Но вольно же вамъ было отнять у меня тетрадь, прежде чѣмъ я успѣлъ хорошенько вытереть“.

— „Сдѣлайте милость“, перебилъ онъ, возвышая голосъ,—„избавьте меня отъ такихъ оправданій!“

— „Хорошо-съ; но въ такомъ случаѣ позвольте считать наше объясненіе конченнымъ“

— „Нѣтъ-съ, не позволю“.

— „Чего жъ вамъ еще угодно отъ меня?“

— „Какъ чего угодно?“ закричалъ онъ.—„Какъ вы можете спрашивать, чего мнѣ угодно? Порядочный человѣкъ самъ бы понялъ, что обязанъ сдѣлать въ подобномъ случаѣ“.

— „Послушайте“, перебилъ я, подходя къ нему ближе.—„Во первыхъ, мнѣ вовсе неинтересно знать, что вы считаете обязанностію порядочнаго человѣка; а во вторыхъ, я покорнѣйше васъ прошу, не выводите меня изъ терпѣнія: уходите!.. уходите по доброй волѣ, безъ принужденія“.

— „Хорошо-съ, я уйду;—только еще разъ васъ прошу передать отъ меня вашему товарищу, что я считаю его невѣжей.“

— „Павелъ!“

— „... и грубіяномъ!“

— „Павелъ!.. Проводи этого господина!“

— „Да, грубіяномъ!.. а васъ...“

Я бросился на него... „Что—меня? Что?.. Осмѣлитесь выговорить еще слово, и васъ спущу внизъ головою по лѣстницѣ!“

— „А! если такъ... то...“ началъ онъ, весь взъерошенный и красный, какъ ракъ; но на полсловѣ вдругъ повернулъ на лѣво кругомъ и проворно ушелъ.

Съ четверть часа я бѣгалъ по комнатѣ и пилъ холодную воду со льдомъ, покуда, наконецъ, на сердцѣ отлегло, и я, разсудивъ спокойно, нашелъ, что господинъ этотъ вовсе ни въ чемъ не виноватъ, кромѣ того, что надѣленъ отъ природы вспыльчивымъ темпераментомъ... Всякій на его мѣстѣ былъ бы взбѣшенъ, три раза являясь въ назначенный день и три раза выслушивая отказъ...

Это чисто моя вина; а за тѣмъ, чортъ же дернулъ Сергѣя Никаноровича сдѣлать такую отмѣтку на рукописи! Это можетъ взбѣсить самаго кроткаго!.. Надо ему сказать, чтобъ онъ не писалъ впередъ, да еще попросить, чтобъ онъ хоть на этотъ мѣсяцъ взялъ на себя пріемъ. Я рѣшительно не способенъ теперь ни къ чему и могу только надѣлать глупостей... Шутка сказать! Чуть не подрался съ этимъ Котовичемъ!.. А за что?..“

XXXIV.

15-го іюля.

Добрѣйшая душа — мой редакторъ!.. Ни слова не возражая, согласился на все, точно какъ будто бы такъ и слѣдовало, чтобы вся работа лежала на немъ, а я ничего не дѣлалъ... Говорили еще о Лидіи Алексѣвнѣ... То есть, я больше его допытывалъ, а онъ говорилъ мало и не охотно... О занятіяхъ Лидіи только сказалъ откровенно... „Между нами“, говоритъ, „Василій Григорьичъ, пора согласиться, что все это вздоръ... Стремленіе благородное, разумѣется, и надо его поддерживать; но что это за работа? переводы то эти — какую самостоятельность они могутъ дать?.. Кому они нужны?.. Да если и нужны кому, то много ли этого продукта требуется?.. На какихъ нибудь два-три десятка рукъ хватитъ, а тамъ и стой!.. Ходи, кланяйся по редакціямъ, выпрашивай, перебивай у другихъ!.. а тутъ, смотришь, и у тебя перебили!“

— „Да вѣдь и въ другихъ работахъ тоже?“

— „Да-съ, тоже.“

— „Такъ какъ же прикажите дѣлать то?“

— „Да никакъ-съ. При этихъ условіяхъ, которыми мы обставлены, какъ ни вертись, нечего не подѣлаешь.“

— „Чтожъ вы ей этого не скажете?“

— „Говорилъ ужъ, Василій Григорьичъ... Не теперь, прежде... Мы съ ней обо всемъ говорили... А теперь что ее огорчать попустому?.. Она и сама видитъ, что дѣло неладно, да лучше то ничего не придумаешь.“

Допытывался и на счетъ того совѣта...

— „Какъ это, говорю, вы свои убѣжденія такъ измѣнили?„

— „Ничего“, говоритъ, „я не измѣнилъ, и если мы будемъ

съ вами теоретически разсуждать, то я вамъ опять повторю тоже... Но здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, Василій Григорьичъ."

Я началъ его упрашивать, чтобъ онъ объяснилъ мнѣ о чемъ; но онъ отказался.

— „Нечего объ этомъ и говорить много", отвѣчалъ онъ; „потому что тутъ дѣло идетъ не объ общихъ вопросахъ, а о Лидіи Алексѣевнѣ... Подумайте сами: что для нея лучше будетъ? Просто, безъ всякихъ теорій, лучше, и если вы сами этого не найдете, то я вамъ не могу помочь; потому что тутъ дѣло у васъ съ ней идетъ частное, личное, и судить о немъ съ личной его стороны мнѣ, постороннему, не приходится."

— „Но какой же вы посторонній, Сергѣй Никанорычъ?.. Вы нашъ самый короткій другъ."

— „Каковъ бы ни былъ-съ, длинный или короткій, а все ужъ въ другаго человѣка не влѣзешь, и что ему именно нужно, по умозрѣнію не рѣшишь... Думайте сами съ нею и сами рѣшайте. Я вамъ не указчикъ."

XXXV.

16-го іюля.

Сегодня попалъ таки наконецъ къ Касимовымъ... Не было никакой возможности дальше откладывать .. третью записку отъ нихъ получилъ!.. Распекли меня страшно!.. особенно Ниночка. А я, ей Богу, ничѣмъ не виноватъ. Я къ нимъ не ѣхалъ единственно отъ того, что Дмитрія Петровича не хотѣлъ встрѣчать... По счастью, его тамъ не было, и мы провели цѣлое утро втроемъ... катались на лодкѣ по возморью, гуляли... При Ниночкѣ разговоръ шелъ все больше о литературѣ, да о политикѣ; но передъ самымъ обѣдомъ она оставила меня съ Марьей Петровной вдвоемъ, на короткое время...

Не успѣла она уйти, какъ Марья Петровна взяла меня подъ руку и потащила въ паркъ.

— „Пойдемте! пойдемте скорѣй!.. Мнѣ надо съ вами поговорить." (Я ужъ догадывался о чемъ)... „Что Лидія?.. Говорите скорѣй."

Я покраснѣлъ и смѣшался. Замѣтивъ это, она ускорила шагъ, и мы очутились скоро въ глухой аллеѣ.

— „Послушайте“, сказала она, вдругъ останавливаясь и пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза... „Вамъ грѣшно отъ меня секретничать!.. Говорите сейчасъ всю правду!.. Я знаю... Я слышала... вы влюблены?“

— „Марья Петровна!“

— „Да ну же, скорѣй! Какъ вамъ не стыдно? Чего вы конфузитесь?... Мнѣ то ужъ можно сказать!.. А?.. Влюблены?“

Я кивнулъ головой.

— „А она?.. тоже?.. Ну, я такъ и думала!.. Скажите: она вамъ призналась во всемъ?“

— „Я знаю все“, отвѣчалъ я.—„Отъ этого я и не былъ у васъ такъ долго... Мнѣ непріятно теперь встрѣчаться съ Дмитріемъ Петровичемъ...“

— „Такъ это, стало быть, *онъ?*..“

— „А вы развѣ не знали?“

— „Догадывалась“, отвѣчая она, краснѣя. „Болѣе, чѣмъ догадывалась; была почти увѣрена... Скажите: она сама вамъ открыла все?“

— „Нѣтъ.“

— „Какъ же вы это узнали?“

Я разсказалъ ей какъ.

— „Бѣдная Нина!“ шепнула она, угирая глаза.. „Вы не повѣрите, Василій Григорьичъ, какого горя стоило это намъ обѣимъ... О братѣ нечего говорить; онъ одинъ во всемъ виноватъ, и я его защищать не стану... Скажите: онъ былъ послѣ того опять у Лидиньки?“

— „Нѣтъ; она переѣхала на другую квартиру, и онъ покуда не знаетъ адреса. Но онъ ищетъ ее и, конечно, найдетъ, и тогда, Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится; потому что я не позволю ему преслѣдовать эту женщину... Если я встрѣчу его у Лидіи, у насъ будетъ серьезная ссора“.

Она встревожилась...—„Василій Григорьичъ! Ради Бога! Не говорите этого!.. Пожалѣйте насъ хоть немного!“

— „Что жъ я могу сдѣлать, Марья Петровна?“

— „Ахъ! милый Василій Григорьичъ, не говорите!.. Отъ васъ все зависитъ теперь... Вспомните, какъ мы обѣ васъ любимъ, и вспомните, что вѣдь Дмитрій, каковъ бы онъ ни былъ, все-

таки намъ не чужой!.. Не ссорьтесь съ нимъ!.. Повидайтесь дружески; постарайтесь его усовѣстить...“

— „Я ужъ старался, Марья Петровна... мы съ нимъ недавно видѣлись и говорили долго.“

— „И что же?“

— „Да что?.. Ему, какъ говорится, хоть колъ на головѣ теши, все ни почемъ!.. Надо всѣмъ смѣется, на все плюетъ!..“

— „О! нѣтъ! не можетъ быть!.. Я знаю, что въ немъ это есть; но не въ такой же степени!.. Не такой же ужъ онъ дурной человѣкъ!.. Да если бъ и былъ, то вы подумайте только, что онъ вамъ можетъ сдѣлать теперь?.. Если Лидія любитъ васъ, то вамъ нечего за нее бояться... Вы можете быть въ ней увѣрены.“

— „Я увѣренъ въ ней, Марья Петровна; но я никому не позволю ее оскорблять.“

— „Какъ оскорблять? Да кто жъ хочетъ ее оскорблять?

— „Вашъ братъ.“

— „О! полноте! Если вы только этого боитесь, то вы можете быть спокойны... Я вамъ не стану говорить о братѣ, хоть и увѣрена, что онъ этого не сдѣлаетъ; но я знаю Лидію... Она не изъ тѣхъ, которымъ нужны защитники, чтобъ ихъ оберегать... Она сама за себя постоитъ.“

Я усомнился... „Она очень нервная,“ замѣтилъ я... „Малѣйшая непріятность ее разстроиваетъ.

— „Да, можетъ быть,“ отвѣчала она. „Но вы придаете этимъ вещамъ слишкомъ большую важность... Вы всѣ, мужчины, считаете насъ какими то хрустальными украшеніями, которыя отъ малѣйшаго толчка должны сокрушиться... Повѣрьте, что это вздоръ, и что если мы впечатлительнѣе, то за то мы и гибче васъ, одарены большей живучестью, большею силою противодѣйствія. Единственное, что васъ дѣлаетъ нашими защитниками, это обычай, или, лучше сказать, наше незнаніе юридическихъ условій защиты; потому что— вы согласитесь: простой перевѣсъ въ силѣ мускуловъ, очень нерѣдко даже сомнительный... Чего вы смѣетесь?.. Это глупо! И вамъ бы это не такъ прошло, но теперь некогда, хочется поговорить съ вами еще о Лидіи. Она славная женщина и вы будете съ нею счастливы, я увѣрена, потому что если такіе люди не будутъ счастливы, то кто жъ будетъ?.. Скажите: какъ вы намѣрены съ нею устроиться?“

Опять тотъ же вопросъ, и опять онъ поставилъ меня въ затрудненіе... Что ей сказать?—думалъ я, когда я самъ еще ничего не знаю.

— „Женитесь?“ продолжала она, бросая на меня украдкой взглядъ, полный неудержимаго любопытства.

— „Не знаю“, отвѣчалъ я.

Этотъ отвѣтъ взволновалъ ее до такой степени, что она не пыталась и скрыть своего состоянія. Раскраснѣвшись, она начала говорить горячо и скоро о томъ, что кто истинно любитъ человѣка, тотъ долженъ любить его такъ, какъ онъ есть, и что я на имѣю права требовать у нея отчета въ прошедшемъ, потому, молъ, что мы, вѣдь, у васъ не спрашиваемъ, какъ вы себя вели прежде, чѣмъ насъ полюбили, и еще потому что настоящій отецъ сыну не тотъ... то-есть не... ну, вы понимаете, который случайно отцомъ сталъ, а тотъ, который его любилъ человѣчески и сдѣлалъ его человѣкомъ... и проч... Все это было умно и мило, но какъ водится, когда женщина начнетъ горячо доказывать что нибудь, не совсѣмъ связно.

— „Марья Петровна“, отвѣчалъ я, усмѣхаясь:—„я вижу, что вы меня не такъ поняли. Меня удерживаетъ отъ брака совсѣмъ не то, что вы думаете?“

— „А что же?“ спросила она, и при этомъ опять тотъ же взглядъ неудержимаго любопытства.

— „То, что я не могу себѣ дать яснаго отчета: зачѣмъ я буду связывать себя и ее формальными обязательствами, передъ свидѣтелями, тогда какъ для насъ двоихъ достаточно было бы, кажется, и той связи, которая устанавливается между любящими свободно, безъ всякаго договора.“

Надо было видѣть, въ какую пассію привелъ ее этотъ отвѣтъ... Это не было, впрочемъ, похоже ни на гнѣвъ догматическаго педанта, ни на встревоженный ригоризмъ строгой блюстительницы нравственнаго приличія; это было что-то совсѣмъ особенное и скорѣе напоминало изумленное безпокойство курицы, высидѣвшей утятъ, при видѣ того, какъ ея питомцы уходятъ съ твердаго грунта, на которомъ она стоитъ, въ область опасной для нихъ, по ея представленію, коварной, измѣнчивой, зыбкой стихіи. Ей и за нихъ страшно, и за ними хочется, и за себя страшно, а остаться

спокойною зрительницею нѣтъ никакой возможности... Она широко открыла глаза и раскраснѣлась до самыхъ корней волосъ.

— „Какъ вы на это хотите рѣшиться?.. Василій Григорьичъ! Подумайте!.. Какъ же это такъ будетъ?.. Вѣдь это... это...“ Она не знала какое слово прибрать, чтобы выразить то сильное, но неопредѣленное ощущеніе тревоги, которое возбуждало въ ней представленіе о безбрачномъ союзѣ.

— „Это пугаетъ васъ?“ — сказалъ я.

— О! нѣтъ!.. Но вы подумайте—за чѣмъ же это!.. Къ чему вы хотите идти такъ рѣзко наперекоръ всему принятому?.. Это васъ отдѣлитъ отъ всѣхъ.“

— „Да мы ужъ и такъ отдѣлены... она, то-есть; потому что тутъ важно только то, что до нея касается;—а мнѣ будетъ все хорошо, что хорошо для нея.“

— „Что сдѣлано, того не воротишь, конечно“,—отвѣчала она;—„но зачѣмъ вы хотите ставить барьеръ между нею и обществомъ? Почемъ вы знаете, что она никогда не захочетъ выйти изъ своего исключительнаго положенія?“

— „Позвольте, Марья Петровна... Я вижу, вы все-таки меня не понимаете. Я ничего не знаю еще покуда и ничего не хочу. Я вамъ говорю, что я еще не рѣшился.“

Это ее успокоило, и она начала систематически допрашивать меня на счетъ причинъ моей нерѣшимости. Одну изъ нихъ я успѣлъ объяснить ей... „Лидія ничего новаго не ожидаетъ на этомъ пути“, говорилъ я... „Онъ ей знакомъ, и его неудобства вознаграждаются для нея такою долею самостоятельности, какую она едвали могла бы имѣть при другихъ обстоятельствахъ. Двумя дорогами невозможно идти, и это еще вопросъ: можно ли отказаться отъ сопротивленія на одномъ пунктѣ, не уступивъ и на всѣхъ остальныхъ?.. Другими словами: возможна ли какая нибудь практически осуществимая середина между полной покорностью требованіямъ общества и открытой войной противъ нихъ?..“

Она начала говорить что то; но въ эту минуту раздался нервный дискантъ Ниночки, которая насъ отыскивала... „Маша!“— кричала она...

— „Послѣ поговоримъ, шепнула Марья Петровна, ускоривъ шаги; но послѣ не удалось. Ниночка тоже чуяла что то, и любо-

пытство ея было насторожѣ... Только прощаясь послѣ обѣда, Марья Петровна успѣла шепнуть мнѣ: —„Я къ вамъ пріѣду, мнѣ хочется видѣть Лидію...“

XXXVI.

23-го іюля.

Вотъ ужъ съ недѣлю, какъ я пера въ руки не бралъ... Не до того было... Я сталъ такъ счастливъ, такъ безконечно, невыразимо счастливъ, что ни себя ни другихъ не узнаю! Все получило для меня какой то новый смыслъ, и я самъ какъ будто сталъ новымъ человѣкомъ... Уфъ!.. голова даже кружится, какъ припомнишь!..

XXXVII.

25-го іюля.

Лидія мнѣ разсказала все... Теперь между нами нѣтъ болѣе тайнъ.... Роль Дмитрія Петровича въ ея жизни, какъ она ни старалась смягчить ее, оказывается довольно гнусная... Мы говорили о немъ очень долго, и она мнѣ призналась, что онъ ей давно опротивѣлъ... Потомъ говорили о Нинѣ и Марьѣ Петровнѣ. О послѣдней Лидія очень высокаго мнѣнія, но о Ниночкѣ отзывается сухо и неохотно... Очень обрадовалась, когда узнала, что Марья Петровна хочетъ ее навѣстить, и когда я напоминлъ ей прежній ея отказъ, объяснила причину, удалявшую ее долго отъ старой пріятельницы. Она не знала, какими глазами смотритъ на нее Маша, и боялась упрековъ; но теперь она видитъ... и проч.

XXXVIII.

30-го іюля.

Всѣ эти дни ждалъ Марью Петровну, но ея не было... Сегодня Лидія была чѣмъ то встревожена или огорчена... не могъ добиться, чѣмъ именно... Такъ, говоритъ, нервы... Но ужъ я знаю ее и, Богъ знаетъ, чѣмъ готовъ отвѣчать, что тутъ не одни нервы!..

XXXIX.

2-го августа.

Прасковья Васильевна до сихъ поръ у Лидіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что мѣста еще не нашла, но въ сущности я удержалъ ее тайкомъ отъ Лидіи... Женщина добрая, и Лидія такъ привыкла

къ ней, что мнѣ не хочется ее отпускать. Со временемъ, когда мы устроимся, изъ нея можно сдѣлать горничную... но дѣло не въ томъ... а въ томъ, что сегодня я сдѣлалъ маленькую подлость... пошпіонничалъ... Догадки и подозрѣнія самаго глупаго рода не давали мнѣ цѣлый день покоя... Сегодня вошелъ тихонько, и отозвавъ Прасковью Васильевну въ сторону, „что?“ говорю, „у Лидіи Алексѣвны эти дни былъ кто нибудь?..“ „Были-съ,“ говоритъ, „Сергѣй Никанорычъ были, да еще господинъ какой-то...“ „Не знаешь, кто!..“ „Нѣтъ-съ“, говоритъ, „не знаю...“ Совѣстно было дольше разспрашивать, а смерть какъ хотѣлось... Что за причина, думаю, что она отъ меня прячетъ?.. Если это Касимовъ былъ, то отчего не сказать?.. Въ результатѣ—я былъ жестоко наказанъ за свое малодушіе, и мысль, что я этимъ обидѣлъ Лидію, и кое какія другія мысли мучили меня цѣлый день, такъ что на этотъ разъ ужъ она спрашивала: что такое со мною сегодня дѣлается?.. но я, разумѣется, не сказалъ... Чортъ бы ее побралъ эту жизнь врознь! И самъ знаешь, что не чужой, а все какъ будто чужой!.. Надо это когда нибудь кончить; а то оно даже неприлично какъ будто выходить. Приходишь, уходишь... точно какъ отъ какой нибудь... И все тебѣ чудится, что люди на тебя смотрятъ какъ то такъ... глупо, чтобы не сказать болѣе. Оно можетъ быть и вздоръ,—съ непривычки такъ кажется... а все жъ непріятно!.. Хочется мнѣ все ей сказать, да не знаю какъ приступиться... Боюсь, что она это приметъ дурно.

XL.

4-го августа.

Сегодня вхожу въ переднюю, вижу: зонтикъ, стоитъ въ углу... „Кто здѣсь?..“ „Тотъ баринъ, что въ понедѣльникъ были.“

Не успѣлъ я сообразить, какъ навстрѣчу мнѣ Лидія, замѣтно сконфуженная.

— „Дмитрій Петровичъ здѣсь,“ шепнула она.

Меня, какъ огнемъ, охватило. Вхожу, раскраснѣвшись, и смотрю: онъ сидитъ у нея на диванѣ, съ сигарой во рту; сидитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, хоть бы глазомъ моргнулъ, разбойникъ.

— „А! Вася!.. здравствуй?“ говоритъ; а самъ смѣется. „Ну что,“ говоритъ, „адресъ то, адресъ!.. помнишь?.. Хотѣлъ, было, тебѣ вымѣстить, сказать, что узналъ отъ тебя, да жаль стало. Что ужъ, думаю, человѣка топить ни за грошъ! Добро бы по своей волѣ... а то вѣдь приказано было.“

Я былъ до того взбѣшонъ, что не нашелся ни слова ему отвѣчать и только взглянулъ на Лидію. Она была далека отъ его безпечности, была озабочена и печальна, но владѣла собой въ десять разъ больше меня. Только по легкому дрожанію рукъ можно было замѣтить, что и она тоже встревожена.

— „Что-жъ вы молчите?“ продолжалъ онъ. „Поссорились, что-ли? Или меня конфузитесь?.. Что-жъ?.. По пословицѣ, третьяго игрока подъ столъ; я, вѣдь, и уйду пожалуй... А? Вася?.. Ревнивъ, мошенникъ!.. Не говоришь ничего, а самъ думаешь: чортъ бы тебя побралъ! Зачѣмъ ты здѣсь?.. Ну, что дашь?.. уйду.“

— „Послѣ поговоримъ“. отвѣчалъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и усмѣшка исчезла съ его лица... „Глупъ ты, братъ!“ сказалъ онъ, вставая... „Пробовалъ я тебя вразумлять, да теперь вижу, что время потратилъ даромъ... Для такого ребенка, какъ ты, нуженъ не гувернеръ, а нянька... Ну, вотъ, и пусть Лидія Алексѣевна съ тобой понянчится; авось ей удастся лучше, чѣмъ мнѣ... Прощайте.“

Онъ собирался уйти; но Лидія удержала его... „Постой, Дмитрій!“ сказала она. „Вы были друзьями прежде. Изъ за чего-жъ вы теперь ссоритесь?.. Если изъ-за меня, то вѣдь это глупо!.. Дмитрій Петровичъ, сдѣлай мнѣ удовольствіе, я тебя умоляю...“

„Да ты что ко мнѣ пристаешь?“ отвѣчалъ онъ сердито. „Ты вонъ у него спроси, чего ему нужно?“

Лидія бросила на меня тревожный взглядъ, въ которомъ страхъ, стыдъ и любовь, сливаясь, переходили въ нѣмую просьбу. Я былъ не въ силахъ ей отказать. Скрѣпивъ сердце, я протянулъ ему руку.

— „Дудки, братъ! Не прикидывайся! Меня не надуешь!“ шепнулъ онъ, пожавъ ее холодно, и ушелъ.

Долго потомъ она читала мнѣ выговоры и наставленія...

— „Да вѣдь ты сама его не хотѣла видѣть!.. Чего-жъ онъ лѣзетъ сюда, на перекоръ намъ обоимъ?“

— „Василій Григорьичъ! Онъ приходилъ къ сыну... Ты будешь рѣдко его здѣсь встрѣчать.“

— „Да я совсѣмъ его не хочу встрѣчать.“

— „Ну, полно!.. Что онъ тебѣ мѣшаетъ?“

— „Я ненавижу его!“

— „Полно! Что за дурачество! Я терпѣть не могу, когда ты прикидываешься злымъ...“ и пошли опять увѣщанія... Но я не прикидывался. Я дѣйствительно ненавидѣлъ его. Это чувство выросло очень недавно; но въ эту минуту оно было ужъ сильно, гораздо сильнѣе, чѣмъ я желалъ его обнаружить при ней.

Только что я ушелъ отъ нея, какъ мысль: зачѣмъ этотъ человѣкъ становится у меня на дорогѣ? овладѣла мной съ новою силою. „Чего ему нужно?“ спрашивалъ я. „И отчего она прямо не хочетъ ему сказать, что она его болѣе не желаетъ видѣть?.. Могу ли я быть увѣренъ, что она не желаетъ дѣйствительно и что остатки старой любви не таятся у ней на днѣ души безсознательно,—можетъ быть, противъ воли?.. Возвращаясь домой, я думалъ и передумывалъ эти вопросы и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ болѣе злился... Дойдя до Литейной, я остановился и съ минуту стоялъ въ нерѣшимости... „Нѣтъ, надо это покончить!“ думалъ я.

— „Поѣдете?“ спросилъ извощикъ.

— „На Конно-гвардейскій бульваръ“, отвѣчалъ я, вскочивъ на дрожки, и минутъ черезъ пять былъ у Касимова.

Онъ встрѣтилъ меня очень сухо.

— „Ну,“ сказалъ онъ, всматриваясь внимательно мнѣ въ лицо,—„что скажешь?“

— „А скажу вотъ что. Я не хочу, чтобы ты ѣздилъ къ Лидіи Алексѣевнѣ.“

— „О! въ самомъ дѣлѣ?“

— „Да, въ самомъ дѣлѣ.“

— „Почему жъ такъ?“

— „Пустой вопросъ,“ отвѣчалъ я. „Не все ли равно почему, если я разъ тебѣ говорю, что я положительно не хочу.“

— „Да ты что за хозяинъ? Я ѣзжу къ ней, а не къ тебѣ.“

— „Это все равно.“

— „Давно ли?“

— „Съ тѣхъ поръ, какъ я не вижу въ томъ разницы.“

— „А мнѣ до тебя какое дѣло?“

— „Будетъ дѣло, если ты меня не послушаешься и не отстанешь.“

Онъ посмотрѣлъ на меня съ минуту, и хорошо знакомая, циническая насмѣшка промелькнула у него на лицѣ, но съ примѣсью сильной досады.

— „Дуракъ!“ сказалъ онъ.

— „Ну, это еще неизвѣстно,“ отвѣчалъ я. А вотъ какъ я тебѣ всажу пулю въ лобъ, тогда и посмотримъ: кто изъ насъ двухъ останется въ дуракахъ.“

Онъ засвисталъ. „Ого!.. Вонъ ты куда!.. Да ты съ чего взялъ, что я съ тобой въ дураки играть стану?.. У кого, вмѣсто головы, пустой горшокъ, тотъ пусть и ставитъ его подъ пулю; а я не такъ глупъ!“

— „Если не хочешь,“ отвѣчалъ я, „то ты долженъ мнѣ слово дать, что съ этого дня нога твоя не будетъ у Лидіи Алексѣевны.“

— „Не потѣшусь, братъ; не дамъ я тебѣ никакого слова.“

— „Касимовъ!“

— „А я тебѣ вотъ что скажу:—поѣзжай-ка домой, да ляжъ, выспись порядкомъ. А то ты совсѣмъ ошалѣлъ... Посмотри, у тебя глаза стали какіе то сумасшедшіе.“

— „Касимовъ! не выводи меня изъ терпѣнья!.. Вспомни: — вѣдь мы товарищи были... друзья!“

— „Помню, Вася; еслибъ не помнилъ, я бы тебя давно въ шею вытолкалъ.“

— „Но,“ продолжалъ я,— „память прошедшаго не удержитъ меня...“

— „Тѣмъ хуже!.. Ступай братъ, ступай! Нечего меня стращать—не застращаешь!.. Ступай, выспись.“

Говорить было больше нечего; я ушелъ.

XLI.

5-го августа.

Цѣлую ночь не спалъ... ревность мучила... Нужно же этому дьяволу тутъ соваться!.. ...Я былъ такъ счастливъ, а теперь, вотъ опять кошки скребутъ на сердцѣ... Скверно такъ стало вдругъ...

Мысли такія глупыя лѣзутъ въ голову!.. Ну, а что, думаю, если она меня обманываетъ? И самъ знаю, что подло съ моей стороны такъ думать; и причинъ никакихъ толковыхъ не пріищу, зачѣмъ бы ей это дѣлать, а проклятый вопросъ снова и снова приходитъ въ голову, и какъ ни стараюсь, ничѣмъ его не могу прогнать!.. Зачѣмъ она отказалась жить вмѣстѣ? Зачѣмъ скрывала его посѣщенія?.. И эта тревога, когда мы съ нимъ встрѣтились у нея?.. И отчего бы ей не сказать ему запросто: другъ любезный, такъ какъ теперь все между нами кончено, то ужъ ты, сдѣлай милость, не ѣзди больше ко мнѣ, — я этого не хочу, потому что Василья Григорьича огорчатъ... Что онъ могъ бы противъ этого возразить?.. Ничего. Потому что если ни я, ни она, никто не хочетъ, чтобы онъ ѣздилъ въ домъ, тогда какъ же онъ будетъ ѣздить?.. Тогда вѣдь я, просто, имѣю право спустить его съ лѣстницы внизъ головой!.. Оно не такъ то легко, конечно, потому что онъ дюжъ... Ну, да вѣдь и я... въ чемъ другомъ, а въ этомъ я съ нимъ потягаюсь!

XLII.

6го августа.

Опять просилъ Лидію переѣхать ко мнѣ и опять получилъ отказъ.

— „Не хочу,“ говоритъ, „жить на вашъ счетъ.“

Долго ее уговаривалъ и наконецъ не вытерпѣлъ, сдѣлалъ глупость, намекнулъ ей на мои подозрѣнія... Она вспыхнула, разсердилась страшно и наговорила такихъ вещей, что у меня до сихъ поръ въ ушахъ звенитъ отъ стыда и горя.

— „Да что я,“ говоритъ, — „боюсь тебя, что ли?.. Развѣ ужъ я дала тебѣ какія нибудь права надо мной?.. Да если бы я захотѣла сегодня вернуться къ нему, что ты воображаешь — я побоялась бы тебѣ это сказать?.. Плохо же ты меня знаешь, если ты это думаешь!.. Или ты думаешь, что ты ужъ успѣлъ купить меня?.. Я... то есть я, конечно... я многимъ тебѣ...“ Она вдругъ замолчала, покраснѣла вся до ушей и крупныя слезы покатились у ней по щекамъ. Меня такъ это поразило, что въ эту минуту я все забылъ, кинулся къ ней, сталъ руки у нея цѣловать, просить прощенья. Мнѣ и въ голову не пришло въ ту пору, съ чего

она вдругъ расплакалась, но теперь я догадываюсь, по разнымъ отрывистымъ возгласамъ и словамъ недосказаннымъ, догадываюсь, что она вспомнила тысячи мелкихъ услугъ, которыя она отъ меня получала съ тѣхъ поръ, какъ мы съ ней познакомились, и при этомъ ей могло въ голову прійти, что она точно куплена, но куплена такими вещами, которыя дороже денегъ и за которыя, кромѣ любви, ничѣмъ заплатить невозможно... Это, по всей вѣроятности, укололо немножко ея самолюбіе со стороны той самостоятельности, за которую она такъ стоитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смягчило ее, потому что она добра, очень добра!.. Она все простила мнѣ, и мы помирились, и во все остальное время у насъ больше помину не было о предметѣ ссоры... И вотъ я опять вѣрю, или вѣрнѣе сказать, я вѣрю, что я ей вѣрю... Я отворачиваю глаза старательно отъ того уголка, гдѣ засѣло это проклятое подозрѣніе. Я знаю, что оно еще тутъ, на зло разсудку и сердцу, на зло всему, что есть во мнѣ благороднаго и возвышеннаго; но я его выгоню, истреблю такъ, что слѣда отъ него не останется... и это будетъ легче, если только... ну, да что тутъ!.. если она съ Касимовымъ перестанетъ видѣться. А что она перестанетъ, въ этомъ теперь нѣтъ сомнѣнія, потому что она обѣщала. Она говоритъ: еще разъ или два, не болѣе... Утѣшительно это, очень! Но вотъ же, ей-ей, сейчасъ отдалъ бы два пальца съ руки, чтобы и этихъ двухъ разъ не было!

XLIII.

7-го августа.

Какъ я былъ веселъ вчера, послѣ того какъ она меня приласкала, и какъ сегодня все это вдругъ померкло!... Черныя мысли налетѣли опять, Богъ знаетъ откуда, и на сердцѣ снова тѣсно, снова какъ будто страшно чего, какъ будто ноетъ въ тебѣ что-нибудь,— короче, опять малодушіе одолѣло!... Гадко! Такъ гадко, что кофею даже не хочется!.. Чу!.. Кто это?.. Звонятъ, кажется...

...Марья Петровна сейчасъ была, пріѣхала съ первымъ поѣздомъ и взяла у меня адресъ Лидіи. Я хотѣлъ съ нею вмѣстѣ,

но она стала просить, чтобъ я ее одну отпустилъ. Вы, говоритъ, мѣшать будете, а мнѣ хочется съ ней поболтать безъ помѣхи...

— „Ну, Богъ съ вами," говорю, „идите однѣ!.."

...То-то, я думаю, вдвоемъ тамъ теперь отзваниваютъ!.. Обѣщала заѣхать ко мнѣ отъ Лидіи, да только едва ли ее теперь скоро дождешься.

6 часовъ вечера. Ждалъ, ждалъ, совсѣмъ изъ силъ выбился; легъ на диванъ полежать и заснулъ мертвымъ сномъ... Въ три часа, Павелъ меня разбудилъ. „Вставайте, сударь," говоритъ, „барышня здѣсь".

Я вскочилъ, протирая глаза. "Какая барышня? Гдѣ?.."

— „Марья Петровна-съ, Онѣ у васъ тутъ, въ кабинетѣ, давно ужъ сидятъ... Вошли, посмотрѣли на васъ, какъ вы спите, засмѣялись и не велѣли будить... „Ничего" говорятъ, „я подожду".

— „Василій Григорьичъ!" раздался изъ кабинета веселый голосъ...

Мы просидѣли съ ней цѣлый часъ, и слово за слово, по старой привычкѣ, я выболталъ ей все, что у меня на душѣ лежитъ... Долго она меня уговаривала и утѣшала, какъ маленькаго ребенка, но, подъ конецъ, таки распекла.

— „Полноте", говоритъ, „Василій Григорьичъ!. Какъ вамъ не стыдно!.. Чего вы боитесь?.. Какія препятствія мѣшаютъ вамъ быть совершенно счастливымъ? Ваша будущность у васъ самаго съ рукахъ и отъ васъ зависитъ устроить ее прочнымъ образомъ".

— „Какъ я устрою, когда она не хочетъ жить вмѣстѣ?"

— „Перестаньте пожалуйста! Я и слышать не хочу такого вздору!.. Не хочетъ? Я удивляюсь, какъ вы могли ожидать, что она захочетъ!.. Послушайте только: ну, что такое вы ей предлагаете?.. Развѣ она это можетъ принять?"

— „Да отчего же?"

— „Стыдитесь! Какъ у васъ языкъ поворачивается это выговорить? Право, если бы я не знала васъ слишкомъ хорошо, я бы подумала, что вы грязный человѣкъ, что вы хотите унизить и опозорить женщину искренно васъ любящую, что вы даже не любите ее вовсе?"

— „Я васъ не понимаю, Марья Петровна," отвѣчалъ я.— „Я Лидіи не предлагалъ ничего, что не было бы согласно съ ея и съ моими убѣжденіями",

— „Хороши же у васъ убѣжденія!.. Но я не о васъ хочу говорить. Вы, мужчины, извѣстно, въ этихъ вещахъ ничего не смыслите. Я говорю о ней. Вы подумайте только: если то, что вы ей предлагаете, совершенно согласно, какъ вы говорите, съ ея убѣжденіями, то отчего же она не принимаетъ?“

— „Я это у васъ хотѣлъ спросить,“ отвѣчалъ я. „Вы съ ней говорили, конечно, обо всемъ этомъ; объясните же мнѣ, пожалуйста, что она думаетъ и какъ бы она сама желала устроить нашу судьбу?“

Марья Петровна замялась. „Развѣ она сама вамъ этого не объясняла?“ спросила она.

— Нѣтъ“.

— „Странный вы человѣкъ! О чемъ же вы думали все это время и о чемъ вы съ ней говорите вдвоемъ?“

— „Ахъ, Марья Петровна! Вы дѣлаете мнѣ вопросъ, который я самъ дѣлалъ себѣ сто разъ, и который я не могу рѣшить, если вы мнѣ не поможете. Неужели же вы думаете, что я объ этомъ молчалъ? что я не дѣлалъ всего возможнаго, чтобы узнать ея волю, ея желанія на счетъ будущаго?.. Но тутъ-то я и встрѣчаю загадку неразрѣшимую. Лидія явно уклоняется отъ всякаго откровеннаго объясненія объ этомъ предметѣ, и я вижу, что оно ей непріятно. Всего раза два, да и то съ трудомъ, я успѣлъ вымanить у нея нѣсколько словъ по этому поводу“.

— „Что же она вамъ отвѣчала?“

— Да она отвѣчала весьма коротко .. „Дѣлайте“, говоритъ, „какъ знаете, только я у васъ быть на содержаніи не хочу“.

— „И вы не поняли, что это значитъ?“

— „Признаюсь, нѣтъ... Я понялъ только одно: это, что она боится за свою самостоятельность, за то независимое, какъ она воображаетъ, положеніе, въ которомъ она теперь находится и въ которомъ она живетъ своими трудами“.

Она усмѣхнулась и нетерпѣливо пожала плечами.

— „Марья Петровна,“ продолжалъ я: „у меня одна надежда на васъ“.

— „Отчего же на меня?“

— „Оттого, что она вамъ, навѣрно, сказала все, что она думаетъ“.

Она засмѣялась... „Почему жъ вы такъ полагаете!“ сказала она. „Но оставимте это. Она мнѣ ничего не говорила объ этомъ...

Скажите пожалуйста, вамъ никогда не приходило въ голову жениться на Лидинькѣ?“

Я отвѣчалъ, что приходило не разъ... „Но мы уже говорили съ вами объ этомъ...“

— „Ахъ да, я помню,“ перебила она. „Мы начали тогда говорить, да намъ помѣшали. Но теперь мы одни, и мнѣ хочется толкомъ узнать, что вы объ этомъ думаете?“

— „Да какъ вамъ сказать,“ отвѣчалъ я. „Теоретически говоря, я раздѣляю воззрѣніе современныхъ людей на этотъ предметъ“.

— „Гмъ; ну да, теоретически, разумѣется оно... того... Ну, а практически?“

— „Практически, Марья Петровна, я вамъ скажу между нами, что я радъ бы душой идти съ ней подъ вѣнецъ и даже считалъ бы это во многихъ отношеніяхъ, практически не забудьте, гораздо удобнѣе для себя; потому что, вотъ видите... Вы только, пожалуйста, никому...“

— „Никому, никому, не бойтесь!“

— „Я хотя и цѣню высоко полнѣйшую свободу связи, но, въ сущности, я это больше для нея цѣню. Мнѣ дорого, чтобы она ничѣмъ не была вынуждена, ну, а на счетъ себя, я пришелъ теперь къ убѣжденію, что я, собственно, и на сколько то лично до меня касается, никогда этой свободою не воспользуюсь. Для меня это все равно, что свобода горло себѣ порѣзать или всадить пулю въ лобъ. Пусть меня вяжутъ съ нею, какъ угодно; чѣмъ крѣпче, тѣмъ лучше! Я такъ люблю Лидію, что мнѣ противно до смерти даже и думать, чтобы я когда нибудь могъ съ ней разстаться!“

У моей гостьи слезы блеснули на глазахъ. „Милый вы человѣкъ!“ сказала она... „Да за чѣмъ же у васъ дѣло-то стало?“

— „А за тѣмъ, Марья Петровна, что я это только для себя такъ думаю. Лидіи я никогда не рѣшусь предложить это“.

— „Да отчего же?“

— „Потому что это значило бы обидѣть ее. Это все равно, что сказать ей: твоя прошлая жизнь была гадость, и я не хочу, чтобы ты ее продолжала. Я стыжусь тебя. Ты замарана; тебя надо очистить—прежде, чѣмъ я рѣшусь передъ всѣми подать тебѣ руку“.

— „Богъ съ вами! Что это вы какія глупости говорите!“ возразила она, открывая большіе глаза.

— „Нѣтъ, Марья Петровна; я дѣло вамъ говорю. Мало того: я вамъ скажу, что если бы я и рѣшился ей предложить, то она не приметъ“.

— „Вы думаете?“

— „Я въ этомъ совершенно увѣренъ“.

— „Однако же вы не пробовали?“

— „Нѣтъ“.

— „Знаете, что я вамъ скажу: попробуйте“.

Я покачалъ головой... „Зачѣмъ я буду смущать ее? Она вѣритъ въ свою самостоятельность; она принесла ей тяжелыя жертвы, и, конечно, ей утѣшительно думать, что жертвы эти не даромъ брошены. Вспомните вашу Надю, мой другъ; вѣдь это жъ она— ваша духовная дочь, ваша воспитанница, и ратуетъ, какъ она, за вашу собственную, за вашу родную идею! Изъ-за этой идеи она страдала, терпѣла нужду, оскорбленія, здоровье потратила; но за то она цѣлый человѣкъ, она не изломана, не надорвана, какъ другіе! Вся ея жизнь изъ одного куска!.. А тутъ вдругъ прійдетъ человѣкъ и все это разобьетъ и потянетъ ее за собой насильно въ такой кругъ жизни, гдѣ люди, ея башмаковъ нестоющіе, станутъ смотрѣть на нее свысока, снисходительно; будутъ ей ставить въ упрекъ ея прошлую жизнь и станутъ учить ее, презирать то, во что она прежде вѣровала... Что вы думаете: она этого не понимаетъ? . Вы думаете: она легко смотритъ на это?“

Марья Петровна слушала, пожимая плечами, и какая-то недовѣрчивая улыбка играла у нея на губахъ все время...

— „Послушайте,“ сказала она прощаясь: „все это очень хорошо съ теоретической точки зрѣнія, но на практикѣ вы, мужчины, ужасно близоруки... Послушайтесь вы моего совѣта: попробуйте, поговорите съ ней объ этомъ. Можетъ быть, вы найдете, что она не совсѣмъ такъ смотритъ на это, какъ вы полагаете“.

Признаюсь, озадачила она, меня этимъ совѣтомъ! Сижу вотъ теперь одинъ и думаю: откуда это идетъ? Если только отъ нея одной, то это еще не много значитъ; но если это послѣдствіе, отголосокъ ея объясненія съ Лидіей... Нѣтъ!.. быть не можетъ!.. Прочь отъ меня эта темная мысль!.. За нею идутъ такія догадки, о которыхъ мнѣ и подумать больно!..

XLIV.

8-го августа.

Мучился цѣлую ночь и рано поутру, совершенно разстроенный, отправился къ Иверскому... „Спасите!“ говорю... „я въ отчаяніи!“

Онъ сидѣлъ за работой, но услышавъ эти слова и взглянувъ мнѣ въ лицо, вскочилъ, сильно встревоженный.

— „Что случилось?“ говоритъ.

— „Ничего новаго,“ говорю, „не случилось, Сергѣй Никанорычъ, а только я самъ упалъ духомъ до такой степени, что просто хоть въ петлю лѣзть!..“ Я объяснилъ ему коротко, но совершенно открыто, все, что меня смущало, и спросилъ, что онъ объ этомъ думаетъ?

Что-то похожее на презрительное сожалѣніе было въ томъ взглядѣ, съ которымъ онъ слушалъ меня.

— „Все это пустые фантазіи, Василій Григорьичъ...“ началъ онъ.

— „Постойте,“ перебилъ я. „Я понимаю, что для васъ это все пустяки; но поймите жъ и вы, что мнѣ отъ этого вовсе не легче, помогите мнѣ ради Христа, выйти изъ этого лабиринта!“

— „Что я могу для васъ сдѣлать?“

— „Ничего, Сергѣй Никанорычъ, я ничего у васъ не прошу, только будьте великодушны, разрѣшите мнѣ, наконецъ, вашу загадку. Скажите: что вы имѣли въ виду, когда вы мнѣ совѣтовали жениться на Лидіи Алексѣевнѣ?“

— „То же, я думаю, что и вы: ея пользу“.

Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза, стараясь прочесть у него на лицѣ его заднюю мысль; но это лицо оставалось для меня, какъ и прежде, закрытою книгою.

— „Послушайте,“ продолжалъ онъ: „задачу эту, какъ чисто практическую, я вамъ не могу рѣшить, потому что для этого нужно дѣло, а дѣло отъ васъ зависитъ... Весь вопросъ въ томъ, что вы любите больше: Лидію Алексѣевну или идею, для которой она собой жертвуетъ?.. Если идею, то больше и говорить не о чемъ; но если вамъ дорого счастье женщины, то вы бросьте идею и не безпокойтесь о ней черезчуръ... Подумайте просто, безъ всякихъ умствованій, что лучше для Лидіи Алексѣевны: разбивать стѣну лбомъ, или выйти изъ этой свалки и прожить то, что оста-

лось отъ жизни, спокойно и чисто, въ своей семьѣ, въ своемъ домѣ?.. Идея — хорошая вещь, да только идея, вѣдь, и безъ Лидіи Алексѣевны обойдется, тѣмъ болѣе, что Лидія Алексѣевна ужъ отслужила свое... она ужъ подъ колесомъ!.. Пожалѣйте же вы ее, поберегите ее!.. Посмотрите: она вѣдь изъ силъ выбивается, да и силы-то у нея не, Богъ знаетъ, какъ велики; натерпѣлась, устала, здоровье потратила...“

Меня точно свѣтомъ какимъ озарило при этихъ словахъ, и мнѣ стало стыдно... Вотъ, думалъ я, человѣка аскетомъ считаютъ, фанатикомъ черствыхъ утопій, а вотъ онъ какъ просто смотритъ на вещи и вотъ какъ умѣетъ любить!.. А я-то, я-то дубина!.. Не могъ до сихъ поръ понять!..

Я горячо пожалъ ему руку и убѣжалъ поскорѣй... Мнѣ было совѣстно оставаться у него на глазахъ послѣ этого...

Рѣшеніе мое принято... Сегодня же иду къ ней и выскажу ей откровенно все.

XLV.

Далѣе слѣдовать за Васильемъ Григорьичемъ въ его дневникѣ, съ великимъ трудомъ распутывая и приводя въ порядокъ (какъ дѣлалось до сихъ поръ) этотъ сырой коконъ, нѣтъ никакой возможности... Человѣческаго терпѣнія не хватаетъ!.. Лѣтопись превращается въ совершенный хаосъ запутанныхъ, сбитыхъ отрывковъ, безъ всякой хронологической связи, безъ всякой попытки разсказать что нибудь путное! Нѣсколько сценъ выдаются еще тамъ и сямъ съ яркостью, но это лоскутья, между которыми нѣтъ никакой живой связи... Вслѣдствіе этого, намъ предстояло на выборъ одно изъ двухъ: или бросить работу и напечатать дневникъ безъ конца, или взять на себя разсказъ и дать менѣе оригинальный, но зато болѣе ясный и полный отчетъ объ исходѣ столичныхъ проказъ этого блуднаго сына Времени. Мы предпочли послѣднее и тѣмъ охотнѣе, что при этомъ являлась возможность дополнить главную нить событій кое какими свѣдѣніями, которыя намъ удалось собрать изъ другихъ источниковъ.

Я знаю, найдутся скептики, которые усомнятся въ искренности этой исповѣди, единственно потому, что она имъ покажется черезъ

чуръ простодушною для нашего времени... но вотъ, ей же ей!.. если бы они только видѣли рукопись, въ эту минуту лежащую передъ нами, они бы оставили свои подозрѣнія и признали ее за несомнѣнный подлинникъ... Вотъ листъ прожженный, вѣроятно окуркомъ сигары, брошеннымъ на него въ разсѣянности, а вонъ другой, весь закапанный чѣмъ то... Вотъ женскій профиль, бойко очерченный перомъ и обличающій совершенное незнакомство съ рисункомъ, вмѣстѣ съ весьма замѣчательнымъ даромъ пластической воспріимчивости; а вотъ двѣ страницы, вырванныя и, очевидно, съ размаху, въ припадкѣ досады, потому что оборваны нитки и выхваченъ лоскутъ изъ цѣлаго мѣста тетради, а отъ выдраннаго уцѣлѣлъ клочекъ съ каракулями, содержащій въ себѣ слова: *Подлецъ!.. Мерзавецъ!.. Голову разможжу!..* и вслѣдъ за тѣмъ дырка въ бумагѣ, обрызганная чернилами, точно какъ будто писавшій въ сердцахъ хватилъ объ это мѣсто перомъ и сломалъ его... Вообще говоря, всѣ признаки подтверждаютъ, что около этого времени авторъ рукописи находился въ весьма раздраженномъ состояніи духа. Количество патетическихъ выходокъ и лирическихъ сѣтованій, въ которыхъ оно отразилось, поистинѣ удивительно; но мы не намѣрены повторять ихъ за нимъ, чтобы напрасно не обременять разсказа. Довольно, если мы скажемъ, что не успѣлъ Василій Григорьичъ вернуться отъ Иверскаго, какъ всѣ его недоумѣнія и сомнѣнія возобновились въ немъ съ новою силою. Случайнымъ поводомъ къ этому было письмо изъ деревни отъ брата. Николай Григорьичъ писалъ коротко и темно о какомъ то дѣлѣ, по которому онъ, можетъ, быть скоро вынужденъ будетъ ѣхать въ Питеръ. Затѣмъ, письмо наполнено было жалобами на долговременное молчаніе, „—„тѣмъ болѣе насъ безпокоитъ, что о тебѣ здѣсь ходятъ весьма „непріятные слухи... Разсказываютъ изъподъ руки, будто бы ты свя„зался съ какой то студентшею, женщиною, которая носитъ брюки, „стрижетъ подъ гребенку волосы и ночуетъ въ гостяхъ у товари„щей, и черезъ нее попалъ въ общество неблагонамѣренныхъ лицъ. „Мы съ Лизой, конечно, не вѣримъ этому: тѣмъ не менѣе эти „слухи, при отсутствіи всякихъ прямыхъ о тебѣ извѣстій въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, не могутъ не безпокоить...“ Въ заключеніе, Николай Григорьичъ напоминаетъ брату, что онъ носитъ имя Бубновыхъ и что на немъ лежитъ долгъ беречь семейную

честь, „на которой, прибавляетъ онъ, всякое пятно будетъ вдвое „замѣтнѣе съ тѣхъ поръ, какъ ты пріобрѣлъ извѣстность на литературномъ поприщѣ“.

Василій Григорьичъ волосы на себѣ рвалъ, читая это посланіе. Какими судьбами и черезъ кого его связь съ Рулевой стала извѣстна до такой степени, что успѣла даже дойти до Зѣвска и стать тамъ предметомъ сплетенъ?.. это вопервыхъ,—а вовторыхъ, кто первый осмѣлился выставить Лидію развратною женщиною?.. Еслибъ онъ зналъ этого подлеца, онъ не далъ бы ему дожить до завтрашняго утра. Но къ сожалѣнію, онъ не зналъ его и не имѣлъ никакихъ средствъ узнать, а потому вся буря его негодованія обрушилась на Касимова, который одинъ, по его понятію, былъ виноватъ въ томъ, что подобнаго рода мерзости могли быть когда нибудь пущены въ ходъ про Лидію. Достаточно знать этого человѣка, рѣшилъ онъ, достаточно встрѣтить его раза два въ гостяхъ у женщины, не обезпеченной своимъ положеніемъ отъ скандала, чтобы подумать о ней, Богъ знаетъ, что... Конечно, есть и другія обстоятельства въ домашней ея обстановкѣ, которыя могутъ дать поводъ; но кто виноватъ во всемъ? Кто первый, не пощадивъ ея молодости, вывелъ ее почти ребенкомъ на эту трудную и извилистую дорогу, гдѣ всякій встрѣчный, всякій мазурикъ сочтетъ себя въ правѣ бросить въ нее пригоршню грязи?.. И кто теперь, на зло всѣмъ просьбамъ и требованіямъ, наперекоръ всѣмъ угрозамъ, не хочетъ оставить ее въ покоѣ, не позволяетъ ей развязаться съ прошедшимъ, бросаетъ тѣнь подозрѣнія и сѣмя раздора между нею и человѣкомъ, любящимъ ее такъ горячо, такъ искренно!.. Поджигаемое такими выводами, озлобленіе Василья Григорьевича противъ его стараго пріятеля не находило предѣловъ. Нѣсколько разъ съ толстой тростью въ рукахъ, онъ караулилъ его у воротъ и на лѣстницѣ Лидіи Алексѣевны. Попадись ему въ эту минуту Касимовъ, онъ бы дорого заплатилъ за свое упорство; но случай спасалъ этого человѣка. Рулеву Василій Григорьевичъ замучилъ ревностью. Гордый характеръ Лидіи и принципы, которые она отстаивала, не допускали съ ея стороны безусловной уступки. Она возмущалась и ссорилась съ нимъ: потомъ мирилась, утѣшала его, уговаривала, упрашивала, умоляла почти и вслѣдъ за тѣмъ опять ссорилась. Безъ сомнѣнія, было что нибудь, кромѣ характера и мимо

принципа, что мѣшало ей въ ту пору окончательно запереть свои двери Касимову и такимъ образомъ уничтожить причину раздора. По ея увѣреніямъ, это былъ ея сынъ, и Касимовъ ее навѣщалъ только затѣмъ, чтобы видѣть ребенка, говорилъ только о томъ, какъ обезпечить его судьбу; но Василій Григорьичъ, не смѣя прямо опровергать этого объясненія, втайнѣ не вѣрилъ ему. Онъ зналъ, или ему казалось, что онъ знаетъ Дмитрія Петровича слишкомъ хорошо, чтобы допустить за нимъ такого рода простыя и безкорыстныя побужденія. Это подлецъ, думалъ онъ, который шутя, для одной забавы, готовъ испортить другому жизнь? Это собака на сѣнѣ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ! Это змѣя, которую надо убить, чтобы она не ужалила!.. И, Богъ знаетъ, къ чему привело бы его это все, если бы двери Касимова не были заперты для него послѣ недавняго ихъ объясненія.

Препятствіе это однакоже не могло отстрочить развязку на долгое время. Такъ или этакъ, тутъ или тамъ, они должны были встрѣтиться...

Случай ихъ свелъ у Рыбникова, который, встрѣтивъ Василья Григорьевича на улицѣ, увезъ его почти силой къ себѣ на Елагинъ, на ботвинью съ какой-то чудовищной рыбою, пойманной гдѣ-то въ гаванн и присланной ему въ подарокъ знакомымъ купцомъ, Касимова Александръ Ивановичъ не ждалъ, не отыскавъ его утромъ въ городѣ, и вообще не успѣлъ залучить къ себѣ никого кромѣ двухъ или трехъ товарищей по службѣ, съ Каменнаго, да одного фабриканта съ Гутуевскаго... Но только что стали садиться за столъ, какъ явился и Дмитрій Петровичъ. Воротившись домой въ половинѣ пятаго, онъ нашелъ у себя записку Рыбникова и разсчиталъ, что поспѣетъ еще къ сѣду... Онъ былъ очень веселъ и не обращая никакого вниманія на враждебную мину Бубнова, протянулъ ему руку. Тотъ дотронулся до нея съ видимымъ отвращеніемъ и тотчасъ же отошелъ. За обѣдомъ они сидѣли на разныхъ концахъ стола. Василій Григорьичъ упорно молчалъ. Его честное сердце и богатырская грудь съ трудомъ выносили непривычный для нихъ гнетъ затаенной злобы. Онъ чувствовалъ себя очень неловко, краснѣлъ, кусалъ губы, посматривалъ исподлобья на Дмитрія Петровича, и стараясь придать себѣ видъ непринужденной развязности, пилъ безпрестанно вино. Послѣ обѣда гости

одинъ за другимъ разъѣхались, и онѣ остались втроемъ, въ кабинетѣ у Рыбникова.

Пользуясь этимъ случаемъ, хозяинъ, давно уже замѣтившій, что его гость не въ духѣ, началъ надъ нимъ подтрунивать, но тотъ отвѣчалъ коротко и сухо. Не догадываясь въ чемъ дѣло, Рыбниковъ обратился къ Касимову:

— „Что это съ нимъ сегодня? спросилъ онъ, удерживая изъ вѣжливости улыбку.

— „А кто его знаетъ?“ отвѣчалъ тотъ, пожавъ плечами... „Съ жару, должно быть, коробитъ“.

Бубновъ покраснѣлъ отъ усилія скрыть свое бѣшенство; но взглядъ, который онъ бросилъ на говорившаго, былъ такъ выразителенъ, что даже Рыбниковъ понялъ его значеніе.

— „Э-хе! Да вы, кажется, не въ ладу, господа!“ произнесъ онъ въ недоумѣніи, посмотривая на своихъ гостей поочереди. Одинъ изъ нихъ улыбнулся и засвисталъ, не отвѣчая ни слова, другой отвѣчалъ сухо *„да“* и взялся за шляпу.

— „Прощайте“.

— „Какъ такъ? Куда это?“ Хозяинъ вскочилъ и съ своею обыкновенною, липкою, паточною, навязчивою любезностью, бросился его удерживать.

— „Что это вы, Василій Григорьичъ, Что съ вами? Какъ вамъ не стыдно? Останьтесь: Да сдѣлайте милость! Да я васъ прошу! Да скажите, пожалуйста, что это такое?.. Пари держу, что какіе нибудь пустяки!.. Признайтесь мнѣ попріятельски; мы здѣсь потолкуемъ втроемъ и все это уладимъ.“

— „Извините... я не могу... сегодня... я не здоровъ“, отвѣчалъ тотъ отрывисто, направляясь къ дверямъ; но Рыбниковъ забѣжалъ впередъ и схватилъ его за руки.

— „Да полноте! что за вздоръ?“ продолжалъ онъ. „Погодите, выпьемъ еще бутылку шампанскаго, или, хотите; я лучше велю подать коньяку?.. Дмитрій Петровичъ! Да что жъ вы молчите? Неужли и вы тоже дуетесь?.. Уговорите его, чтобъ онъ остался“.

— „Э! бросьте! Чортъ съ нимъ!“ отвѣчалъ тотъ оборачиваясь лѣниво. „Пусть убирается къ...“

Эти слова и презрительный взглядъ, сопровождавшій ихъ, подѣйствовали, какъ искра въ порохъ... Задыхаясь отъ бѣшенства, Бубновъ бросилъ шляпу на столъ и подошелъ къ нему.

— „Что вы сказали?“ спросилъ онъ.

— „Ты слышалъ,“ отвѣчалъ тотъ.

— „Да, слышалъ; но я хочу знать, что дало тебѣ смѣлость, тебѣ, подлецу и трусу?..“

— „Бубновъ!“ перебилъ тотъ, вставая, но онъ не успѣлъ выговорить, какъ сильный ударъ кулака едва не свалилъ его съ ногъ. Ударъ былъ намѣченъ въ лицо, но Касимовъ успѣлъ увернуться настолько, что встрѣтилъ его плечомъ... Онъ пошатнулся, оправился и быстро отскочилъ въ сторону... Рыбниковъ, самъ весь блѣдный отъ страха, кинулся ихъ разнимать, но вмѣсто того, чтобы просто стать между ними, обхватилъ только сзади Бубнова. Эта неловкость дорого обошлась послѣднему. Бронзовый жолобъ для пепла, проворно захваченный со стола, сверкнулъ въ рукѣ у Касимова, и противникъ его, тяжело вздохнувъ, повалился на полъ...

Когда его подняли, вся лѣвая сторона головы его оказалась въ крови... Что было потомъ, неизвѣстно въ точности. Знаемъ только, что посланы были люди за докторомъ, что ему бросили кровь, что онъ всю ночь пролежалъ въ бреду у Рыбникова и что не раньше, какъ на другой день поутру, его, по собственному его желанію, отвезли въ городъ... Днемъ онъ былъ въ памяти, но докторъ качалъ головой и опасался горячки. Рыбниковъ, Иверскій, Лидія Алексѣевна не оставляли его ни на минуту. Къ вечеру, первый уѣхалъ домой, а ночью у больного опять возобновился бредъ, и дѣло дошло до того, что Иверскій счелъ не лишнимъ телеграфировать его брату. Тотъ страшно перетревожился, въ ту же минуту велѣлъ заложить лошадей, гналъ, сломя голову, до Москвы и на четвертый день поутру былъ въ Петербургѣ. Мрачныя предчувствія мучили его всю дорогу, но, какъ часто случается, онѣ не сбылись. Первый, кого онъ встрѣтили на квартирѣ у брата, былъ самъ Василій, блѣдный, съ обвязанной головой и въ халатѣ, но уже на своихъ ногахъ и внѣ всякой опасности... Василій былъ баловень въ семьѣ брата. Всѣ, начиная съ невѣстки его Лизаветы Ивановны до кривоногаго Феди, пятилѣтняго сына Николая Григорьевича, любили его безъ памяти, и потому радость брата, невидавшаго его цѣлый годъ и напуганнаго короткимъ, зловѣщимъ, сухимъ содержаніемъ телеграммы, была

неописанная. Василій Григорьевичъ былъ тоже радъ и тѣмъ болѣе, что онъ не могъ знать навѣрно, пріѣдетъ ли Николай; но съ его стороны радость была не безъ примѣси сильнаго безпокойства, потому что онъ не писалъ ничего о своихъ похожденіяхъ за послѣднее время, въ которое, совѣсть ему говорила, что онъ подкутилъ порядкомъ. Онъ зналъ, что ему придется выдержать длинный допросъ по весьма щекотливымъ вещамъ, на которыя онъ не могъ угадать, какъ посмотритъ братъ, и между которыми непослѣднюю роль играла его недавняя ссора съ Касимовымъ. Дѣло это онъ не считалъ оконченнымъ, и когда послѣ первыхъ, горячихъ привѣтствій и торопливыхъ разспросовъ, братъ, наконецъ, понизивъ голосъ, спросилъ у него серьезно: что это съ нимъ случилось? Василій Григорьичъ отвѣчалъ ему, сильно краснѣя, что онъ подрался, но что развязка еще впереди и что ему предстоитъ дуэль.

— „Какъ такъ дуэль? Съ кѣмъ?“

— „Съ Касимовымъ,“ отвѣчалъ Василій. Добродушное лицо Николая Григорьича вытянулось и брови приподнялись съ выраженіемъ крайняго удивленія. Онъ отодвинулся и съ минуту смотрѣлъ во всѣ глаза.

— „Что это значитъ, Вася? За что?“

— „Да за разныя пакости, а между прочимъ вотъ и за это.“ Василій Григорьичъ указалъ на лѣвую сторону головы.

Удивленье сельскаго земледѣльца и хлѣбосола, неимѣвшаго ни малѣйшей догадки о причинѣ болѣзни брата, росло съ каждымъ словомъ и разразилось, наконецъ, градомъ вопросовъ, на которые Василій Григорьичъ, сильно сконфуженный, отвѣчалъ заминаясь, недоговаривая, перебивая свои отвѣты неловкими комментаріями, еще болѣе затемнявшими смыслъ, и вообще удовлетворяя до крайности плохо законное любопытство брата.

Тотъ слушалъ, слушалъ и напослѣдокъ потерялъ терпѣніе.

— „Ничего, братецъ, — хоть ты убей, не понимаю я ничего!“ заговорилъ онъ, размахивая руками... „Разскажи ты мнѣ толкомъ, что эта за особа такая и въ какихъ отношеніяхъ она къ тебѣ, или къ Касимову, или къ другому кому, — кто васъ знаетъ!.. Я тутъ ничего не разберу.“

Василій Григорьичъ опустилъ голову и задумался. Онъ надѣялся скрыть отъ брата, по крайней мѣрѣ хоть на первое время,

свою связь съ Лидіей, разсчитывая не безъ основанія, что узнавъ ее лично, братъ лучше пойметъ и, можетъ быть, оправдаетъ его. Не то, чтобы онъ, по собственному понятію, нуждался въ какомъ нибудь оправданіи; но — вы понимаете, въ этотъ годъ онъ ушелъ такъ далеко впередъ отъ брата, который, конечно, еще стоитъ на своихъ устарѣлыхъ, уѣздныхъ воззрѣніяхъ, и котораго надо исподволь подводить къ новымъ идеямъ, чтобъ яркій ихъ свѣтъ, сразу открытый, не запугалъ его... Но онъ не сумѣлъ выполнить эту программу съ такимъ искусствомъ, какое для этого требовалось, и теперь, когда его приперли, волей-неволей долженъ былъ откровенно во всемъ покаяться; что онъ и сдѣлалъ, зная, заранѣе до какой степени его исповѣдь возмутитъ брата... ну, да что-жъ дѣлать?.. И дѣйствительно, тотъ его выслушалъ съ явнымъ неудовольствіемъ.

— „А! это, значитъ, та самая потаскуха, про которую намъ разсказывали?..“ произнесъ онъ, наморщивъ лобъ и пощипывая усы...

Василій Бубновъ вскочилъ съ такимъ видомъ, который весьма убѣдительно говорилъ, что, молъ, будь ты не братъ, а кто нибудь посторонній, да я бы тебѣ забилъ въ горло назадъ такія слова!.. Но онъ любилъ брата, и отчасти готовъ былъ на жесткія выходки, а потому обуздалъ въ себѣ, сколько могъ, чувство гнѣва...

— „Николай!.. сдѣлай милость!“ произнесъ онъ, дрожа отъ только что сдѣланнаго надъ собою усилія... „Сдѣлай милость! Ты меня обижаешь! Кто далъ тебѣ право оскорблять такимъ образомъ женщину, которую ты никогда и въ глаза не видалъ?..“

— „Да я и видѣть ее не хочу,“ отвѣчалъ тотъ упрямо. „А что я ее назвалъ, какъ слѣдуетъ, такъ это я сдѣлалъ не для того, чтобъ ее оскорблять, а для того чтобъ тебя вразумить... Какъ же прикажешь иначе назвать скверную дѣвку, которая, служа гувернанткой въ порядочномъ домѣ, позволила себѣ завесть связь съ отцомъ семейства?.. Это ты, братецъ, спроси кого хочешь, всякій скажетъ тебѣ, что это мерзость!“

Василій кинулся отъ него прочь и сталъ бѣгать по комнатѣ, схвативъ себя за волосы руками... „Ну что ты съ нимъ будешь дѣлать?“ думалъ онъ, мало по малу опять приходя въ себя и въ сильной досадѣ кусая себѣ губы до крови. „Съ его точки зрѣнія,

нечего удивляться, что оно ему кажется такъ; а чтобъ его до моей довести, нужно съ нимъ биться по меньшей мѣрѣ недѣли двѣ. Поди, объясняй ему, что она тутъ ни въ чемъ не виновата, что она во имя идеи дѣйствовала..."

— „Николай!" отвѣчалъ онъ. „Эта узкая мѣрка нравственности, по которой ты судишь о женщинѣ, теперь уже брошена передовыми людьми."

— „Тѣмъ хуже," отвѣчалъ Николай.

— „Теперь мы считаемъ варварствомъ," продолжалъ Василій, „уродовать человѣка, загораживая исходъ естественному стремленію его природы."

— „Помилуй, братецъ! Да какъ же не загораживать?.. Что-жъ это будетъ? Вѣдь этакъ мы сравняемся съ безсловесными животными... Этакъ вѣдь цѣлый городъ превратится въ какой то скотный дворъ.

— „О! чортъ возьми! Не превратится!.. Все это пустые страхи, вродѣ тѣхъ, которыми няньки пугаютъ дѣтей! Пойми ты, что все это устарѣло, отстало!.. Пойми ты, что женщина, говоря по вашему, падаетъ не отъ того, что она развратна, а отъ того, что ей ѣсть нечего!.."

— „Ну а эта, твоя... какъ бишь ее?.. Что-жъ и ей развѣ ѣсть было нечего?.."

— „Николай! ради Бога! Къ чему ты о ней это говоришь? Ты не знаешь ея!.. Ты ошибаешься въ ней совершенно!.. Клянусь тебѣ, если бъ ты зналъ ее, если бъ ты видѣлъ ее хоть разъ, у тебя никогда языкъ бы не повернулся... Погоди хоть немного, удержись до тѣхъ поръ, пока я тебя познакомлю съ Лидіей. Ты увидишь, что это за милая женщина!.. Ты никакъ не ожидаешь... Я увѣренъ, что ты представляешь тебѣ какую нибудь камелію съ расписанными глазами. Ничутъ не бывало! Честью тебя увѣряю, что это совсѣмъ другое, совершенно противоположное!.. Она чиста, какъ младенецъ!.."

— „Какой младенецъ! Помилуй! Что ты меня морочишь?.. Вѣдь ты самъ говорилъ, что у ней уже дѣти есть?.."

— „Такъ что-жъ?.. У Лизаветы Ивановны тоже вѣдь дѣти есть..."

— „Ну ужъ, братъ, сдѣлай милость, Лизавету Ивановну ты лучше въ покоѣ оставь!" проворчалъ Николай, посмотрѣвъ на него очень строго.

Меньшой Бубновъ спохватился, что онъ далъ маху, и началъ выпутываться, стараясь всѣми возможными средствами оправдать Лилію въ глазахъ брата и сваливая всю вину на Касимова.

На этотъ разъ Николай оказался сговорчивѣе и согласился охотно съ братомъ, что Касимовъ во сто разъ болѣе виноватъ... что Касимовъ свинья... и т. д. „Одного только я не могу понять," заключилъ онъ: „изъ-за чего у васъ ссора вышла?"

Братъ замялся. Это былъ весьма щекотливый пунктъ въ его исповѣди, потому что тутъ надобно было объяснять то, въ чемъ онъ самъ себѣ не хотѣлъ признаться, то есть свои подозрѣнія, страхи, сомнѣнія и возникавшую изъ нихъ ревность. Помявшись немного, онъ отвѣчалъ, что Касимовъ не хочетъ оставить въ покоѣ Лидію, которая двадцать разъ мѣняла квартиру чтобъ отъ него избавиться, просила, требовала (на этомъ мѣстѣ Василій прибавилъ немножко)... требовала при немъ; наконецъ, что онъ самъ просилъ, потомъ требовалъ..."

— „Очень нужно было тебѣ мѣшаться!" перебилъ старшій Бубновъ... „Ужъ если что въ вашихъ новыхъ идеяхъ толково, такъ это то, что изъ-за женщины, распустившей себя на всѣ на четыре стороны, никакой ссоры не можетъ быть, потому что если у васъ всякій имѣетъ право дать полную волю своимъ натуральнымъ стремленіямъ, то никто, стало быть, и мѣшать ему не имѣетъ права."

— „Да", отвѣчалъ Василій, немного сконфуженный; „но только въ такомъ случаѣ, если онъ самъ не мѣшаетъ другому... А Касимовъ мѣшалъ ей... Онъ насильно лѣзъ въ домъ .."

— „Гмъ; онъ свинья, въ этомъ спору нѣтъ... жену его только жаль!.. Но дѣло не въ этомъ... я все-жъ не могу понять... Она вѣдь, какъ это у васъ называется, — *эманципированная?*.. Чего-жъ она съ нимъ церемонилась?.. Ну, лѣзетъ насильно, такъ призвала бы дворника... или тамъ иначе какъ нибудь, мало ли какъ это дѣлается... Я не могу понять, какъ можно насильно лѣзть въ домъ!.."

Василій молчалъ.

— „Какъ же это, Вася?" спросилъ вдругъ старшій Бубновъ, посмотрѣвъ съ безпокойствомъ на брата. „Неужли ты въ самомъ дѣлѣ стрѣляться хочешь?"

— „Непремѣнно.“

— „Да какъ же? Вѣдь ты говоришь, что онъ отказывается?“

— „Да, онъ отказывался сначала, но теперь не откажется; потому что иначе при первой встрѣчѣ я ему кости переломаю.“

Николай Григорьичъ почесалъ въ головѣ и задумался... Онъ когда-то служилъ въ гусарахъ и даже былъ разъ секундантомъ въ какой-то встрѣчѣ, которая кончилась безъ большого шума; но съ тѣхъ поръ прошли годы тихой семейной жизни, и въ теченіе этого долгаго времени дуэль стала для него на ряду съ такими вещами, какъ ссылка, холера, война, самоубійство, землетрясеніе и т. д. Съ ней хоть и связывалось представленіе о чемъ то возможномъ, но эта возможность казалась такъ далека отъ его обыденной сферы, что давно перестала считаться сбыточною. А тутъ вдругъ, его собственный, родной братъ Василій, этотъ добрякъ, который во всю свою жизнь не обидѣлъ мухи, хочетъ стрѣляться!.. при чемъ на его долю выпадетъ, безъ сомнѣнія, непріятная роль секунданта... Васю убьютъ... онъ будетъ его хоронить... потомъ его арестуютъ... потомъ сошлютъ куда нибудь... однимъ словомъ, исторія во всѣхъ отношеніяхъ самая грустная!..

— Неужли же, думалъ онъ, все это такъ и сбудется?.. Неужли нѣтъ возможности кончить иначе?.. Онъ началъ разспрашивать брата о подробностяхъ его столкновенья, стараясь найти между ними что нибудь, къ чему можно бы было придраться хоть издали, хоть съ натяжкой, чтобы придать дѣлу характеръ несчастнаго случая и порѣшить его мирнымъ путемъ. Но сколько онъ ни искалъ, ничего не отыскивалось. Ссора была при свидѣтеляхъ, и Василій первый нанесъ оскорбленіе. Стало быть, если онъ и не вызоветъ, то Касимовъ, по всей вѣроятности, вызоветъ самъ... Одинъ только шансъ: — братъ говорилъ, что Касимовъ разъ отказался. Можетъ быть онъ и теперь откажется?.. Тогда Васю можно будетъ уговорить какъ нибудь, чтобы онъ это дѣло бросилъ на томъ основаніи, что съ человѣкомъ, который два раза отказался отъ вызова, нестоитъ больше и связываться... Шансъ былъ плохой, но онъ былъ единственный, и Николай Григорьичъ ухватился за него, какъ утопающій за соломинку, — да только что ухватился, глядь, новая мысль пришла ему въ голову... Василій ужъ разъ вызывалъ, какъ онъ говоритъ; и ослибъ тогда Касимовъ не отка-

зался, такой грубой драки бы не было. Она, собственно, изъ того и вышла, что этотъ скотъ не хотѣлъ кончить дѣла приличнымъ образомъ. Къ тому же, онъ первый былъ оскорбленъ, былъ битъ въ собственномъ смыслѣ слова; а Вася былъ только раненъ пепельницею или линейкою, или чѣмъ то другимъ въ этомъ родѣ, однимъ словомъ оружіемъ, не рукой... стало быть не зачѣмъ ему первому тутъ и соваться. Онъ можетъ ждать, — пусть вызываетъ Касимовъ, если угодно. А тотъ, легко можетъ статься, что и не вызоветъ, если ему не наступятъ на горло, и если ссора не будетъ имѣть огласки. Послѣднее обстоятельство зависитъ вполнѣ отъ Рыбникова, съ которымъ онъ не знакомъ... Но Касимовъ зато хорошо знакомъ, и если Касимовъ не хочетъ драться, то безъ сомнѣнія онъ уже принялъ мѣры, чтобы пріятель его не разболталъ... Какъ бы то ни было, а во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ заѣхать къ Рыбникову, рѣшилъ Николай Григорьичъ; изъ чего мы должны заключить, что несмотря на наружное сходство (съ лица онъ былъ очень похожъ на Василья: тотъ же ясный, здоровый, открытый, истинно русскій типъ, только полнѣе немножко и ростомъ пониже)... должны заключить, говорю, что Николай былъ гораздо толковѣе своего меньшого брата. Тотъ былъ мечтатель, идеалистъ, — этотъ практикъ.

. . . Но, несмотря на свою практичность, онъ не могъ, разумѣется, прійти къ вышеизложенному рѣшенію такъ прямо и быстро, какъ мы его привели. Онъ долго ломалъ себѣ голову, долго распрашивалъ брата и спорилъ съ нимъ, и старался его вразумить, пока, наконецъ, тотъ изъ силъ выбился, сталъ жаловаться, что у него опять голову начинаетъ ломить, и сказавъ: „дѣлай, какъ знаешь!“ растянулся во всю свою богатырскую длину на постели.

. . . Тогда только Николай Григорьичъ окончательно пришелъ къ выводу: что не мѣшаетъ, молъ, съѣздить къ Рыбникову. Онъ вымылся, выбрился, переодѣлся, наскоро отобѣдалъ и къ 7-ми часамъ вечера поспѣлъ на Елагинъ.

Рыбниковъ принялъ его самымъ любезнымъ образомъ, разсыпался въ извиненіяхъ и клятвенно увѣрялъ, что не только изъ постороннихъ, а даже въ семействѣ его никто не догадывается о томъ, что случилось. Онъ былъ одинъ свидѣтелемъ и объяснилъ все простымъ ушибомъ.

Значительно успокоенный съ этой стороны, Николай Григорьевичъ благодарилъ его горячо и затѣмъ осторожно спросилъ о Касимовѣ... Отвѣтъ былъ уклончивый. Рыбниковъ увѣрялъ, что онъ не видалъ Касимова послѣ этого случая и что хотя онъ вполнѣ увѣренъ, готовъ даже ручаться, что Дмитрій Петровичъ не сдѣлаетъ такой глупости, чтобы кому нибудь разболтать не что онъ уѣхалъ взбѣшенный и что намѣренія его неизвѣстны. Николай Григорьичъ однакоже не удовольствовался этимъ. Онъ попробовалъ вывѣдать дипломатическимъ образомъ, какъ Александръ Ивановичъ самъ смотритъ на происшествіе, случившееся у него въ домѣ, и какихъ ожидаетъ послѣдствій?.. Къ сожалѣнію, Рыбниковъ съ этой стороны оказался рѣшительно неприступенъ. Имѣлъ ли онъ или не имѣлъ какія нибудь основательныя причины скрывать свой взглядъ, мы не знаемъ, — по всей вѣроятности, не имѣлъ,—но есть люди, до такой степени одаренные инстинктомъ дипломатической тонкости, что не имѣя возможности истратить его въ полномъ объемѣ на дѣйствительныя потребности ихъ обыденной жизни, они не знаютъ, куда дѣвать избытокъ, и потому готовы употребить его даже и тамъ, гдѣ онъ вовсе не нуженъ... Для такихъ людей, какъ для лошади, которая ускоряетъ бѣгъ безъ всякой дѣйствительной надобности, если только замѣтитъ, что ее обгоняетъ другая, одной простой попытки вывѣдать что нибудь такимъ образомъ достаточно, чтобъ загнать ихъ немедленно въ панцырь дипломатической скрытности... Рыбниковъ ловко и безъ малѣйшихъ усилій ускользнулъ отъ вопросовъ своего гостя; наговорилъ ему пропасть гладкихъ, ничего незначущихъ фразъ и кончилъ тѣмъ, что онъ не педантъ въ дѣлѣ чести, что онъ считаетъ кодексъ ея случайнымъ сбродомъ чисто-условныхъ требованій, и потому не имѣетъ на эти вещи никакого заранѣе опредѣленнаго взгляда, а готовъ смотрѣть на нихъ какъ угодно, рѣшительно какъ угодно...

Отвѣтъ этотъ былъ удобенъ съ одной стороны. Онъ развязывалъ ему руки на счетъ единственнаго свидѣтеля, и за тѣмъ оставался только Касимовъ, къ которому онъ и рѣшился ѣхать немедленно... Недостатокъ опредѣленныхъ инструкцій со стороны брата не затруднялъ его, потому что съ Васильемъ онъ не привыкъ церемониться. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на ребенка, кото-

рому если дать полную волю распоряжаться собой, то онъ себѣ непремѣнно шею свернетъ... Давно ли онъ отпустилъ его изъ Засядкина,—а вонъ ужъ онъ сколько успѣлъ напроказить! Заложилъ свою вотчину чортъ знаетъ для какой надобности! Связался съ этою подлою дѣвкой, на которой, того и гляди, что женится! Наконецъ, подрался, какъ 12-ти лѣтній мальчишка и, какъ кажется, все изъ-за той же мерзавки?.. Нѣтъ, ему нельзя волю давать!— заключилъ Николай Григорьичъ и тутъ же рѣшилъ, если только Богъ поможетъ выпутать его какъ нибудь изъ всѣхъ этихъ бѣдъ, непремѣнно его увезти назадъ въ деревню. Какъ это все исполнить?.. онъ даже и не пытался теперь рѣшить; но онъ утѣшалъ себя мыслію, что если удастся избавить брата отъ той бѣды, которая ближе всего виситъ надъ головою, то остальное сравнительно будетъ легко.

Съ этими мыслями Николай Григорьичъ ѣхалъ обратно въ городъ. Било уже девять часовъ, когда онъ доѣхалъ до конногвардейскаго бульвара; но Рыбниковъ ему сказалъ, что по всѣмъ вѣроятностямъ онъ застанетъ Касимова дома. И онъ не ошибся. Дмитрій Петровичъ былъ дома и принялъ его безъ всякаго затрудненія. Старшій Бубновъ зналъ его очень хорошо, былъ даже на свадьбѣ его шафером Нины Павловны, но никогда терпѣть не могъ этого человѣка, угадывая, гораздо ранѣе брата, его, въ ту пору еще не созрѣвшій, цинизмъ.

— „А! здравствуйте!“—сказалъ Дмитрій Петровичъ, встрѣчая его въ дверяхъ.—„Вы пріѣхали, вѣроятно, къ брату, и хорошо сдѣлали; потому что онъ началъ дурить не въ мѣру. Извините, что я говорю это вамъ такъ, запросто... Мы съ Васильемъ товарищи и были пріятелями еще очень недавно... Садитесь, пожалуйста... Ну что, какъ онъ?“

Все это было сказано самымъ непринужденнымъ и по наружности добродушнымъ тономъ.

— „Да на ногахъ, слава Богу!“ отвѣчалъ Николай Григорьичъ, садясь. „Спасибо, что хоть не до смерти убили.“

— „А что-жъ тутъ, батюшка, будешь дѣлать? Неровенъ часъ,—могъ и до смерти убить, хоть не имѣлъ намѣренія... Вы представьте себѣ, что на васъ человѣкъ его росту съ кулакомъ лѣзетъ! Другого бы я схватилъ просто за руки, да и

вытолкалъ вонъ; а съ нимъ это не легко. Онъ могъ меня самъ убить, да и убилъ бы, пожалуй, если бы я не имѣлъ осторожности три недѣли его сюда не пускать. Мы и у Рыбникова съ нимъ случаемъ встрѣтились... Я бъ не поѣхалъ, еслибъ зналъ, что онъ тамъ... А у меня онъ тутъ и прежде ужъ былъ съ угрозами.— Всажу, говоритъ, тебѣ пулю въ лобъ!.. Поди съ нимъ, шути!...

— „Да за что у васъ ссора вышла?“

— „А, это ужъ вы у него спросите. Если онъ не умѣетъ вамъ объяснить, то я и подавно. Попросту—ошалѣлъ человѣкъ! Влюбился, какъ котъ, въ мою отставную любовницу и началъ ее ревновать... Да не къ кому было, вотъ видите; никто къ ней не ходитъ кромѣ меня. Не ходи, говоритъ, къ Лидіи... А мнѣ что? Я и такъ цѣлый годъ совсѣмъ изъ виду ее потерялъ; чего бы ужъ, кажется, лучше этого доказательства, что между нами связь кончена? Такъ нѣтъ! вбилъ себѣ въ голову, что я ее у него отнять хочу!.. Я ему, какъ разсудительному человѣку, толкую, что мнѣ, молъ, до нея собственно дѣла нѣтъ, что я хожу къ сыну, котораго она отъ меня родила... Чего, кажется, проще?.. Такъ нѣтъ, не вѣритъ!“

— „А что это за женщина?“ спросилъ Николай Григорьичъ, подстрекаемый любопытствомъ узнать что нибудь мимо брата о его связи.

— „Да ничего,“ отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ... „Такъ себѣ, женщина какъ женщина, баба добрая, молодая, недурна, не глупа... Она у насъ тутъ гувернанткой жила, да жена начала ревновать, такъ я ее и спровадилъ.“

— „Что жъ, она любитъ брата?“

Касимовъ пожалъ плечами.

— „Кто ее знаетъ?“ отвѣчалъ онъ... „Любитъ, кажется... По крайней мѣрѣ, они ужъ съ мѣсяцъ какъ очень сблизились.“

Они замолчали. Николай Григорьичъ смотрѣлъ на Касимова, мысленно пріискивая что нибудь, въ чемъ бы онъ могъ справедливо его обвинить относительно брата, но какъ ни старался‘ не могъ отыскать ничего. Какъ ни холодно, какъ ни сухо обнаружилъ себя этотъ человѣкъ съ сердечной стороны, а все жъ онъ былъ правъ. Братъ поступилъ, какъ сумашедшій, Дмитрій Петровичъ—какъ разсудительный человѣкъ. Братъ былъ озлобленъ про-

тивъ него до крайности, не имѣя къ тому никакого повода, кромѣ ревнивыхъ догадокъ, да ссоры, самимъ имъ затѣянной. Касимовъ, не см:тря на обиду ему нанесенную, не обнаруживалъ ни малѣйшей злобы, никакого намѣренія вести это дѣло дальше... Съ такими данными, Николай Григорьичъ не видѣлъ причины откладывать далѣе интересный вопросъ, который давно вертѣлся у него на языкѣ, и мирное разрѣшеніе котораго должно было окончательно его успокоить.

— „Дмитрій Петровичъ," сказалъ онъ; „ссора ваша съ Васильемъ, благодаря Александру Ивановичу Рыбникову, котораго я сегодня видѣлъ, не имѣла огласки, а потому вы, конѣчно, не заподозрите меня ни въ какихъ враждебныхъ затѣяхъ, если я васъ спрошу: какъ вы намѣрены кончить дѣло?"

— „Гмъ; вы боитесь, что я подстрѣлю вашего Васю?.. Штука была бы не хитрая! Да только я вамъ признаюсь, что несмотря на всѣ его глупости, я никакъ не могъ до сихъ поръ разсердиться серьезно на этого чудака.., Была, разумѣется, минута, и если она повторится, то я не могу отвѣчать за себя; но драться теперь, еще разъ, и послѣ того, какъ я разъ уже выпустилъ изъ него съ полфунта крови, я не имѣю охоты... Къ тому же, вы меня знаете нѣсколько... я не романтикъ и всю эту ерунду съ барьерами, секундантами, пистолетами считаю китайскими церемоніями... Съ чего я буду свой лобъ подставлять безъ всякой нужды?.. Я это разъ уже говорилъ вашему брату, но онъ, кажется, думаетъ, что я шучу и что если меня припугнуть хорошенько, то я запою другую пѣсню... Убѣдите его пожалуйста, что онъ ошибается; скажите, что я съ нимъ стрѣляться не буду ни въ какомъ случаѣ, но чтобы онъ не шутилъ, потому что въ другой разъ онъ не захватитъ меня врасплохъ, и шутка можетъ ему обойтись дороже, чѣмъ онъ разсчитываетъ."

Какъ ни былъ, повидимому, спокоенъ этотъ отвѣтъ, но тонъ голоса и зловѣщій взглядъ, съ которыми Дмитрій Петровичъ его заключилъ, поубавили нѣсколько радость Николая Григорьича. Онъ понялъ, что дѣло можетъ считаться конченнымъ только въ такомъ случаѣ, если ему удастся совершенно обезоружить брата; но какъ это сдѣлать, не уничтоживъ тѣхъ поводовъ къ раздраженію, которые онъ имѣлъ до сихъ поръ,—Николай Григорьичъ не зналъ. Онъ

только догадывался, что ключъ къ разрѣшенію этой второй задачи находится совершенно въ рукахъ у той женщины, которая овладѣла братомъ и которой онъ до сихъ поръ не видалъ еще... Что тутъ дѣлать?.. Надо бы съ ней повидаться безъ брата; братъ будетъ мѣшать... Надо нагрянуть врасплохъ и какъ можно скорѣе, покуда она не успѣла еще надуматься и заучить роль... Онъ взглянулъ на часы... Половина десятаго... Поздно! подумалъ онъ.

— „Что, вы домой?“

— „Не знаю“, отвѣчалъ старшій Бубновъ. „Хотѣлъ заѣхать еще къ госпожѣ Рулевой, да, кажется, опоздалъ“.

— „Э! Ничего: Поѣзжайте!.. Самое время... Навѣрно застанете дома“.

— „Да ловко ли?“

— „И! полноте!.. По дѣлу во всякое время ловко. А она баба толковая; она это сейчасъ пойметъ“.

— „Вы часто съ ней видитесь?“ рискнулъ Николай Григорьичъ

— „А что?“ Касимовъ слегка усмѣхнулся... „И вы кажется туда же, думаете... Гмъ; сказалъ бы я вамъ кое что, да вы мнѣ не повѣрите. А вы поѣзжайте; сами увидите.“

Но Николай Григорьичъ этимъ не удовольствовался. Онъ былъ готовъ уцѣпиться за всякій намекъ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, онъ разъяснитъ ему дѣло и укажетъ какой нибудь выходъ изъ труднаго положенія. Поэтому онъ приставалъ къ Касимову съ просьбой быть откровеннѣе и не заставлять его ломать понапрасну его дворянскую голову. „Что вамъ изъ того, теперь или послѣ я вамъ повѣрю...“ говорилъ онъ. „Вамъ это вѣдь все равно, а для меня вашъ совѣтъ очень дорогъ.

— „Да это совсѣмъ не совѣтъ. Это такъ... пустяки“, отвѣчалъ тотъ, смѣясь .. Мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что Василью нянька нужна“.

— „Какъ нянька?“

— „Да такъ; подумайте послѣ объ этомъ, а теперь поѣзжайте къ Рулевой“.

Николай Григорьичъ поѣхалъ. День былъ удачный для него, а онъ вѣрилъ въ удачные дни... Дорогой онъ думалъ о томъ, что ему сказалъ Касимовъ.

— „Нянька нужна?.. Гмъ; да, пожалуй, что и нужна; мнѣ самому это въ голову приходило; но только какая же нянька?. Неужли эта?.. Да сохрани-жъ Господи! Мерзость этакая!.. Тьфу!..“ Николай Григорьичъ даже плюнулъ при мысли ввести въ семейство такую женщину.. „Чтобъ тебѣ лопнуть съ твоимъ совѣтомъ!.. Вишь ты, гусь лапчатый!.. Совѣсть, небось, разобрала!.. Хочешь ее пристроить съ сыномъ!.. А я, какъ дуракъ, слушаю; чуть спасибо еще не сказалъ этой свиньѣ!.. Эхъ, Вася, Вася!.. Чортъ тебя дернулъ съ этимъ народомъ связываться?“

Николай Григорьевичъ былъ такъ возмущенъ, что чуть не проѣхалъ мимо Троицкаго, и одна только вѣра въ счастливый день удержала его. Въ какой степени она оправдалась, это мы скоро увидимъ.

Ворча и поплевыя, Николай Григорьевичъ отыскалъ двери Рулевой, позвонилъ и вошелъ.

— „Дома госпожа Рулева?“

— „Дома-съ.

— „Проводи меня къ ней“

— „Да онѣ вонъ и сами идутъ“, отвѣчала Прасковья Васильевна, указывая на свою госпожу, которая вышла узнать, кто звонилъ.

Николай Григорьичъ взглянулъ и—трудно сказать отчего сконфузился... Передъ нимъ стояла скромно одѣтая, худенькая молодая женщина, съ блѣднымъ, серьезнымъ, даже нѣсколько строгимъ лицомъ и съ выраженіемъ тихой грусти въ задумчивыхъ, черныхъ глазахъ. Ни суетливой усмѣшки, ни любопытства, ни безпокойства, ни дерзости незамѣтно было на этомъ лицѣ, и не было никакого сомнѣнія, что такъ, какъ она теперь стоитъ, точно также она стояла или сидѣла за минуту до этого, одна въ своей комнатѣ. Николай Григорьичъ совсѣмъ иначе себѣ ее воображалъ: въ его головѣ составилось что то среднее между камеліей въ платьѣ семинариста и медицинскимъ студентомъ въ юбкѣ, однимъ словомъ, какой то монструмъ, химерическое созданіе, въ которомъ несовмѣстимое совмѣщалось и невообразимое было воплощено... Онъ отступилъ невольно назадъ и вѣжливо поклонился.

— „Имѣю честь рекомендоваться“, сказалъ онъ. „Николай Бубновъ, братъ Василія Григорьича“.

Маленькое восклицаніе вырвалось у Рулевой.

— „А!.. Николай Григорьичъ!.. Войдите... я рада васъ видѣть".

Первое побужденье ея было протянуть ему обѣ руки, но что-то ее удержало.

Бубновъ вошелъ, съ любопытствомъ оглядываясь кругомъ... Бѣдная, очень бѣдная комната, старые коленкоровые занавѣсы на окнахъ и такая же перегородка; на стѣнѣ полки съ книгами; у небольшой кушетки столъ; на столѣ свѣчка, съ сильно подержаннымъ абажуромъ, кипа тетрадей, чернилница и нѣсколько книгъ... Ни малѣйшихъ слѣдовъ безпорядочной жизни; все чисто и скромно и больше похоже на келью убогаго труженика, чѣмъ на какой нибудь.. такой... этакой... Николай Григорьичъ сбился, пытаясь вспомнить, что именно онъ воображалъ, и не находя у себя въ головѣ ничего, кромѣ какого-то абстактнаго безобразія.

Все это однакожъ нисколько не обезоружило его. Это не то, что онъ думалъ, конечно... о! нѣтъ!—это далеко не такъ нахально и грубо; но это гораздо хуже... Ясно, что это хитрая, ловкая женщина и что она опутала брата кругомъ; онъ теперь понимаетъ чѣмъ... И не такой простякъ, какъ Василій, могъ бы тутъ ошибиться; онъ самъ, если бы онъ не зналъ ея скандалезной жизни могъ бы легко принять ее за совершенно порядочную женщину,— такъ у ней все тутъ шито да крыто... Но его, Николая Григорьича, мудрено провести!.. Онъ не поддастся на всѣ эти штуки Онъ сразу покажетъ ей, что онъ ее понялъ насквозь...

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, онъ сократилъ всѣ лишнія церемоніи и послѣ нѣсколькихъ словъ о здоровьѣ Василья, перешелъ прямо къ дѣлу... Онъ объяснилъ, что его очень тревожитъ положеніе брата и не столько болѣзнь, какъ то напряженное состояніе духа, въ которомъ онъ, Николай Григоричъ, нашелъ его... Онъ не узналъ Василья.. Назадъ тому съ годъ, когда онъ отпускалъ его въ Петербургъ, это былъ добродушный, здоровый, и здравомыслящій веселый, безпечный молодой человѣкъ; теперь это какой то маньякъ, съ которымъ нельзя разсуждать ни о чемъ спокойно! Онъ раздраженъ, озлобленъ, перессорился съ старыми своими друзьями подрался и хочетъ драться еще... стрѣляться хочетъ! Онъ не можетъ понять, что съ нимъ сдѣлалось и кто былъ причиной такой перемѣны?

Тѣнь тоски и страданія, которую Николай Григорьичъ съ перваго взгляда замѣтилъ въ лицѣ Рулевой, опредѣлилась еще сильнѣе: въ глазахъ, особенно въ этихъ черныхъ, глубокихъ глазахъ отразилась тяжелая мука.

— „Ахъ! ,Николай Григорьичъ“, отвѣчала она вздохнувъ,— „я одна виновата во всемъ!.. Братъ вашъ былъ дѣйствительно тотъ человѣкъ, какимъ вы его помните, покуда со мною не встрѣтился“.

Опять Николай Григорьичъ былъ удивленъ. Онъ совсѣмъ не того ожидалъ... „У! да какая же ты штука! подумалъ онъ и съ минуту смотрѣлъ на нее ни слова не говоря... Онъ началъ догадываться, что самая трудная часть задачи была не та, которая ждетъ еще впереди. Все это посбавило въ немъ самоувѣренности, и онъ продолжалъ уже гораздо мягче.

— „Я не имѣю права ставить себя судьей вашего поведенія, отвѣчалъ онъ,— „но такъ какъ вы сами берете вину на себя, то будьте ужъ такъ добры, объясните мнѣ ради Бога, что такое вы сдѣлали съ братомъ?“

— „Я... любила его, Николай Григорьичъ“. Николай Григорьичъ пожалъ плечами. Это ему показалось ужъ просто нахально. За кого она его принимаетъ съ такими наивностями?

— „Ну-съ; а потомъ?

— „Потомъ онъ меня полюбилъ“.

— „Это я знаю-съ; да только это вѣдь ничего ровно необъясняетъ.

— „Оттого Николай Григорьичъ, что вы не знаете меня.“

— „Да-съ, лично, безъ сомнѣнія, до сихъ поръ не имѣлъ чести; но кое-что слышалъ о васъ...“

Она вдругъ гордо подняла голову и во взглядѣ ея Николаю Григрьичу почудилось что то другое, чего онъ до сихъ поръ не замѣчалъ... Но это былъ мигъ, и вслѣдъ за тѣмъ прежнее выраженіе тихой скорби взяло верхъ надъ минутнымъ проблескомъ.

— „Послушайте“, перебила она. „Къ чему эти косвенные намеки? Если хотите меня обвинять, то обвиняйте прямо. Я отпираться не стану. Я сама знаю, что не все въ моей жизни было такъ чисто, какъ можно желать. Въ ней были ошибки и заблужденія; но у кого же не было?.. Вы сами, — я васъ не знаю еще, — но развѣ вы такъ чисты, что въ вашемъ прошедшемъ ничего не

найдется, въ чемъ ваша жена или дѣти, или другой кто нибудь могъ бы васъ упрекнуть?.. Будьте со мною искренны и если, какъ я догадываюсь, вы что нибудь имѣете на сердцѣ противъ меня, скажите мнѣ прямо. Въ чемъ я дѣйствительно виновата, въ томъ я не буду оправдываться; но мнѣ очень больно, если вы думаете обо мнѣ хуже, чѣмъ я заслуживаю."

Николай Григорьичъ былъ добрый человѣкъ, и ему стоило нѣкоторыхъ усилій подавить въ себѣ то впечатлѣніе, которое невольно произвели на него эти слова.

— „Очень вамъ благодаренъ, сударыня", произнесъ онъ, „за позволеніе говорить откровенно; только я вѣдь не духовникъ вашъ, чтобы мнѣ васъ исповѣдывать... Мнѣ нужно знать только то, что касается до брата, и въ этомъ отношеніи я бы желалъ, чтобы вы мнѣ объяснили двѣ вещи. Во-первыхъ, онъ изъ за васъ поссорился съ старымъ своимъ пріятелемъ, Дмитріемъ Петровичемъ, который его чуть не убилъ, и послѣдствія этой ссоры..."

— „Послѣдствій не будетъ", перебила она.. „Дмитрій Петровичъ мнѣ слово далъ".

— „Хорошо-съ; — я самъ знаю, что Дмитрій Петровичъ не придаетъ большой важности тому, что случилось, но ссора можетъ возобновиться, если не уничтожить причины ея".

— „Причины никакой не было", отвѣчала Лидія, — „или, лучше сказать, она была только въ одномъ воображеніи Василья Григорьича".

— „Позвольте, сударыня", перебилъ онъ. „Я не знаю, о какой причинѣ вы изволите говорить,—ихъ было, можетъ быть, нѣсколько; но главныя, по моему мнѣнію, это связь брата съ женщиной, которая имѣла прежде другого любовника и которая, — извините, я говорю только то, что я слышалъ,—не находитъ нисколько предосудительнымъ такой образъ жизни, а потому, безъ сомнѣнія, не считаетъ нужнымъ его измѣнять".

Лидія опустила голову. Слезы блеснули у ней на глазахъ. Она отвернулась, чтобъ утереть ихъ украдкой. Бубновъ ждалъ, что она станетъ оправдываться; но она молчала.

— „Гмъ... задѣлъ за сердце!" подумалъ онъ про себя, — но чувства глубокой жалости, которое примѣшалось къ этому маленькому торжеству самолюбія, онъ ужъ не могъ прогнать.

— „Понятно“, продолжалъ онъ, съ трудомъ стараясь удержать прежній, спокойный тонъ, „понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, ссору предупредить мудрено. Она можетъ возобновиться изъ за всякаго, дѣйствительнаго или воображаемаго повода, просто по той причинѣ, что человѣкъ не можетъ быть никогда увѣренъ въ прочности своей связи. Не сегодня, такъ завтра, женщина можетъ бросить его и перейти къ другому, новому, или опять возвратиться къ старому.“

— „Николай Григорьичъ, вы знаете меня очень худо, если считаете меня способною играть такимъ образомъ привязанностями“ — отвѣчала она, глотая слезы.

— „Да я, Лидія Алексѣевна, (онъ первый разъ назвалъ ее по имени) — я вѣдь не говорю, чтобы вы хотѣли ими играть... Я скорѣе готовъ повѣрить, что вы искренно любите брата; но тѣмъ болѣе вы должны понять, что онъ не можетъ быть счастливъ при этихъ условіяхъ.. Правду ли я говорю?“

— „Правду!“ прошептала она.

— „Ваша искренность значительно сокращаетъ то, что мнѣ остается сказать“, продолжалъ онъ. „Мало того: она мнѣ доказываетъ, что вы знаете брата... Лидія Алексѣвна, согласитесь, что вы неудачно выбрали, что вамъ нуженъ совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ онъ; я хочу сказать, не съ такимъ характеромъ, потому что Василій, хоть онъ, по наружности, можетъ быть и раздѣляетъ вашъ взглядъ на вещи, въ душѣ никогда съ нимъ не помирится... Онъ слишкомъ пылокъ, слишкомъ мало владѣетъ собой; онъ будетъ мучиться, будетъ страдать, ревновать, бѣситься, съ ума сходить тамъ, гдѣ другой, болѣе хладнокровный и разсудительный человѣкъ можетъ быть былъ бы доволенъ и даже счастливъ, на сколько счастье возможно съ вашими правилами... не такъ ли?“

Она ничего не отвѣчала. Слезы катились у нея по щекамъ, и она уже не пыталась удержать ихъ. Николаю Григорьичу стало неловко и совѣстно. Онъ началъ догадываться, что онъ грубо ошибся, и что вмѣсто повѣреннаго по дѣлу брата, онъ играетъ роль палача. Но дѣлать нечего; онъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобъ отступать, да и къ чему повело бы его отступленіе? Къ тому, чтобъ испортить дѣло въ такую минуту, когда по всѣмъ признакамъ оно идетъ отлично въ ладъ... Скрѣпивъ сердце, онъ спѣшилъ кончить.

— „Мнѣ больно видѣть, что это такъ васъ огорчаетъ“, продолжалъ онъ; „но вы сами требовали, чтобы я высказалъ прямо то, что я думаю о вашей связи съ Васильемъ. Я думаю, Лидія Алексѣвна, что, любя безкорыстно брата и понимая, что онъ не можетъ быть съ вами счастливъ, вы не рѣшитесь продолжать то, что съ самаго начала едва его въ гробъ не свело... Не правда ли? Вы будете на столько великодушны?..“

Она молчала и плакала. Николай Григорьичъ былъ сильно смущенъ. Договоривъ до конца, онъ сдѣлалъ все, что былъ въ силахъ, и что далѣе дѣлать не зналъ... Онъ смотрѣлъ на Рулеву во всѣ глаза и безпокойно вертѣлся на стулѣ... Раза два ядовитый вопросъ: да не лукавитъ ли ужъ она? забирался къ нему насильно въ готову; но одинъ взглядъ на ея лицо уничтожалъ всѣ сомнѣнія... „Нѣтъ“, рѣшилъ онъ, „такъ притворяться нельзя. Она честная женщина и любитъ брата. Какъ жаль, что ее эти новыя идеи сбили съ толку!.. Еслибъ не это скверное положеніе, изъ котораго ее нѣтъ возможности вытащить, изъ нея можетъ быть вышла бы хорошая мать и жена... А теперь?..“ Онъ посмотрѣлъ на часы: было уже четверть двѣнадцатаго. „Надо, однакожъ, кончить“, подумалъ онъ. „Не цѣлую же ночь мнѣ ее тутъ мучить!“

— „Вы разстроены, Лидія Алексѣвна“, сказалъ онъ вставая. „Оставьте это покуда... Подумайте послѣ о томъ, что я вамъ говорилъ“.

— „Нечего думать“, отвѣчала она: „я ужъ довольно думала... прежде, безъ васъ... Николай Григорьичъ, за мной дѣло не станетъ... Я не хочу портить жизнь человѣку, котораго я люблю... Пусть онъ найдетъ другую, чище и лучше меня, и пусть будетъ съ ней счастливъ; а обо мнѣ пусть не жалѣетъ, потому что моя жизнь давно испорчена... Скажите ему это или другое что нибудь... вы лучше знаете что... только не требуйте, чтобы я сама... я не въ силахъ!..“ Она схватилась руками за голову и ушла за ширмы.

Николай Григорьичъ остался одинъ на полѣ битвы... День былъ удачный, гораздо удачнѣе, чѣмъ онъ могъ надѣяться. Онъ рѣшилъ всѣ задачи и вышелъ неоспоримымъ побѣдителемъ изъ всѣхъ столкновеній... Чего жъ бы еще кажется? Можно теперь торжествовать; можно вернуться къ Василью съ веселымъ лицомъ

и сказать: ну, голубчикъ, ты хоть и крѣпко тутъ накутилъ, но успокойся; я, старый твой братъ, не какой нибудь фантазеръ и мечтатель, а человѣкъ практическій. Я тебя духомъ выпутаю изъ всѣхъ твоихъ шалостей, если ты только самъ будешь умница и не станешь упрямиться...

Дѣло, однакожъ, было немножко не такъ, и Николай Григорьичъ ушелъ домой далеко не веселый. У него сердце щемило, да и не даромъ. Какъ ни практиченъ будь человѣкъ, но раздавить женщину, стараясь о пользѣ кого бы то ни было, даже роднаго брата, дѣло не шуточное, и послѣ такого подвига очень понятно, что будетъ немножко щемить на сердцѣ, потому что она, хоть *падшая*, а все-таки ей такъ же больно, какъ и другой, и все-таки ее жаль. Къ тому же и дѣло то не совсѣмъ еще кончено. Богъ знаетъ, какъ Василья удастся еще уломать!.. Старые аргументы теперь не годятся... Василій былъ правъ, когда говорилъ, что она, *не такая*... и Николай Григорьичъ по совѣсти долженъ будетъ ему признаться, что онъ былъ правъ. Съ его стороны подло бы было теперь говорить дурно объ это женщинѣ... потому, гмъ!.. ну да чтожъ тутъ! Надо правду сказать... потому что она волей неволей заставила его себя уважать!.

Въ такомъ раздумьи Николай Григорьевичъ воротился домой. Василій ждалъ его... „Гдѣ это онъ оставался такъ долго?.. У кого былъ?.. У Рыбникова?.. Ну что? Какъ?.. Говори скорѣе!“

— „Фу! погоди, дай отдохнуть! Усталъ, какъ собака!..“

— „А чай пилъ?“

— „Нѣтъ, не пилъ.“

— „Да какъ же такъ? Гдѣ же ты это сидѣлъ?.. Эй! Павелъ!.. скорѣй самоваръ!..“

Но самоваръ не успѣли еще подать, какъ Василій Григорьевичъ былъ внѣ себя... „Какъ! ты б лъ у Лидіи? Ты ей говорилъ?.. Что ты ей говорилъ?.. Да ты съ ума сошелъ?.. Ты хочешь меня несчастнымъ сдѣлать!.. Да ты знаешь ли, что прежде чѣмъ бросать Лидію, я себѣ двадцать разъ голову разможжу!.. Я не могу жить безъ нея! Я готовъ для нея на все!..“

Николай попробовалъ было съ нимъ спорить!.. Куда!.. И слушать не хочетъ!.. На стѣну лѣзетъ! Волосы на себѣ рветъ!..

— „Я сейчасъ къ ней пойду. Буду въ ногахъ у нея валяться, просить, чтобы она меня не бросала!.. Я въ Засядкино ее увезу... запишу за ней все имѣніе!.. Ея сынъ будетъ мой сынъ... Положеніе!.. положеніе, ты говоришь?.. Да плевать я хочу на ея положеніе!.. Да если бъ оно было еще во сто разъ хуже, я бъ и тогда не разстался съ ней! Пусть о насъ думаютъ, что хотятъ,— мнѣ дѣла до этого нѣтъ; я мѣднаго гроша не дамъ за все это думанье! Но я кости переломаю первому, кто осмѣлится ее оскорбить, кто на нее хоть посмотритъ косо!..“

Услышавъ такія рѣчи, Николай и рукой махнулъ. Ни разу въ жизни еще онъ не видѣлъ брата въ такомъ неистовствѣ. Онъ понялъ разомъ, что дѣло слишкомъ далеко зашло и что ворочать его назадъ теперь поздно. Все, что онъ могъ надѣяться еще сдѣлать, это дать ему честную, правильную развязку; но какъ это сдѣлать?.. Какъ урезонить Васю?..

— „Послушай, Василій“, сказалъ онъ. „Если ужъ такъ, то я тебя уговаривать больше не стану. Дѣлай что хочешь, только дѣлай, какъ честные люди дѣлаютъ, а не валяйся публично въ грязи. Любишь женщину, хочешь съ ней жить, такъ иди съ нею въ церковь, да и обвѣнчайся.“

Василій вытаращилъ на него глаза. Онъ никакъ не ожидалъ отъ брата такой уступки.

— „Гмъ; ты не шутишь, Коля? Ты серьезно мнѣ это говоришь?..“

— „Развѣ такими вещами шутятъ?..“ отвѣчалъ Николай... „Да не бѣги ты ради Бога, какъ ошалѣлый! Сядь, выслушай; ты мнѣ не даешь говорить, а то ты давно бы узналъ, что я вовсе не думаю объ этой женщинѣ такъ дурно, какъ думалъ прежде, покуда ее не увидалъ... Ее сбили съ толку теоріями, и отъ этого въ головѣ у нея, разумѣется, такая же чепуха какъ и въ твоей; но въ сердцѣ она осталась честною женщиною, и я не теряю еще надежды, что со временемъ...“ Но Василій не далъ ему договорить. Онъ бросился къ нему на шею и началъ его обнимать.

— „Вася! Отстань! Пусти! Задушишь, чортъ тебя побери.“ кричалъ Николай, пыхтя и стараясь высвободиться... „Пусти! Ты не знаешь еще... я тебѣ разскажу... я былъ у Касимова...“

Они просидѣли до свѣту и кончили тѣмъ, что Василій во всемъ уступилъ Николаю, согласился на все, только съ однимъ

условіемъ: чтобы завтра же пойти вмѣстѣ къ Лидіи и сдѣлать ей предложеніе.

Василій долго еще не могъ уснуть; его сильно тревожилъ страхъ: ну а что, какъ она разсердится и откажетъ?.. Но опасеніе его не сбылось. Его возлюбленная была правда очень удивлена, однакожъ не разсердилась и безъ всякихъ обиняковъ дала согласіе... Черезъ недѣлю ихъ обвѣнчали въ Знаменской церкви. Свадьба была самая скромная; кромѣ Марьи Петровны, да лицъ прямо участвующихъ въ обрядѣ, да небольшой кучки случайныхъ зрителей, въ церкви не было никого. Шаферомъ молодого былъ Николай Григорьичъ, а молодой Сергѣй Никанорычъ; посаженною матерью Нина Павловна, посаженымъ отцомъ Рыбниковъ. Послѣ вѣнца, всѣ отправились на квартиру Василья Григорьевича, которую трудно было узнать,—такъ онъ ее разукрасилъ по этому случаю. Вечеръ былъ проведенъ очень весело, и гости сидѣли до часу ночи. За ужиномъ Марья Петровна передала Василью Григорьевичу небольшой пакетъ, шепнувъ, чтобъ онъ распечаталъ послѣ. Василій Григорьичъ понять не могъ, что это такое могло бы быть, и оставшись одинъ, съ нетерпѣніемъ разорвалъ обертку. Изъ нея выпала небольшая записка и какой то разорванный документъ. Разсматривая этотъ послѣдній, Василій Григорьичъ съ неописаннымъ удивленіемъ узналъ закладную, которую онъ въ прошедшемъ году далъ Касимову въ обезпеченіе сдѣланнаго займа. Записка была отъ Дмитрія Петровича.

„Двадцать пять тысячъ, которые ты у меня занялъ, я дарю „сыну и надѣюсь, что это маленькое имущество сбережено будетъ „до его совершеннолѣтія съ той скрупулезною добросовѣстностью, „какая свойственна всей породѣ Бубновыхъ.

„Твой

„Дмитрій Касимовъ.

— „Лидія!“—закричалъ Василій Григорьичъ,—„посмотри!“ Лидія была сильно удивлена, ея мужъ тоже... Первая мысль Бубнова была ѣхать сейчасъ же къ Касимову и объявить, что сынъ Лидіи теперь его сынъ, и что онъ не нуждается ни въ какихъ подаркахъ; но посовѣтовавшись съ женой, онъ бросилъ это намѣреніе. Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ онъ,—къ чему обижать

человѣка напрасно; да и какое право имѣетъ онъ отнимать у малютки то, что стало теперь его законною собственностію? — Не лучше ли обезпечить за нимъ эти деньги? — На другой же день утромъ онъ убѣжалъ куда то и, воротясь, принесъ Лидіи форменную сохранную росписку, за подписью двухъ свидѣтелей. Она помѣчена была заднимъ числомъ и гласила, что такой-то, Василій Бубновъ, принялъ на сохраненіе отъ Лидіи Алексѣевны Руленой денегъ, принадлежащихъ ея сыну Дмитрію, 25 т. рублей серебряною монетою, чеканки такого то года и проч...

Такимъ образомъ всѣ отношенія его къ Касимову развязаны были мирнымъ образомъ, и онъ уже болѣе не сомнѣвался на счетъ цѣли тѣхъ посѣщеній, изъ-за которыхъ вышла вся ссора. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ видѣлся съ нимъ, и они помирились.

— „Ну что-жъ, теперь можно къ Лидіи?“ шутя спросилъ Дмитрій Петровичъ.

Бубновъ покраснѣлъ и замялся.

— „Нѣтъ, — знаешь“... отвѣчалъ онъ, „ты лучше... того... погоди... Оно пустяки, разумѣется; а все-таки, знаешь... на первое время...“

— „Да ну, ну, не приду, не бойся!.. Я такъ пошутилъ“, перебилъ тотъ, смѣясь. — „Ну, а съ журналомъ какъ?“ спросилъ онъ минуту спустя.

Василій Григорьичъ махнулъ рукой.

— „Богъ съ нимъ, совсѣмъ!“ отвѣчалъ онъ. „Сбылъ на руки Иверскому; пусть его дѣлаетъ что угодно... я ничего и знать не хочу...“

Въ началѣ сентября мѣсяца Бубновы уѣхали изъ Петербурга въ свою деревню. Положено было, не останавливаясь ни на минуту въ Зѣвскѣ, махнуть прямо въ Засядкино, гдѣ, благодаря неусыпнымъ стараніямъ Лизаветы Ивановны, все приготовлено уже было къ этому времени; но это не удалось. Ихъ караулили въ Зѣвскѣ: литературная слава Василья Григорьича успѣла давно дойти до его земляковъ, сердца которыхъ проникнуты были справедливою гордостью при мысли о томъ, какъ *ихніе* отличаются въ Петербургѣ. Журналъ Бубнова выписывали въ большомъ числѣ экземпляровъ, которые жадно расхватывались и зачитывались въ лоскутья.

Вслѣдствіе этого, съ первымъ извѣстіемъ о пріѣздѣ издателя, положено было встрѣтить его торжественно и задать ему, что называется, *овацію*. Затѣя сохранена была въ строгой тайнѣ, и потому Бубновы не имѣли никакой возможности избѣжать разставленной западни.

Не успѣли они подъѣхать къ городской станціи и выслать свою подорожную, какъ глядь, на деревянномъ крылечкѣ станціоннаго дома появились два господина во фракахъ съ торжественно-улыбающимися физіономіями. Это были двое изъ старыхъ пріятелей и ближайшихъ сосѣдей Бубнова, избранные Зѣвскимъ обществомъ для поздравленія знаменитаго ихъ земляка съ пріѣздомъ и для передачи ему формальнаго приглашенія на обѣдъ, который имѣлъ быть завтра же, въ домѣ дворянскаго клуба... Одинъ изъ нихъ замахалъ руками, другой закричалъ: „Лошадей нѣтъ! . и не будетъ до пятницы!.. Не отпрягать!.. Вези прямо ко мнѣ!..

Бубновы не вдругъ догадались въ чемъ дѣло; а когда оно разъяснилось, то было ужъ поздно... Пришлось прогостить въ Зѣвскѣ два дня и выдержать званый обѣдъ съ оркестромъ, тостами, спичами, тушами и т. д. Какъ ни конфузно все это было для скромности экс-издателя и редактора *Дѣла*, но онъ не ударилъ въ грязь лицомъ... Глубоко тронутый общимъ сочувствіемъ своихъ земляковъ, за девятымъ бокаломъ шампанскаго онъ всталъ и сказалъ имъ спичъ.

— „Господа„ произнесъ онъ. „Если бывъ когда нибудь въ мірѣ человѣкъ награжденный свыше заслугъ, то, безъ сомнѣнія, это я?..“ (Громкіе крики: нѣтъ! напротивъ! нисколько! перебили оратора на минуту, послѣ чего онъ раскланялся и продолжалъ такъ): „Господа! Всякій властенъ, конечно, думать что ему угодно о моихъ литературныхъ подвигахъ; но никто не можетъ знать лучше меня, какъ ничтожны были они и до какой степени я обязанъ успѣхомъ *Дѣла* многочисленнымъ и даровитымъ сотрудникамъ, принимавшимъ въ немъ дѣятельное участіе. Самаго даровитаго и неутомимаго изъ нихъ, того, который одинъ на могучихъ плечахъ выносилъ, можно сказать, всю тяжесть сложныхъ обязанностей, лежащихъ на представителѣ большого журнала, къ сожалѣнію, съ нами нѣтъ... Господа! Я пью за здоровье моего отсутствующаго товарища и помощника Сергѣя Никаноровича Иверскаго!..“

Всѣ встали; единодушное и могущественное *ура*! потрясло стѣны зданія... Почтмейстеръ махнулъ рукой... Оказалось, что онъ предлагаетъ отправить немедленно телеграфическую депешу въ редакцію *Дѣла*, къ Сергѣю Никаноровичу, съ извѣстіемъ, что за его здоровье пьетъ тостъ все Зѣвское общество... Депеша написана и отправлена въ ту же минуту, покуда громкіе взрывы рукоплесканій заглушали оратора...

— „Господа!“ продолжалъ онъ. „Я васъ искренно и горячо благодарю за этотъ лестный для меня знакъ вниманія. Особенно благодарю васъ, добрѣйшій Платонъ Кузмичъ... (онъ протянулъ черезъ столъ руку почтмейстеру, у котораго слезы выступили на глазахъ отъ чрезмѣрной сладости)... Но если я горько жалѣю, что въ эту торжественную минуту со мною нѣтъ всѣхъ, которые мнѣ помогали въ изданіи *Дѣла*, то я все-таки былъ на столько счастливъ, что одного изъ моихъ сотрудниковъ и самаго дорогого для сердца я привезъ къ вамъ сюда... Господа!.. это моя жена, Лидія Алексѣвна!..“

Страшный ревъ заглушилъ его... Послышались крики: Трудъ женщинъ! Эмансипація! Браво! Уррра!.. Лидія встала съ яркопылающими щеками и раскланялась на всѣ стороны.

Послѣ того, Василій Григорьичъ, оставивъ личныя чувства свои на время въ сторону, просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ о цѣли изданія, о направленіи *Дѣла* и проч.... Онъ говорилъ съ полъ-часа и съ большимъ эфектомъ... говорилъ о прогрессѣ, крестьянской реформѣ и положеніи, о женскомъ трудѣ, о свободномъ трудѣ и наемномъ трудѣ, объ ассоціаціи, общинѣ, о народныхъ школахъ, воскресныхъ въ особенности, и о славной роли, какую играла литература во всѣхъ этихъ важныхъ вопросахъ... Къ сожалѣнію, эта интересная часть его рѣчи была такъ часто и такъ безразсудно перебиваема рукоплесканіями, что никто изъ присутствующихъ не успѣлъ ничего разслушать путемъ. Послѣднее обстоятельство впрочемъ имѣло свою хорошую сторону, потому что издатель *Дѣла* вернулся къ себѣ на родину, зараженный по горло такими идеями, которыя, если бъ ему удалось высказать ихъ на обѣдѣ хоть сколько нибудь понятно и связно, могли бы сильно вооружить противъ него огромное большинство его слушателей. Но судьба, всегда пекущаяся о беззащитныхъ и кроткихъ сердцемъ,

спасла его отъ скандала. Онъ миновалъ всѣ подводные камни и достигъ благополучно до пристани. Конецъ его рѣчи былъ заглушонъ неистовымъ взрывомъ восторга. Оркестръ игралъ тушъ; рукоплесканіямъ, возгласамъ, тостамъ, казалось, конца не будетъ.

Такимъ образомъ встрѣтили въ Зѣвскѣ Василья Григорьича, и подробности этой встрѣчи напечатаны были въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, въ параграфѣ частной корреспонденціи, начинавшемся такъ: *„Намъ пишутъ изъ Зѣвска“*, и проч. и проч... Съ этой минуты, литературная слава Бубнова была упрочена... Находились, конечно, завистники и въ Петербургѣ, и въ Зѣвскѣ, которые позволяли себѣ сомнѣваться въ ея дѣйствительности, порицая при этомъ, какъ водится, и частную жизнь литератора... Говорили о немъ, напримѣръ, что деньги, употребленные имъ на изданіе, онъ получилъ отъ какого-то золотопромышленника или откупщика, въ видѣ вознагражденія за то, что женился на старой его любовницѣ, и что будто бы за него другіе работали, а онъ самъ не только что не писалъ, но не способенъ и написать ничего; наконецъ, что проживъ цѣлый годъ въ тѣснѣйшей связи съ передовыми людьми нашего времени, онъ въ корнѣ души и въ сущности убѣжденій былъ и есть человѣкъ *отсталый*... Но все это злорѣчіе не выдерживаетъ ни малѣйшей повѣрки. Мы знаемъ, что это былъ за откупщикъ и въ какихъ отношеніяхъ находился къ нему Бубновъ. А что касается до женитьбы его, то объ этомъ можно, пожалуй, что хочешь думать, но есть одинъ несомнѣнный фактъ, о который всякая клевета должна сокрушиться. Это тотъ фактъ, что зѣвскія дамы извѣстны своею строгою разборчивостью въ дѣлѣ приличія, и что если бы съ этой стороны въ женѣ Бубнова была какая *фальшь*, то ее не преминули бы отыскать и обнаружить, и тогда никакая литературная слава не купила бы ихъ расположенья. Ходили, конечно, слухи, которымъ иные вѣрили, ожидая увидѣть какую-то стриженую, нахальную бабу въ мужскихъ штанахъ, съ короткими юбками, или даже совсѣмъ безъ оныхъ... фи! какой ужасъ! и проч.... Но все это оказалось вздоръ, пустыя фантазіи, и достаточно было одного появленія Лидіи Алексѣевны, чтобы разсѣять ихъ совершенно... Ее увидѣли и не нашли въ ней рѣшительно ничего, не только безнравственнаго, но даже и неприличнаго... Дама, какъ дама: такъ себѣ, молода, недурна,

волосы носитъ гладко причесанные, но такія же длинные, какъ и всѣ, и кринолинъ, и юбки длинныя, и обращеніе *комильфо*... Чего еще болѣе?.. Ее обласкали и полюбили...

Столь же несправедливы и злыя попытки набросить сомнѣніе на литературную способность Бубнова... Ничего самъ не дѣлалъ, говорятъ, другіе работали за него?.. Помилуйте, да чтобъ выбрать этихъ другихъ и сгруппировать ихъ вокругъ себя и связать въ одно цѣлое, развѣ на это не нужно способностей?.. Самъ ничего не писалъ?.. И то вздоръ. Что онъ былъ способенъ писать, то лучшее этому доказательство двадцать листовъ его дневника, которые не были до сихъ поръ напечатаны, разумѣется, но это ужъ не его вина! А что онъ не писалъ для журнала, такъ что жъ изъ того? Не писалъ потому, что въ томъ нужды не было, а вовсе не потому, чтобы не могъ... Наконецъ, говорятъ—*отсталый*!.. Оно легко говорить и говорится часто, а если по правдѣ сказать, то вѣдь кто же изъ насъ не отсталъ, господа?.. Вы, что ли, милостивый государь?.. А ну-ка, попробуйте, подберите фалды и махните впередъ... посмотримъ, какъ вы скоро бѣгаете?.. Или, можетъ быть, вы не любите метафорическихъ выраженій?.. Въ такомъ случаѣ сядьте и напишите статейку о какомъ нибудь современномъ вопросѣ... и если вамъ черезъ мѣсяцъ не докажутъ, какъ дважды два, что вы отстали, тогда нечего дѣлать, согласимся, пожалуй, и мы, что Василій Григорьичъ Бубновъ—человѣкъ *отсталый*.

Николай Ахшарумовъ.

10-M 3113.

PG 3451 .A45 .M8 C.1
Mudrenoe dielo
Stanford University Libraries
3 6105 035 663 983

PG
3451
.A45.M8

	DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305